

Б. НИКОЛАЕВСКИЙ

История
одного
предателя

Б. НИКОЛАЕВСКИЙ • ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЯ

Обложка работы Вагрича Бахчаняна

Cover design by Vagrigh Bakhchanyan

Б. НИКОЛАЕВСКИЙ

**И С Т О Р И Я
О Д Н О Г О
П Р Е Д А Т Е Л Я**

**Т Е Р Р О Р И С Т Ы
И
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
П О Л И Ц И Я**

RUSSICA PUBLISHERS, INC.

New York • 1980

NIKOLAEVSKII, Boris Ivanovich

ISTORIIA ODNOGO PREDATELIA (The Story of a Traitor).

Library of Congress Catalog Card Number: 80-53079

ISBN: 0-89830-026-6

RUSSICA PUBLISHERS, INC.

799 Broadway

New York, N. Y. 10003

ОТ АВТОРА.

Провокация, как метод борьбы с революционным движением в странах без политических свобод или со свободами весьма ограниченными, не принадлежит к числу особенностей специально русской истории. Италия эпохи австрийского владычества, Франция времен Луи-Филиппа и Наполеона III, даже Пруссия в царствование Фридриха-Вильгельма IV знали применение провокации в значительно более широких размерах, чем современная им Россия. Весьма широко применялась она в разных странах и в отдельные другие периоды. Но в то время, как повсюду в этих других странах она применялась именно только отдельными периодами, а потому не могла создать прочной традиции, — в России непрерывная и все более ожесточавшаяся борьба правительства в течении целого столетия против нараставшего революционного движения привела к тому, что провокация сложилась здесь в стройную законченную систему, над «научной» разработкой которой бились «лучшие головы» полицейского сыска. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно Россия дала миру и тот конкретный пример провокации, которому суждено войти в историю в качестве классического примера провокации вообще.

Таким примером бесспорно является история Азефа. Человек, свыше 15 лет состоявший на службе в качестве тайного полицейского агента для борьбы с революционным движением и в то же время в

течении свыше пяти лет бывший главою террористической организации, — самой крупной и по своим размерам, и по размаху ее деятельности, какую только знает мировая история; человек, предавший в руки полиции многие и многие сотни революционеров и в то же время организовавший ряд террористических актов, успешное проведение которых остановило на себе внимание всего мира; организатор убийств министра внутренних дел Плеве, вел. кн. Сергея Александровича и ряда других представителей власти; организатор покушения против царя, — покушения, которое не было выполнено отнюдь не по недостатку «добротого» желанья у его главного организатора, — Азеф является по истине еще непревзойденным примером того, до чего может довести последовательное применение провокации, как системы.

Действуя в двух мирах, — в мире тайной политической полиции, с одной стороны, и в мире революционной террористической организации, с другой, — Азеф никогда не сливал себя целиком ни с одним из них, а все время преследовал свои собственные цели и соответственно с этим предавал то революционеров полиции, то полицию революционерам. В обоих этих мирах его деятельность оставила заметный след. Азеф, конечно, не покрывал своей тенью всей деятельности ни Боевой Организации партии социалистов-революционеров, бессменным руководителем которой он так долго состоял, ни политической полиции, главной надеждой которой для борьбы с указанной организацией его так долго считали. Особенно в истории Боевой Организации важно уметь отделить саму эту организацию, ее действительные задачи и всех остальных ее деятелей от личности того, кого они считали своим вождем. И тем не менее роль Азефа в обоих этих мирах была настолько значительна, что не поняв ее, не проследив ее во всех ее деталях, историк не сможет понять многого в истории первой русской революции, — революции 1905 и последующих годов.

Именно это делает биографию Азефа интересной в глазах историка, — как бы отрицательно он не относился к Азефу, как типу. Дать такую биографию на основе по возможности точно проверенных данных, нарисовать исторически верную картину его деятельности в обоих указанных мирах, — в мире революционном и в мире полицейском, — и является задачей настоящей книги.

При составлении ее автор, кроме обширной печатной литературы, особенно широко разросшейся в течение после-революционных лет, имел возможность в той или иной мере использовать многие неизвестные еще в печати материалы, как документального, так и мемуарного характера. Из числа первых прежде всего необходимо указать на архивные дела об Азефе:

Дела Департамента Полиции по сношениям с Азефом за время с 1893 по 1902 г. г.

Дела того же департамента Полиции от 1909-10 г. г. по подготовке материалов для правительственного ответа в Госуд. Думе на запросы об Азефе.

Дело судебного следователя, производившего дознание по делу Лопухина.

Дело того следователя Чрезвычайной Следственной Комиссии, созданной Временным Правительством в 1917 г., который производил специальное следствие об Азефе.

Все эти документы, исключительно важные для истории деятельности Азефа, в литературе до сих пор почти совершенно не использованы (ссылки на них имеются только в статье М. А. Алданова). Автору настоящей книги они были доступны в копиях, снятых в свое время проф. В. К. Агафоновым, — историком деятельности русской полиции за границей. За сообщение этих копий, без которых было бы совершенно невозможно освещение ряда затронутых в книге моментов, — я приношу мою глубокую благодарность В. К. Агафонову и С. Г. Сватикову.

Из неизвестных в печати материалов мемуарного характера мною в той или иной мере использованы устные или письменные сообщения целого ряда лиц, по тем или иным причинам входивших в соприкосновение с Азефом, — а именно А. А. Аргунова, В. Л. Бурцева, Р. Д. и В. А. Бузгольца, инж. Зауера, В. М. Зензинова, Ф. Курского-Блюмина, Е. Е. Лазарева, В. И. Лебедева, быв. московского раввина Мазе, И. И. Мейснера, П. Н. Милюкова, О. С. Минора, С. П. Постникова, В. В. Сухомлина, В. М. Чернова и мн. др.

Особняком среди материалов этой группы необходимо поставить сообщения А. В. Герасимова, быв. начальника Охранного Отделения в Петербурге в 1905—09 г. г. и полицейского руководителя Азефа за время с апреля 1906 г. по момент его разоблачения. Он не только представил мне возможность ознакомиться с рядом глав его неизданных воспоминаний, но и в многократных устных беседах никогда не отказывался давать справки по тем вопросам, которые вставали в процессе проработки материалов. Именно эти сообщения легли в основу всех тех разделов книги, которые говорят об отношениях Азефа с полицией в 1906—08 г. г.

Для последнего периода жизни Азефа, — после его разоблачения, — я имел возможность пользоваться документами, которые сохранились у г-жи N: письмами к ней Азефа и ее письмами к последнему, ее письмами к матери, тетрадями с тюремными заметками Азефа и пр. (более подробно эти материалы мною использованы в особой брошюре: «Конец Азефа»). Кроме того из другого источника я получил возможность ознакомиться с частью того архива Азефа, который он захватил с собою при бегстве из Парижа в январе 1909 г.

Поскольку существовала возможность, свидетельские показания, — источник, как известно, всегда крайне субъективный, — подверглись взаимному контролю. Но для ряда случаев такого рода контроль

по самому характеру этих материалов был невозможен, — в виду отсутствия других лиц, посвященных в те или иные стороны деятельности Азефа. Во всяком случае все такого рода сообщения в книге приведены с указанием на источник. Едва ли нужно оговаривать, что такого рода указания всегда относятся только к фактической стороне сообщения: ответственность за оценки и выводы, конечно, лежит целиком на авторе книги.

Всем лицам, оказавшим мне любезное содействие в работе, я приношу мою глубокую благодарность.

При составлении книги автор принужден был иметь в виду главным образом не русскую читательскую аудиторию. Это не могло не отразиться на характере изложения. В частности, все даты в книге даны по *новому стилю*, — это необходимо иметь в виду при чтении.

Берлин, 15-го октября 1931 г.

ГЛАВА I

Разговор в поезде

Восточный экспресс едва успел отойти от кельнского вокзала, как в купэ, где сидел бывший директор Департамента Полиции А. А. Лопухин, вошел неожиданный гость, — В. Л. Бурцев.

Они уже были знакомы друг с другом: в качестве редактора исторического журнала «Былое», выходившего в Петербурге в 1906—07 г. г., Бурцев несколько раз обращался к Лопухину с предложением написать для этого журнала свои воспоминания. Лопухин эти предложения отклонял, так как не хотел становиться на путь разоблачения тех секретов, которые ему были известны по его прежней службе.

А Бурцева теперь интересовали именно эти разоблачения. Он был пионером в деле изучения истории русского революционного движения, начав работу в этой области тогда, когда она еще не привлекала почти ничьего внимания. Но историей он и раньше интересовался не для нея самой, не для чистой науки. Революционер и публицист в нем всегда преобладал над историком-исследователем, и к изучению прошлого он всегда подходил с желанием прежде всего извлечь из этого прошлого полезные уроки для политической борьбы текущего дня. В период после революции 1905 г. он сосредоточил свое внима-

ние на раскрытии секретов русской политической полиции, и в особенности на разоблачении тех агентов последней, которые проникают в ряды революционных организаций для того, чтобы предавать тайны последних. В целях получения нужных материалов, он завязал ряд знакомств с полицейскими чиновниками и через них получил много ценных и важных сведений, среди которых наибольшее значение имело указание на существование предателя в самом центре партии социалистов-революционеров. Фамилия этого предателя ему не была названа, — его информаторы сами ее не знали, — но было известно, что предатель стоит очень близко к Боевой Организации партии, выдал целый ряд террористических предприятий последней и в полицейских кругах известен под псевдонимом «Раскин». Целый ряд мелких деталей, сообщенных Бурцеву, мог служить руководящей нитью при поисках. Бурцев принялся за них, — и неожиданно для самого себя пришел к выводу, что таковым предателем является никто иной, как главный руководитель Боевой Организации и давнишний член Центрального Комитета партии социалистов-революционеров Е. Ф. Азеф.

С этого момента Бурцев начал борьбу за разоблачение Азефа.

Эта борьба была нелегка. Все деятели центральных учреждений партии и в особенности все руководители Боевой Организации, в течении ряда лет работавшие рука об руку с Азефом, не хотели и слушать доводов Бурцева. Они лучше других знали роль Азефа в жизни этих организаций; знали, как много Азеф при желании мог бы выдать полиции, но что им выдано не было. И Бурцев, с его доказательствами, в значительной своей части почерпнутыми из полицейских источников, казался им смешным и вредным маньяком, которого использует полиция для внесения разложения в революционную среду путем дискредитирования виднейшего и опаснейшего для нее террориста. Бурцева пытались уговаривать,

советывали прекратить начатую компанию; ему делали предупреждения, почти грозили. Ничто не помогало. С упорством фанатика, убежденного в своей правоте, он был готов идти до конца, — хотя бы один против всех.

Тогда его привлекли к суду. Вопрос стоял в высшей степени остро: если его осудят, он будет морально дискредитирован на всю жизнь. Это будет хуже, чем смерть физическая. Впрочем, и смерть физическая не замедлила бы последовать за смертью моральной: Бурцев для себя решил не прежить последней. А возможность такого осуждения была вполне реальной. В подобных делах документальных доказательств почти никогда не удается получить. Все строится на косвенных уликах. Но при том доверии, какое питали к Азефу его коллеги по партии, косвенным уликам веры никто давать не хотел. И Бурцев метался в поисках за новыми, более вескими, более убедительными доказательствами измены Азефа.

Эти доказательства и должен был дать Лопухин, который по своему прежнему служебному положению не мог не быть совершенно точно осведомлен о роли Азефа. Вся задача состояла в том, чтобы вовлечь его в разговор и заставить говорить правду.

Встреча в поезде была Бурцевым заранее подготовлена, — но ей был придан характер неожиданной. Беседа началась, — как и раньше в Петербурге, — с нейтральных историко-литературных тем. В это время Бурцев перенес издание своего исторического журнала в Париж и предполагал теперь вполне свободно писать обо всем, касаться чего в Петербурге не позволяла цензура. Он был полон планов и надежд, — и много говорил о них Лопухину. А от этих общих тем только естественным вышел переход к тому, что сейчас специально интересовало Бурцева, — к теме об Азефе. Перечисляя материал, который находится в портфеле редакции, он сообщил, что в ближайшей книжке будут напечатаны разоблачения относительно деятельности одного весьма важного аген-

та полиции, который был руководителем Боевой Организации социалистов-революционеров. «Лопухин, — вспоминает Бурцев, — сначала как будто не обратил внимания на эти мои слова... Но я почувствовал, что он насторожился, ушел в себя, точно стал ждать с моей стороны нескромных вопросов».

Он был прав: «нескромные» вопросы не замедлили последовать. Бурцев поставил вопрос прямо.

— Позвольте мне, Алексей Александрович, — обратился он с просьбой, — рассказать вам все, что я знаю об этом агенте-provокаторе, об его деятельности, как среди революционеров, так и среди охранников. Я приведу доказательства его двойной роли. Я назову его охранные клички в революционной среде и его настоящую фамилию. Я знаю о нем все. Я долго и упорно работал над его разоблачением и могу с уверенностью сказать: я с ним уже покончил. Он окончательно разоблачен мною. Мне остается только сломить упорство его товарищей, но это дело короткого времени.»

Лопухин отозвался очень сдержанно, но не без любопытства:

— Пожалуйста, Владимир Львович, — я вас слушаю.

И Бурцев начал свой рассказ.

Он не называл настоящей фамилии Азефа, — а только тот псевдоним последнего, под которым он был известен в полицейском мире: «Раскин». Но Лопухин с первых же слов понял, о ком шла речь. В одной своей части рассказ Бурцева скрещивался с тем, что Лопухин знал по своей прежней службе, — и последнего поразила точность собранных Бурцевым данных. «Больше всего, — рассказывал он позднее судебному следователю, — меня поразило то, что Бурцев знает об условных на официальном полицейском языке кличках Азефа, как агента, о месте его свиданий в Петербурге с чинами политической полиции... Все это было совершенно верно.» И эта точность одной части рассказа Бурцева, которую Лопухин мог прокон-

тролировать, неизбежно должна была внушать Лопухину полное доверие к другой, к той, в которой Бурцев говорил о таинственном «Раскине», как его видели революционеры; о роли последнего в революционном лагере, — в Центральном Комитете и в Боевой Организации.

Лопухин был уже не молод, — ему было около 45 лет. На своем веку он успел многое повидать, еще большее слышал, и ему, наверное, казалось, что уже ничто не сможет его поразить. Но то, что теперь рассказывал Бурцев, поражало — и бредило старые большие раны. Бурцев и не подозревал, какое значение его рассказ получал в том освещении, которые ему давала память его слушателя!

Перед Лопухиным вставала вся его жизнь, — все честолюбивые надежды прошлого и вся горечь обид настоящего.

Он был старшим сыном в старинной дворянской семье, — одной из наиболее старых коренных русских фамилий: Лопухины свой род вели от полулегендарного касожского князя Редеди; фамилию Лопухиных носила царица Евдокия, жена Петра Великого, — последняя русская царица из коренной русской семьи. Как и все такие семьи, Лопухины не могли похвастаться особенными богатствами. Но и к «оскудевшим» их причислить было трудно: А. А. Лопухин получил по наследству свыше 1000 десятин в Орловской и Смоленской губ. Не принадлежали к «оскудевшим» Лопухины и по способностям, по уму, по воле к житейской борьбе. Все они были наделены большой долей честолюбия, — в особенности Алексей Александрович. В 22 года окончив московский университет, он с 1886 г. был зачислен на службу по ведомству министерства юстиции и затем быстро зашагал вверх по служебной лестнице.

По своим университетским и личным связям Лопухин был близок к умеренно-либеральным кругам родовитой дворянской молодежи, симпатизировал их политической программе, с рядом из них был лично

друзен (особенно с проф. кн. С. Н. Трубецким). Но эти либеральные симпатии отнюдь не мешали Лопухину свою карьеру делать главным образом на политических делах, наблюдать за производством которых ему приходилось в качестве представителя прокурорского надзора. Впервые на эту работу он был назначен в Москве, в середине 1890-х гг., причем на него было возложено дело контроля действий московского Охранного Отделения. Обычно между начальством последних и прокуратурой шла между-ведомственная борьба: прокуратура в той или иной степени противодействовала попыткам Охранных Отделений расширить пределы своих прав. На этот раз начальник московского Охранного Отделения, знаменитый Зубатов, о котором речь еще будет впереди, пошел иным путем. Вместо скрытой оппозиции и попыток не допустить его к ознакомлению с методами работы политического сыска, Лопухин встретил со стороны Зубатова полную готовность посвятить его во все тайны работы Отделения, в методы борьбы с революционными организациями, и т. д. В то время Зубатов носился с планами создания легальных рабочих организаций под контролем полиции и ему удавалось привлекать на сторону этих своих планов профессоров и других общественных деятелей. Тем легче привлек он на свою сторону и молодого прокурора-карьериста. Лопухин ознакомился даже с делом постановки секретной агентуры, — по некоторым сведениям, он побывал и на конспиративных квартирах, на которых происходили свидания Зубатова с секретными сотрудниками, — и стал горячим поклонником Зубатова.

Подобный полицейский уклон интересов молодого либерального прокурора predetermined его дальнейшую карьеру. Поворотным пунктом в ней был май 1902 г. В это время Лопухин был уже прокурором харьковской судебной палаты. Только что назначенный новый министр внутренних дел В. К. Плеве приехал в Харьков для того, чтобы на месте ознакомиться с размерами и характером незадолго перед тем про-

шедшей по югу России волны крестьянских волнений: тогда они были еще новостью, — первыми провозвестниками идущей бури аграрной революции. С Лопухиным Плеве встречался и раньше, — у общих знакомых в Петербурге. В Харькове Плеве просил Лопухина сделать ему доклад о причинах крестьянских волнений, настаивая на том, чтобы тот вполне откровенно высказал свое мнение. «Мое мнение, — рассказывал позднее об этой беседе Лопухин, — сводилось к тому, что пережитые Полтавской и Харьковской губерниями погромы помещичьих усадеб нельзя было рассматривать, как явления случайные, что они представляются естественными результатами общих условий русской жизни: невежества крестьянского населения, страшного его обнищания, индифферентизма властей к духовным и материальным его интересам и, наконец, назойливой опеки администрации над народом, поставленной в замен охраны его интересов законом». Плеве, по рассказу Лопухина, согласился с этими мыслями и сообщил, что он и сам признает необходимость реформ, вплоть до введения в России суррогата конституции, — в форме привлечения представителей общественных организаций в состав Государственного Совета. Только эти реформы, по мнению Плеве, могли спасти Россию от революции, опасность которой ему казалась надвинувшейся вплотную. Лопухин не рассказывает о другой части своих бесед с Плеве, — той, в которой речь шла о борьбе с революцией путем репрессий. Такой борьбе Плеве и Лопухин придавали первостепенное значение. Лопухин наметил целый план работ в этом направлении, — в духе политики Зубатова, — и нашел в Плеве горячего сторонника этой программы. Именно поэтому результатом бесед было предложение Лопухину поста директора Департамента Полиции: он должен был во всероссийском масштабе руководить теми опытами, которые до сих пор Зубатов проделывал только в Москве.

Для Лопухина в этом предложении многое было весьма заманчивым: в 38 лет он становился руково-

дителем одного из важнейших в империи учреждений и вплотную подходил к самым вершинам правительственной власти. С точки зрения карьеры перед Лопухиным открывались, казалось, самые заманчивые перспективы: из директоров Департамента Полиции прямой путь вел к посту министра внутренних дел. И молодой либеральный прокурор, в поведении которого честолюбие играло определяющую роль, принял предложение перейти из ведомства юстиции в ведомство полиции.

В действительности все вышло совсем иным. О далеко идущих реформах по серьезному вопросу вообще не вставал. Правда, по свидетельству Лопухина, Плеве вытребовал из архивов все те проекты преобразования Государственного Совета, целый ряд которых был составлен в царствование Александра II, но последствий это никаких не имело. Плеве рассказывал Лопухину, что он ставил вопрос о соответствующих реформах перед царем, но наткнулся на решительное сопротивление. Можно даже сомневаться, делал ли он это в действительности: никаких сообщений об этом в архивах до сих пор не найдено, а по своему существу подобная реформа настолько противоречила бы всему курсу политики Плеве, всем его тогдашним заявлениям, что возможность ее кажется больше, чем сомнительной.

Ничего не вышло и из других задуманных реформ, — даже из реформы полиции: проект последней был разработан Лопухиным, но, меланхолично прибавляет последний, «как и все тогдашние проекты Плеве, дальше его кабинета не пошел».

Чем труднее подвигалось дело реформ, тем большее значение приобретали чисто полицейские вопросы. Здесь Плеве был, как у себя дома, — и программа Лопухина была осуществлена полностью. Весь руководящий персонал Департамента Полиции был радикально обновлен и Департамент был окончательно превращен во «всероссийскую охранку». Непосредствен-

ным руководителем всего розыска был назначен Зубатов. Основная ставка была сделана на развитие секретной агентуры внутри революционных организаций. Для этой цели не скупилась перед затратами. В течении каких нибудь 2—2½ лет был истощен весь запасный капитал Департамента, доходивший до 5 мил. рублей и накопленный в течении больше чем десятилетия сравнительного затишья в стране.

Главный надзор за всем делом находился в руках Лопухина, который с любопытством неопита сам входил во все детали. Хорошего сыщика из него не вышло: он все же был слишком по-аристократически брезглив для подобной грязной работы. Но в то же время он был в достаточной мере карьеристом, чтобы запачкать себя в той грязи, которая его окружала. Либерал, сам мечтавший о конституции, он руководил разгромами либеральных земств и подписывал доклады о высылке в Сибирь ряда умеренных либералов, виновных только в подобных же мечтах о конституции. Культурный, европейски образованный человек, он поставил свою подпись под той антисемитской кампанией, которую вел в его время Департамент Полиции. Если даже не доверять рассказам о том, будто он считал антиеврейские погромы, «полезным кровопусканием»*, — то во всяком случае несомненным остается один факт: в личном объяснении с представителем союза писателей Н. Ф. Анненским по поводу погрома в Кишеневе Лопухин взял под свою защиту идейного вдохновителя этого погрома, черносотенного писателя Крушевана, назвав его одним из немногих русских писателей, которые «не подкуплены евреями».

*) В свое время в прессу проник рассказ, будто подобный отзыв о погроме 1903 г. в Кишиневе был сделан Лопухиным в разговоре с жанд. генералом Новицким, причем делались ссылки на устные рассказы последнего; теперь воспоминания Новицкого опубликованы; в них соответствующего места не имеется, но зато содержится категорическое утверждение, что Лопухин о предстоящем в Кишиневе погроме был заблаговременно предупрежден — и не принял никаких мер для его предотвращения.

Только в интимных письмах к своему другу, С. Н. Трубецкому, Лопухин позволял себе высказывать либеральные мысли, — после смерти Плеве он, глава всей полиции империи, не без удивления узнал, что за этой его перепиской велось самое тщательное полицейское наблюдение, доклады о результатах которого сообщали непосредственно министру... Открыто же Лопухин солидаризировался со всем, что делал Плеве, выступая старательным и послушным исполнителем наиболее реакционных распоряжений последнего. Плеве знал, что делал, когда брал молодого либерального карьериста в свои ближайшие помощники: у подобных людей интересы карьеры всегда берут верх над всеми иными соображениями.

Свой штампель Лопухин поставил и на работе Департамента по насаждению провокации, — работе, которая особенно пышным цветом начала распускаться именно в эти годы. В частности именно он во многом содействовал карьере Азефа, хотя уже в то время понимал, что работа последнего переходит грань допустимого даже с точки зрения весьма растяжимой полицейской морали. Именно он, с прямого одобрения Плеве, еще осенью 1902 г. разрешил Азефу войти в Боевую Организацию.

Конечно, при этом и он, и Плеве, были уверены, что они будут держать в своих руках Азефа, — а через него и всю Боевую Организацию. И вот теперь, через шесть лет, на перегоне между Кельном и Берлином, из рассказа Бурцева Лопухин узнавал, каковы были действительные результаты их старого решения: указанный их агент, — этот «Раскин» рассказа Бурцева, — не просто вошел в состав этой Организации, — после ареста Гершуни он стал ее главным руководителем и подготовил все ее выступления; в частности он непосредственно руководил организацией убийства Плеве...

Смерть последнего была первым жестоким ударом для служебной карьеры Лопухина: Плеве был его главной опорой, главным покровителем. В конечном

итоге с момента смерти Плеве на всех честолюбивых планах Лопухина был поставлен крест. Если бы Плеве остался жить, все могло бы пойти по иному... И вот теперь выяснялось, что эта смерть была подготовлена никем иным, как его, Лопухина, агентом, — тем, на вступление кого в ряды террористов и Плеве и он, Лопухин, дали свое согласие. Неужели все это было правдой?

До сих пор Лопухин спокойно слушал рассказ своего собеседника, — хотя и было заметно, что интерес его постепенно возрастает. Худощавый, подвижный, типичный русский «нигилист» старого времени и по одежде, и по замашкам, Бурцев сильно волновался. Он жестикулировал, привскакивал на вагонном диванчике, сам перебивал себя, повторялся, вновь и вновь возвращаясь к тем эпизодам, которые ему казались наиболее значительными, — и все время с жадным вопросом в глазах смотрел на Лопухина, стараясь уловить оттенки его настроений. Но это лицо ни о чем, кроме растущего интереса к рассказу, не говорило. Человек, умевший хорошо владеть собою, и к тому же большой барин, Лопухин сидел, не проронив ни одного слова, почти не двигаясь, и только испытующе всматривался в собеседника своими немного раскосыми, — старая примесь монгольской крови! — глазами. Но когда Бурцев дошел до рассказа об убийстве Плеве, хладнокровие изменило Лопухину. «С крайним изумлением, как о чем то совершенно недопустимом, — вспоминает Бурцев, — он спросил меня:

— «И вы уверены, что этот агент знал о приготовлениях к убийству Плеве?»»

Не только знал, — отвечал Бурцев, — но и был главным организатором этого убийства. И подробно со всеми деталями, стал рассказывать закулисную историю подготовки этого убийства.

В этом рассказе все было точно, ясно, полно таких деталей, которые внушили доверие, — и все же мысль с трудом мирилась с тем, что воспринимали уши.

После смерти Плеве для Лопухина наступили тяжелые времена. Новый министр внутренних дел кн. Святополк-Мирский к нему относился очень хорошо, но этот министр сам был непрочен на своем посту, против него велись подкопы со стороны придворной реакционной партии, причем большую роль в нападениях играли указания на недочеты в деятельности Департамента Полиции. Закулисную интригу плел Рачковский, — видный деятель полицейского сыска, имевший влиятельные связи при царском дворе. За два года перед тем Плеве грубо выбросил его со службы, презрев все его прежние заслуги, — и Лопухин тогда со своей стороны посыпал солью свежую рану. При жизни Плеве Рачковский был бессилен, — хотя и вел различные подкопы. Теперь пришла его очередь платить за старые обиды. Технику полицейского дела Рачковский знал лучше Лопухина, — и его удары попадали метко, били больно. Исход борьбы был решен убийством вел. кн. Сергея Александровича, — дяди и влиятельнейшего советника царя. После получения телеграмм об этом убийстве в Департамент примчался петербургский генерал-губернатор Трепов, — тогдашний фаворит царя, находившийся в то время под влиянием Рачковского. Без доклада ворвался он в кабинет директора и бросив в лицо растерянному Лопухину всего одно только слово: «убийца!», также молча удался. В тот же день по докладу Трепова Рачковский был назначен верховным комиссаром над политической полицией Петербурга, а царь, во время ближайшего доклада министра внутренних дел, резко выразил свое недовольство работою Департамента Полиции. Лопухину ничего не оставалось, как уходить в отставку. Все надежды на карьеру разлетались в прах. . .

И вот теперь, из дальнейших рассказов Бурцева, Лопухин узнавал, что и этот последний удар был нанесен ему все тем же «Раскиным»: это он разработал план покушения на вел. кн. Сергея, это он снарядил в путь отряд террористов, это он вложил бомбу в ру-

ки того, кто потом убил... И опять не хотелось верить в правильность рассказа, — но не верить было нельзя: указания были точны, ссылки на живых людей внушали доверие.

Бурцев продолжал свой рассказ, перейдя к позднейшим периодам деятельности таинственного «Раскина». Последний вскоре изменил свое поведение, и с этого момента как-будто бы злой рок навис над всеми предприятиями Боевой Организации. Ни одно покушение не стало больше удаваться. Даже наиболее тонко задуманные планы, даже наиболее хорошо законспирированные группы проваливались, людей арестовывали или они были вынуждаемы бежать, не доведя до конца начатых дел.

Все это менее интересовало Лопухина. Симпатий к революционерам он не питал. В свое время он сам без всяких колебаний их и в тюрьмы сажал, и на казнь посылал. Ведь и «Раскину» он именно для того деньги платил, чтобы тот выдавал революционеров, и если бы этот «Раскин» в свое время «честно» ему, Лопухину, служил, то рассказы Бурцева никакого возмущения в Лопухине не вызвали бы. Но теперь, когда он узнал, что этот «Раскин» обманывал и предавал не одних только революционеров, но и тех, кто ему за предательство деньги платил, обманутый «Раскиным» Лопухин начинал почти сочувствовать даже преданным «Раскиным» революционерам. Он всегда не любил этого «Раскина»: не мог преодолеть барского чувства брезгливости, — пережитка той эпохи, когда складывалась поговорка о том, что «предателям платят, но их не уважают». Теперь к брезгливости прибавлялось раздражение обманутого человека. Как можно было дать так глупо себя обмануть? И кому? Человеку, которого презирал, которому никогда по настоящему не верил, относительно которого всегда знал, что он способен на предательство из-за денег. Вспоминалось, что и раньше целый ряд моментов в поведении «Раскина» наводил на сомнения, заставлял думать, что он говорит не все, что знает. Особенно ясно это было видно

из некоторых его докладов от зимы 1904—05 гг., из которых следовало, что «Раскин» играл в партии значительно более крупную роль, чем он это обычно признавал. Ведь и тогда Лопухину приходила мысль, не следует ли вызвать «Раскина» для объяснений? Не будет ли правильнее положить конец той игре, которая начата по требованию Плеве? Решимости поднять это дело тогда не нашлось: при всех своих недостатках «Раскин» все же был очень полезен, расход на уплату ему жалования с полицейской точки зрения во всяком случае покрывался с лихвой... И несмотря на все свои сомнения, несмотря на понимание опасности игры, Лопухин тогда старательно закрывал глаза на поведение своего сотрудника.

А теперь, в дополнение ко всему, вставал и еще один вопрос: на свой ли только риск действовал «Раскин», ведя такую смелую игру? Лопухин помнил отзывы о «Раскине» хорошо его знавшего Зубатова: последний всегда подчеркивал, что «Раскин» человек в высшей степени осторожный, почти трусливый. Разве мог этот трус самостоятельно вести столь смелую игру? Не скрывался ли за его спиной кто-то значительно более сильный и влиятельный, преследовавший свои далеко идущие цели, в руках которого «Раскин» был только пешкой?

Чем больше Лопухин думал над этим вопросом, тем определеннее он склонялся к положительному ответу.

За годы своего пребывания на посту директора Департамента Полиции он имел возможность заглянуть в наиболее прикровенные тайники той кухни взаимных интриг и подсиживаний, которая скрывается в непосредственной близости от самых вершин правительственной власти, — и знал, что во время ведущейся там ожесточенной борьбы люди способны не останавливаться буквально ни перед чем. Это была не простая догадка, не произвольное предположение. Лопухин *знал* факты, которые подтверждали эту его оценку. К нему самому никто иной, как председатель коми-

тата министров Российской Империи, С. Ю. Витте, — тогда еще не «граф», — обращался с предложением, в возможность которого Лопухин никогда бы не поверил, если бы не слышал его непосредственно из уст самого Витте. Этот последний перед тем только что потерпел жестокое поражение в своей борьбе против Плеве, и был раздражен против царя, который, по своей обычной манере, в последний момент предал его, нарушив все прежние обещания. Ряд обстоятельств давал Витте основание предполагать, что Лопухин будет на его стороне, и в интимной беседе с ним, глаз на глаз, Витте развил план ничего иного, как цареубийства, совершаемого Департаментом Полиции через посредство революционных организаций: Витте доказывал, что Лопухин, как директор Департамента и руководитель полицейского сыска во всей Империи, имеющий в своем распоряжении полицейских агентов, входящих в состав террористических групп, может через этих агентов внушить революционерам мысль о необходимости цареубийства, и при этом так повести полицейское наблюдение, что покушение приведет к успешному результату. Все останется совершенно скрытым, — надо только действовать умно и осторожно. Когда же Николай перестанет существовать, на трон взойдет его брат, Михаил, который целиком находится под влиянием Витте. Власть последнего станет огромной, — и услуга Лопухина, конечно, будет щедро вознаграждена*.

Лопухин не рискнул вступить на тот путь, на который его звал Витте. Но теперь, когда он слушал рассказы о террористических покушениях, организованных агентов полиции, он не мог не вспомнить про

*) Об этой беседе с Витте Лопухин рассказал в своем «Отрывке из воспоминаний» (Москва, Гос. Изд. 1923 г.) Так как борьбу против Плеве Витте вел, опираясь, между прочим, на поддержку ближайшего помощника Лопухина и непосредственного руководителя всех агентов Департамента, С. В. Зубатова, — то вполне закономерен вопрос: не явился ли разговор Витте с Лопухиным продолжением разговоров на эту тему между Витте и Зубатовым?

свою старую беседу с Витте: не имеет ли он дело со случаем применения тех средств борьбы за власть, которые в свое время ему рекомендовал Витте? Не пользовался ли «Раскиным» кто-то другой, делая свою карьеру теми средствами, на применение которых в свое время у него, Лопухина, не хватило ни дерзости, ни беззастенчивости?

Чем больше Лопухин думал над этим вопросом, тем правдоподобнее казалась ему эта догадка. Он начинал даже думать, что угадывает и тайного вдохновителя «Раскина»: им мог быть, по мнению Лопухина, только один Рачковский.

Этого последнего Лопухин знал, как человека, способного буквально на все. Разве не он организовал «анархистский» взрыв храма в Льеже? Лопухин имел в своих руках документальные тому доказательства: показания непосредственного организатора взрыва, — агента Рачковского, некоего Яголковского, который откровенно рассказал обо всем этом предприятии прокурору петербургской судебной палаты, после того как, арестованный в Бельгии, он был выдан русским властям. Знал Лопухин и о том, что Рачковский был связан тайными нитями с Витте: у Лопухина имелись доказательства того, что кража у проф. Циона, — противника финансовых мероприятий Витте, — пакета, с неприятными для Витте документами, была организована по просьбе последнего именно Рачковским. Рачковский и сам был зол и на Плеве, и на Лопухина, и покушения, организованные «Раскиным», несомненно принесли ему пользу; они расчистили ему путь для возвращения ко власти в Департаменте Полиции. Взглянув на вещи под этим углом, Лопухин находил объяснение и перемене в поведении «Раскина»: организуемые последним террористические предприятия перестали приводить к успешным результатам немедленно после того, как Лопухин был убран из Департамента, и к руководству полицейским розыском был привлечен Рачковский. Организовывать удачные покушения во вред самому се-

бе последний, конечно, не мог хотеть. Эта же догадка давала, наконец, объяснение и привязанности Витте к Рачковскому, которая выявилась зимой 1905—1906 гг. и причины которой для Лопухина до этого времени были не вполне ясны. В этот период, когда Витте вновь пришел ко власти, Лопухин сделал попытку свести свои старые счеты с Рачковским. Через своих бывших сослуживцев по Департаменту он получил данные об организации Рачковским и его ближайшими подручными в помещении Департамента Полиции тайной типографии, в которой они печатали прокламации с призывами к антиеврейским погромам. Собранный материал был убийственен: он доказывал, что черносотенные погромы конца 1905 г. были непосредственно организованы Департаментом. Лопухин довел этот материал до сведения Витте. Сомневаться в точности представленных ему данных Витте не мог; на удалении Рачковского настаивал целый ряд членов кабинета министров; политически Рачковский для Витте был вреден, — и тем не менее Рачковский остался на своем посту.

Все это вместе взятое складывалось в цельную картину, — и Лопухин едва ли не до конца своей жизни был уверен в том, что «Раскин» действовал под руководством Рачковского. В таких условиях разоблачение «Раскина» в представлении Лопухина начинало сливаться с разоблачением Рачковского, — с разоблачением всей той клики темных дельцов, с которыми был связан последний. Лопухин был достаточно умен, чтобы понимать, что ему лично это разоблачение теперь уже не поможет. Все пути к продолжению бюрократической карьеры ему уже были отрезаны. Но моральное удовлетворение разоблачением ему дало бы: оно подводило итог всей его долгой борьбе против Рачковского.

Тем временем Бурцев заканчивал свой рассказ. Точного представления о действительных причинах поведения «Раскина» у него еще не было. Но он от-

четливо понимал, что оно преступно, — с какой бы точки зрения к нему не подойти, — и употреблял все усилия, чтобы преодолеть колебания Лопухина, — чтобы внушить ему сознание необходимости помочь делу разоблачения. Он говорил, что этот «Раскин» еще и теперь продолжает вести свою двойную игру, одной рукой организуя покушения, другой — предавая действующих под его руководством террористов. Совсем недавно, как узнал Бурцев вполне достоверительно из совершенно надежного источника, — «Раскин» организовал покушение на самого царя. Если это покушение и не состоится, — то во всяком случае по причинам, ничего общего с «доброй волей» «Раскина» не имеющим. Нет никакого сомнения, что эту свою двойную игру «Раскин» будет вести и дальше, если только он не будет разоблачен, — и Бурцев говорил, что все будущие жертвы террора, все последующие казни выданных «Раскиным» террористов лягут на его, Лопухина, совесть, если он теперь прикроет своего бывшего агента и не скажет всей о нем правды.

«Вы, будучи директором Департамента, — кончал Бурцев, — не могли не знать этого провокатора. Как видите, я его теперь окончательно разоблачил, и я еще раз хочу попросить вас, Алексей Александрович, позволить мне сказать вам, кто скрывается под псевдонимом «Раскина»? Вам останется только сказать, прав я или нет!»

Только теперь Лопухин решился:

— «Никакого «Раскина» я не знаю, — заявил он, — но инженера Евно Азефа я видел несколько раз».

Так впервые за время этой длинной беседы было названо это имя. . .

«Конечно, — вспоминает Бурцев, — для меня менее, чем когда-либо, эта фамилия была новостью. Более года она буквально ежеминутно была у меня в голове. Но то, что я ее услышал из уст Лопухина, меня поразило, как громовой удар. . .» Заявление Ло-

пухина действительно имело решающее значение для дела: именно оно разоблачило Азефа...

Разговор продолжался еще долго, — до самого Берлина. Теперь говорил больше Лопухин. Сделав первый шаг, он начал делиться и своими соображениями о действительных мотивах поведения Азефа. Именно он во время этой беседы первый выдвинул и обстоятельно мотивировал теорию о Рачковском, как закулисном вдохновителе Азефа в дни убийства Плеве и вел. кн. Сергея. Это объяснение наложило свой прочный след на всю позднейшую литературу об Азефе, — но оно ни в коей мере не соответствует действительности. Действительные мотивы поведения Азефа были совсем иные и выяснению их версия Лопухина ни в какой мере не помогала. И только теперь, — спустя почти четверть века после той беседы между Кельном и Берлином, — когда нам стали доступны почти все документы секретных архивов и еще многие другие важные материалы, явилась возможность дать правильные ответы на все вопросы, которые встают в связи с делом Азефа...

ГЛАВА II

На заре «туманной юности» . . .

Евно Азеф родился в 1869 г. в местечке Лысково, Гродненской губернии, в семье очень бедного портного Фишеля Азефа. Семья была большая: три сына и четыре дочери. Евно был вторым. Жить было тяжело: нищета кругом была отчаянная, к каждому куску тянулось слишком много ртов. Кто мог, стремился вырваться из той «черты оседлости», которая тогда была установлена правительством для евреев. Когда молодому Азефу было пять лет, в погоне за лучшей жизнью выбрался из «черты» и его отец. Семья поселилась в Ростове на Дону, — в те годы быстро разросшемся торгово-промышленном центре Юго-Востока России. В богатый хлебом и углем район отовсюду стекались предприимчивые люди: съезжались купцы, налаживались предприятия, тысячами подходили рабочие. Капиталы создавались быстро и легко, — надо было только уметь быть оборотистым и беззастенчивым в выборе путей и средств. Азеф-отец был сделан, повидимому, из неподходящего теста. Правда, он тоже занялся торговлей, — завел лавку с красным товаром, — но капиталов не нажил. «Люди вообще бедные», — давала местная полиция справку о семье Азефов почти через два десятилетия после их переселения в Ростов. Но во всяком случае на одного из сыновей, — на Евно Азефа, — эта ростов-

ская атмосфера погони за легкой и скорой наживой наложила свою неизгладимую печать. Любовь к деньгам и беззастенчивость в выборе средств для получения их стали ему присущи с ранних лет.

С трудом, выбиваясь из последних сил, Азеф-отец давал своим детям возможность учиться: сыновей он провел через гимназию, которую Евно окончил около 1890 г. На дальнейшее средств не было. Несколько лет Евно Азеф перебивался мелкими заработками, перепробовав ряд профессий: давал уроки, был репортером маленькой местной газетки, — «Донская Пчела», — служил писцом в какой то конторе; наконец пристроился по коммерческой части: стал мелким коммивояжером. Конечно, все это не могло удовлетворять, — тем более, что о существовании иной, лучшей жизни молодой Азеф знал не только по долетавшему до него шуму большого города: еще из гимназии он начал вести знакомства с революционно настроенною молодежью и посещал кружки.

В начале 1892 г. на него пало подозрение в распространении одной революционной прокламации. На очереди стоял вопрос об его аресте. Он, повидимому, догадывался об этом: ряд знакомых уже был арестован. Похоже, что угроза ареста была последним толчком, заставившим его уехать за границу, куда его и без того тянула жажда ученья, без которого, как он видел, невозможно было выбиться к лучшей жизни. Препятствием было отсутствие денег, но Азеф перешагнул через него: щепетильностью в отношении к чужим деньгам он никогда не отличался, — мелочами это сказывалось еще в годы гимназии. Теперь он только сделал шаг к более крупному: в качестве комиссионера он взял у какого то мариупольского купца партию масла для продажи, выручил за нее 800 рублей и уехал с ними весною 1892 г. в Германию, в Карлсруэ, где поступил в политехникум.

В Карлсруэ уже тогда существовала небольшая колония русской учащейся молодежи. — Среди них был ряд знакомых Азефа по Ростову. Азеф вошел

в их среду. Поселился на одной квартире, со студентом-ростовцем Козиным, — на четвертом этаже в доме № 30 по Вердерштрассе. Вошел в русский социал-демократический кружок. Старательно изучал электротехнику. Но очень скоро встал вопрос материальный. 800 рублей по тем временам были большими деньгами, но на долго их хватить не могло, — тем более, что, по некоторым указаниям, они не все остались в руках Азефа. Возможность заработка была не велика. На помощь от родных надеяться не приходилось. Азеф бедствовал, производя на встречных впечатление человека «буквально терпящего голод и холод». Долго так существовать он не мог, — и он еще раз с большой легкостью «перешагнул» через еще одно препятствие морального порядка: начал поторговывать теми секретами о революционной деятельности своих товарищей, которые ему были известны. Секреты эти были невелики, но ведь времена тогда были вообще глухие, крупных революционных событий совсем не было, и Азеф не без основания надеялся, что сообщаемые им мелочи заинтересуют полицию.

4 апреля 1893 г. он написал свое первое письмо в Департамент Полиции. Это письмо носило характер предварительного прощупывания почвы. «Сим имею честь заявить Вашему Высокопревосходительству, — писал он, — что здесь месяца два назад образовался кружок лиц-революционеров, задающихся целью» — и т. д. Далее назывался ряд имен, приводились некоторые факты, которые должны были показать, что автор письма может быть полезен в деле осведомления как о революционных настроениях русского студенчества за границей, так и о пропаганде в Ростове. Никаких конкретных предложений относительно будущего в письме не имелось. Автор просил только в случае, если его сведения окажутся полезными, уведомить его заказным письмом по условному адресу: настоящей своей фамилии он не называл. Процедура приглашения нового агента на службу Департамента, была в то время очень сложной. Письмо Азефа было доло-

жено вице-директору Департамента, от него перешло к заведующему соответствующим делопроизводством. На оригинале письма сохранился ряд пометок: о нем совещались, собирали справки. Только 16 мая собрались ответить. Ответ выдержан в стиле коммерсанта, который не прочь пойти на предлагаемую сделку, но в то же время боится выдать, что она его сильно интересует: «о кружке в Карлсруэ, — писал Департамент, — нам известно (на самом деле о нем почти ничего известно не было) и большого интереса он для нас не представляет; поэтому особенно дорожитья вам не приходится, но все же платить мы готовы, — только прежде всего «назовите себя», так как мы — люди с твердыми принципами и «с неизвестными людьми мы сношений не ведем».

Азеф ответил быстро, и цену запросил совсем «божескую»: за все — про все 50 рублей в месяц, — но имя назвать все еще колебался. У него мелькало опасение, не перехватываются ли его письма революционерами, а потому он боялся, что его секрет будет разоблачен без какой либо реальной для него выгоды.

Но его попытка «темнить» в игре с Департаментом уже потерпела крушение, — и виновен в этом был он сам: по молодости и неопытности Азеф сам дал Департаменту нить для установления его личности. Одновременно с предложением в Департамент, почти аналогичное письмо он послал в жандармское управление родного Ростова, а там установить имя автора не представляло труда: имена ростовцев, живших в Карлсруэ, были известны; число их было весьма ограничено, и выяснить, кому именно принадлежит почерк, которым написано письмо из Карлсруэ, было легче легкого. В результате, к тому времени, когда второе письмо Азефа пришло в Департамент, там имелись соответствующие справки из Ростова и его «самоличность» уже была установлена. Сведения ростовской полиции о личных свойствах Азефа вполне удовлетворяли тем требованиям, которые Департамент предъявлял к своим агентам: «Евно Азеф, — писали

оттуда, — человек неглупый, весьма пронырливый и имеющий обширные связи между проживающей за границей еврейской молодежью, а потому и в качестве агента может приносить существенную пользу и надо ожидать, что, по своему корыстолюбию и современной нужде, он будет очень дорожить своей обязанностью».

Столь высокие нравственные достоинства Азефа заставили Департамент поторопиться с вырешением вопроса о нем. Через несколько дней после получения его второго письма, в спешном порядке, был составлен особый доклад о нем с указанием, что Азеф может принести «значительную пользу» и что цена, им требуемая, совсем не высока. 10 июня 1893 г. на этом докладе товарищем министра внутренних дел была положена резолюция: «согласен».

Жизненный путь Азефа был предначертан . . .

Первое жалование из Департамента Азефом было получено за июнь 1893 г. Оно, конечно, выправило материальное положение Азефа, но пользоваться им приходилось с осторожностью, так как иначе возникли бы подозрения у товарищей, хорошо осведомленных относительно местных возможностей заработка и о материальном положении родных Азефа. Поэтому еще довольно долго Азеф выдерживал линию почти голодающего студента, — и строчил прошение за прошением во все, какие только можно, благотворительные организации, — преимущественно, еврейские, рассказывая о своем тяжелом материальном положении и прося о помощи. Эти прошения он показывал товарищам, — под предлогом необходимости исправлять его плохой немецкий язык. Таким образом создавалась легенда об источниках существования Азефа, — а иногда и добавочный доход в его бюджете. Только много позднее Азеф перестал скрывать, что его материальные дела явно выправились.

Более быстро перемена в «бытии» Азефа вызвала изменение в его политической идеологии. В течении

первых месяцев своего пребывания за границей он высказывался в весьма умеренном духе, выступал противником крайних методов революционной борьбы и в маленьком карлсруйском кружке примыкал к марксистам. Став агентом-осведомителем Департамента, он быстро передвинулся «влево», и уже в 1894—95 гг. приобрел себе репутацию последовательного сторонника террористических методов борьбы. В студенческих кружках, он постепенно создает себе заметное положение. Говорить на собраниях он не любит, — он не «теоретик», а «практик». Но за налаживание различных технических дел берется охотно. Умело расширяет круг знакомств. Совершает ряд поездок в соседние города Германии и Швейцарии, посещает интересные собрания и рефераты. Уже в августе 1893 г. он едет в Цюрих и в качестве посетителя присутствует не только на открыто происходивших собраниях международного социалистического конгресса, но и на собраниях русских учащихся и эмигрантов. В следующем 1894 г. он посещает Берн, где заводит сыгравшее в его карьере чрезвычайно важную роль знакомство с супругами Житловскими, — основателями «Союза русских социалистов-революционеров за границей». Этот Союз был невелик и невлиятелен. Тем старательнее основатели его искали адептов. Азеф верно понял, что это может стать для него не лишенным выгоды, — и примкнул к «Союзу», который позже открыл ему дорогу в ряды основателей партии социалистов-революционеров.

В том же Берне и приблизительно в то же время Азеф свел и другое знакомство, сыгравшее большую роль в его жизни: там он встретился со своей будущей женой, — тогда студенткой бернского университета. Она была искренней и убежденной революционеркой и с большими энергией и самоотверженностью пробивала свою дорогу в жизни. Азеф казался ей человеком, ставящим те же цели и идущим теми же путями, что и она... Об его сношениях с полицией она, конечно, и не подозревала.

Нельзя сказать, что путь Азефа был усеян только розами. Он был человек осторожный и осмотрительный. Тем не менее уже тогда вокруг его имени стали ходить неприятные слухи. К нему и в Ростове далеко не все относились с полным доверием: как человек, он не принадлежал к числу хороших, надежных друзей; любил зло подтрунивать над недостатками, был злопамятен и мстителен. Многие его уже тогда считали человеком, способным на все, — если это ему выгодно. И в самой его внешности многое не располагало к доверию. Некрасивый, рыхлый и грузный, с одутловатым желтым лицом, с большими торчащими ушами, с низким, кверху суженным лбом, с жирными губами и расплюснутым носом, — он многих от себя отталкивал чисто физически, — и это подготавливало почву подозрительного к нему отношения.

Плохо говорить о нем начали уже вскоре после его первых докладов в Департамент. Тогда из Ростова написали в Карлсруэ, что последние аресты там были произведены по сообщениям, полученным жандармами из-за границы. Подозрение пало на Азефа, и коллега последнего по студенческому кружку в Карлсруэ, одесит Петерс (имя его встречается и в докладах Азефа) позднее заявил в печати, что в их кружке после этого случая Азефу определенно не доверяли. Но как это нередко бывало, расследованием слухов никто по серьезному не занялся, обвинение не было оформлено и дальше разговоров в кружке дело не пошло. А потом члены первоначального кружка, хорошо осведомленные о деталях этого инцидента, окончили ученье и разъехались в разные стороны. Приезжавшая молодежь ничего не знала, а потому когда по прошествии нескольких лет один из студентов, некто Коробочкин, откуда то знавший о старых обвинениях, публично назвал Азефа шпионом, то общее сочувствие присутствовавших оказалось на стороне «невинно оскорбленного» Азефа, и Коробочкин, который ничем не мог подтвердить свое обвинение, был исключен из кружка, как клеветник.

К концу своего ученья Азеф имел уже вполне прочное положение в русских студенческих кругах и пользовался общим уважением. В эти годы он — владелец «хорошо подобранной» библиотеки нелегальных изданий, пользоваться которыми он позволял студенческой молодежи за небольшую плату. Ему чаще всего поручалось председательствование на студенческих сходках. По взглядам он — «убежденный» социалист-революционер, сторонник террора, и Бурцев вспоминает, что когда он издал первый номер своего «Народовольца» с призывом к убийству царя, то *единственный* сочувственный отклик, который он получил из читательской среды, было письмо Азефа. От публичных выступлений Азеф уклонялся, — он на всю жизнь хорошо усвоил истину о «молчании-золоте». Тем авторитетнее звучали те немногие слова, которые он находил полезным произносить. Сохранились некоторые письма от тех лет, в которых зафиксированы впечатления молодежи от тогдашних выступлений Азефа: в них о последнем говорят, как о «светлой личности», которая выделяется из студенческой среды своей преданностью революции и своим идеализмом. Говорил он, очевидно, в том же самом духе, в каком писал постоянно письма своей жене: эти письма, как свидетельствует человек, их читавший, «полны... глубокой грусти «народного печальника» и одновременно порывов борца, проникнутого пламенным идеализмом».

Вполне довольно Азефом было и полицейское начальство. Свои доклады туда он слал аккуратно, сообщая целый ряд интересных для полиции сведений о деятельности заграничных революционных кружков и об их сношениях с единомышленниками в России. За этот материал ему платили регулярно по 50 рублей в месяц; так же регулярно к новому году приходили и наградные в размере месячного оклада. В 1899 г. в награду за обилие ценных сообщений оклад был повышен сразу до 100 рублей и кроме наградных к новому году были выданы наградные еще и к Пасхе.

В 1899 г. он получил диплом инженера-электротехника в Дармштадте, — куда он перевелся из Карлсруэ, чтобы лучше изучить свою специальность. Одно время он, повидимому, носился с планом обосноваться за границей, и даже нашел место инженера у фирмы Шуккерта в Нюрнберге. Но его охранное начальство имело на него совсем другие виды: революционная волна быстро нарастала, и на «пронырливых» и «корыстолюбивых» агентов был большой спрос. Азефу предложили поехать в Москву, обещав и содействие в получении места по инженерной специальности, и прибавку жалованья по специальности другой, основной. Уклоняться от такой заманчивой карьеры у Азефа, естественно, не было оснований.

Осенью 1899 г. он выехал в Россию, снабженный самыми лучшими и разнообразными рекомендациями: Житловские тепло рекомендовали его своим друзьям-единомышленникам в Москве, а Департамент Полиции не менее тепло поручил его заботливому вниманию Зубатова, — знаменитого в те годы начальника Охранного Отделения в Москве.

ГЛАВА III

На пути к большому плаванию

В Москве Азеф быстро завязал сношения с руководителями здешнего «Союза социалистов-революционеров», который в то время был одной из самых влиятельных организаций представителей этого течения.

Первая встреча Азефа произошла на вечеринке у писательницы Е. А. Немчиновой. У нее время от времени устраивались такие вечеринки, на которые сходились представители различных оттенков революционной интеллигенции и велись разговоры на различные темы. Как обычно, и на этот раз было шумно и дымно, — от обилия выкуренных папирос. Спор шел о мировоззрении Михайловского, — властителя дум тогдашних народников. Говорили все знакомые люди, — обычные посетители этих вечеринок друг к другу уже успели присмотреться. Тем сильнее всех заинтересовало выступление новичка, — человека толстого, с неинтеллигентным, скуластым лицом, который волнуясь защищал Михайловского от критических нападков со стороны марксистов. В особенности ценной у Михайловского он считал его теорию «борьбы за индивидуальность». «Речь продолжалась довольно долго, — рассказывает свидетель-мемуарист, — и произвела на окружающих впечатление своей искренностью и знанием предмета».

Этим оратором был Азеф.

Через несколько дней после этой вечеринки руководители московского Союза смогли и лично познакомиться с Азефом: он явился на квартиру к основателю и главному руководителю Союза, — к А. А. Аргунову, причем выяснилось, что Азеф является тем самым лицом, о предстоящем приезде которого Аргунов уже получил уведомление из-за границы от Житловского. Так как Азефа, в дополнение ко всему, лично знал другой член Союза, — Чепик, познакомившийся с ним в прошлом году за границей, то вполне естественно, что к Азефу с самого начала отнеслись с полным доверием.

Но, конечно, еще раньше своего визита к руководителям «Союза» Азеф свел знакомство со своим новым начальником по линии политической полиции, — с С. В. Зубатовым. Этот последний был, несомненно, самой крупной фигурой среди тех, кому царское правительство за последние десятилетия своего существования поручало дело борьбы с революционным движением. Большую роль сыграл он в жизни Азефа.

Человек среднего роста и «средней» же, ничем не выделявшейся внешности, с гладкими, зачесанными назад каштановыми волосами, с небольшой бородкой, всегда в дымчатых очках, «типичный русский интеллигент» и по привычкам, и по манерам, Зубатов был чужим человеком в мире «голубых» генералов и статских советников жандармского ведомства. В молодости, в бытность свою учеником одной из московских гимназий, он был связан с революционными кружками середины 1880-х г. г., но очень скоро «образумился» и, войдя в сношения с Охранным Отделением, начал, употребляя его собственное позднейшее выражение, подводить контр-конспирацию под конспирации революционеров, т. е., говоря прямее и проще, стал тайным агентом полиции. По его доносам был произведен ряд арестов. Роль его раскрыта была довольно скоро, — тогда он открыто поступил на службу в Охранное Отделение. В деле полицейского розыска тогда царила полная рутина: малограмотные и мало

интересующиеся своим делом чиновники работали по методам, которые они усвоили от своих предшественников. Способный, быстро схватывающий существо вопросов и быстро ориентирующийся в запутанной обстановке, владеющий пером и даром убеждающей речи, хороший организатор, а главное — человек интересующийся делом полицейского сыска и любящий его, — Зубатов быстро выдвинулся из среды окружавших его бездарностей. Меньше чем через десять лет он стал начальником московского Охранного Отделения, в руках которого было сосредоточено дело политического розыска в доброй половине Империи. Энергично и смело он проводит ряд реформ технического характера: вводит фотографирование всех арестуемых, применяет дактилоскопию, разрабатывает и систематизирует дело наружного наблюдения, впервые в России создавая кадры хороших филеров. Он был тем, кто первый поднял в России технику полицейского сыска до того уровня, который был им достигнут в Западной Европе. Для русской политической полиции эти годы были годами настоящей «охранной реформации».

Но планы Зубатова шли значительно дальше, чем простое «уловление» революционеров. В годы, когда началось массовое рабочее движение, он вопрос о борьбе с революцией поставил, как вопрос политический. Основную опасность для самодержавия, поклонником которого он был, он видел в том, что революционерам удастся привлечь на свою сторону широкие рабочие массы. Поскольку движение стало массовым, победить его одними мерами репрессий ему казалось невозможным. Стратегическая задача правительства в борьбе с революционным движением, по его мнению, должна была состоять в разделении сил противника, — во внесении раскола между революционной интеллигенцией, ставящей политические цели республиканского характера, и рабочими массами, идущими вместе с революционерами только потому, что последние содействуют их борьбе за улучшение

материального положения. Соответственно этой оценке положения проводимая им политика была двусторонняя: с одной стороны, он выступал в качестве сторонника развития законодательства об охране труда, нередко поддерживая рабочих в их конфликтах с предпринимателями, если эти конфликты носили чисто экономический характер, и добивался разрешения рабочим создавать под покровительством полиции легальные общества для защиты своих чисто экономических интересов. И в тоже время, с другой стороны, он был рад наростанию крайних революционных настроений в среде интеллигенции и даже, поскольку мог, содействовал развитию подобных настроений. «Мы вызовем вас на террор, — хвастливо заявлял он в минуты откровенности, — и раздавим». Этот план отличался полным непониманием механики социальных процессов, но он был очень смел, — в этом ему отказать нельзя: честолюбивый и властный, полный далеко идущих планов, Зубатов был крайне самонадеян, любил играть с огнем и очень скоро проиграл в этой игре.

В соответствии с этими задачами Зубатов большое внимание обращал на дело развития своей «внутренней агентуры» в революционных организациях. Эта область полицейской работы была его любимой областью. Позднее, находясь уже на покое, он говорил, что «агентурный вопрос», это — «святая святых» его воспоминаний: «для меня, — заявлял он, — сношения с агентурой — самое радостное и милое воспоминание». Он умел завербовывать подобных «агентов», — умел и руководить ими, охранять от «провалов», научать искусству пролезания на высшие ступени революционной иерархии.

Своим помощникам, — молодым жандармским офицерам и охранным чиновникам, которых он припускал к делу сношения с секретными агентами, — Зубатов внушал такое же отношение к этим последним. «Вы, господа, должны смотреть на сотрудника, как на любимую женщину, с которой находитесь в

тайной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный шаг и вы ее опозорите», — так наставлял Зубатов жандармскую молодежь.

Из всех «любимых женщин» этого своеобразного «возлюбленного» прибывший из-за границы Азеф быстро стал наиболее «любимой». Увы, именно на нем то и пришлось Зубатову убедиться, как рискованно полагаться на «сердце красавицы», — даже если она приписана к Охранному Отделению. Позднее, после разоблачения Азефа, Зубатов в частном письме дал верную его характеристику: «Азеф, — писал он, — был «натура чисто аферическая, ... на все смотрящий с точки зрения выгоды, занимающийся революцией только из-за ее доходности и службой правительству не по убеждениям, а только из-за выгоды». Но это понимание, — как горькое похмелье, — пришло только много позднее. В те же годы, к которым относится рассказ, Зубатов, зная превосходно «корыстолюбие» своего «пронырливого» агента, заботливо наставлял его в тайнах охранной премудрости и бережно проталкивал к самым центрам революционных организаций. Учеником Азеф был весьма способным, и руководимая столь опытным кормчим ладья плыла по течению без толчков и без аварий.

Несомненно не без помощи Зубатова Азеф нашел хорошее место по своей специальности, как инженер, — в московской конторе Всеобщей Электрической Компании. Стал членом «общества вспомоществования лицам интеллигентных профессий», в состав которого тогда входил весь цвет московской интеллигенции. Стал сотрудником журнала этого общества. Завел широкие знакомства и бывал на различных вечеринках, собраниях, банкетах, которые тогда время от времени удавалось устраивать.

В своих докладах Зубатову Азеф подробно рассказывал обо всем, что узнавал интересного из жизни революционного мира. В этих вопросах он был совершенно «беспартийным»: от него Зубатов получил ряд сведений о руководителях тогдашнего московско-

го комитета социал-демократов, о виленской типографии издательской группы «Социал-демократическая Библиотека» и т. д. Но основное его внимание, конечно, обращено на московский «Союз социалистов-революционеров». Этот Союз в то время быстро развивал свою деятельность, и приступил к изданию своего органа, — журнала «Революционная Россия», который вскоре стал Центральным органом всей партии социалистов-революционеров. Типографию устроили в Финляндии, около ст. Тали, в имении одной помещицы, сочувствовавшей взглядам партии. К редактированию органа были привлечены два крупных писателя народнического направления, — В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов. Первый номер напечатан был в январе 1901 г., но помечен он декабрем 1900-го, так как печатание несколько запоздало. За ним вскоре последовал второй. Оба они были довольно широко распространены по России. Интерес к ним среди народнически настроенной интеллигенции возрастал.

Параллельно с этим рос интерес к данной группе и у Зубатова.

Состав Союза теперь он знал, и произвести аресты его главных деятелей ему не представляло труда. Но у него были более далеко идущие планы. Производить аресты отдельных лиц он вообще не любил. Обычно он давал организации время «назреть», подробно выяснял все ее разветвления и затем производил большие аресты, тщательно при этом заботясь о том, чтобы его «агент» при этом не был «провален», а, наоборот, имел бы возможность продвинуться вверх по лестнице революционной иерархии. Лучше оставить на свободе нескольких явных революционеров, чем провалить одного полезного агента, — таков был основной принцип Зубатова во время подобных арестов.

Руководимый Зубатовым Азев в своих сношениях с руководителями Союза держался умно и осторожно. Он объявил себя «сочувствующим» и ни в какой мере не навязывал своего знакомства, никогда ни о чем

не расспрашивал, не проявлял подозрительного любопытства. В общих разговорах он не скрывал, что скептически смотрит на возможность создания крупных организаций и особенно прочной постановки революционной издательской деятельности внутри России: полицейские репрессии, по его мнению, слишком сильны. Гораздо более разумно такого рода издательские предприятия ставить за границей; что он с самого начала советовал и в отношении органа Союза. Он признавал только один метод борьбы, — террор. В то время, как москвичи, будучи террористами в теории, на практике никаких шагов в этом направлении не делали, считая, что это дело будущего, — Азеф все время выставлял себя сторонником немедленного перехода к террористической борьбе. Всякая другая форма революционной деятельности ему казалась «пустяками»: «главное ведь террор!», — заявлял он. И когда весной 1901 г. прозвучал выстрел Карповича, Азеф радостно заявил: «ну, кажется, террор начался!» Выступая с такими заявлениями, Азеф продолжал ту линию, которую он начал еще за границей. Но теперь она была не его только личной линией: за ним, несомненно, стоял Зубатов.

Но расценивая очень невысоко значение всей не-террористической деятельности революционеров, Азеф тем не менее никогда не отказывал в своей помощи, если за нею обращались. Когда, напр., Аргунову понадобился для типографии «тяжелый, но негромоздкий» вал, то Азеф охотно взялся таковой доставить: у него якобы был хороший знакомый, инженер на заводе, который готов вал изготовить. Мало по малу он закрепил за собою свое положение человека осторожного и осмотрительного, но не трусливого, который может быть полезным советником во всех практических вопросах, — и к нему все чаще и чаще стали обращаться за советами. О том, что «тяжелый, но негромоздкий» вал был изготовлен при помощи Охранного Отделения и послужил одной из главных

нитей, по которой было выяснено местонахождение типографии Союза, известно стало только позднее...

Арестовывать типографию в Финляндии Зубатов по ряду соображений не считал удобным. Поэтому решено было «спугнуть» революционеров и заставить их перенести типографию в другое место. За выездившими в Финляндию революционерами началась настойчивая слежка. Сыщики, что говорится, «висели на пятках». Создавалась уверенность, что не сегодня-завтра будет произведен арест, и типографию было решено перенести в другое место. Такое нашлось в Сибири. Брат жены Аргунова, врач Павлов там получил место заведующего переселенческим пунктом в Томске. «Пункт» этот помещался за городом, в уединенном месте, в лесу. Штат служащих был подобран сплошь из революционеров. Более удобного места для типографии, казалось, нельзя было и придумать. С большими предосторожностями и по частям перевезли туда типографию. Чтобы не завести в Томск слежку, пробиравшиеся туда работники предвзительно плутали по всей России. С. Н. Барыков, напр., из Москвы в Томск ехал через Тифлис. Но это не спасло: за ним были отправлены лучшие филеры, которые преследовали его вплоть до Томска. Впрочем, о пребывании там типографии Зубатов узнал и более прямым путем: адрес для особенно конспиративной переписки типографии с Москвою достать попросили Азефа.

В сентябре 1901 г. типография устроилась на новом месте и приступила к работе над третьим номером «Революционной России». Подробно взвесив с Азефом обстановку, Зубатов пришел к выводу, что теперь арест типографии не будет грозить никакими неприятностями для его агента. Для ареста и следствия был послан из Москвы специальный уполномоченный, жандармский офицер А. И. Спиридович. Правда, его приезда не дождались: филеры сообщили из Томска, что, судя по внешним признакам, в типографии новый номер уже печатается и скоро будет

выпущен в свет, а потому Зубатов распорядился произвести ликвидацию немедленно силами томской полиции. Но все расследование провел Спиридович, ловко скрывший от арестованных степень осведомленности властей. На Азефа не пало и тени подозрения. Наоборот, именно в это время его положение в революционной среде особенно упрочилось.

После томского разгрома московские руководители Союза не сомневались, что их очередь придет очень скоро. Боязни за себя не было: к аресту психологически они давно уже были готовы. Мысль была занята одним: надо спасти те остатки организации, которые еще можно было спасти, — надо передать все связи такому человеку, который еще не скомпрометтирован и который поэтому не будет арестован. Таким спасителем оказался Азеф, в эти дни особенно сблизившийся с Аргуновым. «Азеф, — вспоминает последний, — принял горячее участие в нашем горе. Оно стало как бы его горем. В нем произошла перемена. Из пассивного соучастника он превратился в активного члена нашего Союза. Торжественного вступления в Союз не было: сделалось это как то само собою». В начале встречаться приходилось с большими предосторожностями. Аргунов рассказывает про одно свидание в Сандуновских банях: дела обсуждали голыми. Потом встречаться стало легче: когда выяснилось, что своим преемником Аргунов намечает Азефа, Зубатов распорядился снять наблюдение и филеры уже не ходили по пятам. Азеф еще раньше рассказывал Аргунову, что «по своим делам» он в этом году должен будет ехать за границу, — это был план Департамента Полиции, решившего, что за границей Азеф будет более полезен. Теперь эта поездка оказалась как нельзя более своевременной! Азеф предложил Аргунову свои услуги для устройства за границей всех нужных дел. Уговаривал он уехать туда же и Аргунова, но жизнь эмигранта того не прельщала. За то другой член Союза, Мария Селюк, решила последовать совету Азефа. Были приняты

услуги и последнего. «Азефу мы поручили все, как умирающий на смертном одре, — продолжает свой рассказ Аргунов. — Мы рассказали ему все наши пароли, все без исключения связи (литературные и организационные), всех людей, все фамилии и адреса, и отрекомендовали его заочно своим близким. За границей он должен был явиться с полной доверенностью от нас, как представитель Союза, рядом с Селюк. Чувство к нему было товарищеское, пожалуй, даже чувство дружбы. За эти дни несчастья его активное вмешательство сдружило нас».

Успех игры Зубатова был полный. Все связи Союза были в его руках. Он мог произвести по ним ликвидацию групп социалистов-революционеров во всей России. Но это не входило в его планы. Он хотел продолжать игру и продвинуть Азефа к самому центру всероссийской организации. Для этого Азеф должен был ехать за границу и принять участие в переговорах об объединении всех народнических групп России.

Фонды Азефа быстро росли, — одновременно рос и оклад его жалованья: с января 1900 г. он получал по 150 руб., а после томских арестов и в связи с его командировкой за границу оклад был повышен сразу до 500 р. в месяц. Цифра дотеле небывалая.

В конце ноября 1901 г. Азеф выехал вместе с семьей за границу. Незадолго до него выехала и Селюк. Роль ее Охранному Отделению была хорошо известна, но Зубатов ее решил не трогать, так как она могла быть полезной Азефу. Так и случилось в действительности, — и Азеф потом в письмах из заграницы подчеркивал, что этот расчет был очень верен: вместе с Селюк Азефу на первых шагах было легче выступать представителем московского Союза.

С арестом Аргунова полиция временила до отъезда Азефа. Только недели через две после этого он был арестован: после двух с половиной лет тюрьмы он пошел в ссылку, откуда только в 1905 г. ему удалось бежать.

ГЛАВА IV

Основание партии социалистов-революционеров

Самым важным из поручений, которые Аргунов, «как умирающий на смертном одре», дал Азефу, было поручение довести до конца переговоры по объединению разрозненных народнических групп в одну большую «партию социалистов-революционеров». Почва для такого объединения уже была подготовлена и сами переговоры были начаты еще до ареста томской типографии. Изданные Аргуновым два номера «Революционной России» всеми народниками были встречены с большим сочувствием, и внушили доверие к инициаторам переговоров. Принципиальное согласие от крупнейших народнических групп уже имелось. Наиболее трудная часть работы была сделана. На долю ехавшего за границу Азефа падала лишь наиболее легкая и в то же время наиболее выигрышная часть работы: формальное завершение объединения, переговоры с единомышленниками в эмиграции и постановка дальнейшего издания «Революционной России» за границей, — на этот раз уже в качестве органа новой партии.

Кроме представителей московской организации, — Азефа и М. Селюк, — для выполнения этой работы за границу приехал Г. А. Гершун, — в качестве представителя организаций юга и северо-западного края.

Друг с другом они сговорились быстро, и во всех дальнейших переговорах, вести которые им пришлось в Берлине, Берне и Париже, выступали солидарно, как одно целое. В течении каких-нибудь двух месяцев переговоры были доведены до успешного конца. Было достигнуто соглашение по всем вопросам программы и тактики, — в тех пределах, в которых они тогда вставали. Роль общепартийного центра временно (вплоть до съезда) была возложена на саратовскую группу, руководящую роль в которой играли Е. К. Брешковская, Ракитниковы и др. «Революционную Россию» решено было издавать в Швейцарии, причем редакция ее была составлена из М. Р. Гоца и В. М. Чернова.

Руководящее политическое ядро новой партии складывалось из М. Р. Гоца, Г. А. Гершуни и В. М. Чернова. Это были люди различных складов, но они хорошо дополняли друг друга.

В. М. Чернов с самого начала стал главной литературно-теоретической силой молодой партии. Совсем еще молодой (в то время ему не было и тридцати лет), он еще до вступления в редакцию «Революционной России» выдвинулся рядом статей в легальной и нелегальной печати, характерной индивидуальной черточкой которых было стремление подвести новый идеологический фундамент под старое народническое мировоззрение, использовав для этого работу теоретической мысли западно-европейского социализма, — главным образом так называемого ревизионистского лагеря. Эту индивидуальную особенность он внес и в «Революционную Россию», — и пронес через всю эпоху ее существования, наложив ее как слабыми, так и сильными сторонами неизгладимую печать на всю программу партии социалистов-революционеров.

Функции главного организатора-практика молодой партии легли на плечи Г. А. Гершуни. До самого своего ареста в мае 1903 г. он находился в непрерывных разъездах по России, деля эту свою работу с Е. К. Брешковской. Между ними существовало своего

рода разделение труда: по словам Сераф. Клитчоглу, Е. К. Брешковская в то время, «как святой дух революции», носилась по стране, повсюду поднимая революционное настроение молодежи и вербуя прозелитов партии. Гершуни же обычно ездил за нею следом и оформлял поднятое ею движение, организационно закрепляя его за партией социалистов-революционеров.

В свое отношение к старому режиму он вносил и личный элемент: совсем еще юным и политически неустановившимся, он попал в тюрьму, в руки к Зубатову, и на собственном опыте ознакомился с приемами, к которым прибегал последний, чтобы опустошить души противников абсолютизма, чтобы сгибать их волю. Согнулся тогда и Гершуни: он написал для Зубатова «покаяние» в своих «заблуждениях». Ничьих имен он при этом не назвал, никого в руки полиции не предал: все эти документы теперь найдены и опубликованы. Но путь, на который он при этом вступил, конечно, не принадлежал к числу приемлемых с точки зрения последовательного революционера. Гершуни это знал лучше других, — и в его отношении к старому строю вплетался элемент личной ненависти. Именно этот субъективный оттенок сделал Гершуни особо страстным апостолом-пропагандистом возрождения террористической борьбы.

Энтузиаст, весь отдавшийся одной думе, Гершуни обладал необычайною силою личного воздействия на тех, с кем ему приходилось сталкиваться. На взгляд постороннего наблюдателя-скептика в свое поведение он нередко вносил элемент театральности. Достаточно напомнить про жест, который он сделал, когда после ареста в Киеве его заковывали в цепи: он нагнулся и молча поцеловал железо кандалов. Более искусственный, более деланно-театральный жест, кажется, трудно и придумать. И тем не менее он произвел незабываемое впечатление на тех, кто его видел, — а эти видевшие, — тюремщики и жандармы, — по роду своей профессии не принадлежали к разряду людей осо-

бенно впечатлительных: неподдельная внутренняя страсть заставляла забывать о том, что в каждом другом должно было казаться надуманной позой. Естественно, что во много раз более неотразимым было влияние Гершуни на молодежь: во многих ее представителях именно он разбудил будущих террористов.

Менее заметной для внешнего мира, но еще более значительной для судеб молодой партии была роль М. Р. Гоца. В названной руководящей «тройке» он был старшим по возрасту и еще более — по жизненному опыту. Сын московского миллионера, в середине восьмидесятых годов он вошел в революционный кружок, был арестован и сослан в Сибирь, где в 1889 г. принял участие в протесте якутских ссыльных против тех тяжелых условий, которые создавала для ссыльных администрация. Против протестантов были применены суровые меры. Несколько человек было убито, — остальные избиты и преданы суду, который закончился казнью троих и ссылкой на каторжные работы еще 20 человек. М. Р. Гоц был в числе последних. Только в 1899 г. он вышел на свободу и смог вскоре выехать за границу, куда его, помимо всего прочего, толкала необходимость лечиться: во время якутского избиения приклад солдатской винтовки пришелся по становому хребту, результатом чего были никогда не прекращавшиеся загадочные боли. Только в 1904 г. была выяснена их причина: разраставшаяся опухоль давила на спинной мозг, вызывая нестерпимые боли и приведя к параличу конечностей. Устранить опухоль можно было только оперативным путем, причем было известно, что эта операция имеет много шансов стать смертельной. Гоц пошел на нее, — и в 1906 г. умер под ножом хирурга.

Но это относится уже к более позднему времени. В 1901-02 г. г. Гоц, хотя и прихварывавший, был еще полон энергии и сил. Особого литературного таланта у него не было, но писать он умел просто и ясно, четко выделяя свои основные мысли. Читатель его статей всегда знал, чего хочет их автор. Это умение вы-

делять основную мысль Гоц внес и в политически-организационную работу новой партии. Он с самого начала стал ее руководящим политиком и организатором. Этому делу он отдал всю свою неисчерпаемую умственную энергию, и его роль в политическом редактировании была огромна. На ряду с этим он стал центральной фигурой в партии, к которой обращались по всем руководящим делам организационного порядка.

В тесных отношениях с этой руководящей «тройкой» был Азеф, который с самого начала выделился трезвым практицизмом суждений и умением предусматривать все детали намечаемых предприятий. Это особенно сближало его с Гершуни. По свидетельству Чернова, уже в этот период Гершуни был так близок с Азефом, что вместе с ним проявлял и расшифровывал приходившие из России письма с секретными сообщениями о делах организационного характера. Для Азефа эта близость была особенно интересна, так как именно Гершуни был инициатором постановки вопроса о применении террора. Разговоры на эту тему велись в очень узком кругу: кроме указанных четырех человек в них едва ли ктонибудь был посвящен. В принципе возражений против террора не встретилось, но открыто с пропагандой этого метода борьбы выступить было решено только после того, как какаянибудь инициативная группа совершит террористический акт центрального значения. Партия, как было условлено, согласится признать этот акт своим и даст указанной инициативной группе права партийной боевой организации. Гершуни заявлял, что он берет на себя эту задачу и не скрывал, что первый удар, для которого, по его словам, уже имелись добровольцы, будет направлен против министра внутр. дел Сипягина. Почти несомненно, что в этих пределах о готовящемся покушении был осведомлен и Азеф: план в деталях никому не мог быть известен, так как он был во многом сымпровизирован позднее Гершуни на месте.

В департамент полиции за эти месяцы Азеф писал довольно часто и подробно. В его письмах звучали нотки полного удовлетворения лазутчика, пробравшегося в самый центр вражеского стана: «В Берлине и Париже я попал в центр». Особенно подробно доносил он про Гершуни, вполне определенно подчеркивая его руководящую роль во всех заграничных переговорах и в предприятиях новосозданной партии вообще. Когда в конце января 1902 г. Гершуни собирался в Россию для объезда местных групп и осведомления их о состоявшемся объединении, Азеф сообщил Департаменту и точную дату его выезда из Берлина, и намеченный маршрут поездки. Но все эти свои сообщения Азеф сопровождал настоятельной просьбой не арестовывать Гершуни: «братъ его, — писал Азеф, — ни под каким видом не следует пока. Имейте это в виду». «Но из глаз его не упустим», — самодовольно прибавлял Азеф в конце своего донесения. Департамент Полиции таким образом имел полную возможность арестовать Гершуни, но он согласился с доводами Азефа. «Гершуни, — самоуверенно писали из Департамента к Зубатову, — теперь от нас никуда не уйдет, так как стоит непосредственно близко к агентурному источнику и немедленный арест его, оставив нас в темноте, пользы принесет мало, а агентуру может скомпрометтировать». Поэтому решено было дать возможность Гершуни совершить свою, — «очень интересную», как подчеркивал Департамент, — поездку по России, чтобы выяснить, с кем именно он будет встречаться, и иметь возможность произвести позднее массовые аресты повсюду.

План этот был далеко не плох, но расчет был сделан так сказать без хозяина: опытный конспиратор, Гершуни легко заметил слежку и быстро от нее отделался. Никаких его свиданий полиция проследить не смогла, — и за ее излишнюю самонадеянность заплатил головой министр внутренних дел Сипягин.

Немедленно по приезде в Россию Гершуни сосре-

доточил свое внимание на подготовке покушения против этого последнего. Добровольцем, который вызвался на это дело, был молодой киевский студент Ст. В. Балмашев. Непосредственная подготовка к покушению была проведена Гершуни совместно с П. П. Крафтом и М. М. Мельниковым, которые входили в состав саратовского центра партии социалистов-революционеров. По плану Балмашев, если бы ему не удалось стрелять в Сипягина, должен был бы сделать попытку убить обер-прокурора синода К. П. Победоносцева, — одного из вдохновителей крайней реакции в России. Все приготовления велись в Финляндии; отсюда 15 апреля 1902 г. выехал Балмашев, переодетый в форму адъютанта. В последнюю минуту покушение едва не расстроилось: только в вагоне «офицер» заметил, что он забыл в гостиннице такую необходимую часть военного туалета, как сабля. Пришлось по дороге купить новую. К министру он приехал немного ранее назначенного для приемов часа, — с таким расчетом, чтобы встретить его в вестибюле. Расчет был точен: «адъютанта вел. кн. Сергея», — как себя назвал Балмашев, — впустили в приемную, и когда появился министр, несколько удивленный, зачем к нему приехал специальный посланец великого князя, Балмашев вручил ему в запечатанном пакете приговор Боевой Организации и двумя выстрелами из револьвера убил его наповал.

Это было первое выступление Боевой Организации. Балмашев за него заплатил своей жизнью: военный суд приговорил его к смертной казни, которая и была приведена в исполнение. 16 мая он был повешен в Шлиссельбурге.

В течении нескольких дней после покушения Гершуни оставался в Петербурге. Он предполагал за первым ударом нанести второй и третий: во время похорон Сипягина офицер-террорист Григорьев должен был убить Победоносцева, а невеста этого офицера, Юрковская, во время имеющей возникнуть суматохи, должна была совершить покушение на петер-

бургского генерал-губернатора Клейгельса, отличившегося жестокостью расправ со студентами-демонстрантами. Эти покушения расстроились, так как Победоносцев предусмотрительно не поехал на похороны. Только после этого Гершуни благополучно выехал из Петербурга. Полиция на его след напасть не смогла, хотя о пребывании его в столице ей было известно и о причастности его к покушению она догадывалась.

Убийство Сипягина произвело огромное впечатление в стране. Особенный подъем испытывали, естественно, социалисты-революционеры, которые вводили теперь террор в арсенал средств революционной борьбы, — и в первую очередь Гершуни. Об его тогдашних настроениях рассказал С. Слетов, — товарищ Гершуни по партии, в те дни случайно с ним встретившийся на железнодорожной станции: «он бодр и жизнерадостен. Весь дышет первым и крупным успехом. В начале было дело, — цитирует он. Гордиев узел разрублен. Террор доказан. Он начат. Все споры излишни». Начался новый решающий период борьбы, когда надо уметь все поставить на карту, — не считаясь с тем, что это вызовет жесточайшие репрессии. «Пора выступать молодежи. Пусть грешит против конспирации. Время не ждет. Дана команда: все наверх».

Он был прав: убийство Сипягина действительно открывало новую главу в истории борьбы с русским абсолютизмом, — главу о борьбе террористической. Именно с этого момента ведет свое существование Боевая Организация партии социалистов-революционеров. Ресурсы, которыми она в этот момент располагала, были очень и очень не велики: когда Гершуни захотел откликнуться прокламацией на догнавшее его в Киеве известие о казни Балмашева, сделать этого он не смог, так как в Киеве у социалистов-революционеров не было типографии. Пришлось довольствоваться суррогатом: перепечатать на гектографе старое стихотворение поэта-революционера Ленцевича, причем и писать текст, и варить гектографскую массу

пришлось самому руководителю Боевой Организации. Но все эти недочеты организационного порядка с избытком искупались благоприятным настроением, которое царило повсюду. С трудом разбираемые слова плохо отпечатанного стихотворения попадали в исключительно благоприятную аудиторию:

Ночью товарищ погиб, —
Жить ему стало не в мочь.
Труп его свежий зарыт
В ту же зловещую ночь.
.
С другом надежным сойдишь,
Острый клинок отточи,
Нужно не плакать, а мстить, —
Мстить за погибших в ночи.

В желающих «мстить» недостатка не было: на смену каждому павшему подходили десятки, сотни новых добровольцев.

ГЛАВА V

Азеф и боевая организация при Гершуни

Все это время Азеф жил в Берлине, объясняя свое пребывание здесь служебной командировкой от Всеобщей Компании Электричества, которая предполагает дать ему более крупный пост и теперь отправила его в Берлин для усовершенствования по специальности. Это объяснение, конечно, не соответствовало действительности. Командировку в Берлин он имел только от Департамента Полиции, — на берлинских же заводах, как это видно из документов, он работал бесплатно, — для того, чтобы иметь возможность маскировать этой работой действительные причины своего пребывания в Берлине.

С внешней стороны для полиции Азеф в это время работал с большим старанием. Его письма в Департамент полны имен и фактов. Выдерживал он их в стиле человека, целиком сливающего себя с делом розыска. Себя и полицию он часто объединял в одно общее местоимение «мы»: «мой приезд туда много даст нам во всех отношениях», «поездка моя в Париж и Швейцарию была очень полезна для нас». Временами у него прорывалось даже что-то похожее на настроения соревнования с революционерами. Так, сообщая подробности относительно организованного Гершуни транспорта заграничных изданий и давая

указания, как будет лучше этот транспорт арестовать, Азеф прибавляет: «а то уж больно хвалится Гершуни, что замечательный он путь устроил».

Но это — только внешняя сторона. В действительности именно с этого времени он начинает вести двойную игру, утаивая от Департамента целый ряд весьма важных для последнего сведений: сопоставляя его доклады в Департамент, — для этого времени они сохранились полностью, — с тем, что известно об Азефе по рассказам из революционного лагеря, можно совершенно точно установить, что Азеф в этот период систематически скрывал от полиции все, относившееся до боевой деятельности Гершуни. Он, прежде всего, в своих докладах умолчал о том, как ставился вопрос о терроре во время переговоров относительно объединения. Как сказано выше, об этом тогда говорилось подробно, — а В. М. Чернов, единственный из оставшихся живых участников тогдашних совещаний, считает даже, что Азеф не мог не знать и конкретных планов Гершуни, — его намерения направить первый удар против Сипягина. Обо всем этом в докладах Азефа нет и звука.

С еще большей определенностью эта тактика умолчаний выступает после убийства Сипягина. По собственному признанию Азефа, о роли Гершуни в этом деле он узнал от Гоца «уже через несколько дней» после выступления Балмашева. Так как известно, что Гоц был в Берлине и останавливался на квартире Азефа 17-18 апреля 1902 г., то нет никакого сомнения, что признание Азефа относится именно к этим дням. А между тем в течении последующих пяти недель, т. е. в течении всего того времени, пока Гершуни оставался в пределах России, Азеф в своих докладах Департаменту пытался убедить последний в непричастности Гершуни к этому делу: он настаивал, что Гершуни слишком увлечен работой по созданию партии, чтобы пускаться в авантюры с террором и высказывал уверенность, что покушение организовано какой-то самостоятельной террористической группой,

которая не связана с эмиграцией. И только в конце мая, когда Гершуни уже выбрался за границу, Азеф начал осторожно готовить Департамент к своему сообщению о причастности Гершуни к Боевой Организации. Он создает особую версию о том, при каких условиях ему удалось об этом узнать: как он предложил Гоцу 500 руб. на нужды Боевой Организации и как в ответ на это Гоц предложил ему эти деньги передать непосредственно Гершуни, который должен приехать со дня на день. И только затем последовал рассказ о свидании с Гершуни, из которого Азеф, якобы, совершенно точно узнал о роли Гершуни в Боевой Организации.

Один из полицейских мемуаристов, Л. А. Ратаев, в течении ряда лет руководивший полицейской работой Азефа, подводя позднее итоги своим сношениям с последним приходит к выводу, что причиной «измены» Азефа — старого и преданного полицейского агента, — было его знакомство с Гершуни: последний, по мнению Ратаева, обладал способностью увлекать и почти гипнотизировать людей; под такое то его гипнотическое влияние подпал и Азеф. Едва ли это объяснение верно. Из позднейших признаний Азефа мы знаем, что он соглашался предать Гершуни, но только не сошелся относительно платы: обстоятельство, которое невозможно согласовать с версией о гипнотическом влиянии. Дело обстояло проще: в то время на дружбе с Гершуни держалось все положение Азефа в партии. Ему верили остальные потому, что знали о доверии к нему Гершуни. Арест Гершуни легко мог вызвать подозрения против Азефа, — а такие подозрения, если даже не говорить об опасности для жизни, неизбежно влекли за собой потерю исключительно легкого и хорошего заработка. Едва ли можно сомневаться, что именно по этим соображениям Азеф берег тогда Гершуни.

Встречи последнего с Азефом состоялись в первой половине июня в Швейцарии. Гершуни был увлечен успехом и полон самых смелых планов. Он намечал

покушения против нового министра внутренних дел Плеве, харьковского губернатора Оболенского, который только что подавил крестьянские волнения, применив при этом массовые порки, а также против Зубатова. К участию в обсуждении всех этих проектов он привлек Гоца и Азефа. Последнего он вообще настойчиво втягивал в работу Боевой Организации и в частности в работу по устройству в Швейцарии динамитной мастерской. Азеф брался за все эти дела, активно участвовал во всех переговорах... Но положение, в которое он попадал, его явно смущало: он еще не привык к двойной игре. В Департамент он писал: «нам необходимо лично повидаться для переговоров относительно моей дальнейшей практики. Мое положение несколько опасно. Я занял активную роль в партии социалистов-революционеров. Отступить теперь уже невыгодно для дела, но действовать тоже необходимо весьма и весьма осмотрительно».

Из того, что ему стало известным во время разговоров с Гершуни, он о многом сообщил Департаменту: о планах покушений на Плеве и на Зубатова, о переговорах по устройству динамитной мастерской, и т. д. Но сообщил все же далеко не обо всем. Так в его докладах нет ни звука о проекте покушения на Оболенского, — а именно это покушение, как совершенно точно знал Азеф, Гершуни решил выполнить в первую очередь, отправившись из Швейцарии в Харьков и Киев. Далее, рассказав подробно про переговоры с И. И. Мейснером относительно устройства динамитной мастерской, Азеф умолчал, что Мейснер от сделанного ему предложения в конце концов тогда отказался; лиц же, которые взялись за это дело и работой которых Азеф тогда руководил, он в своих докладах совсем не назвал.

Но самым характерным в его докладах являются его сообщения о роли Гершуни. Отрицать причастность последнего к Боевой Организации теперь стало невозможным: об этом знали слишком многие. Азеф теперь ее и не отрицает, но он настойчиво стремится

убедить Департамент, что роль Гершуни в терроре только вспомогательная: он собирает деньги, вербует молодых террористов и пр. Главными же руководителями всех террористических предприятий, по его утверждениям, являются какие то неизвестные ему нелегальные революционеры. Причины такого поведения ясны: Азеф хотел, продолжая беречь Гершуни, как главную свою опору в партии, предавать второстепенных работников Боевой Организации, изображая их перед Департаментом за главных ее руководителей.

Департамент согласился с доводами Азефа о необходимости личного свидания, и в июле 1902 г. Азеф приехал в Петербург. Там в это время произошли большие перемены в руководящем составе Департамента Полиции. Только что назначенный директором Департамента Лопухин при полном одобрении Плеве привлек к руководству делом политического розыска Зубатова и всех его ближайших помощников. Решено было все внимание направить на усиленное развитие секретной агентуры. Азеф, который имел возможность подойти к самому центру Боевой Организации, был желанным гостем. Все его сомнения были рассеяны. Вопрос о нем был доложен самому Плеве, и последний прямо потребовал, чтобы Азеф, совершенно не считаясь ни с какими правилами, существовавшими в Департаменте для секретных агентов, постарался войти в партийный центр и в Боевую Организацию*.

*) Департамент Полиции во всех официальных заявлениях позднее настаивал, что ему совершенно не было известно о причастности Азефа в этот период к Боевой Организации. Между тем в секретной справке, составленной Департаментом в феврале 1909 г., совершенно определенно говорится: «по требованию Плеве и руководивших в Департаменте Азефом лиц, он вошел в центральную организацию и в боевую группу». Эта справка была сохранена Департаментом в строжайшем секрете. В 1917 г. следователь Чрезвычайной Следственной Комиссии Коренев задал вопрос относительно этого места «справки» одному из лиц, причастных к составлению последней, — а именно Климовичу. Последний ответил; «я не могу точно указать, откуда именно почерпнуты включенные

Боевая Организация уже в этот период была учреждением, в организационном отношении вполне автономным. Ее единоличным руководителем был Гершуни, который в меру необходимости прискивал и привлекал к той или иной работе помощников. Методы его работы были элементарно просты. Во время своих разъездов по России, которые он совершал по общепартийным делам, он специальное внимание уделял вербовке людей, которые хотели и по его мнению могли принять участие в террористической борьбе. Их он так сказать «брал на учет», — иногда оставляя на старых местах, иногда заставляя отойти от общепартийной работы, а порою и убеждая выехать для большей безопасности за границу. Ближе всего к работе Боевой Организации в то время стояли П. П. Крафт и М. М. Мельников. Доверенным лицом за границей был М. Р. Гоц.

В полном соответствии с этой организационной слабостью Боевой Организации, все ее выступления носили характер «коротких ударов». Никакой сложной подготовки не велось. Террорист действовал револьвером. В покушении очень многое зависело от импровизации, — блестящий талант которой был присущ Гершуни в полной мере. Зубатов впоследствии совершенно правильно говорил о нем, что он был «художником в деле террора» и часто действовал без предварительно разработанного плана, «по вдохновению».

Такова была действительная роль Гершуни в Боевой Организации, — и о ней Азеф, конечно, был превосходно осведомлен. Но Департаменту он изобразил дело в совершенно ином виде, выдав Мельникова и Крафта за наиболее опасных террористов, а

в справку сведения о требованиях, предъявленных покойным министром Плеве о том, чтобы агентура Департамента проникла и в боевую группу социалистов-революционеров. Полагаю, что это могло быть включено в справку со слов старослужащих Особого Отдела, — в частности Пешкова, которому были известны требования Плеве».

Гершуни за их помощника. Соответственно с этим основное внимание Департамента было сконцентрировано на выяснении личностей и поимке именно Мельникова и Крафта.

Получив разрешение Департамента подойти к центру Боевой Организации, Азеф уговорил Гершуни устроить совещание лиц, наиболее близко прикосновенных к работе последней, — это было первое и единственное совещание этого рода, состоявшееся до ареста Гершуни. Собралось оно в Киеве, в октябре 1902 года. Участие в нем приняли Крафт, Мельников, Азеф и подъехавший с некоторым запозданием Гершуни. Никто из них мемуаров об этом совещании не оставил и никаких подробностей о нем мы поэтому не знаем. Известно лишь, что на нем обсуждался план покушения на Плеве: два всадника-офицера, — Григорьев (тот самый, который должен был совершить покушение на Победоносцева во время похорон Сипягина) и его товарищ Надаров, — должны были напасть на карету министра; один должен был убить лошадей и тем самым остановить карету; другой брал на себя министра. Само собой разумеется осуществления этот план не получил: предупрежденный Азефом, Департамент взял означенных офицеров под бдительное наблюдение.

На киевское совещание Азеф, конечно, поехал не один: его сопровождало несколько опытейших филеров, которым Азеф и «показал» всех участников совещания. Арестов в Киеве никаких произведено не было, но за Мельниковым и Крафтом началось особо тщательное наблюдение и в течении ближайших месяцев они были арестованы. Наблюдение за Гершуни было менее тщательным, аресту его не придавали столь большого значения, — и ему удалось вскоре ускользнуть от следовавших за ним филеров.

Кроме поездки в Киев на совещание, Азеф зимою 1902-03 г. г. совершил ряд других поездок по России, — в Москву, Харьков, Саратов и т. д., всюду приезжая в сопровождении филеров. Результатом его ви-

зитов повсюду бывали аресты. Основной же его базой в этот период был Петербург. Здесь Азеф был представителем «общепартийного центра» и в качестве такового ставил перевозку литературы через Финляндию, сносился с писателями народнического направления, которые доставляли материал для «Революционной России», — с Пешехоновым, Мякотинным, Клеменсом, Иванчиным-Писаревым и др.; собирал данные об образе жизни Плеве и т. д. На его же плечах лежала и вся местная работа, — Пешехонов свидетельствует, что Петербургский комитет социалистов-революционеров тогда вообще состоял из одного только Азефа. В силу этого последнему пришлось заниматься такой мелкой работой, как сношения с молодыми студентами-пропагандистами, желавшими вести пропаганду с.-р. идей в рабочей среде. Эта последняя деятельность в жизни Азефа едва не сыграла роль той «апельсиновой корки», на которых спотыкалось так много «великих людей».

Среди молодежи, свести знакомство с которыми пришлось на этой почве Азефу, был один совсем юный студент, некто Н. Крестьянинов. Представления о революции и революционерах у него были самые наивные, романтические. Революционеров он представлял в виде «изящных молодых людей с бледными, благородными лицами». Судьбе захотелось, чтобы первым революционером, с которым свели этого желторотого романтика, был Азеф. Впечатление было, конечно, очень сильное, — по закону контрастов. Внешность Азефа, как говорит Крестьянинов, ему запомнилась навсегда: «угловатая неинтеллигентного склада голова, с темными подстриженными щетиной волосами, низко набегавшими на узкий лоб, большие выпуклые непроницаемые глаза, медленно скользившие по лицам присутствующих, производили какое то странное, несколько неприятное впечатление... Но от всей грузной, тяжело поместившейся на стуле фигуры, от бронзового, как мне показалось, неподвижного лица веяло силой и хладнокровием...»

Азеф предложил Крестьянину заняться пропагандой среди рабочих, — род деятельности, с которой обычно начинали все революционеры тех лет. Но рабочий кружок, данный им Крестьянину, не принадлежал к числу обычных: он был организован Охранным Отделением из агентов последнего. Это Охранное Отделение, оказывается, находилось в тупике: оно не хотело допустить существования кружков, в которых с его ведома рабочим внушались бы революционные идеи, — но в то же время не могло не оказать помощи Азефу, положение которого в партии было бы поколеблено, если бы ему не удалось наладить хотя бы нескольких рабочих кружков. Исход был найден: кружки составлялись из двух-трех агентов полиции, которые обязаны были всю, получаемую от партийного пропагандиста нелегальную литературу не читая сдавать по начальству. При таком положении, казалось полиции, будут и овцы целы, и волки сыты: пропагандист аккуратно приходил в кружок, читал там свои лекции и передавал разные брошюры; а по окончании лекций «пропагандируемые» агенты являлись по начальству, докладывали, как прошел вечер, и сдавали непрочитанной всю полученную литературу. Уверенность среди пропагандистов, что они ведут партийную работу, создавалась; в письмах за границу Азеф эти свои достижения, конечно, регистрировал, — и в то же время никакого «потрясения основ» не происходило, с точки зрения полиции деятельность пропагандистов была вполне безопасна и потому, поскольку она не выходила за указанные пределы, пропагандистов можно было не трогать.

Все было рассчитано хорошо, но в деле с Крестьяниновым сорвалось: член кружка рабочий-provokator Павлов почувствовал симпатию к новому молодому пропагандисту; «собачья» работа provokatora ему опротивела, — тем более, что «старший сыщик» его чем то обидел; в результате — после первого же посещения Крестьяниновым кружка, Павлов рассказал ему о своей службе в полиции, о действительном ха-

рактере подобных кружков и о своем желании вернуться к «честной жизни». При дальнейших встречах Павлов сообщил ряд таких деталей, которые убедили Крестьянинова в том, что в партии имеется крупный предатель и что этим предателем является никто другой, как Азеф.

— Охранникам о вашей партии все, брат, известно, — говорил Павлов, — у вас есть кто то из главных. Все обсасывает. Ваши думают, что все шитокрыто, а там смеются... Вот, например, я сегодня слышал, что у вас есть склад электрических принадлежностей — Энергия... там вы храните оружие, литературу. Охранное его не арестует, потому что там сидит уже кто то из агентов, значит ваше оружие и литература никуда не убежит.

Склад «Энергия» был организован Азефом вместе с двумя его старыми товарищами по Дармштадту, искренне преданными революции, и был одним из главных опорных пунктов организации социалистов-революционеров в Петербурге.

Подобное открытие могло ошеломить и весьма опытного, бывалого человека; юный же Крестьянинов, естественно, был совершенно раздавлен. Он чувствовал, что безнадежно запутался в сетях, раскинутых провокаторами, что его скоро арестуют, — и в то же время ничего не мог предпринять для разоблачения провокации, так как все, к кому он обращался, относились к его рассказам, как к бреду нервно-больного. Он и на самом деле был в это время болен: его мучили кошмары. Ему все же удалось добиться составления небольшой комиссии для расследования его сообщений. В эту комиссию вошли видные писатели, примыкавшие к партии: Пешехонов, Гуковский. Они выслушали Крестьянинова, который рассказывал, как он сам признает, сбиваясь и путаясь и только потом уже сообразил, что многого важного он вообще не рассказал. Этим сбивчивым рассказом противостояли «немногословные, но совершенно отчетливые» объяснения Азефа. Правда, как это ясно теперь, при

более внимательной проверке эти «отчетливые объяснения» далеко не полностью подтвердились бы, но судьи были мало опытные в подобных вопросах, многое принималось на веру; партийный центр на их запрос дал самый лучший отзыв об Азефе: он стоит «вне всяких подозрений». В результате судьи почувствовали себя почти виноватыми перед «невинно заподозренным» Азефом и как должное принимали упреки, которые к концу «суда» стали вполне определенно звучать в заявлениях Азефа:

«Этому молодому человеку еще простительно ошибаться, но вам, вам, пожилым людям . . .» — укоризненно начинал и не договаривал Азеф.

Азефу удалось выйти из суда полностью реабилитированным, но было ясно, что судьба его висела на волоске.

Приблизительно в это же время опасность провала подошла с другой стороны. Как рассказано выше, Азеф выдал полиции план нападения двух офицеров на Плеве. За этими офицерами в течении почти полгода велась тщательная слежка, но она дала очень мало результатов. 21 февраля 1903 г. их арестовали: на этот день был назначен царский парад, в котором должны были принять участие и эти офицеры, и полиция боялась, как бы они не совершили покушения на царя. На допросах полиция осторожно приоткрыла перед ними краешек завесы над тем, что она знала. Григорьев и его невеста были совершенно раздавлены: полиция оказалась осведомленной о том, что намечалось совсем в небольшом кружке лиц. Уже через два-три дня после ареста они начали давать «откровенные показания», назвав всех, с кем имели сношения. Держать в тайне эти признания Департамент не мог: допросы велись в присутствии представителя прокурорского надзора, и при том показания эти должны были лечь в основу готовившегося процесса Боевой Организации. А в таком случае приходилось производить аресты лиц, в этих показаниях названных. В числе их имелись люди, близко связанные с

Азефом, — например фельдшерица Ремянникова, на квартире которой Азеф часто бывал. Тот факт, что эти аресты, захватывая людей, с которыми Азеф был близко связан, не трогали его самого, неизбежно навлекал на него некоторые подозрения, — и Азеф очень сердился на полицию за это мало бережное к нему отношение.

Была недовольна и последняя: руководители ее, — Зубатов и Лопухин, — уже поняли, что Азеф говорит им далеко не все, что знает, — что он умалчивает, как писал потом Зубатов, «об очень серьезном». Это было сказано даже слишком мягко: Азеф в это время умалчивал перед полицией о самом главном, что тогда последнюю интересовало, — о роли Гершуни в Боевой Организации и о своих с ним сношениях.

Вопрос о последнем приобрел для Департамента исключительно большое значение. Из показаний Григорьева и Юрковской ему впервые стала ясна роль Гершуни. На докладе о следствии по делу Григорьева царь заявил, что «озолотит» того, кто произведет арест Гершуни. Плеве рвал и метал: вызвав к себе Зубатова, он заявил ему, что отныне карточка Гершуни будет стоять у него на столе до того момента, когда его арестуют, — как постоянное напоминание о важности этого дела. Фотографии и приметы Гершуни были разосланы по всем розыскным учреждениям. Был пущен слух, что за его голову дадут премию — пятнадцать тысяч. Поиски велись по всей России, и в целом ряде мест производили аресты лиц, имевших несчастье быть похожими на Гершуни. А последнему все удавалось ускользать.

Естественно, что Зубатов наседали и на Азефа, требуя от последнего помощи в этом деле. Азеф имел полную возможность это сделать. Позднее он признался Бурцеву, что соглашался выдать Гершуни, но требовал за это 50 тыс. рублей, — не меньше: обещание царя «озолотить» того, кто арестует Гершуни, он очевидно, знал и предпочитал, чтобы «озолочен» был он сам, а не его начальство.

Едва ли может быть сомнение, что именно на этой почве развернулся конфликт между Азефом и его патроном — Зубатовым. Последний «открыто выразил Лопухину свои сомнения в допустимости» практикуемой Азефом системы умолчаний. Специально в целях воздействия на Азефа было устроено его свидание с Лопухиным, но и оно не помогло: на претензии Департамента Азеф отвечал контр-претензиями за недостаточно бережливое отношение к его сообщениям. Подводя итоги работе Азефа, Лопухин писал 1 марта 1903 года Ратаеву: «он был нам полезен, но меньше, чем могли ожидать, вследствие своей конспирации, — к тому же наделал много глупостей, — связался с мелочью, связи эти скрывал от нас, теперь эту мелочь берут, а та, того гляди, его провалит. Он теперь все время около провалов, ходит по дознаниям и не будь прокуратуры, с которой мы спелись, скандал давно произошел бы». Было решено откомандировать Азефа за границу: «через неделю он вернется на старое пепелище», — прибавлял Лопухин в том же письме.

Эта неделя затянулась... Не сговорившись с Зубатовым об условиях выдачи Гершуни, Азеф поехал в Москву на свидание с последним. Свидание это состоялось приблизительно в конце марта на квартире инженера Зауера, знакомого Азефа еще по Дармштадту, который в это время занимал место помощника директора московской электрической станции общества 1886 г. Его квартирой Азеф пользовался для особо важных встреч. Свидание было обставлено очень конспиративно и, повидимому, осталось совершенно неизвестным для полиции: Гершуни и Азеф прожили у Зауера в течении 3 дней, никуда не выходя из его кабинета. Именно во время этого свидания состоялась передача Азефу всех партийных связей, которые были в распоряжении Гершуни: последний назначил Азефа своим преемником по всем делам — и прежде всего по делам Боевой Организации. Несомненно во время этого же совещания было принято

решение о покушении против уфимского губернатора Богдановича, по приказанию которого незадолго перед тем был произведен расстрел безоружных рабочих стачечников в Златоусте: по крайней мере несомненно, что непосредственно же после этого свидания, только с заездом в Орел для свидания с Брешковской, Гершуни выехал в Уфу. К этому покушению Азеф был им привлечен в качестве ближайшего помощника: он должен был снестись с намеченными Гершуни террористами-исполнителями, которые жили где-то в Западном крае, и переправить их в Уфу. Азеф за поручение взялся и выполнил его точно, но помощь приезжих исполнителей оказалась ненужной: приехав в Уфу, Гершуни узнал, что местными социалистами-революционерами во главе с В. В. Леоновичем не только проведено необходимое предварительное наблюдение за Богдановичем, но и найдены исполнители, — местные — железно-дорожный рабочий Дулебов и интеллигент «Апостол», настоящее имя которого в печати до сих пор не названо. Их план был санкционирован Гершуни и удачно приведен в исполнение: 19 мая 1903 г. около полудня к Богдановичу, по своему обыкновенно прогуливавшемуся в укромном углу соборного сада, подошли два молодых человека и, вручив ему приговор Боевой Организации, буквально расстреляли его из браунингов, а затем перепрыгнули через низкую ограду сада и скрылись в лощинке, которая вела от расположенного на горе города к реке. Все поиски оказались безрезультатными. Было произведено много арестов, но никаких следов действительных исполнителей найти не удалось.

Так много раз счастливо ускользавший из хитро расставленных сетей, Гершуни попался почти случайно. Из Уфы он выбрался вполне благополучно. Успел написать и переслать за границу подробное описание события в Уфе и официальное заявление о нем от имени Боевой Организации. Повидался в Саратове кое с кем из единомышленников и пробирался за границу полный планов на будущее. На свою беду по

пути он решил заехать в Киев, — хотя знал, что этот город для него особенно опасен. С дороги дал туда условную телеграмму, указав время своего прибытия. Случайно эту телеграмму подглядел маленький провокатор — студент Розенберг, который даже не догадывался, о ком идет речь. Этой нити было достаточно для местной полиции. На указанной в телеграмме пригородной станции была устроена засада. Когда вечером 26 мая подошел указанный поезд, из него вышел хорошо одетый мужчина в фуражке инженера и с портфелем под мышкой. Сначала он медленно пошел вдоль поезда, делая вид, что осматривает колеса и в то же время оглядываясь по сторонам. Филеры не двигались с мест. Поезд, свиснув, ушел. Гершуни вышел на улицу и приостановился, якобы оправляя шнурки на ботинках, — а на самом деле осматриваясь по сторонам: нет ли подозрительных симптомов. Их было — увы — больше чем достаточно: весь район был полон филеров. Взгляд Гершуни они поймали и по нему узнали, что это тот, кого они ищут: «наш, — бросил старший филер, — глаза его, с косинкой». Заметив слежку, Гершуни подошел к ларьку с фруктовыми водами и выпил стакан лимонада. Филеры заметили, что он волновался, рука дрожала и едва держала стакан: Гершуни чувствовал, что на его шею затягивалась петля. Через несколько минут он был арестован, закован в кандалы и отправлен в Петербург, где его ждали крепость, военный суд и смертный приговор, замененный бессрочной каторгой...

Азеф в это время был за границей. Он боялся, что полиция заподозрит его в причастности к покушению, а потому уже в мае послал своему начальнику, Ратаеву, какую то незначительную по содержанию телеграмму из Берлина: он на всякий случай обеспечивал свое *alibi*.

ГЛАВА VI

Охота за Плеве

Во время своего последнего приезда за границу, в начале 1903 г., Гершуни оставил у Гоца, который был его постоянным поверенным по всем делам, — и специально по делам Боевой Организации, — свое, так сказать завещание: подробный обзор всех связей последней, адреса, явки, пароли и т. д., — а так же список лиц, которые предложили себя для работы в Боевой Организации. В случае ареста Гершуни, согласно этому завещанию, во главе Боевой Организации должен был стать Азеф. Гоц полностью одобрял этот выбор Гершуни, а потому вполне понятно, что когда в июне 1903 г. на женевском горизонте появился Азеф, то он был встречен Гоцем и близкими к нему людьми, как признанный новый вождь Боевой Организации, который должен увеличить славу последней. И он не спеша принимал дела.

На очереди в это время с особой остротой встал вопрос о покушении против Плеве. Незадолго перед тем разразился известный анти-еврейский погром в Кишеневе. В течении двух дней, — 19-20 апреля 1903 г., — организовано руководимые толпы погромщиков беспрепятственно разрушали еврейские дома, грабили магазины, насиловали женщин, убивали, — не щадя ни возраста, ни пола. Ни полиция, ни войска не делали попыток прекратить погром. С их сто-

роны громилы, наоборот, нередко слышали слова полного одобрения и поощрения. За то в тех случаях, когда группы евреев пытались оказывать сопротивление, полиция обнаруживала свое существование: разгоняла группы самообороны, производила аресты, не церемонилась пускать в ход оружие. Убитые составили много десятков, — общее количество пострадавших исчислялось сотнями.

Главным виновником все считали Плеве, который считал анти-еврейские погромы полезным средством для борьбы с революционным движением и открыто высказывал эту точку зрения в доверительных беседах с представителями администрации.

Впечатление, произведенное известиями о погроме, было огромным, — как в России, так и за границей: ведь этот погром действительно воскрешал самые худшие призраки средневековья. Огромное впечатление произвел он и на Азефа. Последний не был евреем-националистом. В воспоминаниях московского раввина Мазе рассказано, как насмехался Азеф над еврейской религией, над обычаями и обрядами, как мало он придавал значения своей связи с еврейским народом. Но евреем он себя все же чувствовал. Судя по всему, особенно прочно в нем жили воспоминания о тяжелых годах детства: Ивановская рассказывает, что во время их встреч в Варшаве и Вильно, как бы серьезна ни была тема их разговоров (а они встречались там в период подготовки покушения на Плеве), Азеф никогда не пропускал ни одного из тех босоногих уличных торговцев — еврейских мальчишек, которых так много бегало по улицам этих городов, — без того, чтобы не купить у него чего-нибудь на грош или два. И его глаза, так часто глядевшие «холодными, на выкате», наверное, именно в эти минуты чаще всего становились похожими на обычные «грустные еврейские глаза». А ведь одной из самых жутких страниц в рассказах о Кишиневе были сообщения о зверски убитых детях, — о грудных младенцах, которым разбивали головы ударами о стену.

Как и вся Россия, Азеф ответственным за эти события считал Плеве и не скрывал своего возмущения против последнего. Так он держал себя не только в революционной среде, — где это возмущение было только общим настроением. Именно в этом смысле он вел беседы и со своим полицейским начальством. Еще до своего отъезда за границу, под свежим впечатлением от первых известий из Кишенева, Азеф имел разговор о них с Зубатовым и, по рассказу последнего, «трясся от ярости и с ненавистью говорил о Плеве, которого считал главным виновником» кишеневского преступления. И позднее, за границей, в беседах со своим начальником по полицейской линии, с Л. А. Ратаевым, Азеф высказывался в том же духе. Нет никакого сомнения в том, что это обстоятельство оказало решающее влияние на судьбу Плеве: если в других случаях Азеф, по соображениям корыстной выгоды более или менее пассивно допускал совершиться террористическим актам, то в деле Плеве он активно прилагал усилия к тому, чтобы довести его до успешного конца.

Но, конечно, огромную роль в поведении Азефа в деле Плеве играли и соображения «корыстной выгоды». Раньше основным источником его доходов была касса Департамента Полиции. От революционных организаций никаких доходов он не имел, — или имел доходы совсем незначительные. Революционная карьера ему была нужна постольку, поскольку она была необходимым условием карьеры полицейской. Поэтому он с «чистой совестью» продавал секреты этих организаций. Теперь положение существенно менялось. В безотчетном распоряжении главы Боевой Организации находилась касса последней, — а через эту кассу проходили многие тысячи. Из этой кассы становилось возможным извлекать доходы более значительные, чем те 500 р. в месяц, которые платила касса Департамента. И вполне естественно, что у Азефа начинают все большую и большую роль играть соображения об укреплении своего положения в револю-

ционной среде, — говоря проще, о закреплении и на будущее возможности безконтрольно пользоваться революционной кассой. А для этого обязательно необходима успешная деятельность руководимой им Боевой Организации: систематические неудачи последней неминуемо должны были привести к замене его на руководящем посту кем-либо другим.

Создавалась исключительно «счастливая» для Азефа обстановка: «экономика» толкала его туда же, куда его влекло и «чувство». Убийство Плеве становилось для него желательным со всех точек зрения.

Силы, которыми располагала Боевая Организация при вступлении Азефа в руководство ее делами, были достаточно велики: имелось много добровольцев, имелись деньги. Вместе с Гоцем, который стал его ближайшим поверенным и советником по делам Боевой Организации, Азеф разработал план нападения на Плеве: было известно, что он регулярно ездит к царю для докладов; нужно было проследить маршрут этих поездок, выяснить их дни и часы и произвести нападение на его карету на улице, с бомбами в руках, — на подобие того, как было организовано нападение на Александра II в 1881 г.

При этом плане покушение переставало быть индивидуальным актом революционера-одиночки, которому Боевая Организация оказывала только сравнительно небольшое содействие. Для его подготовки и исполнения теперь требовалась сложная организация, включающая в себя целую группу людей: наблюдение должны были вести специальные наблюдатели, игравшие роль извозчиков, продавцов газет, мелких торговцев в разнос и т. д.; особые люди обслуживали «технику», — занимались изготовлением взрывчатых веществ и снаряжением бомб; особое значение приобретала деятельность организаторов-руководителей, которые согласовывали работу отдельных частей организации и направляли ее. Непосредственный же акт покушения становился только конечным звеном большой подготовительной работы, — и сам исполнитель

— только более или менее случайно выступавшим во вне представителем большого организованного коллектива.

План был заботливо продуман во всех деталях и принят. В первоначальный состав отряда, который должен был действовать против Плеве, вошли Е. С. Сазонов, Б. В. Савинков, М. И. Швейцер, А. Д. Покотилов и два брата Мацевевских, — все молодежь, бывшие студенты, за участие в студенческих волнениях 1899-1902 г. г. исключенные из высших учебных заведений. За суровость, с которою были подавлены эти волнения, в начале носившие чисто академический характер, правительство вообще заплатило очень дорогой ценой: офицерский состав всех революционных организаций эпохи революции 1905 г., — как социалистов-революционеров, так и социал-демократов, — почти сплошь состоял из бывших участников этих волнений.

Никакого опыта боевой работы, никакой специальной подготовки члены вновь сформированной боевой группы не имели. Эти недочеты искупались обилием молодого революционного энтузиазма, преданности делу и готовности к самопожертвованию. Опыт пришел только много позднее, — отравив ядом скепсиса первоначальные настроения, и тогда стало ясно, что в этом деле молодой энтузиазм много важнее солидного опыта. В тот же период, к которому относится рассказ, единственным носителем опыта, — единственным практиком-руководителем молодых энтузиастов был Азеф. Он был связующим звеном между отдельными частями организации, члены которой в начале между собою были связаны только через него.

Азеф лично перезнакомился со всеми членами отряда, всех их подверг обстоятельным допросам-испытаниям и затем послал на места, где они должны были вести свою долю подготовительной работы. Точно и деловито разъясняя уезжавшим детали плана и их специальные задачи в общей работе, Азеф неизменно с убеждением прибавлял:

«Если не будет провокации, Плеве будет убит!»

Эта его спокойная уверенность передавалась всем участникам организации. С нею двинулись они в путь поздней осенью 1903 г.

Поход против Плеве был открыт...

В начале не все шло гладко. Особенно нервничал Савинков, который руководил работой группы наблюдателей в Петербурге. Работа эта началась успешно. Скоро удалось увидеть карету Плеве, они уже знали начальные этапы его поездок. Но Азеф, который обещал к декабрю быть в Петербурге, не подавал признаков жизни: и сам не приезжал, и никаких известий не присылал, даже не отвечал на запросы. Савинков терялся и не знал, чем объяснить это поведение руководителя организации. В добавление появились признаки полицейской слежки, которая, судя по всему, носила случайный характер, — если только весь рассказ о ней Савинкова (этот рассказ вообще единственное о ней свидетельство) не является отражением его тогдашнего нервного состояния. Во всяком случае она явилась каплей, переполнившей чашу терпения Савинкова: он прекратил наблюдение, распустил свою группу и в спешном порядке покинул Петербург.

Смущенный и растерянный, сознающий, что он в известных пределах нарушил боевую дисциплину, и в тоже время не знающий, как мог он поступить иначе, Савинков заявился сначала к Чернову, затем к Гоцу. Они приняли его почти как дезертира с поля битвы: Азеф не приехал, ибо был занят важными партийными делами; письма его не дошли по вине самого Савинкова, который дал неверный адрес. Необходимо немедленно вернуться в Россию, где в ближайшем будущем предстоит переход к решительным действиям. Эти беседы ободрили Савинкова, который уже сомневался в своих силах и просил перевести его на какое-либо менее сложное боевое дело, и когда от Азефа прибыло указание о приезде в Москву для переговоров о дальнейшей работе, Са-

винков выехал туда, прихватив с согласия Гоца для работы в Боевой Организации своего старого друга, И. П. Каляева: вдвоем он не так чувствовал одиночество, не так терялся в новой обстановке.

Запоздание с приездом Азефа в Петербург объяснялось, конечно, не так просто, как это выходило из рассказов Чернова и Гоца. Эти месяцы у Азефа ушли на выяснение обстановки, которая складывалась в охранном мире. Убить Плеве он хотел, но рисковать при этом он не собирался, — не только своей жизнью, но и своим жалованьем.

Переехав летом 1903 г. за границу, Азеф перешел под руководство Л. А. Ратаева, незадолго перед тем назначенного руководителем русской политической полиции за границей. Человек далеко не глупый, Ратаев совсем не был пригоден для этого ответственного поста. Светский человек, Дон-Жуан и записной театральный, — к своей полицейской работе он относился, как чиновник. Больше двух десятилетий службы в Департаменте на ответственных постах дали ему знание техники полицейского дела. Когда он хотел, он совсем не плохо разбирался в весьма запутанной обстановке. Но хотел этого он редко. Сыском интересовался он только по обязанности, он его не захватывал, свою душу ему он не отдавал. Это прекрасно видели те, кто в то время стоял во главе Департамента Полиции. Плеве открыто говорил, что Ратаев, занимающий ответственный пост по Департаменту, это — «пятно» для последнего. Зубатов не называл Ратаева иначе, как «корнет Отлетаев». Назначение его за границу было ничем иным, как почетной ссылкой его из Департамента, где он перед тем заведывал Особым Отделом, т. е. руководил всем делом политического сыска в Империи вообще. Ратаев понимал это значение своего назначения за границу и чувствовал себя обиженным.

Подобный человек, естественно, менее всего мог импонировать Азефу —, необходимость чего особен-

но остро ощущалась именно в тот критический момент полицейской карьеры последнего. Можно смело сказать, что в течении всего периода работы Азефа под начальством Ратаева (этот период продолжался до выхода Ратаева летом 1905 г. в отставку) не Ратаев руководил Азефом, а последний использовывал Ратаева в своих интересах: заметал следы своей деятельности, разузнавал о степени осведомленности Департамента, устранял своих противников по партии.

Первые месяцы своего пребывания за границей Азеф вообще не давал никаких сведений Ратаеву, огораживаясь, что он «не успел еще оглядеться и занят упрочением связей». Только с конца сентября он начинает присылать сообщения, заполняя их сведениями о жизни эмигрантских групп, — не одних только социалистов-революционеров, но и социал-демократов. Только поздней осенью, т. е., повидимому, уже после того, как боевой отряд против Плеве был отправлен в Россию, — Азеф, по воспоминаниям Ратаева, «несколько оживился». В это время он приехал в Париж и явился к Ратаеву лично, напомнив последнему во время свидания того старого Азефа, который ему был знаком раньше, когда Азеф в деле доносов «сам шел вперед», не думая о риске провала, так что «порою даже нужно было его сдерживать». Азеф был «бодр, энергичен и разговорчив», — но говорил то он обо всем, что угодно, только не о том покушении на Плеве, подготовкой которого он руководил. Наоборот, поскольку речь шла о последнем, Азеф явно пытался выведать, что же именно в этой области известно полиции. И его попытки далеко не были безуспешными: Ратаев рассказал ему, что у Департамента имеются сведения о прибытии за границу Е. С. Сазонова, который в разговорах с близкими людьми высказывал твердое намерение убить Плеве. Не сморгнув глазом, — прибавляет Ратаев, — Азеф ответил, что Егора Сазонова он не знает, но что с братом его, с Изотом, он когда то встречался и может сделать при случае попытку его расспросить. Из этой беседы Азеф легко

мог сделать вывод, что никаких точных сведений об его замыслах у полиции нет, — во всяком случае их нет у разговорчивого Ратаева. Для Азефа, который, повидимому, всего только за несколько дней перед этим разговором снарядил Сазонова в Россию, эти сведения, конечно, представляли огромный интерес.

Вскоре затем Азеф стал собираться в Петербург. Поездка ему была нужна в двух отношениях: он ехал для того, чтобы организовать одно покушение против Плеве и провалить другое. В руководящих кругах партии не все были довольны переходом Боевой Организации в ведение Азефа. С. Клитчоглу, оказывавшая некоторую помощь Боевой Организации еще во времена Гершуни, теперь при поддержке ряда влиятельных партийных деятелей в России (Потапова и др.), создала на юге небольшую террористическую группу и перебралась в Петербург для того, чтобы поставить покушение против Плеве. Это было прямой угрозой Азефу. Если бы покушение Клитчоглу удалось, то Боевая Организация наверное была бы изъята из его ведения, — а вместе, с тем, конечно, из его заведывания была бы изъята и касса Боевой Организации. Все это заставляло Азефа желать гибели группы Клитчоглу, — тем более, что выдачей ее он укреплял свое положение в глазах полиции и потому мог бы свободнее действовать в деле подготовки того покушения, которым он сам руководил.

В силу этих соображений, как только получились первые сведения о планах Клитчоглу, он сообщил о них Ратаеву и уговорил последнего поехать с ним вместе в Петербург для раскрытия этого террористического предприятия. Ратаев с тем большей готовностью пошел навстречу этому проекту, что он надеялся раскрытием покушения поднять свои фонды в глазах министра. Иметь же его под рукой для Азефа, который пускался в сложную двойную игру, было очень полезно: Ратаев, полностью доверявший Азефу, был удобным прикрытием.

Ехали они вместе, чуть ли не в одном поезде. Кро-

ме доноса на группу Клитчоглу, Азеф, если доверять некоторым сведениям, вез еще динамит для своей собственной группы. Прикрытие Ратаева он использовывал полностью!

В Петербурге группа Клитчоглу была быстро раскрыта, но на почве ареста ее у Азефа вышел большой конфликт с Департаментом: зная о том, что этот арест предстоит в скором времени, Азеф хотел уклониться от личной встречи с Клитчоглу, но Департамент настоял, дав обещание, что аресты не будут произведены в непосредственной близости от их свидания. После этого Азеф на свидание пошел и узнал от Клитчоглу все подробности, как о составе группы, так и об ее планах. Все эти подробности он передал Департаменту, но последний не выполнил обязательства: петербургское Охранное Отделение вело интригу против Ратаева, и по его указаниям арест Клитчоглу был произведен почти непосредственно вслед за ее свиданием с Азефом. По свидетельству Ратаева, подобный «нелойяльный» поступок полиции, действовал на Азефа «самым удручающим образом». Азеф не стесняясь заявлял, что в подобных условиях для него «становится трудным работать» на полицию. Его непосредственный начальник, Ратаев, был полностью с ним согласен и поддерживал его в переговорах с руководителями Департамента. Создавался прочный союз «обиженного» Азефа с «обиженным» Ратаевым против тех, кто нарушил торжественное обещание, — против Департамента и особенно против петербургского Охранного Отделения. Для той сложной игры, которую вел Азеф, складывалась исключительно благоприятная обстановка: Ратаев не все сообщения Азефа передавал Департаменту, а последний, в свою очередь, многое из них скрывал от Охранного Отделения.

В самый разгар этих ведомственных интриг Азеф вырвал время для поездки в Москву, где его ждали вернувшийся из-за границы Савинков и некоторые другие члены Боевой Организации. Азеф сурово от-

читал Савинкова, за нарушение обязанностей боевика: «ваша обязанность была ждать меня и следить за Плеве». Тут же был намечен план дальнейшей работы. Всю подготовительную работу должны были провести Савинков и Каляев. Едва ли нужно прибавлять, что об этих московских свиданиях Азеф не осведомил Ратаева ни одним намеком.

Во второй половине февраля 1904 г. члены Боевой Организации стали собираться в Петербурге и возобновили работу по наблюдению за Плеве. Азеф сохранял за собою верховное руководство, — обсуждал с ними собираемые ими сведения, давал указания. Если бы полиция вела за ним внешнее наблюдение, выследить всю Боевую Организацию ей не представило бы большого труда. Азеф это понимал, а потому в сношениях с Ратаевым держал себя так, чтобы иметь возможность в любой момент повернуть фронт и продать Боевую Организацию. В своих ежедневных докладах Ратаеву он перемешивал элементы правды с вымыслом, — так, чтобы в будущем он мог этим докладам придать наиболее выгодное для себя толкование, — и прежде всего проверял, ведет ли за ним полиция внешнее наблюдение. С этой целью он «почти ежедневно» докладывал Ратаеву о таинственных террористах, которые являются к нему из-за границы с условными паролями. Имен их Азеф, по его заявлениям, не знал, но приметы описывал, повидимому, в точном соответствии с действительными приметами членов Боевой Организации, сохраняя, таким образом, для себя возможность в случае нужды доказывать, что относительно указанных лиц он своевременно предупредил полицию. Но в тоже время он не давал полиции никаких конкретных указаний, которые могли послужить отправной точкой для ее поисков. Только раз он сообщил, что у него назначено свидание в бане с каким то важным террористом, — причем приметы этого террориста совпадали с приметами Каляева. Об этом было доложено директору Департамента, и для наблюдения за свиданием был отправлен сам Е. П.

Медников, который считался талантливым сыщиком и заведывал всем делом «наружного наблюдения» в Департаменте: филеров из местного Охранного Отделения по соображениям конкуренции к делу не подпускали. Никаких результатов это наблюдение в бане для полиции не дало: Азеф в баню пришел и мылся весьма усердно, но на свидание с ним туда никто не явился. Так полиция и не получила прямых нитей для установления наблюдения за боевиками, — но за то для Азефа в результате его ежедневных встреч с Ратаевым стало ясным, что полиция в двойной игре его не подозревает и контролирующего наблюдения за ним не ведет. С этой стороны, следовательно, большой опасности не существовало.

Тем временем боевики выяснили дни и часы поездок Плеве для доклада царю. Дорога, по которой он ездил не была известна, и Азеф настаивал на продолжении работы по наблюдению. Но молодым боевикам не терпелось, они рвались в бой и настаивали на том, чтобы покушение было произведено немедленно же: они предлагали напасть на карету министра около дома Департамента Полиции, в котором жил Плеве, — при выезде из него или на обратном пути. Азеф возражал против этой торопливости, указывая, что около дома министра полицейская охрана более тщательная, а потому больше шансов на арест террористов в результате случайного внешнего наблюдения. Молодежи доводы эти казались недостаточно основательными: она уже видела эту охрану и считала, что покушение вполне возможно. Азефу ничего не оставалось, как дать свое согласие:

«Хорошо, — заявил он им, — если вы этого хотите, попробуем счастья!»

На совместном совещании была намечена подробная диспозиция. Покушение назначили на 31 марта, — всего через несколько дней после совещания, на котором было принято это решение.

В этом последнем обстоятельстве скрывалось самое большое неудобство для Азефа: он имел полное

основание опасаться, что если покушение состоится в такой непосредственной близости от периода его пребывания в Петербурге, то полиция, при всей ее доверчивости, может заподозрить неладное. Ратаева в это время в Петербурге уже не было, — по делам службы ему пришлось спешно выехать в Париж, причем он перед отъездом передал Азефа в распоряжение лично директора Департамента, Лопухина. Верный своей общей тактике, Азеф направился на квартиру к последнему, — для того, чтобы еще раз прощупать почву и в тоже время перестраховаться от возможных в будущем подозрений. В качестве предлога Азеф выбирает сообщение об якобы подготовляемом революционерами покушении на Лопухина в отместку за аресты: Такого покушения никто не готовил, — но не весь рассказ о нем Азефа был чистым вымыслом: всю организационно-техническую сторону покушения Азеф изложил в общем правильно, следуя только что им разработанному плану покушения на Плеве; было указано тоже самое место покушения, — около дома Департамента, на Фонтанке; названы бомбы, как орудие покушения. Только вместо имени Плеве он поставил имя Лопухина, — и не назвал ни имен участников, ни времени, на которое покушение было назначено. Попутно Азеф поставил вопрос о прибавке ему жалованья. Возможно, что Азеф прибавил бы к своему рассказу и еще кое-какие детали, — если бы к его просьбе о жаловании отнеслись с большим вниманием. Но этого не случилось: то ли Лопухин заподозрил Азефа в своего рода вымогательстве (связь между просьбой о прибавке и раскрытием заговора против того, от кого зависело решение вопроса о прибавке, действительно была слишком очевидна), то ли он действительно решил наводить экономию на расходовании полицейских денег, — только к просьбе Азефа он отнесся больше чем холодно, хотя и не ответил прямым отказом, обещав снестись предварительно с Ратаевым. Дело явно откладывалось в долгий ящик. На этом закончился визит.

Непосредственно после этого разговора Азеф покинул Петербург. С членами Боевой Организации он условился встретиться после покушения, 4 апреля, в Двинске, но поехать он предпочел не в Двинск, а за границу: сначала он сообщил Гоцу о предстоящем покушении, — вместе с подробным изложением своих сомнений. Затем явился в Париж к Ратаеву. Таким путем он перестраховывал себя на все стороны, — от всех возможных обвинений. Если бы полиция воспользовалась его указаниями относительно подготовки покушения против Лопухина и организовала бы внимательный надзор за подходами к зданию Департамента, она могла бы натолкнуться на боевиков, готовивших покушение против Плеве. Заслуга этого ареста в глазах полиции принадлежала бы ему, Азефу, — но в глазах террористов подозрение на него пасть не могло бы: он был как раз тем, кто указывал на эту опасность задуманного предприятия; его не послушались, — в этом и беда; из допросов же стало бы ясно, что о покушении на Плеве полиция и не подозревает, — что она предполагает, будто имеет дело с планом покушения против Лопухина. При самой настороженной подозрительности пришлось бы арест объяснить внешним наблюдением. Если же полиция окажется невнимательной и, несмотря на предостережение Азефа, покушение против Плеве же состоится как раз у здания Департамента, то у Азефа заранее подготовлено объяснение: о том, что какое то покушение готовится, он предупреждал и даже точно указывал, в каком месте оно намечено; он только не знал, против кого оно направлено, — в детали плана он не был посвящен, а, впрочем, возможно, что в последнюю минуту план был изменен, — после того, как революционеры в процессе подготовки установили, что можно убить не Лопухина, а самого Плеве. В глазах же революционеров удачное покушение против Плеве, совершенное отрядом Азефа, все равно было бы поставлено в заслугу больше всего ему: все знали, что без него неопытные боевики испугались и разбежались из Петербурга, и

что только он своим авторитетом вернул их на места и заставил продолжить работу...

Игра была рассчитана тонко, — и Азеф при всех ее исходах оставался в чистом выигрыше.

В беседе с Ратаевым Азеф сообщил о своем визите к Лопухину, — и в ответ несомненно узнал от него, что запроса о прибавке ему жалованья из Петербурга не поступало. Лопухин не собирался ее делать. Тем временем прошло 31 марта. Покушение почему то не состоялось, — но за то не было известий и об арестах. Полиция явно не могла, несмотря на все намеки, поймать неопытных молодых боевиков, которые целой стаей бродили вокруг здания Департамента, — непосредственно под носом у многочисленной и разнообразной охраны. Не трудно понять, какие настроения владели теперь Азефом: с дураками, которые ничего не понимали в деле полицейского сыска и к тому же так скупались на прибавки, конечно, не имело никакого смысла церемониться.

И Азеф действительно перестал «церемониться».

Уже через несколько дней после своего приезда в Париж Азеф заявил Ратаеву, что у него опасно заболела старуха-мать и ему необходимо нужно выехать к ней во Владикавказ. Ратаев не хотел его отпускать, но Азеф «так просил и настаивал, что, скрепя сердце», Ратаев вынужден был согласиться на его поездку. Конечно, при этом Азеф надавал всяких обещаний, — и прежде всего обещал выяснить тех неизвестных террористов, о посещениях которых он докладывал Ратаеву в Петербурге. Повидимому, повидался Азеф перед отъездом и с Гоцом, — как он ему объяснил необходимость поездки, догадаться нетрудно: молодежь опять что-то напутала. приходится ехать, чтобы привести дела в порядок...

В Двинске на условленной явке Азеф террористов уже не нашел, но в поезде, по дороге в Петербург, 11-го апреля он случайно столкнулся с одним из них. с Покотиловым, и от него узнал о событиях за время его отсутствия.

31-го марта весь отряд вышел на улицу, — согласно с выработанным планом: бомбы были у троих, — Сазонова, Покотилова и Боришанского; Каляев и Мацеевский были сигнальщиками, Савинкову принадлежало общее руководство. Все они сгруппировались на небольшом участке, — между зданием Департамента и Невою. Министра обкладывали, как зверя в берлоге. Но совершить покушение не удалось. То ли внимание охраны на улицах, в результате визита Азефа к Лопухину, было более настороженным, чем обычно; то ли необстрелянные боевики несколько нервничали, — но одному из них, Боришанскому, показалось, что его окружают сыщики, и он счел правильным удалиться со своего поста. Это внесло расстройство во всю диспозицию, и покушение не состоялось, — хотя свободно могло бы быть произведено двумя остальными метальщиками, которые никакой слежки за собою не замечали. После этой неудачи Савинков и Покотилон выехали в Двинск, где на 4 апреля была условлена их встреча с Азефом. Последнего там не было, — не было и писем от него. Молодые террористы решили, что Азеф арестован и что они теперь предоставлены собственным силам, — и Савинков вновь потерял равновесие. По существу свободно можно было бы держаться за старый план и попытаться осуществить покушение в день следующего выезда Плеве к царю: отряд ведь остался весь нетронутым, бомбы имелись. На этом и настаивал Покотилон. Но Савинков был другого мнения. Он полагал, что отсутствие Азефа вызвано его арестом, и считал, что сил Организации после потери Азефа недостаточно для проведения покушения против Плеве. Отказываться от участия в террористической деятельности он не собирался, но предлагал в первую очередь заняться менее трудным делом, — совершить покушение на киевского генерал-губернатора Клейгельса. Это покушение было делом сравнительно легким, так как Клейгельс не скрываясь ездил по Киеву, но и политического значения оно никакого не имело: в свое время, года

за 3 перед тем, Клейгельс был ненавистен особенно для студентов Петербурга за ту жестокость, с которой по его приказу полиция избивала студентов-демонстрантов. Но с тех пор произошло так много событий, что о Клейгельсе помнили только немногие.

Состоялось совещание боевиков, на котором Савинков развил свою точку зрения. С ним согласились Каляев и Швейцер; остальные настаивали на продолжении похода против Плеве. Решение было принято наихудшее из всех возможных: решено было разбить отряд на две части, из которых одна (Сазонов, Покотиллов, Боришанский и Мацеевский) попытается довести до конца дело против Плеве, а вторая (Савинков, Каляев и Швейцер) займется Клейгельсом.

Таким образом из первоначальной посылки Савинкова о том, что *весь* их отряд в целом недостаточен для проведения дела против Плеве, получился неожиданный вывод, согласно которому это дело поручалось одной части этого отряда. В таких условиях все предприятие становилось делом явно безнадежным.

Покотиллов, когда его встретил Азеф, ехал в Петербург для проведения покушения. Он с Боришанским уже выходили перед тем, 7-го апреля, на улицу, но не встретил Плеве. Теперь он собирался сделать еще одну попытку, — 14-го апреля. Азеф попробовал его отговорить, но не имел успеха: у Покотилова были слишком напряжены нервы, чтобы он мог согласиться на отсрочку. Его судьба, как террориста, была действительно исключительной: он был террористом-неулачником совершенно особого сорта. Еще весною 1901 г. он приехал в Петербург, решив убить министра народного просвещения. Но пока он делал подготовительные шаги, министр был убит Карповичем, совершенно самостоятельно пришедшим к этому решению. После этого Покотиллов встретился с Гершуни и предложил себя для покушения на Сипягина. Его кандидатура столкнулась с кандидатурой Балмашева, и выбор Гершуни пал на последнего. Покотиллов добился, чтобы Гершуни предоставил ему право на ближай-

шее покушение, которое предпримет Боевая Организация. Гершуни обещание дал и сговорился с Покотиловым, что последний выступит против Оболенского. Но уже в последний момент свои услуги для этого дела предложил Фома Качура, — рабочий, уроженец тех губерний, крестьяне которых были перепороты Оболенским. Покушение, произведенное именно им, произвело бы значительно большее впечатление, — чем покушение, совершенное студентом Покотилковым. И Гершуни еще раз уговорил последнего уступить Качуре свое право на выступление. Теперь пришла, наконец, его очередь. Он уже два раза выходил на улицу с бомбами, — и оба раза неудачно. Ждать дальше он не может. Что бы ни случилось, он пойдет и в этот раз. Все уговоры были бесполезны. Покотиллов поехал в Петербург и там в ночь на 14 апреля, — день, когда было назначено покушение, — погиб при взрыве бомбы, которую он приводил в боевую готовность. Террористом-неудачником он остался до конца . . .

Известие об его гибели, естественно, не могло не произвести самого тяжелого впечатления на остальных членов Организации, — и без того, как мы знаем, сильно растерянных и потерявших веру в свои силы. Боришанский немедленно примчался в Киев, и здесь на совещании оставшихся членов Организации было решено ликвидировать дело Плеве, — сконцентрировав все внимание на одном Клейгельсе. В Петербург выехал Швейцер, который должен был предложить обоим оставшимся еще там «извозчикам», — Сазонову и Мацевскому, — немедленно продать их извозничье снаряжение и выехать за границу, — так сказать, выйти в резерв.

Именно в этот момент, — едва ли не на следующий день после выезда в Петербург Швейцера, — в Киеве появился Азеф. Он, повидимому, уже побывал в Одессе и во всяком случае хорошо знал, какое недоверчивое отношение складывается у многих видных деятелей партии к руководимой им, Азефом, Боевой

Организации. Слетов встретил Савинкова в Киеве, — в период первого побега последнего из Петербурга, — и вынес из этой встречи далеко не солидное впечатление о той организации, в которой Савинков играл такую крупную роль. Таково было впечатление не одного только Слетова, — и на состоявшемся в начале апреля 1904 г. в Одессе совещании ряда видных партийных работников было принято решение обратиться с официальным запросом к заграничным руководителям партии о современном состоянии Боевой Организации. Запрашивавшие прибавляли, что в случае отсутствия удовлетворительного ответа, они «оставят за собою полную свободу действий, как в отношении новой постановки террористических предприятий, так и в своих отношениях к появляющимся на нашем горизонте представителям совершенно нам неизвестной Боевой Организации». В этом была прямая угроза устроить внутри-партийное восстание против Азефа. Буквально вся его партийная карьера была теперь поставлена на карту. Только удачное выступление против Плеве могло радикально исправить положение. Тем суровее он должен был быть в своих объяснениях с Савинковым.

С места в карьер он потребовал ответа:

«Что вы затеяли? К чему это покушение на Клейгельса? И почему вы не в Петербурге? Какое имеете право вы своей властью изменять решения Центрального Комитета?»

И молча выслушав объяснения, решительно отвел все аргументы Савинкова:

«Если бы я и был арестован, вы не имели права ликвидировать покушение на Плеве. Вы мне говорите, что нет сил для убийства Плеве? Смерть Покотилова? Но вы должны быть готовы к гибели всей организации до последнего человека. Что вас смущает? Если нет людей — их нужно найти. Если нет динамита, его необходимо сделать. Но бросать дело никогда нельзя. Плеве во всяком случае будет убит. Если мы его не убьем — его не убьет никто . . . »

Конечно, в устах Азефа эта суровая непреклонность была лицемерной позой, принимать которую ему было тем более легко, что речь ведь шла о несчастиях только для других: свою собственную безопасность, как мы видели, он перестраховал весьма заботливо и на все стороны. Но имитация суровой непреклонности обреченного террориста ему удавалась очень хорошо, а главное Савинков и его товарищи и сами не могли не чувствовать, что они были не на высоте положения. Тем поспешнее согласились они с Азефом и решили вновь концентрировать все силы на подготовке покушения против Плеве.

«Настойчивость Азефа, его спокойствие и уверенность подняли дух Организации, — вспоминал позднее Савинков. — Не преувеличивая можно сказать; что Азеф возродил организацию: мы приступили к делу с верою и решимостью во что бы то ни стало убить Плеве.»

Их рвение Азеф подогрел сообщением о том недоверии к Боевой Организации, которое господствует среди многих руководящих деятелей партии. Эти рассказы заронили в настроение «боевиков» первые семена вражды к партийному центру, что тоже входило в далеко идущие расчеты Азефа. Но в тот момент они оказали и положительное действие: молодежь горела желанием делом реабилитировать свою честь, — которая, им казалось, была задета недоверием Центр. Комитета.

В начале мая авангард боевиков уже был в Петербурге. Конспиративная квартира была снята в самом центре города, — на Жуковской, 31. Ее хозяином стал Савинков, который жил под именем богатого англичанина Мак-Кулоха. Роль хозяйки квартиры — его «содержанки» исполняла Дора В. Бриллиант, — дочь зажиточного и старозаветного еврейского купца, совсем юной ушедшая из семьи, чтобы отдаться революционному движению: позднее она сошла с ума в Петропавловской крепости и умерла в доме умалишенных. Жили они «богато», держали «лакея» и «кухарку»:

первым был Е. С. Сазонов, второй — П. С. Ивановская, старая революционерка, член Исполнит. Комитета партии «Народная Воля». Она в свое время принимала участие в подготовке покушений против Александра II, была осуждена на бессрочную каторгу и теперь, почти через четверть века, бежала из Сибири, чтобы вновь встать в ряды террористов. Наблюдение успешно и быстро продвигалось вперед: наблюдатели были уже опытны в своем деле, — некоторые из них, особенно Каляев, свою роль разыгрывали, как настоящие артисты.

К середине июня в Петербург приехал Азеф. В течении последних полутора месяцев он кружил по всей России: отвез свою мать на воды, на северный Кавказ, побывал в Самаре, в Уфе. Всюду он заботливо выполнял поручения Ратаева: в Самаре старался «выяснить», кто же именно был тот террорист, который погиб в Петербурге при взрыве бомбы; в Уфу он заехал специально затем, чтобы повидаться с Изотом Сазоновым и разведать у него относительно планов его брата, Егора. Эти две личности, — неизвестный террорист в Петербурге и Егор Сазонов, — особенно интересовали Ратаева, он слал специальные о них запросы Азефу, но старания последнего приносили мало результатов. Даже от Изота Сазонова никаких сведений относительно его брата получить не удалось, — кроме самых общих догадок, что тот «что-то затевает», — но что именно, неизвестно.

Покушение на Плеве Азеф на этот раз ставил совсем серьезно, — и выдавать полиции секреты своей Боевой Организации меньше всего собирался!*

*) В письме к Ратаеву из Москвы от 7 июля 1904 г. Азеф сообщил, что в квартире адвоката Трандафилова, который жил в том самом доме по Жуковской ул., в котором помещалась и конспиративная квартира Боевой Организации, находится склад нелегальной литературы. Ратаев в своих позднейших записках о деле Азефа, полагает, что это сообщение Азеф сделал для того, чтобы без опасности для себя навести полицию на след Боевой Организации: «рассчет Азефа, — писал Ратаев, — был вероятно таков, что следя за Трандафило-

Только из Петербурга он счел возможным сообщить настоящее имя «неизвестного террориста» — Покотилова: судя по дате, которая стоит на этом письме, оно написано едва ли не с конспиративной квартиры на Жуковской. На этой квартире Азеф прожил более недели, навел ревизию на деятельность молодежи, вновь поругал Савинкова, который на этот раз допустил вопиющие нарушения основных правил конспирации, повидался с остальными наблюдателями, и опять уехал «по партийным делам,» назначив общее свидание всех руководящих членов Организации в Москве, на начало июля. Собрание состоялось в назначенный срок. Шло оно в Сокольничьем парке. Были окончательно намечены участники, установлена диспозиция, назначен срок. В качестве метальщиков должно было выступить 4 человека, — двое бывших студентов Сазонов и Каляев, и двое рабочих из Белостока—Боришанский и Сикорский. Азеф должен был ждать известий в Вильно.

вым, наблюдение наткнется, не может не наткнуться на Сазонова и Савинкова, в особенности, на последнего, вся прежняя деятельность которого протекала в Петербурге». Это объяснение неправильно: в момент, когда Азеф писал свое донесение от 7 июля, конспиративная квартира на Жуковской уже была предназначена для ликвидации и Савинков с Сазоновым ее уже покинули, так что ни о какой попытке косвенного наведения полиции на след Боевой Организации в этот момент не может быть и речи. Донос Азефа на Трандафилова на самом деле был не попыткой наведения полиции на след Боевой Организации, а ходом в целях создания алиби для самого себя на тот случай, если следствие в будущем откроет факт посещения Азефом указанного дома на Жуковской: по свидетельству Савинкова во время пребывания Азефа в этой конспиративной квартире за домом была замечена полицейская слежка, которая весьма обеспокоила Азефа. Он мог полагать, что кто-нибудь из филеров его признал, — его знали в лицо очень многие из петербургских филеров, — и это могло бы иметь весьма неприятные последствия в случае обнаружения полицией роли конспиративной квартиры на Жуковской. Его донесение на Трандафилова давало ему возможность в этом случае говорить, что посещая дом на Жуковской он ходил не на конспиративную квартиру, а к Трандафиловым, на которых своевременно и доносил.

Первое покушение было назначено на 21 июля, — оно не могло состояться из-за случайного запоздания Сазонова к назначенному месту встречи. На этот раз Азеф был верен своему обещанию и выжидал результатов. Вместе с ним в Вильно была Ивановская. Назначенный день прошел, — условной телеграммы не было. Азеф казался сильно взволнованным, глаза его опасливо бегали по сторонам, прощупывая встречающих, говорил он хмуро: «значит полная неудача или провал». На карту им поставлено было очень много. В своих последних письмах к Ратаеву он не только не делал никаких попыток «перестраховать» себя, подобно тому, как он поступал в марте; наоборот, явно рискуя навлечь потом на себя подозрение, он стремился усыпить бдительность Департамента, сообщая, что социалисты-революционеры решили отложить покушение против Плеве и поставили на очередь покушение против иркутского генерал-губернатора Кутайсова, который незадолго перед тем обратил на себя внимание жестокою расправою с ссыльными.

На следующий день тревога несколько рассеялась: приехали боевики, все те, кто выходил на улицу в качестве метальщиков, и с горькой улыбкой на лице Сазонов рассказал о причине отсрочки. Азеф нервничал, крутил головою, вновь и вновь возвращался к вопросам, выясняя самые, казалось бы, ничего незначащие детали, чтобы потом, учтя опыт неудачи, внести мелкие изменения в план. Боевики прожили в Вильно целую неделю, почти все время проводя вместе с Азефом и Ивановскою. Перед отъездом их в Петербург вместе провели и всю ночь, — в невзрачном трактирчике с вялой заспанной прислугой. «В маленькой, тускло освещенной комнате, — вспоминает Ивановская, — сидели задумчивые обреченные, перекидываясь ничего незначащими словами. Один Азеф казался спокойным, внимательным, преувеличенно ласковым.» На прощание он расцеловал всех отъезжавших.

Много позднее, во время встречи с Бурцевым во

Франкфурте, уже разоблаченный Азеф говорил об этом прощании:

«Когда я тогда целовал Сазонова, это не был поцелуй Иуды».

Многое зависит конечно, от того, в чем видеть характерную особенность поведения Иуды: теперь несомненно, что Азеф не предавал Сазонова полиции, не доносил на него, — а, наоборот, заботливо охранял его от опасностей и подготавливал успех его выступления . . . Но мотивы, которые определяли это поведение Азефа, все же были мотивами погони за «корыстной выгодой» . . .

Через день, 28-го июля, террористы вновь вышли против Плеве. На этот раз никто не опоздал. Во время были розданы бомбы. Точно в назначенный срок двинулись метальщики по Измайловскому проспекту, навстречу карете Плеве. Первым шел Боришанский: он должен был пропустить карету мимо. Его роль началась только в том случае, если бы покушение второго не удалось, и Плеве, отказавшись от дальнейшей поездки, повернул бы назад. Тогда его должна была настигнуть бомба Боришанского. За ним шел Сазонов: он был основным метальщиком. Если его удар попал в цель, то этим он спасал жизнь тех, кто шел следом за ним: им не пришлось бы входить в дело. Первым из этих следующих был Каляев, который за эти месяцы стал близким, интимным другом Сазонова. Последним шел Сикорский. Раз попав в эту сеть, Плеве не имел уже возможности вырваться из нее.

День был солнечный, ясный. Точно в назначенный час показались карета Плеве: он не опаздывал к докладам у царя. Случайно как раз около Сазонова кони замедлили бег: им приходилось обгонять чьи-то медленно тащившиеся дрожки. Быстро сойдя с тротуара, Сазонов бросился на перерез карете. Сквозь стекло дверки он увидел, как метнулся заметивший его Плеве, — в это самое стекло и ударила 12-ти фунтовая бомба. Раздался тяжелый, грузный звук взрыва.

Плеве поконичил свои земные счета.

... В тот же вечер об этом стало известно в Швейцарии. Под Женевой, на мирных берегах мирного озера, шел съезд заграничной организации социалистов-революционеров. В самый разгар серьезных прений ворвался кто-то с телеграммой в руках. «На несколько минут, — вспоминал позднее Слетов, — воцарился какой то бедлам. Несколько мужчин и женщин ударились в истерику. Большинство обнималось. Кричали здравицы. Каждый за себя и для себя, не слушая других. Как сейчас вижу Н.: стоит в стороне, бьет о пол стакан с водой и, со скрежетом зубов, кричит: вот тебе за Кишенев!»

ГЛАВА VII

Большой поход Боевой Организации

Убийство Плеве произвело огромное впечатление на все слои русского общества. А. В. Пешехонов в день убийства ходил по улицам Петербурга, прислушиваясь к долетавшим до него обрывкам разговоров, и вернулся с выводом, что это выступление Боевой Организации «можно считать одним из самых удачных актов революционной борьбы.» Поскольку речь идет об актах террористических, вывод этот несомненно правилен: на нем сходятся и все остальные свидетельства. Конечно, противники террора, как метода революционной борьбы, и после этого акта не изменили своего принципиального к нему отношения. Возражения общего характера, которые они выдвигали, по-прежнему оставались в силе. Но сам по себе взрыв бомбы на Измайловском проспекте даже противниками террора был воспринят, как чувствительный удар по абсолютизму, — по той системе, живым воплощением которой в тот момент был Плеве.

Особенно восторженно этот акт, как и следовало ожидать, был встречен социалистами-революционерами. Они его расценивали, как их победу, как их торжество. И только вполне естественно, что авторитет Азефа, — главного «организатора этой победы», — поднялся на небывалую высоту. Он сразу стал настоящим «героем» партии. В Женеве его ждала торжественная встреча. Забыты были старые споры, умол-

кли голоса недоброжелательства. Е. К. Брешковская, — старая революционерка, уже отбывшая две каторги в Сибири и теперь одна из основательниц партии социалистов-революционеров, пользовавшаяся огромным влиянием среди молодежи, — приветствовала его по старо-русскому обычаю: низким поклоном, до самой земли. Она не долюбливала Азефа. Он был чужим ей по духу человеком. Она никогда не могла понять, что именно привело его, — с его трезвым практицизмом и холодной расчетливостью, — в ряды революционной партии, куда она сама привыкла приводить лишь юных энтузиастов. И, не понимая его, она инстинктивно не доверяла ему: без осознанных мотивов, без конкретно осязаемых поводов, — лишь следуя тому здоровому инстинкту, который заставляет нормального человека с недоверием относиться ко всему, что не поддается разумному объяснению. По своей врожденной прямоте, она и не скрывала раньше этих своих недоверия и антипатии, — тем острее она чувствовала теперь потребность высказать свою признательность тому, кто, несмотря на все трудности и все недоверие, все же довел до успешного конца дело Плеве.

Этот земной поклон Брешковской был показателен не только для ее личного отношения к Азефу. Можно смело сказать, что вместе с нею перед Азефом склонилось общественное мнение всей партии вообще. Конечно, люди, питавшие к нему личную антипатию, еще остались, — и та же Брешковская в личных беседах с близкими друзьями признавалась; «не люблю я его.» Но даже те, кто так относился к нему лично, преклонялись теперь перед ним, как организатором-террористом. Террор взлетел на небывалую высоту. Он стал «святая святых» для всей партии, а Азеф — отныне всеми признанным «главой террора», имя которого ставится наравне и даже выше имен крупнейших террористов прошлого, — выше имен Желябова, Гершуни. Вокруг него создается настоящая легенда: он человек железной воли, неисчерпаемой инициативы, исключительно смелый организатор-руководитель, ис-

ключительно точный, «математический» ум. «Прежде у нас был романтик, — говорил Гоц, сопоставляя Азефа с Гершуни, — теперь у нас реалист. Он не любит говорить, он еле-еле бормочет, но уж он проведет свой план с железной энергией и ничто его не остановит.» Больше других в создании этой легенды участвуют члены Боевой Организации: они увлечены Азефом, идеализируют его и преданы ему. Свою дальнейшую работу они мыслят только под его руководством. Его положение, — положение неперменного руководителя Боевой Организации, — закреплено «в серьез и на-долго».

Но у самого «непреклонного террориста», счастливого «организатора победы» в первые дни после нее настроение было далеко не «победным». Плеве был крупной ставкой в его игре. Устранить его он хотел непременно и к этому устранению шел, нередко забывая свою обычную осторожность, отказываясь от своей обычной системы «перестраховок» на все стороны и от всех случайностей. В последнее время он весьма невысоко ставил проницательность своего полицейского начальства, мало с ним считался, мало его опасался. Но теперь, когда Плеве был устранен, когда обещание, данное им Гоцу, было выполнено, Азефа охватила тревога: не слишком ли он злоупотребил доверчивостью Ратаева? Лучше, чем кто бы то ни было другой, Азеф понимал, как много он оставил уязвимых мест. На их месте он сам, конечно, легко разглядел бы свою двойную игру. Не догадается ли Департамент, не заподозрит ли он его, — таковы были мысли, которые неизбежно должны были первыми притти в голову Азефа по получении известия об успехе покушения. И эти мысли его испугали.

Известия о результатах покушения Азеф вместе с Ивановской поджидал в Варшаве, — так было условлено с остальными членами Организации. Вечером накануне покушения они встретились в ресторане и до позднего часа опять и опять перебирали детали хорошо известного плана. Прощупывали, не упустили ли

какой-либо мелочи, не оставили ли какого-нибудь уязвимого места. Мысль была устремлена в одну точку. «Что-то ждет нас завтра?» — с тревогой в голосе говорил на прощание Азеф. На утро встретились вновь, — незадолго до того часа, когда по приблизительному расчету должно было прийти известие о покушении, — если бы таковое состоялось. Вместе шли по одной из главных улиц города, — по Маршалковской. Разговор, конечно, вертелся все вокруг той же темы. Около Венского вокзала откуда то выскочила и рассыпалась по улице стайка мальчишек-газетчиков со свежими выпусками экстренных телеграмм: покушение на Плеве, в него брошена бомба. Об исходе покушения телеграмма не говорила. «Неужели неудача?» — тревожно бросает Азеф: его все еще беспокоит только эта сторона дела. Через несколько минут новая ватага мальчишек с новыми телеграммами. «Азеф, — вспоминает Ивановская, — рванул дрожащими руками новую телеграмму: «Замордовано Плевего» (убийство Плеве), — громко читал он, и вдруг он осунулся, опустив свои вислые руки вдоль тела. — «У меня отнялась поясница», объяснил он.»

Было от чего: в эту минуту, конечно, он забыл обо всем, — кроме предстоящих объяснений со своим полицейским начальством. Как то закончатся они?

По уговору, Азеф вместе с Ивановской должен был ждать в Варшаве приезда Савинкова, принять от него полный отчет и дать указания относительно дальнейшей судьбы отряда. Но в назначенный час на место встречи с Савинковым явилась одна только Ивановская: не предупредив ее, Азеф уже в день покушения покинул Варшаву и с курьерским поездом помчался в Вену. Ему было ясно, что придумать какое-нибудь объяснение для своего внезапного отъезда, которое удовлетворит товарищей по Организации, не представит труда. Заботило его теперь совсем иное: он думал о создании хоть скольконибудь достаточного алиби в глазах полиции. Этой цели должна была служить его телеграмма из Вены к Ратаеву, посланная им тот-

час же по прибытии туда: совершенно незначительная по содержанию, она должна была документально доказать, что об убийстве Плеве Азеф узнал в Вене и что известие это для него было столь же неожиданным, как и для его адресата, для Ратаева.

Как показало дальнейшее, эта предусмотрительность Азефа была далеко не лишней: в тот момент его судьба действительно висела на волоске.

Убийство Плеве захватило Департамент врасплох. Возможность этого убийства там давно предвидели, с нею давно считались. «Время было такое, — объяснял позднее Лопухин, — что не надо было никаких тайных агентов, чтобы понять, что раз существует группа, проповедующая политический террор, Плеве должен стать первой его жертвой.» Целый ряд раскрытых подготовлений к этому убийству достаточно убедительно подтверждал правильность подобного «умозрительного» заключения. И все же у руководителей Департамента и у самого Плеве прочно держалась уверенность, что удар удастся отвести. А. Ф. Кони вскоре после взрыва на Измайловском проспекте рассказывал своим знакомым о встрече с Плеве. Они столкнулись незадолго перед тем на утренней прогулке на Аптекарском острове. Плеве гулял один, без всякой охраны, и Кони спросил его, как может он идти на риск подобных прогулок, зная, что революционеры мечтают о покушении на него. Плеве в ответ самодовольно усмехнулся: «обо всех их планах я буду знать заблаговременно». Он полагал, что не напрасно он в отмену всех правил разрешил Азефу войти в состав боевого центра социалистов-революционеров. С этой стороны он считал себя хорошо охраняемым. Тем неожиданнее был удар, нанесенный Сазоновым. В Департаменте растерялись и совершенно терялись в догадках. «Если Азеф ничего не знал, — говорили там, — то дело совсем плохо». Одно время думали даже, что авторами покушения были социалисты-поляки.

Когда пришлось поверить, что бомба брошена членом Боевой Организации, то в Департамент для объ-

яснений был вызван Ратаев. Нет никакого сомнения, что перед выездом в Петербург последний повидался с Азефом, но сведениями относительно этого их свидания мы не располагаем: свою «Историю предательства Азефа» Ратаев довел только до момента взрыва бомбы Сазонова. Но со свидетельства Лопухина мы знаем, что говорил ему Ратаев: по рассказам последнего, «Азеф свою неосведомленность в данном случае объяснил тем, что Департамент Полиции недостаточно, по его словам, осторожно относился к сообщаемым им сведениям, слишком часто пользуясь ими для предупреждения различных замыслов социалистов-революционеров, которые под впечатлением своих обусловленных таким образом неудач стали проявлять исключительную осторожность, пресекающую и для Азефа источник осведомленности как раз в самое тревожное время». Из этого ясно, что в разговорах с Ратаевым Азеф продолжал вести ту самую игру на задетом самолюбии последнего, которую он начал еще в дни ареста группы Клитчоглу, — и по прежнему имел полный успех. Во всяком случае перед Лопухиным он прикрыл Азефа, а Лопухин поверил его объяснениям, — или сделал вид, что поверил.

В результате — опасность прошла мимо Азефа. Об его действиях не было произведено никакого расследования, — а такое расследование неизбежно привело бы к весьма неприятным для Азефа результатам: теперь мы знаем, что в руках Департамента тогда имелось совершенно достаточно данных, сопоставление которых вскрыло бы игру Азефа. Следствие по делу Сазонова установило, что его товарищ по покушению, Силорский, последние перед покушением дни провел в Вильно. Было известно, далее, что как раз в те же дни жил в Вильно и Азеф: отсюда им был отправлен Ратаеву один из его докладов. Наконец, больной Сазонов (он был тяжело ранен при взрыве бомбы) в бреду назвал ряд имен, — и среди них имена «Валентина» и «тетушки», на свидание с которыми следует спешить. Этот бред был записан агентами Де-

партаментов и внимательно изучался ими, — а среди них были люди, хорошо знавшие, что «Валентин» это партийный псевдоним Азефа, под которым он известен широким кругам членов партии («тетушкой» Сазонов называл Ивановскую, и в своем бреде он имел в виду встречи в Вильно). Связать эти разрозненные указания и положить их в основу детального расследования, конечно, не представило бы затруднений для любого следователя средних способностей, — если бы только мысль начала работать в этом направлении, если бы существовала хоть тень желания выяснить эту сторону дела.

Но именно этой то тени желания у Департамента и не имелось. Впрочем, все следствие по делу об убийстве Плеве проведено с величайшей небрежностью: при чтении документов о нем, временами трудно отделаться от ощущения, что следователи только по обязанности участвовали в поисках виновников, что в душе они сочувствовали совершившемуся и готовы были присоединить свои голоса к хору радующихся. Всеми ненавидимый при жизни, Плеве всеми покинутым сходил в могилу.

Азеф, конечно, лучше других видел всю опасность своего положения. Он знал и про бред Сазонова, и про то, что факт пребывания Сикорского в Вильно установлен. Неумение полиции связать все эти нити было для него, — несомненно, — лучшим подтверждением его общего мнения об ее руководителях. Теперь он окончательно убедился, что обманывать их не представляет большого труда. Страх прошел. Тем с большей смелостью он повел дальше свою игру, — в том направлении, в котором он вел ее в эти дни подготовки убийства Плеве. Полицейские документы период после этого убийства склонны считать одним из наиболее блестящих во всей полицейской деятельности Азефа. Эта мысль вошла позднее и в известную речь Столыпина об Азефе в Государственной Думе. «Немедленно после этого (убийства), — говорил тогда Столыпин, — Азеф посылает чрезвычайно важные и

ценные донесения, которые ведут к раскрытию целого ряда преступных замыслов». В этой речи вообще много грубых ошибок, — данная принадлежит к числу грубейших. На деле, именно в этот период Азеф более смело, — вернее: более беззастенчиво, — чем когда либо, использует свое положение полицейского агента для прикрытия деятельности Боевой Организации*.

Члены этой последней вскоре после убийства Плеве собрались в Женеве. Подводили итоги, принимали дань преклонения за сделанное, готовились к дальнейшему. Здесь впервые им стало в подробностях известно о трениях в Центральном Комитете, — о желании некоторых членов последнего подчинить Боевую Организацию своему непосредственному и более строгому контролю, об оттенке критического отношения к ее личному составу, в особенности, к ее руководителю. Во многом теперь это была уже только история, — но история, которая сильно подействовала на настроение «боевиков». У них появились элементы раздражения против Центрального Комитета, — против тех, кто участвуя сам только в «мирной» работе партии, осмеливается критически относиться к ним, на каждом ша-

*) Донесения Азефа за этот период опубликованы в № 1 «Былого» за 1917 г. В. К. Агафонов («Заграничная Охранка», стр. 255) совершенно правильно отметил, что одни эти донесения не дают полного представления о выдачах Азефа, так как о многом он сообщал во время личных встреч со своим полицейским руководителем Л. А. Ратаевым. Но в нашем распоряжении, кроме этих донесений Азефа, имеется также «Краткий Обзор деятельности заграничной агентуры с 13 сентября 1902 г. по июль 1905 г.», составленный Ратаевым в начале 1906 г., когда он хлопотал об усиленной для себя пенсии. В этом Обзоре Ратаев стремится показать свою деятельность с наиболее выгодной стороны и особенно подробно перечисляет свои сообщения о деятельности Боевых групп. Скольконибудь существенных пропусков в этом Обзоре быть не может, а потому в сопоставлении с ним донесения Азефа совершенно достаточны для тех выводов, которые делаются в тексте. — За сообщение этого ценного документа, в литературе до сих пор неизвестного, автор приносит благодарность С. Г. Сватикову.

гу рискующим своею жизнью. Азеф умело использовал благоприятную для него обстановку. Он передавал об отдельных, случайно сорвавшихся замечаниях, о неодобрительных отзывах отдельных лиц, — не останавливаясь и перед прямым вымыслом, — и тем усиливал, разжигал недовольство. Действовал он очень осторожно. Формально все время как бы стремился смягчить обстановку, уговаривал не придавать большого значения отдельным словам отдельных лиц, — но на деле, конечно, своими рассказами постоянно подливал масло в огонь. Своей цели он достиг. Чтобы пересечь самую возможность попыток контроля со стороны Центрального Комитета, Боевая Организация выработала свой устав, который делал ее совершенно независимой от партийных центров. Формально во главе Организации был поставлен особый комитет из трех человек: Азеф, Савинков и Швейцер. Но фактически решающая роль была предоставлена «члену-распорядителю», каковым был выбран Азеф. В его же распоряжении находилась и касса Боевой Организации, в которую теперь поступали многочисленные специальные пожертвования, по свидетельству Савинкова (это вообще единственное, что мы знаем о размерах этой кассы), исчислявшиеся многими десятками тысяч. Права контроля над этой кассой Центральный Комитет не имел; комитет Боевой Организации, обладавший этим правом, никогда о реализации его не подумал. Азеф распоряжался ею так, как он хотел. А Департамент в это время все еще держал его на «жалких» 500 рублях месячного жалованья и при этом задерживал выдачу денег, причитавшихся Азефу в возмещение расходов по поездкам, произведенным по «служебным делам»!

Это укрепление положения Азефа в Боевой Организации влекло за собою укрепление его положения в Центральном Комитете. В последний он вошел еще в 1903 г., — в качестве преемника Гершуни. Но положение его там было далеко не прочно. Если были люди, сомневавшиеся в его пригодности для руководства

Боевой Организацией, то еще большие сомнения существовали по вопросу об его пригодности для поста одного из членов руководящего общеполитического коллектива партии. Азеф не скрывал своего пренебрежительного отношения к вопросам теории и программы. Он подчеркнуто гордился тем, что не принадлежит к числу «теоретиков» и третировал разговоры на эти темы, как «пустую болтовню». К социализму он относился по меньшей мере скептически, — и не делал из этого секрета. «Социальные проблемы он отодвигал в далекое будущее», — свидетельствует о нем Чернов. В беседе с Пешехоновым он высказывался еще откровеннее: «неужели вы верите в социализм?» — удивленно спрашивал он. — Это нужно, конечно, для молодежи, для рабочих, но не для нас же с вами...» И не только по вопросам программы он держался взглядов, столь мало согласуемых с программой той партии, в Центральный Комитет которой он входил. «В массы и в массовое движение, — пишет о нем Чернов, — как непосредственную революционную силу, он совершенно не верил; единственно реальной он признавал в данный момент борьбу за политическую свободу, а единственным действенным средством, которым располагает революция, — террор. Казалось иногда, что к работе пропаганды, агитации, организации масс он относится пренебрежительно, как к культурничеству, и «революцией» признает лишь борьбу с оружием в руках, ведомую немногочисленными кадрами конспиративной организации».

Свидетельства других современников звучат даже более определенно. Им не «кажется», — они совершенно точно утверждают, что именно в таком духе часто высказывался Азеф. Его называли «либералом с террором», — т. е. умеренным либералом по взглядам, которого только принятие террора, как метода борьбы против самодержавия, привело в ряды партии социалистов-революционеров. Он и сам этого не отрицал, и несколько позднее прямо говорил, что он вообще лишь «попутчик» партии, — что он уйдет из нее,

как только будет завоевана политическая свобода. В этих условиях странном приходится считать не то, что существовали люди, которые сомневались в пригодности Азефа для роли члена Центрального Комитета. Действительно странной, ненормальной была вообще возможность самого появления его в составе этого учреждения.

Политический успех дела Плеве вызвал усиление террористических настроений в партии. Быстрым скачком выросло «влияние сторонников исключительного значения политического террора и преобладающего значения Боевой Организации с ее специфическими чертами заговорщичества», — говорит об этом времени С. Н. Слетов. На террор партия возлагала свои основные надежды. В террор бросала она свои лучшие силы. Вокруг террора она концентрировала главную агитацию. Это влияло и на очередные лозунги партии, и на направление ее практической деятельности. Массовая работа в известной мере отступала на задний план. Горячее сочувствие, с которым убийство Плеве было встречено умеренно-либеральными кругами, создавало, казалось, достаточно прочную базу для установления длительного соглашения с ними. И действительно, попытка такого соглашения между социалистами-революционерами и либералами вскоре была сделана, — на «конференции представителей оппозиционных и революционных организаций русского государства», которая состоялась в октябре 1904 г. в Париже. Этот шаг был логическим выводом из переоценки роли политического террора.

На этой почве в партии нарастали большие конфликты, в которых Азеф играл большую роль. Он говорил мало, но в своих немногословных репликах яснее других, проще и грубее формулировал точку зрения заговорщически-террористического крыла. Все другие делали оговорки, вводили ограничительные толкования, связывали новый курс с общими социалистическими посылками. Азеф всем этим не интересовался. «Либерал с террором» по взглядам, он и по

существованию хотел, чтобы его партия стала на позицию приемлющего террор либерализма. И как это всегда бывает, последовательная четкость позиции придавала особый вес словам Азефа, привлекала к нему большее внимание. На глазах из технического руководителя Боевой Организации он перерос в вождя-практика террористически-заговорщического крыла партии.

Главной опорой Азефа в партии, была, конечно Боевая Организация. Он понимал это и делал все, чтобы прочнее закрепить свое в ней положение. Ее работе он уделял больше всего внимания, на нее он тратил больше всего старания и сил. И его роль в жизни Боевой Организации была действительно огромна. Правда, им не было обнаружено ни выдающейся инициативы, ни необычайного по своей широте размаха. Легенда о том, что именно он создал те новые методы террористической борьбы, которые Боевая Организация применила в 1904—06 гг., — только легенда. В гораздо большей мере, чем Азеф, действительную инициативу в деле поисков новых путей проявлял М. Р. Гоц, который тем больше думал над этими вопросами, чем меньше он сам по болезни мог принять непосредственное участие в террористической работе. Обычно именно он подавал новые идеи, — Азеф их уточнял, разрабатывал и проводил в жизнь. Но начальником генерального штаба Боевой Организации был именно Азеф, вся основная штабная работа лежала на нем, равно как и вся основная работа организационного характера. И в этих областях его роль была действительно очень большой, его влияние на жизнь Боевой Организации — определяющим.

Это влияние начиналось с момента подбора членов Организации. Прием в нее новых членов производил обычно сам Азеф, который цепко держался за эту свою функцию, — особенно в начале. К кандидатам он предъявлял большие требования и отбор среди них производил очень строгий. Очень характерны приемы, к которым он при этом прибегал. Его предшествен-

ник на посту руководителя Боевой Организации, Гершуни, встречаясь с новым добровольцем, передавал ему частичку своего собственного увлечения террором. Неправильно было бы думать, что он сознательно стремился «завлекать» молодежь на путь террористической борьбы. Такого грубого утилитаризма в его поведении не было. Но даже независимо от своего желания, своими речами, своей собственной верой, всей сосредоточенной страстностью своей натуры, он разжигал во встречных жажду борьбы, пафос самопожертвования. Азеф, наоборот, прежде всего пытался отговорить такого кандидата от этого его намерения, подчеркивал все трудности той работы, которая предстоит террористу, уговаривал итти не в террор, а заняться какой-либо другой формой партийной работы. Даже такие недоброжелательные к Азефу свидетели, как Слетов, говорят, что в подобные моменты Азеф проявлял себя человеком, «вполне по товарищески относящимся к людям.» Иногда Азеф как будто бы даже сознательно стремился оттолкнуть нового кандидата, — и чем больше пафоса этот последний проявлял, чем с большим подъемом он говорил, тем, кажется, меньше было у Азефа желания принять его в Боевую Организацию. Горячим фразам Азеф не верил, — и только тогда, когда испытуемый показывал, что решение пойти в террор им хорошо выношено, что оно им проверено наедине с самим собою, что идет он не под влиянием минуты, не увлеченный красивыми словами, — только тогда перед ним открывались двери Организации.

Нет никакого сомнения, это поведение Азефа определялось его общим неверием в людей. Бесспорно так же, что большую роль играло и профессиональное положение Азефа: он не просто боялся измены, — он опасался предательства, которое разоблачит его двойное собственное предательство. Но каковы бы ни были эти мотивы, одно ясно: результаты их с точки зрения интересов Боевой Организации были положительными. В то время, как среди террористов, за-

вербованных Гершуни, имелся целый ряд лиц, не устоявших во время испытаний тюрьмою и страхом предстоящей казни (Григорьев, Юрковская, Качура), — Боевая Организация эпохи Азефа не знала предателей, — если, конечно, не считать его самого.

К уже принятым членам Организации Азеф, как правило, проявлял самое заботливое внимание: спрашивал о личных нуждах, входя даже в мелочные детали, давал советы, указания. Обо всем помнил, все замечал. Об этом в один голос говорят все, кто имел с ним дело. «Нам всем,— т. е. всем членам Боевой Организации, — вспоминает один из таковых, В. М. Зензинов, — Азеф казался необычайно внимательным, чутким и даже нежным.» Конечно, такое отношение было деланным. Гораздо более естественным Азеф бывал в те минуты, когда он срывался с этого сознательно выбранного тона и, как резюмирует «Заключение Судебно-Следственной Комиссии по делу Азефа», «выказывал присущие его натуре жестокость и черствость». Но те, с которыми Азеф имел дела, внимание обращали не на эти последние черты, объясняя их теми или иными случайными причинами, а на обычную заботливую внимательность Азефа и соответственным образом относились к нему. «Странно и даже кощунственно вспомнить, — пишет тот же Зензинов, — но я должен сказать: все работавшие с ним в терроре товарищи не только безмерно уважали, но и горячо его любили!»

Нет никакого сомнения в том, что подобное отношение к членам Организации было результатом сознательно продуманной линии: превращая Боевую Организацию в опорный пункт своего влияния, Азеф не мог не стремиться прочнее привязать членов этой Организации к себе лично. Так он прочнее держал Организацию в своих руках, — и он действительно достиг своей цели: «боевики» последними поверили в его измену.

Так строя свои личные отношения с членами Организации, Азеф в то же время систематически про-

водил полное обособление ее от остальных организаций партии. В известных пределах такое обособление вызывалось самим характером деятельности «боевиков». Но Азеф это обособление возвел в принцип, довел его до крайних пределов и к обособлению организационному прибавил элементы обособления психологического. Систематически он воспитывал среди «боевиков» пренебрежительное отношение ко всем другим родам партийной работы, неверие в массы и массовое движение, индифферентизм к вопросам теории и программы. Вслед за Азефом они начинали все это считать «пустяками», которые не заслуживают серьезного внимания. Важно, значительно только одно: та охота за представителями власти, которую ведут они, члены Боевой Организации. Надо здесь же подчеркнуть, далеко не все члены последней поддавались этому влиянию Азефа. Да и не все они были в одинаковой степени важны для последнего. Те «боевики», которые приходили в Организацию, чтобы принять непосредственное участие в террористическом акте и отдать при этом свою жизнь, на политику этой Организации влияния оказывали мало. Важны были главным образом «старшие офицеры» Организации, игравшие роль помощников Азефа в подготовительной организационно-технической работе. На них больше всего внимания обращал Азеф, и именно они, в первую очередь среди них должен быть назван Савинков, сильнее других подпадали под его влияние. Именно у них развивалось то настроение, которое позднее А. Н. Слетовой-Черновой было очень метко названо «психологией революционных кавалергардов».

Поздней осенью 1904 г. Боевая Организация, сильно пополненная в своем составе, стала готовиться к новому походу.

В Париже состоялись совещания руководителей Боевой Организации с членами Центрального Комитета. На этих совещаниях было решено в первую очередь ударить по вождям придворной реакционной

партии, каковыми в то время являлись великие князья Сергей и Владимир Александровичи, — два старшие дяди царя, ближайшие и наиболее влиятельные его советники, сопротивлявшиеся всякого рода прогрессивным реформам. Убийство их, — помимо всего прочего, — звучало бы, как совсем прямое предостережение их племяннику-царю. Кроме них было поставлено на очередь давно уже намеченное дело против киевского ген.-губ. Клейгельса. Предполагалось, что все эти три удара, — в Петербурге, Москве и Киеве, — будут нанесены приблизительно в одно и то же время. Это, конечно, должно было увеличить их резонанс и значение.

В соответствии с этим планом, Боевая Организация выделила три отдельных отряда. Во главе петербургского встал М. Швейцер, во главе московского — Савинков, во главе киевского — Боришанский. Размеры отрядов были различны: в состав киевского входило всего три человека, в состав московского — четыре. Задачи петербургского отряда были наиболее сложны. Кроме основной, — убийство вел. вн. Владимира, — перед ним были поставлены и некоторые добавочные, тоже нелегкие и значительные: он должен был выяснить возможности устранения также и некоторых других представителей власти, — товарища мин. вн. дел Дурново, позднее петербургского генерал-губернатора Трепова, — а потому его состав доходил до 15 человек. Недостатка в добровольцах не было: желающих принять участие в работе Организации было значительно больше, чем она могла вместить. В изобилии имелись и материальные средства.

Азеф руководил разработкою всех этих планов, подбирал людей, распределял роли. Под его верховным руководством работала лаборатория в Париже, в которой изготовлялся необходимый динамит. Он налаживал переправу последнего в Россию. Он добывал паспорта и снабжал ими выезжавших в Россию «боевиков». Во второй половине ноября 1904 г. основные группы их тронулись в путь. Азеф оставался загра-

ницей: он должен был приехать несколько позднее, когда отряды обоснуются на местах, закончат предварительную разведку и вплотную подойдут к решающим действиям. Тогда, — по плану, — должен был приехать Азеф в качестве так сказать верховного ревизора, проанализировать собранный материал, пересмотреть наново и утвердить планы действия. Риск для своего главного руководителя Боевая Организация сознательно стремилась свести к предельному минимуму.

Все это время Азеф, конечно, не забывал и о Ра-таеве. В течении второй половины 1904 г. он представил целый ряд докладов, о которых его полицейское начальство даже много позднее вспоминало, как об особенно ценных, — и они действительно были такими. Он подробно сообщил о съезде представителей заграничных организаций партии социалистов-революционеров, о международном социалистическом конгрессе в Амстердаме, о переговорах партии социалистов-революционеров с финляндской революционной партией «активистов», о парижской конференции «революционных и оппозиционных партий» и о многом другом.

Но подробность этих отчетов отнюдь не свидетельствовала ни о полноте даваемой Азефом информации, ни о точном ее соответствии с действительностью. Изучая их теперь, мы легко можем понять и действительные мотивы поведения Азефа, и характерные особенности его метода «работы».

Он сообщает очень подробно и, повидимому, вполне точно обо всем, что относится к области переговоров социалистов-революционеров с другими партиями. Склонности щадить секреты этих других партий у него нет и в помине. Но событиям внутренней жизни партии социалистов-революционеров он придает вполне определенное освещение.

Департамент, — как это легко понять, — больше всего интересовался террористической деятельностью партии. Азефа прямо засыпали вопросами этого ро-

да. На них концентрировалось основное внимание. Не давать никаких данных о терроре Азеф не мог. И он их давал, — но давал сознательно ложные, наводящие полицию на ложный след, уводящие ее поиски в сторону от действительной работы Боевой Организации.

Согласно его донесениям, своей ближайшей задачей в области террора партия социалистов-революционеров ставит убийство царя. Это решение якобы принято на съезде зарубежных организаций социалистов-революционеров в июле 1904 г., и Азеф несколько раз подчеркивает: «покушение на его величество готовится, — для меня это не подлежит никакому сомнению». Это была сознательная неправда, так как не только никакого покушения на царя тогда не готовилось, но и вообще вопрос этот серьезно не ставился. «Центр тяжести Боевой Организации, — доносил далее он, — находится в Одессе», — т. е. городе, к которому эта Организация тогда никакого отношения не имела, но в котором жило много стариков — бывших политических ссыльных и каторжан по различным процессам 1870—80-х гг. В подавляющем большинстве они теперь примыкали к социалистам-революционерам; многие из них поддерживали ту оппозицию против Азефа, с которой последнему еще совсем недавно пришлось пережить так много неприятных столкновений. Именно этих «стариков» Азеф стремился теперь выдать за членов Центрального Комитета партии и за руководителей Боевой Организации. Поименно из них он называл В. И. Сухомлина, Н. Геккера, Гедеоновского и др., — людей, которые тогда в состав Центрального Комитета не входили, а к Боевой Организации вообще никогда отношения не имели.

Наиболее опасными террористами-практиками Азеф выставял Слетова и М. Селюк — наиболее решительных противников того террористического крыла, вождем которого был Азеф. Их он аттестует как членов Центрального Комитета, посылаемых в

Россию «для руководства террористическими предприятиями» и в первую очередь покушением на царя. Все это самым грубым образом расходилось с действительностью: Слетов ехал в Россию после своего выхода из Центрального Комитета не для террора, а для постановки массовой работы среди крестьянства. Он был противником одностороннего увлечения террором. Азеф это превосходно знал, и сознательно давал ложные сведения, чтобы тюремная дверь за Слетовым захлопнулась поплотнее и чтобы он, Азеф, на более долгое время был избавлен от неприятной борьбы с противником его политической линии. Эта цель была достигнута. На основании донесений Азефа Слетов и затем Селюк были арестованы и вышли на свободу только много позднее, уже после октябрьской амнистии 1905 г.

Аналогичным образом Азеф рекомендует полиции и других своих фракционных антагонистов. Их стремится устранить во что бы то ни стало!

Совсем иной характер носят сообщения Азефа, — поскольку речь заходит об его ближайших соратниках — действительных членах Боевой Организации. По его письмам к Ратаеву можно проследить; с каким старанием пытается он отвести подозрения полиции от них всех. Ни одного имени он не называет по доброй воле. В тех случаях, когда ему приходится отвечать на запросы Ратаева, получившего сведения о членах Боевой Организации из какого-нибудь другого источника, Азеф всегда пытается или отрицать свою осведомленность, или отвести подозрение по ложному следу. Только тогда, когда полиция и без того хорошо осведомлена, Азеф подтверждает ее сведения. Именно так он поступает относительно Савинкова: на первые запросы он отвечал уклончиво, — и только тогда, когда Ратаев прислал ему карточку Савинкова, Азеф признал, что именно это лицо и является террористом, известным под именем «Павел Иванович». И во всяком случае ни одного раза он не дает ни одного указания, которое в той или иной мере могло бы

помочь установлению слежки за тем или иным членом Боевой Организации или привести к его аресту.

Таков был общий характер «работы» Азефа для полиции в этот период. Он подробно информировал ее о всевозможных конференциях и совещаниях, которые носили общеполитический характер. Он предавал всех, кто выступал в качестве оппозиции к нему, Азефу, не останавливаясь при этом перед прямыми измышлениями, — лишь бы попрочнее засадить в тюрьму таких неудобных для него оппозиционеров. Но он не только не выдавал ничего, что имело прямое или косвенное отношение к руководимой им, Азефом, Боевой Организации, — он, наоборот, делал все, чтобы последнюю охранить. Для этого он постоянно старался осведомляться от Ратаева о том, что полиция узнавала из других источников, — и судя по документам, ему удавалось в этом отношении добиваться достаточно многого: Ратаев верил «старому сотруднику», потерять которого он, как он писал Азефу, «боялся больше всего на свете».

*

При таком заботливом прикрытии тыла переброска отрядов Боевой Организации из Парижа в Россию удалась как нельзя лучше: без единого провала все члены Организации добрались до назначенных мест и приступили к подготовительной работе.

Тем временем общие события в России нарастали быстрым темпом. Поражение за поражением следовало на Дальнем Востоке. Росла безработица. В напряженной атмосфере достаточно было искры, чтобы произошел взрыв. За этой искрой остановки не случилось: из за какой то мелочи были уволены пять рабочих на одном из заводов Петербурга. В период кризиса, который царил тогда, увольняемых было много тысяч, и ничьего внимания эти увольнения к себе не привлекали. На этот раз случилось иное. В виде протеста против увольнения забастовали сначала их ближайшие товарищи, — одна смена соответ-

ствующего цеха. Их поддержал весь завод. Весть о стачке перелетала из фабрики на фабрику, с завода на завод. Она так отвечала общему настроению, что казалось по собственному почину повсюду тревожно гудели заводские сирены, рабочие останавливали машины и через не в обычное время распахнутые заводские ворота черным потоком выливались на улицы рабочих предместий. Через несколько дней стоял весь город, а в ближайшее воскресенье многотысячные толпы, с иконами и царскими портретами, тянулись через городские заставы к Зимнему Дворцу, чтобы там «самому царю» вручить покрытую многими десятками тысяч подписей петицию с перечислением своих нужд, с изложением своих требований. Их встретили залпы, унесшие многие сотни человеческих жизней, — и навсегда разбившие одну большую, старую иллюзию. На утро в рабочих предместиях уже пели:

Побежденный на Востоке,
Победитель на Руси, —
Будь ты проклят, царь жестокий,
Царь запятанный в крови!

И вторя этому настроению, священник Гапон, — авантюрист и проходимец, по воле исторической случайности взнесенный в тот день на вершущку народной волны, — провозглашал в своих воззваниях: «У нас нет больше царя»... «Берите бомбы и динамит, — все разрешаю!»

Так кончалось «кровавое воскресенье» 9—22 января 1905 г., которое поставило одну из значительнейших вех в истории России последнего столетия.

Все эти события не могли не действовать на членов Боевой Организации, как шпоры на горячую лошадь. Общая обстановка нервировала их. Хотелось спешить с выступлением, — ведь это выступление так хорошо отвечало бы общей напряженной атмосфере. Все время рождались новые и новые планы. Казалось, что существует возможность убить самого царя. Тем

острее находившиеся в России работники Боевой Организации ощущали отсутствие среди них ответственного «члена-распорядителя», который мог бы разрешить сомнения и дать руководящие указания.

К Азефу в Париж летели самые настоятельные призывы немедленно приехать на место действия. Но к этому Азеф менее всего чувствовал себя склонным. Он был уверен, — точнее: он вполне определенно знал, — что второй раз провести ту игру, которую он провел в деле Плева, ему не удастся. Он знал, что полиция теперь догадается об его предательстве, что его роль будет разоблачена. В неизбежной перспективе вставало не только крушение всех заманчивых житейских планов, которые он так заботливо создавал для будущего, — под угрозу ставилась сама его жизнь. А этот «суровый террорист» и «непреклонный революционер», этот «азартный игрок» человеческими головами, как рисовала, а порой и теперь еще рисует творимая легенда, — в глубине души был жалким, физиологическим трусом, влюбленным в маленькие радости жизни и судорожно за них цепляющимся. Поэтому то одна мысль о предстоящей поездке в Россию приводила его в подлинный трепет, — бросала его в состояние настоящей истерики. В одну из таких минут его случайно подсмотрела Ивановская. «По какому то неотложному делу, — вспоминает она, — я однажды зашла в квартиру жены Азефа. Толкнувшись в первую комнату и не найдя там никого, я заглянула в полуоткрытую дверь второй комнаты, рассчитывая там встретить хозяйку. Мелькнувшая перед глазами картина заставила меня быстро попятиться назад, но и в этот краткий момент память успела зафиксировать слишком многое. На широчайшей кровати, полуодетый, с растегнутым воротом фуфайки, лежал откуда то вернувшийся Азеф... Его горой вздувшееся жирное тело тряслось, как зыбкое болото, а потное, дряблое лицо с быстро бегавшими глазами втянулось в плечи и выражало страх избиваемой собаки с вверх поднятыми лапами. Это большое, грузное существо дро-

жало как осиновый лист (как я узнала это впоследствии), только при мысли о необходимости скорой поездки в Россию». Страх перед этой поездкой доходил до того, что Азеф готов был бросить все и умолял свою жену уехать с ним в Америку.

В таких условиях серьезно думать об его поездке в Россию, конечно, не приходилось. Молодые начальники отправленных в Россию отрядов были предоставлены собственным силам. Все решения им приходилось принимать на свой страх, всю работу проводить самим, без чьих либо руководящих указаний. Из заграницы приходили одни только известия о необходимости спешить, о политической важности как можно более скорого выступления. И это только увеличивало то нервное напряжение, которое создавалось и общей атмосферой, и обстановкой работы. А если чего этим молодым начальникам отрядов и не хватало, так это как раз спокойной методичности в работе, — той холодной уравновешенности, которая дается только в результате большого опыта.

Из большого плана, намеченного за границею, осуществиться удалось только одну часть: брошенной И. П. Каляевым бомбою 17-го февраля 1905 г. в Москве был убит вел. кн. Сергей Александрович. От киевского предприятия скоро отказались: преследование провинциального ген.-губ., повидимому, казалось Боришанскому делом слишком второстепенным, — таким оно и было в действительности, — и он поспешил переехать в Петербург, чтобы принять участие в работах здешнего отряда. Именно здесь Боевая Организация должна была нанести теперь свой главный удар. Он был намечен на 1—14 марта 1905 г. В этот день все виднейшие представители власти должны были собраться в Петропавловский собор ко гробу убитого за 34 года перед тем императора Александра II для очередной панихиды. Боевая Организация предполагала запретить все пути к собору и в четырех из гостей должны были быть брошены бомбы: в вел. кн. Владимира Александровича, в петербургского ген.-губ.

Трепова, в министра внутренних дел Булыгина и в его товарища П. Н. Дурново. Это был бы действительно небывалый по силе удар: Боевая Организация собиралась справить достойные поминки по тем, кто за 34 года перед тем отдал свои жизни в борьбе против Александра II.

Всею работой по его подготовке руководил Макс. И. Швейцер, — едва ли не наиболее талантливый и симпатичный из всех молодых террористов. Истинный демократ и социалист по настроениям, он принадлежал к числу тех немногих террористов, которые совершенно не поддавались на все попытки Азефа пропитать их пренебрежительным отношением к массам. Он интересовался европейским социалистическим движением и внимательно следил за его успехами.

Durch die Gassen
Zu den Massen, —

эти слова венской рабочей песенки он любил мурлыкать себе под нос за опасной работой в лаборатории. И они весьма характерны для его настроений: в своем сознании через «переулочек» террора он шел к широкому, массовому социалистическому движению будущего.

Молодой, красивый, на редкость смелый и бесстрашный, он был богат инициативой, крепок и вынослив, и если чем грешил, так это только молодой самонадеянностью. На этот раз он не рассчитал своих сил и взял на свои плечи явно непосильную ношу: ту работу, которую осторожный Азеф в период дела Плеве распределил между тремя, Швейцер теперь, в несравненно более сложном предприятии, выполнял один. Он не только нес на себе всю основную работу главного организатора, не только непосредственно сам сносился со всеми членами непомерно разросшегося отряда, — он оставил за собою и функции техника при снаряжении бомб. Это была в высшей степени опасная работа, так как малейшая невнимательность, самая незначительная оплошность или небрежность, могла повести к взрыву и следовательно гибели ли-

ца, занятого этой работой. Швейцар не хотел подводить под этот риск никого другого. Химик по специальности, он считал, что меньше других рискует при выполнении этой операции. У него действительно был большой опыт в таких делах. Находчивость и никогда его не оставлявшее хладнокровие до сих пор всегда помогали с честью выходить из весьма опасных положений. Теперь случилось иное. Он явно переутомил себя напряженной работой. 10-го марта вечером он в последний раз встретился с ближайшими товарищами по руководству делом, — с Ивановской и Н. С. Тютчевым, членом Центрального Комитета. Впервые за все время они почувствовали какой то намек на колебания в его голосе, какую то тень усталости в движениях. Эта усталость погубила его. Ночью на 11 марта в своем номере гостиницы он снаряжал бомбы, которые на завтра должен был раздать членам отряда. Какое то неверное движение вызвало взрыв. Швейцар был разорван на куски...

Его смерть внесла естественное расстройство в работу отряда. В довершение всего на его след напала полиция: близко к отряду удалось подойти провокатору, который указал полиции на некоторых из его участников. Это была нить, по которой был прослежен весь отряд. Члены его чувствовали, что вокруг них опускаются сети. Осторожность требовала сняться с мест, скрыться, — чтобы затем, осмотревшись и реорганизовавшись, вернуться вновь к работе. Но было жалко бросать то, на что потрачено так много сил. Покушение 14-го марта, конечно, не могло состояться, но частное выступление против Трепова и Булыгина казалось возможным провести. К тому же со дня на день ждали возвращения из-за границы Савинкова, который туда уехал по окончании московского дела. Была надежда, что с ним придет и Азеф. А бегство отряда могло поставить их в очень тяжелое положение, так как они остались бы без явок и связей. Решено было ждать их приезда и уже только затем приступить к нужной реорганизации. Это было ошиб-

кой. Ни Савинков, ни тем более Азеф в путь не трогались: Азеф тормозил этот отъезд. А между тем полицейские сети сомкнулись: 29—30 марта в Петербурге были произведены аресты всех оставшихся членов отряда. Только одной Д. В. Бриллиант удалось ускользнуть. При обысках был взят динамит. Полиция торжествовала. Со слов ее руководителей, «Новое Время», — влиятельная реакционная газета в Петербурге, — говорила об этих арестах, как о «Мукдене русской революции». Еще раз жестоко «побежденный на Востоке» абсолютизм наивно думал, что он спасет себя этой маленькой «победой на Руси».

ГЛАВА VIII

Два предателя

Но если не для революции вообще, то для Боевой Организации партии социалистов-революционеров аресты 29—30 марта действительно явились тяжелым, непоправимым разгромом, — настоящим «Мукденом» ее главной армии: большой поход, организованный ею с таким колоссальным напряжением всех сил, — поход, на котором она и политически сконцентрировала свои основные надежды, — закончился полным поражением. Это был не только материальный, не только организационный удар. Это был удар политический. «Впоследствии Боевая Организация, — рассказывает летописец последней, Савинков, — никогда уже не достигала такой силы и такого значения, каким она пользовалась» в период между убийством Плеве и петербургскими арестами. Важна была не столько гибель всего старого личного состава Организации, который уже побывал под огнем и имел известный навык в боевой работе. Гораздо большее значение имел тот факт, что Боевая Организация в результате этих арестов оказалась отсутствующей на арене политической борьбы в момент, когда ее присутствие там с точки зрения ее идеологов должно было казаться наиболее необходимым.

В дни упоения успехом в деле Плеве сложилась концепция о ведущей роли Боевой Организации: она

с ее террором должна была идти впереди всего революционного движения в стране, концентрируя на себе общее внимание, привлекая общие симпатии. Массовое движение мыслилось как фон, на котором разворачивается героическая борьба одиночек из Боевой Организации. К выступлениям этой последней должны приурочиваться всевозможные массовые демонстрации и политические заявления. Эта концепция вождей Боевой Организации пользовалась большим влиянием не только внутри партии социалистов-революционеров. К ней склонны были тяготеть многие представители и других политических группировок. Вопрос о политических демонстрациях, разворачиваемых вокруг террористических актов, был одним из главных пунктов конкретной программы политического действия, намеченной на упомянутой выше парижской конференции представителей оппозиционных и революционных партий в октябре 1904 г. Даже наиболее осторожные участники последней, — представители русских либералов и польских национал-демократов, — соглашались приурочивать организуемые ими кампании (подача петиций, выступления на земских собраниях и т. д.) к моментам совершения террористических покушений. Обстановка, которая существовала в России в дни Плеве, создала иллюзию реальности подобного рода концепций: этот удар действительно был нанесен одиночкой в момент, когда страна молчала.

И вот теперь положение в корне менялось. Массовое движение развернулось с небывалою силой. Волна стачек, демонстраций, крестьянских волнений, различных восстаний, — короче: волна массового движения во всех его формах, — шла прогрессивно нарастая. Оружие же центрального террора отказалось служить. В наиболее нужный момент героическая одиночка, которая должна была вести за собою массы, сама оказалась в нетях...

Это было похоронами тех заговорщицески-террористических иллюзий, которые ярким пламенем

вспыхнули в дни Плеве. Героический период Боевой Организации кончался. Начинались ее будни.

Известия о событиях в Петербурге, конечно, не могли не произвести огромного впечатления на находившихся в это время за границей членов руководящего коллектива Боевой Организации, — на Азефа и Савинкова. Уже после телеграммы о гибели Швейцера было ясно, что им необходимо спешить в Петербург: среди оставшихся там членов отряда не было людей, достаточно квалифицированных для самостоятельного ведения столь сложного предприятия. По рассказу Савинкова, он тогда же предложил Азефу немедленно вместе выехать в Петербург. После сказанного выше о тогдашних настроениях Азефа, ясно, что Азефу эта поездка менее всего могла казаться заманчивой. Не отказываясь прямо, — такой отказ теперь дискредитировал бы его, — Азеф стал затягивать свой отъезд, ссылаясь на необходимость предварительно урегулировать лежавшие на нем общепартийные обязанности: это была его обычная система отговорок. Савинков мог поехать один, — тем более, что это было им обещано петербуржцам и они его там ждали. Но он решил дожидаться Азефа, — хотя ему не могло не быть ясно, что в создавшейся обстановке дорог каждый день, быть может, даже каждый час. И действительно умелый руководитель еще мог бы многое спасти: документы показывают, что большинство членов отряда было прослежено полицией уже после гибели Швейцера... Но такой руководитель из-за границы не приехал. Петербургский отряд фактически был брошен на произвол судьбы, — и вскоре Азеф с Савинковым имели возможность читать обширные телеграммы иностранных газет с подробными отчетами о петербургских арестах.

Ехать в Петербург теперь уже не было необходимости: спасти было некого. Боевая Организация фактически на время перестала существовать, — ее нужно было строить на-ново.

Точных сведений о причинах петербургских арестов не имелось. В их обстановке был целый ряд подозрительных моментов, но собрать сведения о них и произвести нужные сопоставления удалось только значительно позднее. О том, что виновником арестов является предатель, в начале не подозревали. А между тем такой предатель существовал.

Им был Ник. Юр. Татаров. Он был не новичком в революционном движении: впервые он понес кару еще в 1892 г. за участие в одной студенческой истории. Позднее он был три раза арестован по различным политическим делам и в конце 1901 г. выслан в Восточную Сибирь. Ссылку он отбывал в Иркутске, — столице Восточной Сибири, — и здесь близко сошелся с рядом старых ссыльных, бывших деятелей партии «Народной Воли». Под их влиянием он примкнул к молодой партии социалистов-революционеров и быстро занял видное место в сибирских организациях последней. Им была организована иркутская тайная типография этой партии, в которой было напечатано несколько брошюр и прокламаций. Типография эта осталась нераскрытой полицией, и рассказы о ней не мало способствовали закреплению репутации Татарова, как опытного конспиратора и убежденного революционера.

Это последнее далеко не соответствовало действительности. Позер и любитель хорошо пожить, в революционное движение Татаров пошел только потому, что это давало возможность играть видную роль в той студенческой среде, в которой он вращался. Ни глубоких убеждений, ни стойкости у него не имелось.

Пребывание в ссылке «излечило» его от увлечения революцией, а родственные связи и знакомства позволили ему нащупать пути к заманчивой карьере, которая обещала дать много денег и возможностей хорошо пожить. Его отец был протоиереем кафедрального собора в Варшаве и имел обширные связи среди

высших чинов администрации и полиции. Он был знаком и с гр. Кутайсовым, — ген.-губ. Восточной Сибири, — который в прежние годы служил в Варшаве в качестве начальника варшавского жандармского округа. Один из сыновей Кутайсова был сверстником и едва ли не школьным товарищем Татарова — сына. В Иркутске знакомство было восстановлено, и политический ссыльный, организатор революционной типографии, бывал в гостях в доме генерал-губернатора. Старик Кутайсов вспомнил о своей бывшей жандармской практике и соблазнил Татарова заманчивой карьерой провокатора. Он же служил и посредником на первых стадиях переговоров Татарова с Департаментом Полиции. Последний с радостью ухватился за предложение: время было тревожное, центральной агентуры среди социалистов-революционеров Департамент не имел, — кроме Азефа, который жил за границей и сведения которого далеко не удовлетворяли Департамент. Новый агент, имеющий обширные связи в центрах партии, был как нельзя более желателен для Департамента. 27-го января 1905 г. Департамент по телеграфу дал разрешение Татарову на выезд в Петербург: официальным предлогом досрочного освобождения из ссылки была болезнь старика-отца; разрешение на заезд в Петербург было мотивировано семейными обстоятельствами. 9-го февраля Татаров выехал из Иркутска и около 20-го прибыл в Петербург.

Здесь он нашел целый ряд своих знакомых по Иркутской организации социалистов-революционеров, занимавших видные посты в партии социалистов-революционеров: Фриденсона, Тютчева и др. Как хорошо известного им партийного товарища, они осведомили Татарова о партийных новостях. Из этих рассказов ему стало известно, что в Петербурге находится отряд членов Боевой Организации и что в его состав входит, между прочими, Ивановская, которую Татаров знал по Сибири. Последняя жила нелегально, но кто то был так неосторожен, что сообщил Татарову

и ее адрес. Это была исходная точка, опираясь на которую полиция начала свое наблюдение.

Во время арестов 29—30 марта Тютчева не тронули, дав ему возможность скрыться: как видно из документов Департамента, сделано это было «в видах охранения агентурного источника», т. е. для того, чтобы Татаров и в будущем имел возможность использовать свои хорошие отношения с Тютчевым в целях получения нужной информации. Этот расчет был правилен: Тютчев помог Татарову стать сначала разъездным агентом Центрального Комитета, а затем и членом последнего. Правда, степень доверия к нему была совершенно иной, чем к Азефу; в частности к делам Боевой Организации его совершенно не подпускали. Но во всяком случае возможность узнавать очень многое Татаров приобрел. Отныне внутри Центрального Комитета полиция имела уже не одного, как было раньше, а двух агентов. Монополии Азефа в деле осведомления Департамента о внутренней жизни центров партии социалистов-революционеров пришел конец.

Трудно сказать, когда именно Азеф узнал об этой перемене в своем положении. Вернее всего, что первые подозрения у него возникли уже после петербургских арестов 29—30 марта. Ему самому слишком часто приходилось вместе с Зубатовым и Ратаевым разрабатывать такие планы арестов, при которых действительный предатель оставался в тени, чтобы он не мог не понять общего значения того ребуса, который представляла картина петербургских арестов. Кроме того, кое о чем он должен был догадываться по тем запросам, которые приходили из Департамента и становились ему известными от Ратаева. Но с другой стороны, все эти источники показывали, что информация, которую располагал Департамент, не отличалась в отношении Боевой Организации ни точностью, ни полнотою. Татаров сам многого не знал, путался в своих догадках и путал Департамент. Так в первых сообщениях об арестах говорилось, что в

числе арестованных находится Савинков, и Департамент долго держался за это предположение, путая Моисеенко с Савинковым. Далее Департаменту так и не удалось раскрыть настоящее имя Швейцера. По-прежнему совершенно не разъясненными для Департамента оставались дела об убийствах Плеве и вел. кн. Сергея. Все это свидетельствовало, что источник информации, которую располагал Департамент, сам о многом не был осведомлен, а следовательно не принадлежал к числу центральных деятелей партии и во всяком случае не принадлежал к Боевой Организации. Вернее всего, что именно таков был вывод, который делал Азеф в течении первых месяцев после петербургских арестов. В полном соответствии с этим стояло и его поведение: он заметно увеличил свою осторожность в донесениях Ратаеву, стал еще более подозрителен при приеме новых членов, — но общей линии своего поведения все еще не менял.

В партийных кругах тем временем создалась совершенно новая обстановка. Влияние чисто террористического крыла, под влиянием роста массового движения в стране, становилось все меньшим. Велась работа по доставке в Россию огромных партий оружия и по подготовке на лето массовых крестьянских восстаний. Азеф был решительным противником этих планов, и «презрительно пофыркивал», — как выражается один мемуарист, — когда в его присутствии заходила речь о массовом движении. По его мнению, самым целесообразным было все имеющиеся у партии средства направить главным образом на развитие центрального террора. Но ореол последнего теперь был уже далеко не тот, что в первые месяцы после убийства Плеве. В выдаче средств для Боевой Организации Центральный Комитет, конечно, не отказывал, — но ассигновки эти далеко не соответствовали аппетитам Азефа. Тем более неотложным казалось дело фактического восстановления Боевой Организации, — за которое и взялись Азеф с Савинковым.

Эта задача оказалась теперь много более сложной, чем можно было думать. Все наиболее активные люди теперь рвались на массовую работу, а потому, несмотря на общий революционный подъем, Боевая Организация, — небывалая в ее истории вещь, — испытывала недостаток в добровольцах, желавших войти в ее состав. Наличных сил было так мало, что о постановке большого террористического предприятия не приходилось и думать. После совещаний, был намечен следующий план работы: Савинков с наличными силами Боевой Организации выехал вперед в Киев для организации покушения на Клейгельса. Это дело продолжали считать относительно легким, а успешное проведение его, — полагали, — явится доказательством того, что петербургские аресты не уничтожили Боевую Организацию. Азеф же должен был выехать несколько позднее в объезд по России со специальной целью вербовки новых кандидатов для Боевой Организации.

Нетрудно понять, что и теперь в Россию он ехал не с легким сердцем. Но риск такой поездки для него теперь был много меньшим, чем в дни «большого похода» Боевой Организации, так как больших террористических предприятий теперь на очереди не стояло. Восстановить же Боевую Организацию — на вербовать для нее новые силы, — можно было только в России. Именно поэтому Азеф теперь пошел на риск поездки.

Эту поездку Азеф, конечно, подготовил и со стороны своего полицейского начальства. Недовольный ростом влияния в партии сторонников ориентации на массовые восстания, он принимал против них свои специфические меры; его письма к Ратаеву от этих месяцев полны доносов именно на них. Некоторых из них, — напр., М. А. Веденяпина, В. П. Троицкого и др., — он выдает за террористов, которые едут в Россию для организации террористических предприятий. Внимание полиции он все время направляет по этому руслу. Этими же сообщениями он доказывает

и необходимость своей поездки в Россию, на которую Ратаев, хотя и с большой неохотой, в конце концов дал согласие.

Несмотря на все старания Савинкова, покушение на Клейгельса и на этот раз не удалось: исполнители, привлеченные для этого дела, в последнюю минуту заколебались и не выполнили взятых на себя обязательств. Их пришлось устранить из состава Боевой Организации. Но зато поездка Азефа дала хорошие результаты. Добровольцев, предложивших себя на роль непосредственных исполнителей и вполне удовлетворявших строгим требованиям Азефа, нашлось 5. Имелось достаточно людей и для всех остальных функций. С такими силами можно было браться и за предприятия центрального значения. Общее совещание всех членов Боевой Организации вместе с Азефом и Савинковым было назначено в Нижнем, на начало августа. Уже вполне конкретно очерчивалась и программа ближайшей деятельности: на первую очередь должно было быть поставлено покушение против Трепова.

Обстановка, казалось, складывалась очень благоприятно, — но не только довести до конца, даже начать это дело Боевой Организации не удалось. Съехавшиеся участники совещания поджидали приезда еще одного кандидата в работники Боевой Организации, — А. В. Якимовой: видный деятель партии «Народной Воли» 1879—81 гг., хозяйка той «сырной лавки на Садовой», из которой был проведен подкоп под улицу для взрыва во время ожидавшегося проезда царя, — она отбыла 20-ти летнюю каторгу и теперь бежала из Сибири для того, чтобы вновь занять место в рядах террористической организации. Она несколько запоздала, и Азеф выехал по общепартийным делам в Москву. Первые слова, с которыми он обратился к Савинкову по возвращении, были:

— За нами следят!

Из его рассказа Савинков узнал, что в Москве Азеф встретился с Якимовой и после этого заметил

за собой филеров. Для Азефа было несомненно, что за Якимовой следили и что теперь слежка завезена в Нижний, а потому они настаивал на необходимости немедленно покинуть этот город. Савинков и другие члены Организации в начале сомневались в правильности опасений Азефа, но через день-два и для них стало ясным, что полицейская слежка за ними действительно ведется. Тогда по разработанному Азефом плану все участники нижегородского съезда разъехались разными путями. Встреча была назначена в Петербурге. Все обошлось благополучно, никто не был арестован, — только Якимова недели через три была взята с поезда во Владимире.

На основании материалов, ставших известными позднее, закулисная сторона этой нижегородской эпопеи представляется в следующем виде: незадолго до своей поездки в Нижний Якимова виделась в Минске с Татаровым, которому, как члену Центрального Комитета, она сообщила, что вскоре поедет в Нижний на совещание членов Боевой Организации и увидится там с руководителями последней, — «Валентином» (Азефом) и «Павлом Ивановичем» (Савинковым). Об этом Татаров немедленно же сообщил своему полицейскому руководителю, и с этого момента за Якимовой началась настоящая гонка: к ней были приставлены лучшие филеры из Департамента, которые ни на минуту не упускали ее из глаз. Все встречи ее регистрировались. Несомненно, что именно этих филеров заметил Азеф во время свидания с Якимовой в Москве; несомненно так же, что их привезла за собою Якимова и в Нижний.

Все это создавало для Азефа совершенно новую обстановку: достаточно опытный в деле полицейского сыска, по поведению филеров он не мог не понять, что слежка носит не случайный характер. Вполне возможно, что он даже узнал некоторых из них и установил, что имеет дело с филерами не местными, а от Департамента (с ними ему за годы своей деятельности сталкиваться приходилось довольно часто и

при его памяти на лица он не мог не знать многих из них). Если так, то ему должно было стать ясным, что слежка является результатом провокации, — и при том провокации центральной, которая осведомлена о задачах поездки Якимовой. В этих условиях перед Азефом неизбежно должна была встать двойная задача: все предыдущее поведение обязывало его к заботе о сохранении с таким трудом сколоченного нового остова Боевой Организации, — и наряду с этим он должен был отвести подозрения полиции от себя лично. Тот факт, что он не сообщил своевременно о предстоящем съезде боевиков, ставил его самого под опасность разоблачения полицией его двойной игры. И он торопится принять участие в выдаче полиции нижегородского съезда, сообщает одновременно о подготовлявшемся в Нижнем покушении на местного губернатора, — но делает все это таким образом, чтобы иметь возможность другой рукой спасти весь личный состав Организации. Гибнет только одна Якимова, относительно которой Азефу ясно, что она уже раньше предана кем-то другим, и которая в глазах Азефа поэтому стала со всех точек зрения опасной. Вся игра разыграна Азефом с большой тонкостью и предусмотрительностью. Он имел полное основание полагать, что теперь и «волки» будут сыты, и «овцы» останутся целыми, — и его фонды поднимутся в обоих лагерях. Не его вина, если на деле вышло совсем иное, — и он сам оказался поставленным под удар с обеих сторон.

В Департаменте Полиции за последние перед тем месяцы произошла настоящая революция в области личного состава. Лопухин, который в течении почти трех лет занимал пост директора Департамента, вышел в отставку. Он не мог не уйти. Трепов, — генерал-губернатор Петербурга и любимец царя, — после получения телеграммы из Москвы об убийстве вел. кн. Сергея заявился в Департамент, молча прошел в кабинет Лопухина и бросив всего только одно слово: «убийца!», ушел, с шумом захлопнув за собой

дверь. Лопухин пытался реабилитировать себя и лично отправился в Москву для производства расследования. Он хотел найти наличие небрежности в деятельности московского Охранного Отделения, которое якобы имело данные о подготовке покушения на Сергея, но не использовало их и к тому же скрыло от Департамента. Это было ошибкой: на самом деле след, который был в распоряжении московского Охранного Отделения, вел не к той группе, которая совершила убийство Сергея, а к покушению, которое одно время готовилось местным московским комитетом социалистов-революционеров (группа А. Р. Гоца, Вноровского и др.), но было отменено по требованию Савинкова. Никаких следов, ведущих к группе Савинкова-Каляева московское Охранное Отделение в действительности не имело. Во всяком случае Лопухину поездка в Москву не помогла. Во время одного из ближайших докладов министра внутренних дел царь выразил свое неудовольствие работой Департамента Полиции, и Лопухину осталось только покинуть свой пост. В начале марта он вышел в отставку, — и быть может наиболее обидным для него было то обстоятельство, что на смену ему шел его злейший враг Петр Иванович Рачковский.

Начало полицейской карьеры последнего, — говоря высоким стилем, — теряется во мраке истории. Не обладая никаким образованием, он еще с конца 1860-х г. г. начал службу в качестве мелкого чиновника различных губернаторских канцелярий, — в Киеве, Одессе, Варшаве и т. д. Есть указания, что он и тогда уже промышлял по мелочам в области полицейского сыска. Официально на этот путь он вступил в 1879 г., когда стал секретным агентом знаменитого в те времена 3-го Отделения собственной его величества канцелярии. Вскоре он был разоблачен революционерами и открыто перешел на полицейскую службу, явившись одним из пионеров насаждения в России системы провокации. Быстро выдвинувшийся, он с 1884 г. занимал пост руководителя русской полиции за границей. На

нем он развил весьма энергичную деятельность, заводя целый ряд своих агентов среди эмиграции. Простой сыск его не удовлетворял, — он стремился оказывать влияние и на общую политику. По своему положению он смог завести близкие связи с руководителями французской полиции, а через них с рядом виднейших представителей прессы и политических деятелей Франции, стремившихся тогда к заключению союза с Россией. Путем игры на бирже он создал себе солидное состояние, которое дало ему возможность вести широкий образ жизни. Это, конечно, содействовало укреплению его связей. Он был хорошо знаком с Флурансом, Констаном, Делькассэ, даже с самим президентом Лубэ. С Делькассэ он снимался на одной карточке. Одновременно он завел личные связи и со многими крупными мира сего в России: им он помогал в игре на парижской бирже, от них узнавал полезные новости, их использовывал для влияния на политику. Особенно сблизился он с ген. Гессе, — дворцовым комендантом, человеком, весьма близким к царю и через него втянулся в самую гущу придворных интриг. В деле подготовки франко-русского союза Рачковский несомненно сыграл заметную роль.

Он процвел, но жизненный путь его был далек от безупречности. Его финансовые операции часто переходили грань уголовно-наказуемого. В деле полицейского сыска он с самого начала усвоил новейшую «французскую» систему провокации, которая не останавливалась перед бросанием бомб и подкладыванием адских машин, когда это казалось полезным в интересах запугивания среднего обывателя и создания таким путем необходимого «общественного мнения». На его деньги и по подстрекательству его агентов были изготовлены «русские бомбы», обнаруженные в Париже в 1890 г. Его агент Яголковский подстроил ряд «анархистских» покушений в Бельгии, — в том числе взрыв собора в Льеже. Эти факты не представляют исключения, — и указанные агенты во всех этих случаях действовали

по инструкциям Рачковского и при его содействии избежали наказаний.

Это все было еще полбедою: русское правительство на все смотрело сквозь пальцы, а за особо удачные провокаторские проделки даже сами цари, — Александр III и Николай II, — посылали Рачковскому свое «монаршьё спасибо». Хуже было то, что Рачковский в своем сыскном усердии зарывался и временами затрагивал вопросы, непосредственно относившиеся к внутренней жизни царской семьи. Так еще в середине 1880-х г. г. он удостоил своим вниманием личную жизнь поселившейся во Франции вдовы Александра II, княгини Юрьевской, и писал грязнейшие доносы, как про нее, так и про ее детей. Это взорвало Александра III: как никак, речь шла об его единокровных братьях и сестрах, формально признанных его отцом. Рачковский получил жесточайший нагоняй и при жизни Александра III не рисковал больше соваться в эту область. При Николае II, которому он был лично представлен, и который к нему очень благоволил, Рачковский вновь осмелел и рискнул вмешаться в дворцовые интриги, дав очень нелестный отзыв об известном авантюристе-«магнетезере» Филиппе, который был приглашен к царскому двору, для того, чтобы заглянуть в будущее и предсказать время появления давно желанного наследника престола. На этом Рачковский сломал себе шею. Плеве давно его не долюбливал и теперь воспользовался случаем, чтобы его окончательно похоронить. Лопухиным были собраны точные данные о всех подвигах Рачковского, Плеве лично составил доклад царю (Рачковский был в это время настолько влиятелен, что вопрос о нем не мог быть решен без резолюции царя), и согласие на устранение было получено. Лопухин и еще раз приложил к этому свою руку, так средактировав извещение об увольнении, чтобы оно звучало по возможности более оскорбительно, и так переслав его, чтобы с содержанием его ознакомился возможно более широкий круг лиц из чиновного мира. Этой обиды Рач-

ковский Лопухину не простил. Теперь приходило время ему брать реванш.

Назначенный петербургским генерал-губернатором и снабженный диктаторскими полномочиями Трепов с первого момента своего прибытия в Петербург стал искать человека, которому он смог бы вручить верховное руководство полицией. Выбор его пал на Рачковского. Департамент Полиции и Министерство Внутренних Дел пытались оказать противодействие. Дурново, — товарищ министра внутренних дел, заведывавший в это время полицией, — с помощью Лопухина извлек из архива и вновь представил царю старый доклад Плеве о Рачковском, на котором «собственною его величества рукою» была начертана резкая резолюция о Рачковском. Ничто не помогло. Трепов победил, и 18 февраля 1905 г., т. е. на следующий день после убийства Сергея, Рачковский был назначен чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел с возложением на него особой миссии по верховному руководству деятельностью петербургского Охранного Отделения. Он взял в свои руки центральную секретную агентуру по партии социалистов-революционеров и лично сносился с Татаровым, руководя всеми арестами, производимыми по сообщениям последнего. В июле Трепов получил повышение, — был назначен товарищем министра внутренних дел. Рачковского он продвинул за собою: 9-го августа последовало секретное (т. е. оставленное без официального опубликования) распоряжение о назначении Рачковского вице-директором Департамента Полиции с возложением на него функции руководства всею политической частью работ Департамента. Звезда Рачковского взошла на небывалую высоту, и он первым делом начал сводить счеты со всеми теми служащими Департамента, которые были ставленниками Лопухина и Зубатова, — главных виновников того позора и поношения, которое они навлекли на голову Рачковского. Понижения, перемещения и отставки сле-

довали одна за другой. Одной из первых жертв пал Ратаев, — преемник Рачковского на посту руководителя политическим сыском за границей. Рачковский немедленно после своего вступления в новую должность, вызвал Ратаева в Петербург, потребовал сдачи имеющейся у него агентуры и совершенно недвусмысленно указал, что в услугах его больше не нуждается.

Это был чувствительный удар и по Азефу. Ратаеву, конечно, ничего не оставалось, как подчиниться. Он вызвал Азефа, только что покинувшего Нижний-Новгород, в Петербург, и здесь 21-го августа передал его Рачковскому. Это была их первая встреча*. На положении Азефа она отразилась самым тяжелым образом: отныне он принужден иметь дело не с Ратаевым, которого он знал в течении ряда лет и все слабые стороны которого он успел изучить, а с человеком совсем для него новым, — и к тому же значи-

*) В литературе широко распространены утверждения о тесной связи, существовавшей между Рачковским и Азефом в более ранние периоды полицейской службы этого последнего. На этом основании построены все догадки о роли Рачковского в убийстве Плеве и в других террористических актах Боевой Организации, совершенных под руководством Азефа. Все эти утверждения не находят никакого подтверждения ни в свидетельствах осведомленных лиц, ни в документах. И сам Азеф (в беседах с Бурцевым после своего разоблачения), и Рачковский с Ратаевым, — т. е. все те лица, которые наиболее близко осведомлены о деле, — категорически отрицали существование между ними сношений. Единственный свидетель, утверждающий факт таких сношений, — Лопухин, в рассказах которого вообще имеется немало ошибок памяти. Совершенно определенно можно утверждать, что именно такой ошибкой памяти и вызван рассказ Лопухина о пересылке им через Рачковского 500 руб. Азефу для внесения в кассу Боевой Организации: из документов видно, что всю переписку об этих деньгах Азеф вел непосредственно с Департаментом в лице Ратаева и деньги ему Департаментом высланы 23 июня 1902 г. тем же самым способом, каким ему высылались все остальные суммы. Документы свидетельствуют, что в тот период Рачковский вообще не догадывался о действительной роли Азефа и в своих докладах от весны и лета 1902 г. писал о нем, как об активном социалистическом революционере.

тельно более опытным в деле полицейского сыска, значительно более искушенным в области распознавания людей. Положение осложнялось и тем, что у Рачковского имелось много больше, чем у Ратаева, возможностей контроля сообщений Азефа: к нему поступали все сводки по наружному наблюдению, в которых регистрировались все встречи Азефа, свидетельствовавшие, что последний стоял в самом центре партии. Далее о роли Азефа Рачковскому теперь сообщал и Татаров, который хотя и далеко не во все был посвящен, но все же знал уже очень многое из внутривнутрипартийных дел. Азеф почувствовал это изменение своего положения. Он понял, что теперь он *должен* выдавать, — и выдавать очень многое, — чтобы самому не быть проваленным перед полицией. На этот путь он и встал.

21-ое августа 1905 г. было важной датой в его биографии: в этот день он выдал Савинкова, обязался выдать Брешковскую, совершил целый ряд других предательств, — и в этот же день он получил прибавку к жалованью (правда, совсем небольшую: 600 руб. вместо прежних 500) и обещание щедро оплатить все расходы по поездкам. Договор был заключен. На следующий день Азеф получил жалованье сразу за несколько месяцев и 1300 руб. за разъезды, а под вечер, в купе первого класса курьерского поезда, выехал в Саратов, ловить «бабушку» — Брешковскую. Его сопровождал сам начальник наружного наблюдения Департамента, старый знакомый Азефа, — Е. П. Медников. Другим поездом выехал другой отряд филеров; он должен проследить и поймать Савинкова, который отдыхал в имении у знакомого товарища, адрес которого ему был предупредительно дан Азефом.

Обе эти задачи оказались не выполненными: и Брешковской, и Савинкову удалось ускользнуть от ареста. В результате, конечный итог этой партии выданных Азефа был относительно совсем не велик: динамитная мастерская Горохова в Саратове, такая же

мастерская Коноплянниковой в Москве, ряд более мелких арестов... Но из центральных деятелей партии никто не погиб. Целиком был спасен и весь личный состав Боевой Организации: его Азеф легко мог предать, так как знал, где можно найти людей, динамит и пр., — но сделать это он счел невыгодным и ограничился предательством одного только Савинкова. Он, конечно, предал бы и всех остальных, если б Рачковский нажал на него более сильно...

Судьба избавила его от этого испытания, — так как готовила иное, горшее. Если член Центрального Комитета партии социалистов-революционеров раскрыл перед Рачковским действительную роль Азефа в революционном движении, то теперь в свою очередь один из наиболее доверенных чиновников Департамента, Л. П. Меньшиков, сообщил Центральному Комитету про полицейские заслуги Азефа. В добавление к опасности быть обвиненным в двойной игре Рачковским, Азеф оказался поставленным вплотную перед угрозой такого же обвинения со стороны революционеров.

Л. П. Меньшиков был старым, испытанным служащим ведомства политической полиции. В 1887 г. он был арестован в Москве по делу одного из маленьких революционных кружков и вскоре убедился, что со всех сторон опутан сетями предательства и провокации. По его рассказам, у него тогда же возникла мысль «клин выбить клином», — т. е. поступить на службу в полицию для того, чтобы разоблачить революционерам ее тайны. Намерения эти завели Меньшикова очень далеко. Он поступил на службу в московское Охранное Отделение и быстро выдвинулся своим умением составлять точные и ясные доклады. Угрюмый, молчаливый, всегда холодно вежливый, — как рассказывает о нем один его сослуживец, — он держался несколько особняком среди этих последних, но был ценным начальством, и дослужился до ответственного места в Департаменте Полиции. На этом посту он пребывал уже больше двух лет, когда «чист-

ка», начатая Рачковским, поставила его дальнейшую службу под угрозу: Меньшиков был одним из «птенцов гнезда» Зубатова, которых теперь изгоняли из Департамента. К этому времени у него накопился обширный материал относительно различных полицейских тайн — и он решил вступить на путь разоблачения секретных агентов полиции.

8-го сентября 1905 г. к одному из членов петербургского комитета партии социалистов-революционеров Е. П. Ростковскому на место его службы явилась неизвестная дама под густой вуалью и, передав запечатанный конверт, быстро удалилась. В конверте было письмо с предупреждением, что партию социалистов-революционеров предадут два серьезных шпиона: «бывший ссыльный, некий Т.», и «инженер Азиев, еврей», недавно приехавший из-за границы. В письме приводились и точные указания о том, какие именно выдачи этими лицами были совершены.

Азефу это письмо стало известным в тот же день: он случайно зашел по делам к Ростковскому, который знал его, как одного из наиболее влиятельных членов Центрального Комитета. Растерянный и ошеломленный той тайной, которую вскрывало перед ним только что полученное письмо, Ростковский показал его Азефу. Азеф побледнел, но самообладания не потерял и на вопрос, о ком идет речь, коротко ответил: «Т. это — Татаров, а инженер Азиев, это — я. Моя фамилия — Азеф». Затем он бросил окурки и ушел, — оставив Ростовского, конечно, еще более растерянным, чем он был до этого разговора.

В результате дальнейшее развитие событий пошло совсем иным путем, чем того хотел автор письма.

В тот же день вечером Азеф виделся с Рачковским и подробно ему обо всем рассказал. Рачковский был в восторге от самообладания, проявленного Азефом, — но Азеф далеко не был в восторге от проявленного Департаментом неумения хранить доверенные ему тайны. Вслед за этим Азеф выехал в Москву, где рас-

сказал о письме члену Центрального Комитета Потапову, и потом в Женеву.

Впечатление, произведенное письмом, было огромным, — и в Москве, и за границей. Все фактические указания, касавшиеся дел организаций, были верны. «Я только два раза прослушал текст письма, — вспоминает Ракитников, входивший тогда в состав московского бюро Центрального Комитета, — с тех пор прошло четыре года, а я и теперь помню его почти дословно. Точно каждое слово его выжжено в мозгу каленым железом. Общее впечатление было...: сидим, опутанные со всех сторон полицейской паутиной; каждое движение, чуть не каждая мысль наша известны Департаменту Полиции до тонкости, — и он в сознании того, что мы в его власти, еще издевается над нами, ведет с нами какую то непонятную игру».

Для всех деятелей Центрального Комитета было ясно, что предательство в центре партии действительно имеется, но обвинение против Азефа было почти без колебаний отвергнуто.

Мысль о возможности заподозрить в предательстве главного руководителя убийства Плеве казалась нелепой даже оскорбительной. В итоге обвинение против Азефа по существу даже не разбирали. Никакого расследования о нем не было произведено. Кроме самого узкого круга центральных деятелей партии о письме никто не узнал. От партийных дел Азеф ни на минуту не был отстранен. По прежнему его держали в курсе всех, даже наиболее секретных предприятий партии, — в том числе и дела Татарова, которое приняло совсем другой характер, чем дело Азефа.

Обвинения, выдвинутые в письме против этого последнего, с самого начала далеко не казались столь же необоснованными, как обвинения против Азефа. Гоц, который горячо защищал Азефа, первым заявил о необходимости внимательного расследования дела Татарова. Этот последний в начале августа приехал за границу и уже успел навлечь на себя подозрения товарищей и широкими тратами, и неконспиративны-

ми планами. Произведенное предварительное расследование быстро обнаружило ряд крайне подозрительных моментов в его поведении; он был уличен в том, что говорил товарищам заведомую неправду. Тогда Центральный Комитет уже официально избрал комиссию для расследования дела Татарова в составе Баха, Савинкова, Тютчева и Чернова.

Вопросы этой комиссии застигли Татарова врасплох: он ничего не подозревал о возникших против него подозрениях. Рачковский предал его и ничего ему не сообщил про письмо Меньщикова, о котором знал от Азефа. По ряду пунктов ответы Татарова были неправдивы. Его уличали во лжи. Он брал свои показания обратно, менял их, выкручивался. Человек, который так ведет себя находясь под обвинением в предательстве, конечно, только усиливает самые худшие против себя подозрения. Было установлено, что он мог совершить все те выдачи, которые ему были приписаны в письме Меньщикова, но точной уверенности в том, что он их в действительности совершил, все же еще не было.

Взвесив весь собранный материал, комиссия единогласно пришла к выводу, что Татаров состоял в каких то сношениях с полицией, но характер этих сношений комиссии был неясен. Поэтому мысль об убийстве Татарова была отклонена; решено было ограничиться отстранением его от всех партийных дел, а расследование его дела — продолжить. Ему разрешено было уехать на родину, но с него взяли обязательство извещать Центральный Комитет о всех своих передвижениях.

Азефа в дни вынесения этого решения не было в Женеве, — он уезжал на некоторое время в горы, чтобы отдохнуть и «привести в порядок свои нервы». Когда он вернулся, Татарова уже не было в Женеве. Азеф был возмущен. Когда ему сообщили о состоявшемся решении комиссии, он, — по рассказу Аргунова, — «стал горячиться, ругал всех «мягкотельными», «воронами» и т. п., доказывая, что Татарова нужно

было тут же убит, что престиж партии этим подорван и многое другое». «Какие еще доказательства вам нужны, — возмущенно заявлял Азеф. — Разве в таких делах бывают более точные доказательства?» Все свидетели сходятся на том, что если бы Азеф во время вынесения приговора комиссии был в Женеве, то Татаров не остался бы в живых.

Впрочем, жить ему и так оставалось не много. В октябре открылись двери тюрем, и на свободе очутилась большая часть из арестованных 29-30 марта. Их рассказы не оставляли никакого сомнения в предательстве Татарова: он был настолько неосторожен, что даже ходил в Охранку опознавать некоторых из арестованных и был в свою очередь признан ими. К нему в Киев приехал его хороший знакомый по Иркутску, Фриденсон, чтобы сделать еще одну попытку получить объяснения. Татаров продолжал отрицать выдвинутое обвинение; при этом он заявил, что в процессе собирания материалов для своей реабилитации он смог через одного своего родственника, полицейского пристава в Петербурге, получить вполне достоверное сообщение: предатель в партии действительно имеется, — им является Азеф. Никаких данных Татаров не привел. Это его заявление в создавшейся обстановке было воспринято, как попытка спасти себя ценою клеветы на того, погубить кого полиция давно стремилась всеми силами. Особенно возмущены были «боевики», — и нет сомнения, что именно этот ответ Татарова сыграл роль той последней капли, которая переполнила давно уже полную чашу. Татарова решено было убить.

Азефа старались держать в стороне от этого дела: полагали, что все к нему отсыщется, должно задевать большую рану. «Нам казалось необходимым, — вспоминает Савинков, — избавить Азефа от тяжелых забот по убийству оклеветавшего его провокатора». Азефу было не до таких «сентиментальностей». Он очень интересовался ходом дела, узнавал о нем подробности, а в решающий момент, когда шло совещание, разра-

батывавшее техническую сторону поездки для убийства, Азеф непозванным вошел в комнату, где происходило это совещание «боевиков», уселся и стал вставлять свои замечания. «Меня, — прибавлял Савинков, рассказавший об этом эпизоде в своих показаниях перед «судебно-следственной комиссией по делу Азефа», — это тогда несколько покорило, не с точки зрения каких бы то ни было подозрений, а просто я подумал, что я бы (на его месте) не вошел».

В других условиях Азеф, наверное, тоже нашел бы в себе достаточно такта для того, чтобы не притти на подобное совещание, но тогда, даже сознавая все неудобства своего поступка, Азеф вести себя иначе не мог: Савинков и не подозревал, какие большие и *разносторонние* неприятности причинил Азефу Татаров. С точки зрения Азефа последний должен был быть убит, — хотя бы для этого пришлось совершить и нечто большее, чем бестактности.

В Варшаву, где тогда жил Татаров, выехал целый отряд членов Боевой Организации во главе с Савинковым. Было разработано несколько планов, но все они не могли быть проведены в жизнь: Татаров явно боялся за свою жизнь и почти не выходил из дома своего отца, в котором он жил. Пришлось пойти напролом: 4-го апреля 1906 г. член Организации, нижегородский рабочий Назаров, вошел в квартиру Татарова-отца и попросил свидания с сыном. Отец и мать не хотели его впустить: они явно знали об опасениях сына. На шум в переднюю вышел Татаров. Назаров выхватил револьвер и стал стрелять. Старик-отец толкнул руку, и пули пошли вверх. Все трое бросились на Назарова. Тот выхватил кинжал, поцарапав в борьбе старуху-мать, и нанес Татарову-сыну удар в левый бок. Татаров сделал два шага и упал. Он был убит. Назарову удалось скрыться.

В сухой пыли полицейских архивов, открытых после революции, найдены документы, которые устанавливают «цену крови»: за всю свою полицейскую

«работу» с марта 1905 г. и по день смерти Татаров получил в общей сложности 16.100 руб. Это было очень много, если принять во внимание, что «работать» Татарову пришлось в течении каких-нибудь 7—8 месяцев. Но это выйдет совсем дешево, если мы вспомним, что за свое предательство он заплатил ценою жизни...

ГЛАВА IX

В дни революционных битв

Первая стадия дела Татарова, — собрание сведений, допросы, совещания членов комиссии за границей, — закончилась около конца октября 1905 г. Волнения и тревоги, вызванные этим делом, столь значительным для центральных групп руководителей партии социалистов-революционеров, непосредственно вплетались в волнения и тревоги, вызываемые приходившими известиями о решительной схватке, развертывавшейся в далекой России. Наконец, было получено и сообщение об издании царем знаменитого манифеста 17 октября.

Это известие взбудоражило всю русскую революционную эмиграцию, которая и без того только с трудом сидела за границей, ведя налаженную годами издательскую работу. Во всех партиях и группах шли собрания, всюду велись споры о значении нового манифеста, — о том новом, что он внесет в деятельность революционных групп...

После получения первых известий о манифесте, руководящий зарубежный центр социалистов-революционеров собрался, как обычно, у Гоца: болезнь уже держала последнего прикованным к креслу; обесиленное болями, неподвижно свисало тело, — и только большие, темные глаза, казалось, еще острее, чем раньше, горели сосредоточенной страстью.

В центре спора стоял вопрос о терроре. Как быть теперь с террористическими методами борьбы? Что делать с «любимым детищем партии», — с Боевой Организацией? Старая тяжба между сторонниками единоличного террора и ориентации на массовые движения встала в новой форме, создав новые группировки внутри партийного центра. Наиболее решительно против террора выступил Гоц. В новой обстановке террор ему казался совершенно недопустимым. «С террором кончено», — решительно заявил он, — и руководители Боевой Организации должны понять, что им остается только одно, — открыто сказать: «ныне отпускаеши»...

Эта точка зрения встретила возражения. Особенно страстно в защиту террора говорил Савинков. Он считал, что именно теперь, когда правительство колебалось, партия должна была добивать его беспощадными ударами террора. Не отказываться от террористической борьбы, а, наоборот, усилить ее должна Боевая Организация.

Он остался почти в единственном числе. Большинство сходилось на том, что применение террора в создавшейся обстановке оторвало бы партию от массового движения, сделало бы ее позицию непонятной для широких слоев трудящегося населения страны. Все свое внимание партия должна сосредоточить на использовании всех открывшихся возможностей воздействия на массы, возможно шире развернуть свою партийно-политическую агитацию, начать строить открытые массовые организации рабочих и крестьян. Применение террора станет возможным только в том случае, если реакция сделает попытку отнять у народа те уступки, которые она сейчас вынуждена была дать. Поэтому большинство склонялось к мысли, высказанной на этом совещании В. М. Черновым: террористическую борьбу приостановить, но Боевую Организацию не распускать, а держать ее наготове, — так сказать, под ружьем, — для того, чтобы иметь возмож-

ность бросить ее в борьбу в тот момент, когда создастся подходящая обстановка.

Азеф в этих спорах стоял несколько особняком. Конкретный вопрос о применении террора в создавшейся обстановке для него, повидимому, был еще не вполне ясен. В принципе он склонялся к мысли о необходимости отказа от террора, но по своему положению руководителя Боевой Организации он был склонен делать некоторые уступки Савинкову. Но эти колебания в области конкретных выводов отнюдь не помешали ему с полной ясностью подчеркнуть специфические особенности своей общей позиции: исключительно политический характер революционности. «Либерал с террором», применение революционных методов борьбы он считал возможным только до тех пор, пока речь шла о борьбе против абсолютизма. Революционное вмешательство в ход социальной борьбы, — в частности, в ход борьбы крестьянства за землю, — он считал гибельным и открыто заявил, что «простится с партией», если последняя встанет на этот путь. Не скрываясь, он объявил себя «только попутчиком» партии до того момента, когда будет достигнута действительная конституция. После достижения ее, — говорил он, — он станет «последовательным легалистом и эволюционистом», противником всяких насильственных действий.

В. М. Чернов рассказывает, что эти заявления Азефа многих из присутствующих удивили. Но в действительности *нового* для его позиции в них ничего не было: во имя этих взглядов он вел в свое время борьбу со сторонниками «аграрного террора» и массовых восстаний, во имя их тянул партию на соглашение с умеренно-либеральными группами... Теперь он только высказался несколько более полно и откровенно, чем это делал раньше.

Споры у Гоца затянулись с утра и до позднего вечера. Решения никакого принято не было, так как право такого решения принадлежало общему собранию всех членов Центрального Комитета, которое должно

было состояться в России. Все «заграничники», — кроме больного Гоца, — решили немедленно же двинуться туда, чтобы на месте принять активное участие в развертывавшихся событиях. Тем не менее в истории партии социалистов-революционеров значение этого совещания чрезвычайно велико: на нем определились те позиции, с которыми «заграничники» поехали в Россию.

Все расходились в приподнятом настроении. Чернов, Савинков и Азеф втроем зашли в кафе: за спорами все позабыли об еде, и теперь голод дал себя чувствовать. За ужином доканчивали разговор. Савинков резко нападал на выяснившиеся в спорах взгляды большинства. В его речах было много настроения, мало — политики. Узкий специалист террора, без широкого политического кругозора, момент завоевания свобод в России он всегда непосредственно связывал с каким-нибудь героическим актом Боевой Организации, и теперь заявлял, что если партия не встанет на предлагаемый им путь, если не будет организовано какое-нибудь коллективное выступление, вроде взрыва Зимнего Дворца, то он пойдет на единоличный акт: подойдет на улице к какому-нибудь бравому жандарму или полицейскому сыщику и «выпустит в него последнюю в своей жизни пулю».

Во время этой беседы Азеф больше молчал: был занят своими думами. Но потом, когда Савинков ушел, и Азеф остался вдвоем с Черновым, он с неожиданной горячностью вдруг начал развивать план взрыва Охранного Отделения, как «единственного дела, которое имело бы смысл» и явилось бы «логическим завершением» деятельности Боевой Организации.

«Кто может что-нибудь против этого возразить? — горячо говорил он. — Охранка — живой символ всего самого насильственного, жестокого, подлого и отвратительного в самодержавии. И ведь это можно сделать. Под видом кареты с арестованным, везти во внутренний двор охранки несколько пудов динамита

и взорвать его. Так, чтобы и следов от деятельности всего этого мерзостного учреждения не осталось...»

Этот план действительно в высшей степени показателен для тогдашних настроений Азефа, -- и не случайно к нему он несколько раз возвращался в этот период в беседах с разными деятелями партии.

Из труднейшего испытания, перед которым его поставило письмо Меншикова, Азеф, казалось, вышел с честью. Если у него раньше и были сомнения относительно степени доверия к нему со стороны партийных руководителей, то теперь все эти сомнения должны были исчезнуть. Доверие к нему было поистине беспредельным. И тем не менее Азеф не мог быть спокоен. Быть может, впервые в своей жизни он уже не в форме смутного предчувствия, а как вполне реальную вещь увидел возможность разоблачения и ощутил приставленным к виску холодное дуло револьвера. И что хуже всего, опасность разоблачения ему грозила не с одной только, а с двух сторон: он предавал не только революционеров полиции, но и полицию революционерам, а потому, если бы его действительная роль была вскрыта, преследовать его стали бы и революционеры, и полиция. Вести эту игру можно было только до тех пор, пока о ней никто не догадывался. Поскольку появились подозрения, постольку ее нужно было кончить, — и или выходить совсем из игры, или становиться определенно на ту или иную сторону.

Судя по всему, в тот период Азеф склонялся к мысли о полном переходе на сторону революции. Это было прежде всего выгоднее, — ибо тогда казалось, что в происходившей схватке верх брала именно революция. Далее, это неизбежно должно было казаться и более безопасным: организатор совсем еще недавних убийств Плеве и вел. кн. Сергея легче мог рассчитывать на снисходительное к себе отношение со стороны революционеров, чем со стороны «державного племянника» одной из своих жертв. Надо думать, что именно поэтому он прерывал сношения с

с полицией: в течении нескольких месяцев после получения письма Меньшикова Азеф не подавал о себе никаких известий в Департамент Полиции. Только к своему старому знакомому Л. А. Ратаеву, тогда жившему на покое в Париже, он заглянул для того, чтобы рассказать, что он «разоблачен» перед революционерами и теперь уже лишен возможности работать для полиции. Этот визит Азефа к Ратаеву последний относит к «поздней осени» 1905 года. К этому периоду внутри-партийное положение Азефа было окончательно выяснено. Он превосходно знал, что никаких подозрений против него не имелось. С этой точки зрения никаких оснований для прекращения работы на полицию у него не было, — и если он все же от этой работы отходил, то только потому, что хотел от нее отойти: «разоблачение» было одним лишь предлогом...

При подобных настроениях Азеф действительно больше на свете должен был желать одного: уничтожения секретных архивов политической полиции, — так, чтобы «и следов от деятельности всего этого мерзостного учреждения не осталось.» Тогда он стал бы свободным человеком. Тогда его прошлое перестало бы тяготеть над ним, и угроза разоблачения, — тем более неприятная, чем больше было шансов на победу революции, — перестала бы отравлять радость бытия и мучить сны тяжелыми кошмарами...

В Россию Азеф поехал позже других «заграничников»: он вообще никогда не спешил, во всех случаях жизни перелагая на других риск эксперимента, — тем меньше желания спешить у него было теперь. Он выждал, пока проехали остальные, получил известия о том, как их встретила обновленная родина, — и только после этого тронулся в путь. Но к решающим заседаниям Центрального Комитета он все же поспел. Они состоялись в Москве. Съехалось до 30 человек: полноправными членами считались все, кто был введен в центр с самого начала существования партии, — в том числе и все те, кому амнистия толь-

ко что подарила свободу после долгих месяцев, — порою, лет, — заключения в тюрьмах и ссылках. «Заграничники», естественно, играли руководящую роль на этих заседаниях: они явились цельною, сплоченною группой с уже оформленной точкой зрения на создавшуюся обстановку. Их взгляды победили, и мнения, на которых сошлось большинство во время совещания у Гоца, стали решениями партии.

Азеф во время этих совещаний говорил очень мало и молча присоединялся к решениям большинства. Присоединился он таким образом и к решению о полном прекращении террора. С этим решением он солидаризировался и по существу, защищая его во время частных бесед. Едва ли не всего один только раз он взял себе слово во время этих заседаний: когда речь шла о судьбе Боевой Организации. После того, как террор решено было прекратить, Чернов предложил свою резолюцию: Боевую Организацию все же не распускать, а «держатъ ее под ружьем», наготове на случай попыток реакции перейти в наступление. Эта точка зрения грозила собрать большинство. Тогда Азеф поднялся и с присущей ему авторитетностью специалиста в делах Боевой Организации заявил:

— «Держать под ружьем» невозможно. Это — слова. Я беру на свою ответственность: Боевая Организация распущена!

Авторитетный тон сделал свое дело: Центральный Комитет санкционировал роспуск.

То, что Азеф увидел после своего приезда в Россию, не внушало ему уверенности в победе революции. На собрания и митинги, которыми тогда был полон Петербург, он не ходил, — они его не интересовали. Но к обывательским разговорам прислушивался внимательно, и уже очень скоро пришел к выводу:

— До полной победы нам далеко. Будет еще реакция!

Штаб-квартира Центрального Комитета в те дни помещалась при редакции «Сына Отечества», — еже-

дневной петербургской газеты, ставшей центральным органом партии. Сюда сходились все руководящие деятели партии, здесь обсуждались вопросы партийного поведения в Совете Рабочих Депутатов, на всевозможных съездах, здесь же писались статьи, игравшие роль руководящих директив для партийной агитации и пропаганды во всей стране. В процессе споров, которые шли в помещении редакции, намечались основные линии тех принципиальных разногласий, которые заполнили идейное развитие партии в течении ряда последующих лет: складывалось умеренное крыло, определенно переходившее на чисто эволюционистскую точку зрения и через несколько месяцев оформившееся в особую партию «народных социалистов»; с другой стороны, начинало выявляться и крайнее левое крыло, проповедывавшее немедленное превращение происходящей в России революции в революцию социалистическую, — будущая группа «социалистов-революционеров-максималистов». Можно было быть разных мнений о том или ином из этих течений, — или даже обо всех них вместе взятых, — но нельзя было не видеть, что именно здесь формируется общественное мнение партии, именно здесь находится центр ее теоретической и политической мысли.

Все эти вопросы мало интересовали посетителей той маленькой комнатки, с отдельным входом прямо из передней, которая была отведена для «боевиков». Споры, которые так волновали посетителей главных комнат редакции, сюда почти не долетали. Если о них и говорили, то говорили только с пренебрежительной насмешкой. «Делом» они все считали только одно: бросание бомб. Все остальное — «пустая болтовня». И теперь, когда специалисты по болтовне, запретили им делать настоящее «дело», в «боковушке» готовы были почти злорадствовать при виде приближающегося поражения революции. Роль первой скрипки во время всех подобных разговоров играл Савинков. Азеф говорил мало: он довольствовался ролью закулисного дирижера.

У него были и свои особые заботы. Как то вечером в конце ноября или в самом начале декабря на него было сделано покушение: два хулигана-черносотенца напали на него в глухом переулке. Не с целью грабежа: это было ясно. Ударили ножом в спину и скрылись. К счастью, шуба была хорошей, — теплой и толстой. Нож только прорезал ее, — Азеф не был даже ранен. Но взволнован он был свыше всякой меры: «лицо в багровых пятнах, — рассказывает свидетель, — губы нервно вздрагивают». Было не совсем понятно, как могла такая «мелочь», — в России того времени подобные нападения со стороны черносотенцев были самым обыкновенным явлением, — взволновать «старого революционера», «непоколебимого террориста». Никто, конечно, и не подозревал о тех думах, на которые это покушение неизбежно должно было навести Азефа: из газет тогда было известно, что формированием «черной сотни» в Петербурге руководила политическая полиция во главе непосредственно с самим Рачковским. Именно полицией инспирировались все нападения на революционеров и вообще прогрессистов. И Азеф не мог не думать: неужели и это нападение на него организовано по приказу Рачковского? Неужели оно является мстью за его, Азефа, попытку прекратить работу для полиции? Или, — еще хуже, — неужели оно является мстью Рачковского за ту сторону деятельности Азефа, которую последний так старательно прятал от Департамента и которая теперь вскрыта Татаровым? Неужели он, Азеф, только для того избежал опасности быть убитым революционерами, чтобы пасть жертвой покушения, организованного его бывшим полицейским начальством?

Перспектива была мало утешительная. А так как к тому же для Азефа стало ясно, что по крайней мере для ближайшего периода верх снова возьмет реакция, то вывод напрашивался сам собою: надо было во что бы то ни стало «мириться» с Рачковским.

Когда именно Азеф начал делать свои первые попытки в этом направлении, точно неизвестно. Едва ли это и будет когда-нибудь установлено. Мы знаем только, что после нескольких месяцев перерыва Азеф вновь начал стучаться в двери Департамента и писать письма Рачковскому. Очень похоже, что первые такие письма должны быть отнесены уже к периоду декабрьского восстания: по крайней мере все задуманные тогда социалистами-революционерами предприятия, — взрыв моста на железной дороге, чтобы помешать посылке войск для подавления московского восстания, взрыв охранного отделения, взрыв электрических, телефонных и др. проводов, арест председателя совета министров гр. Витте и т. д., — о которых Азеф был осведомлен, не могли быть приведены в исполнение, — как прибавляет Савинков, «отчасти потому, что в некоторых пунктах намеченные места охранялись так строго, как будто полиция была заранее предупреждена о покушении». Так как обо всех этих планах были осведомлены лишь очень немногие и так как среди этих осведомленных, насколько до сих пор известно, других предателей не было, то вполне возможно, что именно этими выдачами Азеф хотел начать дело своего примирения с Рачковским*. Если дело обстояло так, то результат для Азефа было мало утешителен: Рачковский использовал его сообщения, но на письма не отвечал, свиданий не назначал. . . . Причины такого поведения Рачковского стали ясны позднее.

Декабрьское восстание в Москве, в Харькове, в Донецком бассейне, на Кавказе, в Прибалтийском крае, в Сибири, — закончилось поражением револю-

*) А. В. Герасимов, который тогда был непосредственным руководителем всех арестов по Петербургу, совершенно категорически утверждает, что материалов от Рачковского для арестов по социалистам-революционерам, которые носили сколько-нибудь крупный характер, он в это время не получал, а поэтому он считает мало вероятным предположение, что Азеф в это время давал Рачковскому сколько-нибудь обширную информацию.

ционеров: собравшееся с силами правительство беспощадно подавило все попытки сопротивления... Революционные партии вновь были загнаны в подполье, и Центральный Комитет социалистов-революционеров в январе 1906 г. принял решение о возобновлении террора.

В качестве важнейших актов были намечены покушения против министра внутренних дел Дурново, которого считали главным вдохновителем реакционного курса правительственной политики, и московского ген.-губ. Дубасова, который только что в крови потопил восстание московских рабочих. Кроме них намечены были покушения также и на некоторых из менее значительных представителей власти, особенно отличившихся во время подавления восстаний в декабре 1905 г. В ее целом намеченная кампания Боевой Организации должна была явиться ответом на ту жестокость, которую правительство проявило в период ликвидации «дней свободы».

Руководство всей работой Боевой Организации принадлежало попрежнему Азефу. Ближайшими его помощниками были Савинков и Моисеенко. Опорной базой была Финляндия, получавшая после октября 1905 г. полную свободу внутреннего самоуправления: среди ее политических деятелей находилось много людей, сочувствовавших и активно помогавших деятельности Боевой Организации. В кандидатах, заявлявших о своем желании работать в терроре, недостатка не было. На призывы Боевой Организации откликнулись все ее старые члены, частью только недавно освобожденные из тюрем; нашлось много и новых добровольцев. Число членов Организации быстро дошло почти до 30. В изобилии имелись материальные средства: деньги, взрывчатые вещества. Казалось, на лицо имелись все данные для успеха... Но работа ставилась «по-казенному»: старыми методами. Извозчики и уличные торговцы папиросами должны были выслеживать выезды намеченных лиц; затем должны были выступать бомбометатели. Все точно по тому

рецепту, который с таким успехом был применен в деле Плева . . . «Художниками в деле террора» теперешних руководителей Боевой Организации Зубатов никогда не назвал бы. Работу они вели по трафарету, — без смелой выдумки, без богатой инициативы.

В этих условиях много шансов, что компания Боевой Организации не имела бы успеха и в том случае, если б в дело не вмешалась измена. А она вмешалась, — и в обстановке побеждавшей реакции начала плести такие причудливые узоры, каких не смог бы выдумать наделенный даже самой богатой фантазией романист.

ГЛАВА X

Измена Гапона

Известия о трагических событиях петербургского «кровавого воскресения» 9—22 января 1905 г. в загадочных героических тонах рисовали фигуру вождя этого движения, священника Гапона, который с крестом в руке вел народные массы к царскому дворцу в поисках справедливости и свободы. Читатели зарубежных газет в течении ряда дней с напряженностью искали известий об его судьбе: пули пощадили его, — но удастся ли ему избежать ареста? Берлинский «Vorwärts» первым оповестил мир о благополучном прибытии Гапона в Женеву. Все спешили приветствовать его. Только старый В. Адлер, хорошо знавший людей, скептически говорил, что для революции было бы лучше числить имя Гапона в списке своих погибших героев, чем продолжать иметь с ним дело, как с вождем. С этим скоро все согласились.

Слава и деньги погубили Гапона. О нем писали во всех газетах, его фотографии продавались во всех магазинах, за свою автобиографию он получил громадные деньги. В нем развилось тщеславие, желание везде и всюду играть главную роль. Встать в ряды больших, в течение ряда лет сложившихся революционных коллективов он не сумел. В начале заявил о своем вступлении в ряды социал-демократов, но осмотревшись и увидав, что в этой партии

он сможет играть только второстепенную роль, он уже через несколько дней поспешил уйти из нее. Несколько дольше задержался он в рядах партии социалистов-революционеров, но и здесь не соглашались объявить его «вождем»: для этого он действительно не имел данных. Тогда он порвал и с социалистами-революционерами и сделал попытку создать свою собственную, независимую от революционных партий организацию. Здесь он действительно был «вождем», — но за то кроме «вождя» в этой организации никого не было, никакой революционной работы она не вела, никто за ней не шел. Были только деньги, — и притом довольно большие: под имя Гапона давали и многие русские, и иностранцы. А в личной своей жизни Гапон скатывался со ступеньки на ступеньку: стал завсегдатаем лучших кабаков в Париже и др. городах, в которых бывал, играл в Монтэ-Карло, тратился на женщин, в пьяном угаре этих кутежей растеривая все связи с идейными революционерами.

«Дни свобод» застали его идейно и морально уже выпотрошенным, не пользующимся в революционных рядах ничьим доверием, ничьим уважением. Когда в ноябре он приехал в Петербург и сделал попытку создать свою организацию, за ним не пошел никто. Но охотники эксплуатировать его имя и его былую популярность в интересах различных темных дел, конечно, нашлись: в тесные сношения с ним вступил некто И. Ф. Манасевич-Мануйлов, — полицейский сыщик и журналист бульварной прессы, в то время состоявший в качестве чиновника для особо-грязных поручений при гр. Витте. Он скоро сообразил, что Гапон теперь пойдет на все и начал сводить его с руководителями полицейского сыска. Несколько раз Гапон виделся с Лопухиным, который теперь состоял в отставке, но прилагал судорожные усилия, чтобы вновь быть припущенным к делу политического розыска. Затем начались встречи с Рачковским.

Этот последний умел обходить и не таких людей, как Гапон, — а главное имел достаточно средств, чтобы купить его. Сначала шли разговоры о высокой политике, — о том, что правительство жалеет о событиях «кровавого воскресения», что тогда вышло «печальное недоразумение», которое больше не повторится; что теперь все понимают и ценят Гапона и очень нуждаются в его помощи для того, чтобы направить рабочее движение в России по руслу мирного развития, — чтобы вырвать его из под влияния тех самых социал-демократов и социалистов-революционеров, которые с таким пренебрежительным третируванием относятся теперь к Гапону. А когда стало ясно, что Гапон попадает на закидываемую приманку, то разговоры перешли на вещи более конкретные и более близкие сердцу Рачковского: последний стал жаловаться на то, что террористы с их покушениями препятствуют нормальному развитию страны и что если бы удалось устранить опасность террористических актов, правительство смогло бы смелее пойти по пути реформ.

Встречи происходили в отдельных кабинетах лучших петербургских ресторанов. Разговоры шли за ужинами. Казенных денег Рачковский на угощение не жалел, — особенно с того момента, когда увидел, что Гапон далеко не равнодушен к хорошей еде и тонким винам. «А едят о н и как хорошо, если бы ты знал», — восклицал позднее Гапон, рассказывая об этих ужинах. За таким угощением язык Гапона развязывался, — тем более, что пьянел он легко и быстро. Это было, конечно, на руку Рачковскому и помогало ему перейти к прямым предложениям.

«Вот я стар, — жаловался он, рисуя перед Гапоном заманчивые перспективы. — Никуда уже не пожусь. А заменить меня некем. России (т. е. русской политической полиции) нужны такие люди, как вы. Возьмите мое место. Мы будем счастливы. Но вы должны нам помочь. Осветите нам положение дел в революционных организациях».

Охмелевший и подкупленный лестью Гапон сдался на эти предложения и мало по малу рассказал все, что знал о делах в революционном лагере, — в особенности все, что знал о террористической деятельности социалистов-революционеров, о Боевой их Организации. Не отказал он в своей помощи Рачковскому и на дальнейшее: он был уверен, что завербует себе в помощники своего хорошего знакомого и друга инженера П. М. Рутенберга, который и теперь близко стоял к Боевой Организации, и через него сможет разузнавать обо всех новых планах террористов.

Рачковский был упоен успехом. Ему казалось, что теперь то он создаст прочную центральную агентуру, которая будет давать ему сведения о Боевой Организации. Он понимал, что Гапон будет стоить ему очень дорого. Но игра казалась стоящей свеч.

Так как вопрос был слишком ответственный, то Рачковский сообщил о своих переговорах с Гапоном министру внутренних дел Дурново. Этот последний к обсуждению вопроса привлек начальника петербургского Охранного Отделения полк. А. В. Герасимова. Рачковский сделал подробный доклад о всем ходе своих переговоров с Гапоном. Он считал, что Гапон сумеет завербовать Рутенберга и весьма оптимистически расценивал те перспективы, которые в этом случае открываются перед политической полицией. По рассказам Герасимова, он с самого начала далеко не разделял этого оптимизма. Особенно мало вероятным ему показался план привлечения Рутенберга: последнего он знал, — за полгода перед тем Рутенберг был арестован и, во время допросов в Охранном Отделении, произвел на Герасимова впечатление стойкого и убежденного революционера. А так как из данных полицейского наблюдения было известно, что Рутенберг очень выдержан в личной жизни, — не пьет, не увлекается женщинами, — то Герасимов не верил и в то, что Гапону удастся деньгами соблазнить Рутенберга на измену.

В виду этих сомнений Дурново предложил Рачковскому устроить свидание Гапона с Герасимовым, чтобы последний мог проверить свои выводы на основе личного впечатления. Без большой охоты (в Герасимове он видел опасного конкуррента, которого Дурново настойчиво выдвигал вперед) Рачковский принужден был согласиться.

Свидание состоялось в Café de Paris, и в результате его Герасимов только укрепился в своем недоверии к планам Рачковского-Гапона: последний произвел впечатление человека легкомысленного и болтливового, большого хвастуна. Сам он действительно был готов выдать все, что знал, но из его ответов было видно, что связей с активно действующими террористами он больше никаких не имел и надеялся только на Рутенберга, который якобы предан ему лично и пойдет за ним куда угодно. Так как Гапон не производил впечатления человека, который может импортировать серьезным людям, то Герасимов больше, чем сомневался в основательности его надежд на Рутенберга и вполне определенно сказал об этом Дурново. Тем не менее в виду настояний Рачковского Дурново предоставил последнему продолжать переговоры с Гапоном.

Рутенберг в это время был нелегальным и скрывался в Москве. Гапону удалось от общих знакомых узнать его адрес, и 19 февраля 1906 г. он заявился к Рутенбергу. Последний действительно был очень привязан к Гапону лично. Он наблюдал Гапона в лучший период жизни последнего, — во время январского движения 1905 г.: слышал его речи на рабочих собраниях, помогал ему выработать знаменитую петицию к царю, рядом с ним лежал на снегу под градом солдатских пуль в день «кровавого воскресенья» и затем спас его от ареста, переодев его и доставив на безопасную квартиру. С личностью Гапона для него связывались воспоминания о начальных этапах русской революции, и хотя позднее, наблюдая Гапона за границей, он разглядел его слабые

стороны и далеко не считал его героем, но в честность его верил и как человека очень любил.

Но по первым же словам, которые Рутенберг услышал от розыскавшего его теперь Гапона, он понял, что имеет дело с совсем иным человеком. Гапон пробовал хитрить. Революционера Рутенберга в свои сети он собирался завлечь рассказами о якобы задуманных им грандиозных революционных предприятиях, — о том, что он имеет возможность организовать террористические акты против министров, о плане «повторить девятое января, — только в еще большем размере» и т. д. Но эта хитрость ему удавалась плохо: в рассказах было много противоречий, он проговаривался о своих встречах с Рачковским, которого он якобы собирается использовать в революционных целях; глаза его при этом беспокойно бегали, обнаруживая нечистую совесть говорившего. Рутенбергу скоро стало ясно, что Гапон вступил в сношения с полицией и ведет темную игру, к которой собирается привлечь и его, Рутенберга. Так как эта игра могла иметь в высшей степени опасные последствия, то Рутенберг решил во что бы то ни стало разузнать о ней во всех подробностях и для этого прикинулся готовым пойти на предложения Гапона. Эта уловка удалась, и Гапон рассказал ему о многом из того, что он задумал: Рутенберг должен помочь ему, Гапону, в раскрытии замыслаемых террористами покушений и тогда они получат большие деньги от Рачковского, многие десятки тысяч рублей.

Рутенберг сделал вид, что готов принять это предложение и обещался поехать к своим друзьям, от которых он сможет получить нужные сведения, — на самом деле он ехал, чтобы рассказать обо всем, что узнал, руководителям партии и Боевой Организации. Гапон был весьма доволен, условился с Рутенбергом о дальнейших встречах уже в Петербурге и выехал с докладом о своих успехах к Рачковскому. Последний от своих агентов уже знал, что Гапон несколько раз встречался с Рутенбергом, и потому с еще большим,

чем прежде, доверием отнесся к хвастливым рассказам Гапона. Фонды последнего поднялись и у Дурново: время тревожное, в деле поимки террористов никаким источником пренебрегать не приходится. Переговоры стали носить теперь уже вполне конкретный характер: шла речь о той плате, которую Гапон с Рутенбергом должны получить за выдачу подготовляемого террористами покушения. Гапон запросил не больше — не меньше, как 100 тыс. рублей. Рачковский пришел в ужас от подобных аппетитов, и клятвенно уверял Гапона, что таких цен на полицейском рынке не платят. Дурново, которому было доложено о требованиях Гапона, сделал контр-предложение: 25 тысяч и ни копейки больше. Гапон должен считаться с тяжелым состоянием русских финансов. Торги шли с переторжками. Гапон был упорен, и вопрос пошел вверх по инстанциям. Дурново советовался с председателем совета министров гр. Витте, сообщив ему и о требовании Гапона, и о своем контр-предложении. По воспоминаниям Витте, он рекомендовал не особенно верить Гапону; по рассказам Герасимова, Витте, наоборот, был вообще главным вдохновителем всей авантюры с Гапоном. Во всяком случае, что касается до денег, то и сам Витте признает, что за ценой он советовал не стоять: 25 или 100 тыс. рублей — большого значения, по его мнению, не составляло; как ни плохо было состояние русских финансов, государственная казна такой расход еще могла выдержать.

Тем временем Рутенберг приехал в Гельсингфорс и нашел Азефа, которому подробно рассказал обо всем, что узнал от Гапона. Негодование Азефа не знало границ. «Он думал, — вспоминает Рутенберг, — что с Гапоном нужно покончить, как с гаденой. Для этого я (т. е. Рутенберг) должен вызвать его на свидание, поехать с ним на извозчике (на рысаке Боевой Организации) в Крестовский сад, остаться там ужинать поздно ночью, покуда все разъедутся, потом поехать на том же извозчике в лес, ткнуть Гапона в спину ножом и выбросить из саней».

В отношении предателей Азеф всегда был беспощаден...

Но вопрос о Гапоне, конечно, не мог быть решен так просто: в глазах людей, принимавших активное участие в политической деятельности, он давно уже перестал пользоваться уважением. Но широкие массы о темных моментах его жизни ничего не знали. В их представлении он все еще был окутан героическим ореолом событий «кровавого воскресения», а потому было основание опасаться, что далеко не все поверят известию об его измене, что многие будут склонны во всем видеть интригу против Гапона со стороны его политических противников. Другие члены Центрального Комитета, которые были ознакомлены с рассказами Рутенберга, указали на эти обстоятельства. Гапона было решено убить, но не одного, а вместе с Рачковским, чтобы из самой обстановки убийства была ясна связь Гапона с полицией. Выполнение этой задачи было поручено Рутенбергу: он должен был продолжить свою игру, создать у Гапона и Рачковского уверенность в том, что он согласен стать предателем, завлечь их на общее свидание и там убить обоих. План был продуман в деталях. В помощь Рутенбергу был дан еще один член Боевой Организации, который должен был играть роль извозчика, производящего наблюдение за Дурново. Сношения с ним Рутенберга должны были создать у полиции уверенность, что они действительно имеют дело с подготовляемым покушением.

Рутенбергу вся эта игра была противна, но он понимал, что измена Гапона может иметь весьма и весьма тяжелые последствия для революционного движения, а потому подчинился принятому решению.

Числа около 10 марта Рутенберг вернулся в Петербург и возобновил свои сношения с Гапоном. Последний пенял за медлительность, но был доволен, что теперь Рутенберг дал, наконец, свое согласие, и посвятил его в подробности своих новых переговоров с Рачковским. Много разговоров было о деньгах.

Рутенберг делал вид, что ему даже 100 тыс. рублей кажутся слишком ничтожной платой, и выражал свое недовольство Гапону за то, что тот так «продешевил». Гапон был рад чисто коммерческому подходу Рутенберга к вопросу, но советовал не увлекаться, не запрашивать слишком много и убеждал, что даже 25 тыс. за одно выданное покушение — сумма очень не плохая: так как риск провала небольшой, то можно будет итти этим путем и дальше, — а четыре таких выдачи в год дадут целых сто тысяч, — заманивал он Рутенберга. Больше всего Гапон настаивал на ускорении личной встречи Рутенберга с Рачковским: последний очень торопился с этой встречей, в зависимость от ее исхода ставя все дальнейшие предложения.

После некоторых колебаний и оттяжек, — трудно было преодолеть глубоко вкоренившееся чувство брезгливости, — Рутенберг дал согласие на такую встречу. Она была назначена на 17 марта в ресторане Контана. Рачковский был очень доволен, но в самый последний момент ему по телефону позвонил Герасимов и дал совет не ходить на это свидание: в виду подозрительности поведения Рутенберга он предполагал возможность ловушки. Рачковский долго не соглашался последовать этому совету, уверяя, что Герасимов ошибается и настаивая на том, что свидание с Рутенбергом может быть весьма интересным. На всякий случай Герасимов принял меры предосторожности. Отдельный кабинет, соседний с тем, в котором должно было произойти свидание, был занят агентами Охранного Отделения. Но в конце концов Рачковский решил на свидание не итти, и Рутенберг только напрасно там его дождался. А вскоре после этого Рачковский и вообще изменил свое отношение к предложениям Гапона и Рутенберга, стал ими меньше интересоваться и сделался чрезвычайно осмотрительным и осторожным.

Причины этой последней перемены становятся понятными только теперь.

Весь этот период после разгрома декабрьского восстания Азеф чувствовал себя совсем не спокойно. Реакция явно взяла верх. В возможность близкой победы революции Азеф перестал верить. Заведывание кассой Боевой Организации, конечно, и теперь продолжало оставаться много более выгодным делом, чем работа на Департамент, но выгодным оно было только при условии хороших отношений с Департаментом. Конфликт с последним не только сводил на нет все выгоды материального характера, — он ставил Азефа еще и перед лицом таких опасностей, размеры которых опасно было недооценивать. Тем больше беспокоило Азефа поведение Рачковского: Азеф несколько раз писал ему, делая более или менее значительные сообщения и настойчиво прося о свидании. Он стремился восстановить свои прежние служебные отношения. Все было напрасно: Рачковский как воды в рот набрал. Это усиливало тревогу Азефа. Он знал, что Татаров был осведомлен о многих, — хотя и далеко не обо всех, — сторонах его деятельности. Не было никакого сомнения, что все это теперь известно Рачковскому, — и Азеф, конечно, отсутствие ответов из Департамента ставил в прямую связь с получением Рачковским информации от Татарова. Если так, то над ним собиралась гроза, — и тем настоятельнее было теперь желание Азефа смягчить гнев богов полицейского Олимпа.

Повидимому, так и обстояло дело в действительности. Точных данных о мотивах поведения Рачковского, правда, не имеется, — но понятным это поведение станет только в одном случае: если мы примем, что Рачковский не доверял Азефу и не хотел иметь с ним никакого дела. Ведь о прошлой деятельности Азефа он знал; он знал, какое положение Азеф занимает в партии; агентов, которые давали бы ему информацию о внутренней жизни центральных учреждений социалистов-революционеров, он искал с большой энергией, — и тем не менее оставлял без ответа все навязчивые просьбы о встрече . . . Одному из очень

видных, — хотя далеко не умных, — деятелей политического розыска, жандармскому полковнику П. П. Заварзину, Рачковский позднее говорил, что он уличил Азефа в двойной игре и потому прервал с ним всякие сношения. Рассказы Заварзина далеко не во всех частях заслуживают веры, — но данное его сообщение вполне отвечает всему тому, что нам точно известно об отношении Рачковского к Азефу, и потому должно быть признано правильным.

Все это объясняет, почему рассказы Рутенберга должны были привести Азефа в состояние настоящего бешенства: из них он узнал, что кроме Татарова его роль перед Рачковским разоблачил также и Гапон. Тем хуже для последнего: его во что бы то ни стало должна была постичь та же судьба, что и Татарова. Он должен быть во всяком случае убит.

Несколько более сложен был для Азефа вопрос о Рачковском. В отношении последнего было возможно идти двумя путями: с одной стороны, было можно делать ставку на его устранение. Это имело свои преимущества: с ним уходил тот руководитель Департамента, который относился с подозрением к его, Азефа, роли. Но, с другой стороны, было возможно разоблачить перед ним планы Рутенберга и тем самым попытаться его умиловить. О том, что передумал Азеф в этот период, конечно, можно только догадываться, но по его поведению видно, что в начале он, повидимому, был склонен допустить двойное убийство Гапона и Рачковского и лишь позднее, увидев, что Рачковский ведет себя осторожно и избегает ходить на свидания с Рутенбергом, постарался извлечь ту единственную выгоду из создавшегося положения, которую одну только и можно было извлечь, — а именно предал Рачковскому план Рутенберга. Об этом мы узнаем из свидетельств Герасимова: последний показал на допросах в следственной комиссии 1917 г., что Азеф во время своих позднейших свиданий с Рачковским, упоминал о своих письмах-

предупреждениях против Рутенберга *); но по времени эти предупреждения относятся к сравнительно позднему периоду, так как, по рассказам того же Герасимова, на первые свидания с Рутенбергом Рачковский очень хотел пойти, будучи искренне уверен, что Рутенберг готов заключить сделку о предательстве, а этого, конечно, не было бы, если бы Азеф сообщил Рачковскому о плане двойного убийства немедленно после того, как этот план был разработан.

Во всяком случае, несомненно, что с определенного момента Азеф ставит перед собою двойную задачу: обязательное убийство Гапона, с одной стороны, и спасение Рачковского, с другой. Азеф вообще очень любил выставлять себя в роли спасителя жизней своих непосредственных полицейских руководителей: так было в его отношениях с Лопухиным; подобные попытки он делал и в других случаях, и его опыт учил, что такая роль создавала для него в высшей степени благоприятную обстановку, так как «спасенные» им его полицейские руководители, считая себя в долгу перед ним, всегда бывали более склонны снисходительнее смотреть на его поведение.

Неприятным препятствием было решение Центрального Комитета убить Гапона не иначе, как вместе с Рачковским. Но его оказалось возможным обойти: Азеф взял на себя поручение Центрального Комитета о непосредственном руководстве всем предприятием Рутенберга, и, разрабатывая вместе с последним детали намеченного плана, дал ему директиву в крайнем случае, т. е. если не удастся завлечь в ловушку Рачковского, убить хотя бы одного Гапона.

Этот свой план Азефу удалось осуществить полностью.

Развязка приближалась. Рутенберг чувствовал, что вокруг него затягиваются сети полицейского наблю-

*) В этих показаниях Герасимова говорится: «Припоминаю, что Азеф говорил Рачковскому о письме, в котором он предупреждал Рачковского об опасности для его жизни со стороны Рутенберга».

дения, и понимал, что он не сможет завлечь в ловушку Гапона и Рачковского вместе. Для продолжения игры не хватало нервов, и Рутенберг решил пойти тем путем, который оставляли ему на крайний случай инструкции Азефа: он решил убить одного Гапона.

Убийство Гапона было решено облечь в форму суда над ним группы близких к нему рабочих, — товарищей Гапона по участию в январских событиях 1905 г. Под Петербургом была снята уединенная дача. На эту дачу был завлечен Гапон, — якобы для окончательных переговоров об условиях выдачи Боевой Организации. Гапон не подозревал расставленной ему ловушки. Сердитый на Рутенберга за его медлительность и всевозможные затяжки, он теперь говорил с особенной откровенностью и грубостью:

«Чего ты ломаешься, — убеждал он Рутенберга, — 25 тысяч тоже хорошие деньги!»

А когда Рутенберг указал, что его мучит совесть: ведь если «боевиков» арестуют, то они все будут повешены, — Гапон жестко ответил:

«Ну, что-же! Конечно, жаль, но ничего не поделаешь! Лес рубят, — щепки летят».

И утешал Рутенберга тем, что никто об этом предательстве не узнает:

«Рачковский такой умный человек, все хорошо устроит».

Через тонкую досчатую перегородку эти разговоры слушали приглашенные в качестве судей рабочие. Они раньше почти боготворили Гапона, как вождя январского движения. Тем острее было теперь их негодование. Они с трудом сдерживали себя, и когда Рутенберг, наконец, решил прекратить игру и раскрыл перед ними дверь, они не вышли, а выскочили, и с криками, почти со стонами бросились на Гапона. Тот узнал их: среди них было несколько хорошо и близко ему знакомых. Он упал на колени и хватал за руки, моля о пощаде:

«Братцы... братцы... — лепетал он, — во имя прошлого... простите меня...»

— Мы тебе теперь не братья, — Рачковский тебе братец! — неслось ему в ответ.

— Ты нашу кровь продал охранке, — за это нет прощенья, — дополняли другие.

У Рутенберга не хватало сил присутствовать при расправе. Он ушел из комнаты и почти истерически рыдал:

— Ведь, друг он мне когда то был... Боже мой... Какой ужас!

Тем временем на шею Гапона накинута петля и прицепили к железному крюку, вбитому над вешалкой. Через несколько секунд все было кончено. Это произошло 10 апреля 1906 г., около 7 часов вечера... Все молча покинули дачу, заперев ее на замок.

В Финляндии, куда Рутенберг уехал немедленно после этих событий, его ждало совсем неожиданное известие: Азеф отрекся от всего, — и от того, что он дал разрешение на убийство одного Гапона, и от того, что он своевременно был предупрежден о последней развязке. С полной категоричностью он заявлял, что никогда согласия на отступления от первоначального решения Центрального Комитета он не давал, и готов был считать личным оскорблением, если кто-нибудь позволял высказать хоть тень колебания в вопросе о том, кому нужно верить: ему, Азефу, или Рутенбергу. В довершение ко всему последний оказывался в положении не только человека, нарушившего партийную дисциплину, но и клеветника на одного из наиболее «уважаемых» членов Центр. Комитета. От убийства Гапона партия отрекалась, — оно было объявлено личным делом Рутенберга. В реакционной печати стали появляться двусмысленные намеки на то, что он состоял в сношениях с руководителями политической полиции, и что Гапона он убил не то, как конкурента, не то из боязни его разоблачений... Легко понять, что пережил в это время Рутенберг... Он был сломлен и ушел от революционного движения.

ГЛАВА XI

Примирение Азефа с Департаментом Полиции

В настоящее время, оглядываясь на прошлое, трудно даже понять, как могли руководители Центрального Комитета и Боевой Организации, — люди, казалось, обладавшие достаточным опытом в подобного рода делах, — допустить те элементарно-грубые ошибки, которые были допущены ими при разработке плана двойной игры Рутенберга с Гапоном-Рачковским. В террористических предприятиях шансы успеха стоят в прямой зависимости от степени неожиданности наносимого удара. А между тем, ведя через Рутенберга свою игру с Рачковским, руководители Боевой Организации осведомили полицию не только о том, что покушение готовится на Дурново, но и о том, что наблюдение за намеченной жертвой производится террористами, переодетыми извозчиками: псевдо-покушение на Дурново, устроенное специально для того, чтобы выдать его Рачковскому, было точной копией того покушения, которое одновременно и параллельно готовилось против того же Дурново с самыми серьезными намерениями.

Конечно, ни сам Рутенберг, ни непосредственные его помощники не имели никакой связи с террористами, готовившими действительное покушение, и потому полиция, следя за Рутенбергом, не имела никакой возможности добраться до Боевой Организации. В

этом отношении расчеты авторов плана игры с Рачковским были правильны. Но они упустили из вида, что полиция может пойти и другим путем: вообще усилить поиски террористов, переодетых извозчиками. А именно это и случилось в действительности.

Еще после арестов членов Боевой Организации в марте 1905 г., когда было установлено, что террористы применяют приемы работы в качестве извозчиков, полиция приняла ряд мер для организации наблюдения за постоянными дворами, где жили извозчики. После получения известий о существовании извозчиков террористов, производящих наблюдение за Дурново, надзор этот был усилен. От содержателей постоянных дворов требовали представления сведений о всех извозчиках, которые в каком-либо отношении кажутся странными, не подходящими к общей массе людей этой профессии. Все такие случайные сведения тщательно проверялись. Одно из них натолкнуло на «боевика», участвовавшего в наблюдении за Дурново: приставленный к нему филер установил, что он выезжает на дежурства исключительно к дому, где жил Дурново, и часами стоит здесь, отказывая случайным седокам. Постепенно было выяснено, что этот «извозчик» связан с еще двумя такими же, как и он, «извозчиками» и с какими-то четвертым господином, который регулярно встречается с ними со всеми и явно руководит их работой.

Картина была настолько типична, что никаких сомнений относительно ее значения быть не могло. Оставалось производить аресты, но здесь встретилось одно весьма существенное затруднение: старший филер Тутышкин, руководивший наблюдением за этой группой террористов, в своих суточных рапортчиках того четвертого террориста, который поддерживал сношения с «извозчиками», называл «наш Филипповский». «Мне это, — рассказывает А. В. Герасимов, бывший в то время начальником Охранного Отделения в Петербурге, — конечно, не могло не броситься в глаза». Вызванный для объяснений Тутыш-

кин сообщил, что четвертого наблюдаемого он знает давно: лет за 5—6 перед тем его ему показал в Москве в кондитерской Филиппова (отсюда и прозвище: «Филипповский») тогдашний руководитель наружного наблюдения Е. П. Медников, который рассказал, что это — один из самых важных и ценных секретных агентов, и что его надо старательно оберегать от случайных арестов.

В таких условиях производить арест было невозможно: можно было не только «провалить» агента, но и вообще навлечь большие неприятности. Герасимов отправился в Департамент, чтобы выяснить личность «Филипповского» и характер его отношений с полицией. Делал он это с тем большей охотой, что уже давно вел энергичную борьбу против ведения Департаментом самостоятельной агентуры, настаивая на передаче ее всей в его собственные руки. Но в Департаменте категорически отрицали не только какую бы то ни было связь с «Филипповским», но и простую осведомленность об этой личности. «Я, — рассказывает Герасимов, — настойчиво просил проверить, чтобы не было недоразумения: может быть это какой-либо агент Департамента, известный под другим именем? Или случайно затесавшийся сотрудник из заграничной агентуры? Но Рачковский уверял, что никакого его агента около Боевой Организации нет и быть не может».

Объяснения в Департаменте не дали никаких результатов. Но указания Тутышкина были слишком точны и сам он был старым, вполне надежным и точным в своих указаниях агентом, чтобы его сообщениями можно было пренебрегать. Поэтому решено было сначала объясниться с самим «Филипповским», и для этого филерам было поручено арестовать его, но только так, чтобы факт этого ареста не мог получить огласки.

Приказ был выполнен в точности: числа около 15 апреля «Филипповского» подстерегли на безлюдной улице, около Летнего сада, когда он в сумерках шел

после свидания с одним из «извозчиков». Как полагается по правилам, филеры схватили его под руки и «честью» попросили следовать за ними. «Филипповский» пробовал протестовать, но ему посоветовали «для его же пользы» не доводить дело до скандала на улице, усадили в заранее приготовленную закрытую пролетку и доставили в Охранное Отделение. Здесь «Филипповский» возобновил свои протесты, предъявил документы на имя инженера Черкаса и требовал немедленного освобождения, угрожая обращением в газеты. Герасимова, лично поджидавшего таинственного «Филипповского», угрозы эти не смущали: печати он меньше всего боялся. Арестованному заявили, что он не то лицо, за которое он себя выдает, что арестовавшим известно, что он служит или в прошлом служил в Департаменте и т. д. и было предложено «поговорить откровенно». «Филипповский»-Черкас быстро сбавил тон, но от беседы уклонился.

«Не хотите говорить, — ответил Герасимов, — не надо. Мы можем не спешить. Посидите, подумайте на досуге, — а когда надумаете, скажите только надзирателю».

И «Филипповский» очутился в одной из одиночек, устроенных при Охранном Отделении.

«Думал» он сравнительно долго: дня два. Очевидно, обдумывал создавшуюся обстановку. Наконец, решил сдаться и попросил вызвать его для разговора. Герасимов не заставил себя ждать: дело это его интересовало много больше, чем он показывал.

Теперь у «Филипповского» был совсем иной тон.

«Я согласен говорить откровенно, — заявил он с самого же начала, — но хочу, чтобы при разговоре присутствовал мой прежний начальник, Петр Иванович».

«Петром Ивановичем» был Рачковский, против присутствия которого Герасимов ничего не имел: последнего он и не долюблял, и несколько презирал, а

«беседа» обещала быть для Рачковского весьма неприятной.

Связаться с Рачковским по телефону не представило труда.

— Так и так, — говорил Герасимов, — мы, Петр Иванович, задержали того самого «Филипповского», о котором я Вас спрашивал. Представьте, он говорит, что хорошо Вас знает и служил под Вашим начальством. Он сейчас сидит у меня и хочет говорить в Вашем присутствии».

«Рачковский, — рассказывает Герасимов, — по своему обыкновению завертелся: что да как и в чем именно дело? И какой это может быть «Филипповский?» Разве что Азеф?»

— Тут, — прибавляет Герасимов, — я впервые в своей жизни услышал эту фамилию.

После этого телефонного разговора Рачковский немедленно примчался в Охранное Отделение, и здесь в кабинете Герасимова и в его присутствии состоялось бурное объяснение.

Рачковский разлетелся к Азефу со своей обычной «сладенькой» улыбочкой:

«А, дорогой Евгений Филиппович, давно мы с Вами не видались. Как поживаете?»

Но Азеф после двух дней пребывания в одиночном заключении на скудном арестантском довольствии меньше всего был склонен к любезным излияниям. К тому же он несомненно понимал, что переход в наступление для него и тактически наиболее выгоден. Поэтому он с места в карьер обрушился на Рачковского с площадной бранью. «В своей жизни, — рассказывает Герасимов, — я редко слышал такую отборную брань. Даже на Калашниковской набережной не часто так ругались. А Рачковскому хоть бы что. Только улыбался и приговаривал: «да вы, Евгений Филиппович, не волнуйтесь, успокойтесь!»

Когда Азеф, наконец, несколько отошел и разговор принял более мирный характер, то выяснилось, что с Рачковским он не виделся больше полугода, —

с того самого дня, когда революционерами было получено письмо из Департамента, содержащее разоблачительные сведения об Азефе и Татарове. В начале он сам не подавал о себе признаков жизни, так как считал себя разоблаченным и боялся еще больше скомпрометтировать себя перед революционерами. Но за последние месяцы он делал ряд попыток возобновить свои сношения с Департаментом, написал несколько писем Рачковскому с различными сообщениями. Во всех этих письмах он настойчиво просил о назначении ему свидания для личных разговоров, — но никакого ответа не получал, Рачковский бросил его «на произвол судьбы», не обращая никакого внимания на его многолетнюю службу для Департамента и на все его заслуги в прошлом. Именно за это он и отчитывал теперь Рачковского.

Маневр перехода в наступление Азефом был проведен очень не плохо. Про подозрения, которые у него имелись относительно двойной роли Азефа, Рачковский, по утверждениям Герасимова, теперь и не заикнулся. Повидимому, он просто боялся ворошить всю ту кучу вопросов, которая была связана с этим делом, превосходно понимая, что если начнут рыться в темных делах Департамента, то неизбежно найдут много неприятного и относительно него самого. Именно эти общие опасения создали в Департаменте неписанную, но тем более прочную традицию: вообще не касаться определенной группы вопросов. С другой стороны, несомненно, теперь Рачковский чувствовал себя в известной мере связанным в отношении Азефа тем, что последний «спас ему жизнь», предупредив относительно подготовлявшегося Рутенбергом покушения: на этот факт в своих филиппиках Азеф настойчиво напирал, — а судьба Гапона с полной определенностью свидетельствовала, что отведенная опасность была вполне серьезной. Все это вместе взятое заставило Рачковского не выдвигать во время объяснения с Азефом тех действительных аргументов, которые заставляли его воздерживаться от сношений с послед-

ним. Поскольку же он такого рода обвинений не выдвигал, постольку его позиция была в высшей степени трудно защитимой. И он действительно, вопреки своему обыкновению, держал себя крайне смущенно, подыскивал различные оправдания для своего поведения, но делал это сбивчиво и невразумительно. Аудиторию он имел во всяком случае не на своей стороне. «Я сам, — пишет Герасимов в своих неизданных воспоминаниях, — почувствовал угрызения совести за действия Рачковского и был удивлен, что во главе руководителей политического розыска стояли такие бездарности. Азеф прочитал Рачковскому надлежащую и вполне заслуженную отповедь.»

Как ни серьезна была эта размолвка, кончилась она тем, что «милые помирились». Рачковский, по рассказу Герасимова, признал, что он поступал неправильно, и просил Азефа возобновить свою работу для полиции. Азеф для приличия несколько поломался, но затем «смиловивился» и дал согласие. В действительности в тот момент он только этого и хотел: мы уже знаем, что без перестраховки со стороны полиции он чувствовал себя в высшей степени беспокойно и сам стремился к возобновлению своей старой связи.

Несмотря на «скромность», присущую всем участникам того разговора, совершенно обойти молчанием вопрос о том, почему Азеф оказался причастным к подготовке покушения на Дурново, было невозможно. Объяснения Азефа были весьма характерны. Как пишет в своих воспоминаниях Герасимов, Азеф заявил, что будучи оставлен Рачковским без руководства, он «считал себя свободным от службы в Департаменте Полиции» и потому считал себя вправе «приняться за свою профессиональную работу в партии», войдя в состав ее Центрального Комитета и начав принимать участие в деятельности Боевой Организации. Это объяснение удовлетворило и Рачковского и Герасимова: они, повидимому, считали вполне нормальным, что их секретные сотрудники, когда они остаются

ся без полицейской работы, начинают заниматься организацией покушений на министров. Видя такое к нему отношение, Азеф, можно сказать, обнаглел и потребовал возмещения тех убытков, которые он понес из-за разрыва сношений с Департаментом. И он добился своего: было решено, что он получит 5000 рублей, — т. е. не только жалование за все пропущенные месяцы, но и некоторую сумму на покрытие расходов по поездкам, — по примеру того, что он получал в нормальное время... Своими материальными интересами он отнюдь не был намерен поступаться.

В обмен за это он дал некоторую информацию о деятельности и планах Боевой Организации. Эта информация далеко не была обильной: об исчерпывающей ее полноте и говорить не приходится. Из двух основных предприятий, которые тогда вела Боевая Организация, об одном, — о покушении против Дубасова, — Азеф совершенно не упомянул. Работа по подготовке второго основного предприятия, — покушения против Дурново, — в то время велась двумя группами террористов: с одной стороны, группой из трех «извозчиков», (Абр. Р. Гоц, Павлов и А. Третьяков), сношения с которыми поддерживал Азеф, и, с другой стороны, смешанной группой «извозчиков» и различных «уличных торговцев» (Кудрявцев, Петр Иванов, Горинсон, Пискарев, и Вс. Смирнов), работой которых руководил Б. В. Савинков. Первая группа и без того была полностью прослежена полицией. Выдавать ее не приходилось, — Азеф мог только подтвердить правильность уже собранных Охранным Отделением сведений, что он и не преминул сделать. Что же касается до второй группы, на след которой Охранное Отделение не напало, то о ней Азеф не сказал ни слова. Таким образом, относительно обоих основных предприятий Боевой Организации в этот момент он не сообщил полиции абсолютно ничего нового.

Такое новое было только в его рассказах о двух сравнительно второстепенных предприятиях Боевой Организации, — о задуманных последнею покушениях

против ген. Мина и полк. Римана, — двух офицеров Семеновского полка, особенно отличившегося своей жестокостью при подавлении декабрьского восстания в Москве. Общее руководство этими покушениями Боевая Организация возложила на В. М. Зензинова, который под руководством Азефа разработал весьма несложный план: террористы-исполнители, — таковыми были намечены бывшие студенты Самойлов и Яковлев, — должны были явиться на квартиры означенных офицеров переодетыми в военную форму и, конечно, под чужими фамилиями. Оба эти предприятия Азеф теперь выдал. Имен намеченных исполнителей он не назвал, но он рассказал, каким образом эти покушения предположено осуществить, и тем самым дал полиции возможность принять свои меры предосторожности.

Таков был общий баланс этого свидания Азефа со своими полицейскими руководителями, первого после перерыва в почти 7 месяцев. Из него ясно, что Азеф в этот момент совсем не собирался прекращать свою двойную игру: выдавая одни из намеченных предприятий Боевой Организации, он попрежнему умалчивал о других.

С тем большею охотой и подробностями рассказывал он во время этого свидания о деле Гапона-Рутенберга, не думая при этом скрывать свою насмешку над Рачковским. «Что, — говорил он, — удалось Вам купить Рутенберга? Хорошую агентуру в Боевой Организации Вы завели, — нечего сказать!» От него от первого Рачковский и Герасимов узнали точно, что Гапона уже нет в живых. Рачковский подозревал, что с ним случилось что то неладное, так как Гапон в течении нескольких дней не подавал о себе никаких вестей, но только теперь, из рассказа Азефа, он узнал, какая именно судьба постигла Гапона, — о том, что труп последнего в течении уже нескольких дней висит в пустой даче где то на границе Финляндии. Точного адреса этой дачи Азеф не сообщил, — возможно, что он его действительно не

помнил. Поиски пришлось вести через местную полицию по всем пограничным населенным пунктам как в России, так и в Финляндии. Тело было найдено только спустя месяц после убийства...

По обсуждении создавшейся обстановки решено было ареста «боевиков», с которыми был связан Азеф, не производить: Азеф заявил, что такой арест окончательно скомпрометирует его в глазах революционеров и совершенно лишит возможности продолжать службу. Поэтому решено было просто «спугнуть» террористов, распространив через имеющиеся у Департамента связи слух о том, что полиция напала на след этой группы и собирается ее арестовать. Сам Азеф был, конечно, освобожден.

Обо всех этих переговорах Герасимов поставил в известность и министра внутренних дел Дурново. По рассказу Герасимова, во время этого своего доклада он высказал сомнение относительно возможности успешной работы Азефа в качестве секретного агента: против него уже существовали подозрения в революционных рядах; как агента его знали не только ответственные служащие Департамента, но и многие филеры, и потому ни в каком случае нельзя было ручаться за то, что кто-либо не предаст его снова. А последствия такого предательства для Азефа будут самым печальными: он сам говорил, что его убьют. В виду всего этого Герасимов, по его словам, был склонен отказаться от услуг Азефа. Но Дурново посмотрел на вопрос совсем иными глазами: он был большой циник и не имел никакого желания считаться с тем, что жизни Азефа может грозить опасность. «Боевики» доставляли ему слишком большие неудобства: по докладам Герасимова, ему не раз приходилось отказываться от выездов на самые интимные свидания и вести образ жизни зверя, обложенного в его собственной берлоге. Поэтому все, что хоть немного облегчало условия его существования, он считал допустимым.

«Ведь рискуем не мы, — приблизительно так говорил Дурново, — так пусть он об этом и думает. Если он согласен, то нам то что об этом беспокоиться? Время теперь такое, что каждый сотрудник нужен до зареза. Пускай работает, — там видно будет».

Приказ о выдаче 5000 рублей Дурново подписал без всяких возражений. Таким образом сделка с Азефом была утверждена. Руководить его работой должен был Рачковский, но с тем, чтобы при свиданиях присутствовал и Герасимов.

Отсутствие Азефа из-за этого ареста продолжалось несколько дней, но большого внимания на себя со стороны революционеров оно не обратило: в условиях боевой работы это было явлением более или менее обычным. Азеф объяснил, что заметил за собою слежку и вынужден был в течении нескольких дней скрываться, заматая свои следы. Это было тем более правдоподобно, что известия о полицейской слежке за тем отрядом, которым руководил Азеф, теперь начали поступать со всех сторон. Слежку за собой начали замечать прежде всего сами извозчики: Герасимов дал филерам инструкцию вести себя так, чтобы быть замеченными. Кроме того до центра Боевой Организации теперь начали с разных сторон доходить те слухи, которые были пущены полицией о предстоящих арестах террористов-«извозчиков». Так В. И. Натансон, жена одного из членов Центрального Комитета, будучи в гостях у какого то видного кадета, услышала за столом разговор о трех «извозчиках», которые ведут наблюдение за Дурново и арест которых предстоит в ближайшем будущем. Другому члену Центрального Комитета А. А. Аргунову о том же было передано от имени одного из сочувствующих. Все эти сведения, конечно, были немедленно переданы Азефу, который поспешил поделиться ими с Савинковым. После тщательного обсуждения оба они пришли к выводу, что ничего иного не остается, как немедленно же ликвидировать указанную группу «извозчиков», чтобы спасти хотя бы людей. Азефом был

разработан план такой ликвидации, который и был «успешно» осуществлен. Арестован в этот момент никто не был, — все «извозчики» были переарестованы спустя несколько месяцев поодиночке и на основании филерских показаний осуждены на каторжные работы.

Ликвидация этого отряда совпала с общим острым кризисом внутри Боевой Организации.

Утверждая программу деятельности последней Центральный Комитет поставил условием выполнение ее до дня открытия Государственной Думы. Предвиделось, что после открытия последней общая политическая обстановка в стране будет такова, что партия вновь будет вынуждена по политическим соображениям отказаться от применения террористических методов борьбы. Теперь день открытия Государственной Думы, — 10-го мая 1906 г., — был уже совсем близок. Выборы всюду приносили победу прогрессивным партиям. Не было никакого сомнения в том, что Дума в подавляющем большинстве будет настроена оппозиционно, и не в одних только умеренно-либеральных кругах люди тешили себя надеждой на капитуляцию старой власти перед «волей народных избранников», впервые появлявшихся на арене политической жизни России.

Неизбежность близкой приостановки деятельности Боевой Организации становилась все более и более очевидной. А между тем намеченная программа ни в одной ее части осуществлена не была. Боевую Организацию всюду преследовали неудачи. Вслед за «извозчиками», которые выслеживали Дурново, под удар попал второй основной отряд Организации, готовивший в Москве покушение против Дубасова. Азеф не дал Департаменту никаких указаний относительно этого отряда, но московская полиция самостоятельно напала на его след, — и только с большим трудом Савинкову, который руководил подготовкой покушения в Москве, и его товарищам удалось ускользнуть от ареста.

В виде дополнения к этому удару полное крушение потерпело и покушение на Мина и Римана. После получения от Азефа сведений о подготовке этих покушений Герасимов поставил на квартирах указанных офицеров особую охрану, которая получила инструкцию из посетителей пропускать на свидания с ними только тех, кто лично известен. Незнакомые, как они себя не называли бы и какие мундиры они не носили бы, на свидания должны были быть пропускаемы только после наведения о них надлежащих справок. В виду этих инструкций оба террориста, хотя они явились в офицерских мундирах и назвали весьма громкими фамилиями (один кн. Вадбольским, другой — кн. Друцким-Соколинским) на свидание допущены не были, — под предлогами случайного отсутствия Мина и Римана в их квартирах. Мундиры и княжеские титулы помогли им только в одном отношении: они не были тут же задержаны. Но когда Яковлев («кн. Друцкой-Соколинский») через несколько часов попытался явиться к полк. Риману вторично, он был арестован: к этому моменту полиция уже установила, что он не то лицо, за которое себя выдавал.

Вся широко задуманная кампания Боевой Организации опять грозила закончиться ничем, — и ее деятели склонны были этот факт воспринимать, как удар для их чести. Молодежь стремилась во что бы то ни стало *реабилитировать* честь *Боевой Организации* и была готова итти на самые отчаянные предприятия. А. Р. Гоц носился с планом открытого нападения террористов на дом, в котором жил Дурново: «боевики», одетые в особые «панцыри» из динамита, должны были силой прорваться внутрь дома и там взорвать себя, чтобы под развалинами здания похоронить Дурново и всех, кто был в его квартире. Этот план по разным соображениям был отвергнут. Но решено было совершить перегруппировку сил и наперечь все усилия для того, чтобы до открытия Думы произвести два основных покушения, — на Дурново и Дубасова.

Руководство первым покушением теперь перешло в руки Савинкова. За дело Дубасова взялся «сам» Азеф.

Все усилия первого остались безрезультатными: на след отряда, которым он руководил, полиция напасть не смогла, но меры предосторожности, принятые для охраны Дурново, были настолько велики, что террористам не удалось ни одного раза даже просто увидеть его.

Более удачлив был Азеф. Покушение он назначил на 6 мая, — день рождения государыни. В этот день Дубасов, по своему официальному положению московского генерал-губернатора, должен был обязательно быть в Кремле на торжественном молебне. На обратном пути с этого молебна и должно было быть совершено покушение. Действовал Азеф крайне осторожно: отправив вперед всех остальных участников покушения, сам до последнего момента оставался в Финляндии. Судя по всему, покушение он действительно хотел довести до успешного конца. За неделю перед покушением от случайного взрыва в Москве выбыли из строя техники и был потерян почти весь запас динамита. При желании Азеф имел полную возможность отказаться от покушения, и всем было бы ясно, что вина за неудачу падает на случайные причины. Вместо этого он в экстренном порядке принял меры и образовавшаяся в организации предприятия брешь была заполнена.

Сам Азеф в Москву приехал только накануне назначенного для покушения дня. Поездку эту он совершил с разрешения Рачковского и Герасимова, которым он необходимость этой поездки мотивировал личными делами. О покушении на Дубасова при этом не было сказано ни слова.

В назначенный день покушение состоялось. Дубасов ехал в открытой коляске в сопровождении своего адъютанта гр. Коновницына. Около самого генерал-губернаторского дома, на углу Чернышевского переулка и Тверской площади, мимо стоявших у двор-

ца часовых, к коляске прорвался член Боевой Организации Бор. Вноровский и бросил бомбу, которая разорвалась под коляской. Взрывом был убит адъютант гр. Коновницын и сам Вноровский. Дубасов был выброшен из коляски, получил ушибы и несколько ранений, которые не представляли опасности для жизни, но требовали продолжительного лечения. Он ушел в отпуск, из которого на активную службу так больше и не вернулся. Азеф, руководивший всем покушением, в момент взрыва находился совсем поблизости, в кондитерской Филиппова. Эта кондитерская немедленно после покушения была оцеплена полицией, которая хотела выяснить, нет ли там соучастников покушения. Азеф арестован не был: старый филер, руководивший проверкой задержанных посетителей кондитерской, знал его по прежним временам, как секретного сотрудника, и дал распоряжение об его освобождении.

Это покушение, хотя и не полностью удавшееся, было единственным в активе Боевой Организации за этот период, — тем сильнее оно способствовало укреплению репутации Азефа. После письма Меньшикова, хотя Азеф и был реабилитирован полностью, червь сомнения все же закрался в души многих. Все были уверены, что в период организации убийств Плеве и вел. кн. Сергея он был искренним революционером. Но кое-кто начинал допускать возможность вступления его в сношения с полицией после того, как эти покушения были осуществлены.

Хороший знаток людей, Азеф несомненно чувствовал нарастание подобных настроений. Желание положить им конец и толкнуло его на тот риск, который был для него связан с участием в покушении против Дубасова. Он не ошибся в расчетах: это покушение на время реабилитировало его в глазах даже наиболее подозрительных революционеров.

Для достижения именно этого результата Азеф и шел на риск чрезвычайно неприятных объяснений с

Рачковским и Герасимовым. Эти объяснения не замедлили последовать.

В России была традиция: каждое «порядочное» Охранное Отделение имело своего агента среди местной террористической организации. К этому прилагались все усилия и на это не щадили никаких средств. Не иметь такого агента считалось своего рода признаком «дурного тона». Московское Охранное Отделение никто не имел права упрекнуть в нежелании считаться с традициями. Близко к самому центру местного боевого отряда оно держало своего старого и заслуженного агента, — Зин. Жученко, которая имела отношение ко всем террористическим предприятиям, организованным местными «боевиками». В состав центральной Боевой Организации она не входила, но некоторых из ее деятелей знала и кое-какие сведения об ее деятельности, — особенно, поскольку это касалось Москвы, — по своему положению получать могла. Именно она за несколько недель перед тем навела московскую полицию на след группы Савинкова. Азеф держался осторожнее, с местной организацией ни в какие отношения не вступал. Но один из руководителей местных террористов, М. Сладкопевцев, случайно встретил его на улице, узнал и после того, как покушение на Дубасова состоялось, рассказал своим ближайшим товарищам о том, что это покушение, несомненно, организовано «самим» Азефом. Жученко была среди тех, кто узнала эту новость от Сладкопевцева, и не замедлила сообщить ее в Охранное Отделение. Оттуда полетели телеграфные доклады в Петербург. Они уже были получены в Департаменте, когда состоялось первое после этого покушения свидание Азефа с Рачковским и Герасимовым.

Это свидание носило бурный характер. Позднее Азеф рассказывал Бурцеву, что, указывая на него, Рачковский кричал:

«Это его дело в Москве!»

На это Азеф не без вызова ответил:

«Если мое, то арестуйте меня!»

Расчет его был ясен: он был уверен, что полиция побойится большого скандала. А скандал вышел бы действительно исключительным по своим размерам: Азеф не просто отрицал свою причастность к покушению на Дубасова; он утверждал, что действительным организатором его был никто иной, как указанная З. Жученко. Трудно сказать, догадывались ли они о действительной роли друг друга, — но этими утверждениями они ставили своих полицейских руководителей в совсем невозможное положение: если бы это дело получило огласку, — что было неизбежным в случае ареста Азефа, — полиция не только потеряла бы двух своих важнейших сотрудников по партии социалистов-революционеров; она должна была считаться с тем, что вскрытие провокаторской роли двух ее агентов в крупнейших террористических организациях вызвало бы в стране настоящую бурю возмущения против полиции. А в тогдашней обстановке, — это было всего за день — за два перед открытием первой Государственной Думы, — подобное разоблачение могло бы иметь огромные последствия и политического характера. И без того шаткое положение правительства неизбежно сделалось бы совсем невозможным. В этих условиях Рачковский и Герасимов с точки зрения интересов тех групп, представителями которых они были, ничего иного делать не могли, как стараться потушить столь неприятное для них дело. Так они и сделали. Расчет Азефа оправдался.

Официальной версией, повидимому, была сделана та, за которую еще и теперь держится Герасимов в своих воспоминаниях.

«Возможно допустить, — пишет он, — что Жученко принимала участие в организации этого покушения, но этим не исключается и предположение, что Азеф, будучи в течении многих месяцев свободным от службы в Департаменте Полиции, мог по поручению партии организовать покушение, а сорганизовав его, расстроить ему уже не удалось. Кажется,

только одно не подлежит сомнению, — что как Азеф, так и Жученко, знали о подготовлявшемся покушении, но по соображениям шкурного характера они о нем не доносили, так как уже были на подозрении у партии».

Эта версия во всех ее частях не соответствует действительности: Жученко к покушению на Дубасова никакого отношения не имела. О нем она узнавала стороной, из вторых и третьих рук, и о том, что узнавала, она «честно» сообщала своему начальству. На ее совести лежит достаточно ее собственных преступлений, чтобы существовала необходимость взваливать на нее ответственность также и за чужие грехи. Что же касается до роли Азефа, то ее действительный характер ясен из предыдущего. Позволительно сомневаться, чтобы сами Герасимов и Рачковский брали в серьез эту ими созданную версию: они имели вполне достаточно материалов для суждения об Азефе и были достаточно опытными в подобных делах людьми, чтобы могли действительно, — а не для вида только, — принять подобное противоречивое объяснение.

По их поведению видно, что в действительности этим объяснением они и не думали удовлетворяться: факты свидетельствуют, что не после своего апрельского «ареста», а именно после данного объяснения из-за покушения против Дубасова, Азеф прекратил попытки ведения двойной игры и стал некоторое время послушным и старательным исполнителем предписаний своего полицейского начальства. Без причин он этого не сделал бы: очевидно во время этого объяснения он принужден был убедиться, что двойная игра в дальнейшем для него будет связана с весьма серьезными опасностями.

Конечно, во время этого же объяснения ему пришлось заплатить «выкуп» за свое участие в деле Дубасова: таким выкупом явилась голова Савинкова. Роль последнего полиция преувеличивала, считая его главной организаторской силой Боевой Организации.

Азеф в своих первых беседах с Герасимовым всеми силами поддерживал эту версию. С тем большей настойчивостью Герасимов потребовал теперь его выдачи. Азеф на это пошел, — и не его вина, если Савинков все же смог спастись от приготовленной для него петли.

10-го мая при общем ликовании столицы открылась Государственная Дума, — первое в истории России представительное учреждение. Оппозиционные партии имели в ней подавляющее большинство. В Центральном Комитете социалистов-революционеров была предрешена приостановка террора на время существования этой Думы. Формальное объявление об этом решении было отложено до Совета партии, — совещания членов Центрального Комитета с представителями местных крупнейших организаций. Член Центрального Комитета Азеф был в курсе этих решений Центрального Комитета. Это не помешало ему за несколько дней до открытия работ Совета партии направить Савинкова в Севастополь для организации там покушения против адмирала Чухнина, который в конце 1905 г. жестоко подавил волнения в Черноморском флоте. Начиная от самого Петербурга и Савинков и его помощники были взяты под наблюдение лучшими филерами петербургской охраны. Арест их должен был быть произведен на юге: таким путем должна была быть отведена возможность подозрения против Азефа; с другой стороны, там на месте должны были быть найдены такие данные для обвинения, чтобы Савинков не смог ускользнуть от смертного приговора.

Случай помог осуществлению этих полицейских планов: через два дня после прибытия Савинкова в Севастополь местными социалистами-революционерами было организовано покушение на коменданта города, ген. Неплюева. Савинков и его товарищи к этому делу никакого отношения не имели, — и полиции это было превосходно известно. Тем не менее они были арестованы и преданы по этому делу военному

суду. Смертный приговор был обеспечен. Но другой «случай» спас Савинкова: примчавшимся из Петербурга товарищам-членам Боевой Организации удалось организовать смелый по замыслу и по выполнению побег. Переодетый в солдатскую форму, Савинков был выведен из тюрьмы и благополучно выбрался за границу. Без главного обвиняемого процесс потерял свою остроту, и никто из остальных подсудимых не получил смертного приговора. А Савинков, после короткой передышки за границей к осени был на своем старом посту в рядах Боевой Организации. В жизни последней за эти месяцы произошло много перемен. Савинков поспел как раз ко времени, чтобы помочь Азефу, — тому, кто его предал, — в осуществлении плана общего упразднения Боевой Организации.

ГЛАВА XII

Герасимов и Столыпин — новые полицейские руководители Азефа

Через несколько дней после открытия Госуд. Думы в Москве собрался Совет Партии социалистов-революционеров, который единогласно высказался за приостановку террористической борьбы. Но так как настоящей веры в готовность правительства пойти на соглашение с Госуд. Думой ни у кого не было, то одновременно Совет дал Центральному Комитету право своею властью, не дожидаясь следующего собрания Совета, возобновить террор в тот момент, когда этого потребуют интересы революции.

Азеф участвовал в этих заседаниях Совета. Его отношение к вопросу о приостановке террора было двойственным: в разговорах с «боевиками» он фрондировал против этого решения, продолжая свою линию внесения трений между Центральным Комитетом и Боевой Организацией; в беседах же с руководителями Центрального Комитета он не только поддерживал предложение о временной приостановке террора, но порою шел дальше и говорил, что по его мнению роль революционных партий вообще закончена, что теперь политическое развитие страны пойдет под руководством либералов.

Принятому Советом решению Азеф во всяком случае подчинился и Боевую Организацию временно рас-

пустил. По существу, для него этот роспуск был лучшим выходом: приостановка террористической борьбы давала ему время для того, чтобы спокойно и на досуге разобраться в той новой обстановке, которая складывалась для его полицейской работы. А эта обстановка, действительно, стала совершенно новой, в которой совсем непригодными оказывались старые, в течении ряда лет Азефом испытанные приемы ведения двойной игры.

Перемены, происходившие в составе правительства, не могли не отразиться и на личном составе руководителей политической полиции. Во главе министерства внутренних дел, которому в конечном итоге была подчинена вся политическая полиция, встал совершенно новый для чиновного Петербурга человек, — П. А. Столыпин, который в начале чувствовал себя еще очень непрочно среди верхов столичной бюрократии и делал много усилий для того, чтобы окружить себя людьми, на преданность которых он мог положиться. В первую очередь им был обновлен руководящий состав Департамента Полиции. Рачковский был сначала отстранен от дел фактически, а вскоре затем, с начала июня 1906 года, уволен и формально. Причиной удаления была отнюдь не роль Рачковского в деле организации погромов, — роль, которая как раз в эти дни стала достоянием гласности. Об этой стороне деятельности Рачковского Столыпин был осведомлен вполне точно: А. А. Лопухин, раскрывший эти «подвиги» Рачковского, был другом детства Столыпина и не замедлил информировать о них последнего. Это ни в малой степени не помешало Столыпину взять Рачковского под свою защиту, когда вопрос о действиях последнего был вынесен на трибуну Госуд. Думы. Причины были просты: за спиною Рачковского в этой его погромной деятельности стояли ближайшие к царю лица; ей помогал сам царь, совершенно недвусмысленно дававший понять вновь назначаемым губернаторам, что он будет рад, если количество евреев в их губерниях в ре-

зультате погромов будет несколько сокращено. Столыпин все это знал, — и понимал, что беря в этом вопросе под свою защиту Рачковского, он содействует укреплению личного к нему доверия царя. Но те самые придворные связи Рачковского, которые заставляли Столыпина защищать его прошлую деятельность, делали его с точки зрения Столыпина непригодным для роли руководителя политической полиции в настоящем: имея такие связи, Рачковский всегда был склонен вести свою собственную политику, не во всем согласованную с желанием министра, — а это меньше всего входило в расчеты Столыпина. Руководителем политической полиции последний хотел иметь человека, который был бы целиком и полностью предан ему и только ему одному. Особенно непригодным для этой роли Рачковского делала его близкая связь с Треповым, который как раз в тот момент пытался уговорить царя согласиться на создание «думского министерства» без Столыпина. Таким образом, — по злой иронии судьбы, — организатор погромов Рачковский эту новую, — и теперь уже окончательную, — служебную аварию потерпел в качестве возможного союзника сторонников либерального курса.

На место Рачковского в Департамент были призваны новые для политической полиции люди, — Трусевич и др., — мало знакомые с делом полицейского розыска и потому не игравшие самостоятельной роли. Фактически же центральной фигурой в деле руководства политической полицией стал начальник Охранного Отделения в Петербурге полк. Герасимов.

Этот последний действительно был весьма крупной звездой на охранном небосклоне. В истории русской политической полиции последних перед революцией десятилетий он сыграл одну из самых значительных ролей.

В те годы он был сравнительно молод (он родился в 1861 г.), инициативен и энергичен, смел до авантюризма, самоуверен до дерзости, — и в добавление ко всему полон честолюбивых планов, в борьбе за осу-

ществование которых он менее всего склонен был считаться с количеством чужих отдавленных ног. Плебей по происхождению (его отец был из податного сословия: казак-украинец) он в жандармы пошел для того, чтобы сделать карьеру. В своей ранней молодости, учеником реального училища в Харькове, он имел некоторое касательство к революционным кружкам учащейся молодежи. Кое-кто из его школьных товарищей позднее играл видную роль в революционном движении, — напр., И. И. Мейснер, недавно скончавшийся в Берлине. Сам Герасимов в этих кружках не засиделся: путь тюрем и ссылок меньше всего казался ему привлекательным. Потерпев неудачу на попытке пробиться в инженеры, Герасимов пошел в юнкерское училище и затем в течении нескольких лет тянул офицерскую лямку в одном из резервных пехотных батальонов. Эта служба не удовлетворяла, — и не могла удовлетворять: монотонная, скучная жизнь и притом без надежд сделать карьеру в будущем. Выскочить из колеи оказалось возможным в одном направлении: перейти в корпус жандармов. Этот переход Герасимову дался не легко. Конец 1880-х годов был периодом общей борьбы с «кухаркиными детьми». Офицерский состав корпуса жандармов с особым старанием стремились заполнять одними только дворянами. Плебеям, к числу которых принадлежал Герасимов, ставили разного рода препятствия. С большим трудом удалось пробиться в начале. Нелегко было и двигаться по служебной лестнице позднее. Мужичья напористость, с одной стороны, обнаружившиеся полицейские таланты, с другой, — помогли преодолевать препятствия. К началу 1900-х г. г. положение стало много лучшим: когда революционное движение разрослось, начальству стало не до справок о «социальном происхождении» жандармских офицеров, способных вести борьбу против этого движения. В феврале 1905 г., — в период, когда дело полицейского сыска разваливалось по всей империи и когда с ним особенно плохо было в Петербурге, — Герасимов получил

назначение на пост начальника петербургского Охранного Отделения. Это был один из наиболее ответственных постов в русской политической полиции вообще. Герасимов быстро сумел сделать его еще более ответственным.

Особенно сильно он выдвинулся в октябре-декабре 1905 г. Растерянность среди руководителей политической полиции в тот период достигла высших пределов. Департамент Полиции боялся принять какие-либо меры для подавления вырвавшегося наружу революционного движения. Революционная агитация велась открыто, захватывая все новые и новые слои и расшатывая последние устои старой власти. Герасимов был тем, кто настаивал на переходе к репрессиям. По его рассказам, он тогда считал, что перед властью стоит один выбор: «или мы будем, — как писали в их газетах, — служить революционным украшением петербургских фонарей, или их пошлем в тюрьмы и на виселицу.»

В первую очередь он требовал немедленного ареста петербургского Совета Рабочих Депутатов. Руководители Департамента Полиции, во главе с Вуичем и Рачковским, были против этих арестов: они опасались, что последние вызовут революционный взрыв, для подавления которого у правительства нет надежных сил. Герасимову пришлось выдержать жестокую борьбу. По его настоянию было созвано специальное междуправительственное совещание для всестороннего обсуждения вопроса. Председателем его был Щегловитов, — будущий министр юстиции в годы жесточайшей реакции, расстрелянный в сентябре 1918 г. в Москве по приговору Чрезвычайной Комиссии. Это совещание почти полностью встало на точку зрения Департамента Полиции. Только один представитель прокуратуры, известный позднее обвинитель по политическим процессам, Камышанский, поддержал Герасимова. Большинство приняло решения, в которых высказалось против немедленного ареста Совета, и наметило программу мер, которые, по его мнению, должны бы-

ли смягчить опасности революционной агитации, без применения крутых репрессий.

Поражение на этом совещании не остановило Герасимова, — он отправился к министру внутренних дел Дурново для того, чтобы лично защищать свою точку зрения. Здесь его также ждала неудача: выслушав Герасимова и ознакомившись с протоколом совещания, Дурново заявил, что он все же присоединяется к мнению большинства этого последнего. В этот последний момент, по рассказам Герасимова, в дело вмешался министр юстиции Акимов, который присутствовал при докладе Герасимова, но до сих пор никак не проявлял своего к нему отношения. Услышав решение Дурново, Акимов вышел из состояния пассивного наблюдателя и заявил, что со своей стороны он целиком присоединяется к мнению Герасимова: «положение действительно таково, что медлить нельзя: или мы их, или они нас.» И так как Дурново все еще колебался, то Акимов заявил, что в таком случае он берет ответственность на себя, и в качестве генерал-прокурора империи тут же на своем блок-ноте написал полномочие Герасимову на производство всех тех обысков и арестов, которые последнему кажутся необходимыми. Так, — по рассказам Герасимова, . . . была в декабре 1905 г. решена судьба петербургского Совета Рабочих Депутитов . . .

Как известно, аресты тогда прошли с точки зрения правительства благополучно: в Петербурге совсем никакого взрыва не произошло, восстания в Москве и в провинции были подавлены сравнительно легко. Из докладов с мест вскоре стало ясным, что замедление с репрессиями значительно понизило бы шансы правительства в борьбе с революцией. После этого Дурново проникся большим уважением к полицейским талантам Герасимова и начал всячески его выдвигать, открыто называя его самым крупным из деятелей политического розыска того времени.

Жаловаться на плохую карьеру теперь не было оснований, но аппетит приходит во время еды. Уже

достигнутое казалось недостаточным; — тем более, что в работе все еще приходилось считаться с инструктивными указаниями Департамента, к руководителям которого Герасимов и тогда и после относился с пренебрежительным презрением, не стесняясь называть их «высокопревосходительными господами с куриными мозгами.»*) От этой зависимости от Департамента Герасимова освободил Столыпин, быстро понявший, как важно для него иметь целиком на своей стороне начальника политической полиции в столице. Герасимов получил такие права и приобрел такое влияние, которого ни раньше, ни позднее не имел ни один из начальников Охранного Отделения в Петербурге. Департамент Полиции был оттеснен на второй план. Ни о каком контроле с его стороны над Герасимовым не могло быть и речи. Герасимов делал все, что хотел, и диктовал свою волю Департаменту. Вся центральная агентура, — т. е. все секретные сотрудники, которых полиция имела в центральных организациях революционных партий, — перешла в его руки. Обо всех своих действиях Департамент должен был предварительно сноситься с Герасимовым. Наученные опытом, руководители Охранных Отделений на местах в наиболее важных вопросах предпочитали советоваться не с Департаментом, а именно с Герасимовым, — совместно с которым они затем решали, нужно ли о данном деле информировать Департамент, или предпочтительнее оставить его в неведении. Охранное Отделение в Петербурге на время стало фактическим центром всего политического розыска в империи, — и Столыпин был единственным, кому был на деле подчинен начальник этого Отделения: Герасимов регулярно делал ему устные доклады обо всем, что представляло мало мальски значительный интерес в области политического розыска, — в наиболее острые периоды такие доклады им делались каждый день. Особенно подробно Герасимов должен

*) Именно так отзывался он о них в беседах с А. А. Петровым-Воскресенским (см. «Записки» последнего, стр. 178).

был сообщать обо всем, что Охранному Отделению становилось известным из области внутренней жизни центральных организаций революционных партий: жизнью этих последних Столыпин весьма интересовался и за нею внимательно следил. С подобной же полнотою его приходилось информировать относительно внутренней жизни левых фракций Госуд. Дум. Входил он и во все детали политического розыска в узком значении этого слова, — поскольку речь шла о событиях и людях центрального значения, — и порою давал прямые указания относительно того, кто именно должен быть арестован, чей арест, наоборот, может быть отложен. Фактически в течении всего этого периода, — т. е. с лета 1906 г. и до ухода Герасимова с поста начальника петербургского Охранного Отделения в 1909 г., — именно Столыпин лично был верховным политическим руководителем этого Отделения, а вместе с тем и центрального политического розыска по всей империи.

Основное, на чем сосредоточил свое внимание Герасимов, когда получил возможность ставить дело розыска по своему усмотрению, была организация центральной внутренней агентуры в революционных партиях, без какой-либо агентуры он считал дело борьбы с революционным движением вообще безнадежным.

Но официальная точка зрения, господствовавшая в Департаменте Полиции, о пределах допустимого применения внутренней агентуры, по мнению Герасимова, по рукам и ногам связывала руководителей политического розыска. Согласно этой официальной точке зрения, идеалом считалось, когда агент не принимает непосредственного участия в деятельности революционных организаций и не входит в их состав, а в частном порядке получает нужные для полиции сведения от тех членов таких организаций, доверием которых он пользуется в силу своих хороших личных с ними отношений. Мало желательным, но допустимым считалось участие агента в организациях второстепенного значения, в которых они должны были играть

подчиненную роль, в случае нужды исполняя поручения руководителей, но ни в коем случае не руководя сами деятельностью других. И уже совершенно недопустимым считалось участие агентов в центральных организациях, которые руководят деятельностью больших партий и союзов, инструктируют и направляют их работу, дают другим ответственные поручения и т. д.

Таковы были официальные нормы. На практике они никогда не соблюдались. Полицейские руководители в ряде случаев давали прямые инструкции своим агентам входить в состав руководящих революционных организаций; выше мы видели, что именно так обстояло дело с Азефом, который в 1902 г. вошел в состав Боевой Организации по прямому указанию руководителей Департамента и даже самого министра Плеве. Но, поступая так, руководители политического розыска на эти свои действия сами смотрели, как на быть может неизбежное, но во всяком случае несомненное нарушение законных норм, — как на своего рода секретную болезнь, избежать которой порой бывает невозможно, но скрывать которую необходимо даже от самых близких. Поэтому очень часто между агентом и его полицейским руководителем устанавливалось молчаливое соглашение: агент входил в состав нужной организации, но своему руководителю об этом формально не сообщал, продолжая номинально числиться «сочувствующим»; руководитель же, превосходно понимавший в чем дело, делал вид, что верит этой благочестивой версии.

Герасимов считал подобный порядок и ошибочным и опасным с точки зрения полиции: контролировать действия агента, положение которого внутри революционной организации официально не известно, было, естественно, более трудно, чем контролировать деятельность агента, роль которого была полиции точно известна; возможность всякого рода злоупотреблений в этом случае была несравненно большей; полнота же использования этого агента полицией — несравненно

меньшей. Поэтому Герасимов поставил своей задачей легализовать «секретную болезнь» центральной агентуры. Он не только разрешал своим агентам вступать в центральные организации революционных партий, но и прямо толкал их на это, — ставя их в то же время под возможно более тщательный взаимный контроль и делая каждого из них так сказать ответственным перед полицией за всю деятельность соответствующей организации.

Легализуя центральную агентуру, Герасимов, наряду с тем, вводил значительные изменения и в тактику полиции по отношению к тем центрам революционных партий, в составе которых он имел своих агентов. И в прежние времена, как уже указано выше, полиция арестовывала далеко не всех тех революционеров, относительно деятельности которых она была осведомлена. Но задачей полиции во всех подобных случаях бывало через отдельных, ей известных революционеров добраться до самого центра данной организации, выяснить весь руководящий состав последней, — для того, чтобы затем одним ударом вырвать ее всю, с корнем. Именно такова была система Зубатова. Герасимов, наоборот, ввел систему сознательного оберегания от арестов тех центров революционных организаций, в составе которых он имел вполне надежных агентов. Мотивировал он эту свою тактику следующими соображениями: в обстановке, когда революционное движение носит массовый характер, — а именно так обстояло дело в те годы, о которых сейчас идет речь, — уничтожить полностью революционные организации нельзя. Переарестовать всех революционеров нет никакой возможности. На место арестованных членов центральной группы всегда найдутся новые добровольцы, которые восстановят разбитую организацию. Но агента полиции, который входил в состав арестованного центра, всякий такой арест неизбежно ставит под удар: если он арестован вместе с другими, то он на время выходит из числа активных сотрудников полиции; если он оставлен на свободе, то

весьма вероятно, что на него может пасть тень подозрения. Поэтому в результате ареста организация существовать не перестанет, но имеется много шансов, что старый агент, осведомлявший полицию относительно ее деятельности, выйдет из строя. Чтобы быть в курсе работ этой организации в ее новом составе, полиции придется искать нового агента, — а такие поиски нелегки, они во всяком случае всегда отнимают некоторое время, в течении которого организация останется без внутреннего осведомителя и ее работа, следовательно, будет идти вне контроля полиции. В виду всего этого, по мнению Герасимова, подобного рода аресты с точки зрения полицейского розыска только вредны. Полиция должна идти совсем иным путем. Организационных центров, поскольку в их составе имеется хорошая агентура, не следует разбивать арестами. Их нужно, наоборот, даже оберегать, — для того, чтобы держать под постоянным и самым тщательным контролем и иметь возможность во всякое время парализовать наиболее вредные проявления их деятельности. Если такая организация ставит, например, тайную типографию, заводит динамитную лабораторию, устраивает склад оружия, взрывчатых веществ и т. д., то полиция должна производить аресты лиц, непосредственно прикосновенных к данным предприятиям, не затрагивая руководящего центра организации, как целого. Вполне возможно производить и аресты отдельных членов центра, — особенно тех, чья деятельность становится чрезмерно вредной, — но такие аресты нужно производить постепенно, как аресты индивидуальные, и при том, конечно, считаясь с последствиями этих арестов для внутри-организационного положения агента. Члены, особенно хорошо относящиеся к последнему, должны по возможности оберегаться; наоборот, его внутри-организационные противники должны при первой же возможности изыматься из обращения. Производство ареста центральной организации, как целого, допустимо только в особо важных случаях, — напр., в моменты острых поли-

тических кризисов, когда ожидаются особо важные выступления данной организации, предотвратить которые может арест руководящей ячейки, который внесет разброд в ряды организации.

Далеко не все в этой системе было ново. Отдельные элементы ее можно найти в практике многих видных деятелей полицейского сыска более ранних периодов. Герасимов только объединил эти элементы в одно целое, связал отдельные положения в сравнительно стройную систему. В своем законченном виде, логически продуманном до конца, это была настоящая полицейская утопия: все центры всех революционных организаций должны были бы существовать, как бы посаженные под стеклянные колпаки; каждый шаг их известен полиции, которая решает, что одно проявление их деятельности, с ее точки зрения менее опасное, она допустит; другое, более вредное, пресечет в корне; одному из членов организации позволит писать прокламации и выступать с речами на митингах, так как он менее талантлив и его выступления производят меньше впечатления, а другого, более даровитого, посадит в тюрьму.

По рассказам Герасимова, осуществлять на практике эту свою систему организации полицейского розыска он начал еще до появления Столыпина на посту министра внутренних дел, но ему все время приходилось наткаться на сопротивление со стороны старых руководителей Департамента, которые считали недопустимыми вводимые Герасимовым новшества. Отрицательное отношение к последним они пытались внушить и Столыпину, который в начале тоже с большой опаской смотрел на эксперименты Герасимова. Но затем вскоре, — и это Герасимов ставит в большую заслугу Столыпину, — последний понял все преимущества системы Герасимова и дал ему *carte blanche*.

Конечно, несмотря на неограниченные полномочия и почти столь же неограниченные кредиты, провести в жизнь полностью свою систему Герасимову не удалось: утопии, даже полицейские, не так то легко во-

площаются в действительность. Но изложенными принципами он руководствовался неукоснительно и смог достичь, по его мнению, весьма значительных результатов: целый ряд революционных центров им был поставлен под самый тщательный контроль*).

В подобных условиях Азеф, перешедший теперь в исключительное ведение одного Герасимова, был, конечно, настоящим кладом для последнего. По рассказам, которые в свое время циркулировали среди наиболее осведомленных деятелей полицейского розыска, Герасимов, зная о действительной роли Азефа в прошлом, в этот период поставил перед ним дилемму: или бросить двойную игру и начать «честно» служить полиции, или пойти на виселицу. Сам Герасимов категорически утверждает, что ничего подобного в действительности не было, что никогда ультиматумов этого типа Азефу он не ставил; он настаивает, что вообще в то время роль Азефа в организации убийств Плеве и вел. кн. Сергея ему известна не была, и что Рачковский, если он об этой роли был осведомлен, ему, Герасимову, ничего о ней не сообщил.

Верна ли эта версия, судить трудно. Но во всяком случае несомненно, — и это признает Ге-

*) По утверждению Герасимова, из числа секретных агентов центрального значения, которые работали под его руководством, далеко не все были позднее раскрыты. Роль целого ряда из них до настоящего времени остается совершенно неизвестной. Объясняется это тем, что никаких сведений о них Герасимов в свое время в Департамент не представлял (а именно на основании сведений Департамента в 1917 г. были раскрыты имена большинства обнаруженных агентов по Петербургу, так как архив самого петербургского Охранного Отделения почти целиком погиб в дни революции), сношения с ними поддерживал только сам лично, никто другой их не знал, а после ухода Герасимова с поста начальника Охранного Отделения они так же оставили свою полицейскую работу: Герасимов рассказывает, что, уходя из Охранного Отделения, он предложил наиболее ответственным из своих агентов решить, хотят ли они быть переданными его преемнику или предпочитают оставить службу совсем, и целый ряд из них выбрал последнее. Из их числа, по утверждению Герасимова, до сих пор никто не раскрыт.

расимов, — что в связи с делом Дубасова известные подозрения против Азефа у него имелись, и эти подозрения заставляли его на первых порах работы с Азефом с особенной подозрительностью относиться к последнему. Но Азефу быстро удалось рассеять эту подозрительность и завоевать полное доверие Герасимова. «В виду невыясненных обстоятельств покушения на Дубасова, — пишет Герасимов в уже цитированных своих неизданных воспоминаниях, — ко всем донесениям Азефа приходилось относиться с большой осторожностью, но благодаря честному и добросовестному исполнению им своих обязанностей все сомнения, возникшие по отношению Азефа в деле Дубасова, вскоре рассеялись». Сведения, которые Азеф сообщал, поскольку их удавалось проверять, всегда оказывались точными и правильными; его осведомленность относительно внутренней жизни партии — совершенно исключительной. Ценность его, как агента, выяснялась очень быстро, — а на ряду с этим росло и доверие к нему.

Об укреплении этого доверия Азеф очень заботился и явно прилагал усилия к тому, чтобы рассеять все сомнения, которые имелись против него. Много и подробно рассказывал он о своей прежней работе, — конечно, в желательном для него освещении, — и во время этих якобы откровенных разговоров весьма ловко играл на самолюбии Герасимова, — на его презрении к «высокопревосходительным господам с куриными мозгами» из Департамента, которые в изложении Азефа только и делали, что подводили его под удары революционеров. «Он мне неоднократно жаловался, — пишет Герасимов, — как руководившие им лица его не щадили и высказывал удивление, как он мог в то время пользоваться еще доверием центра партии, несмотря на циркулировавшие слухи об его предательстве». Эти рассказы давали вполне удовлетворительное объяснение поведению Азефа в прошлом, — поскольку в этом прошлом видели только простую утайку Азефом от Департамента части из-

вестных ему сведений. И все эти рассказы о прошлом перемежались с осторожными, но все же ясными намеками на то, что теперь то, с Герасимовым, который совершенно не похож на прежних руководителей Азефа, работа пойдет совсем по иному . . .

В результате победа Азефа была полная: он завоевал настолько полное доверие Герасимова, что последний еще и теперь сомневается, верны ли имеющиеся в литературе сведения относительно роли Азефа в период организации убийств Плеве и вел. кн. Сергея, т. е. того периода, когда Герасимов не имел никакого личного соприкосновения с Азефом. Что же касается до тех лет, когда Азеф работал под непосредственным руководством Герасимова, то последний до сих пор готов ручаться, что Азеф полностью и во всем был с ним искренен. «За этот промежуток времени, — пишет Герасимов в своих записках, — я принимаю всю ответственность за провокационные действия Азефа, если таковые имели место, и смею утверждать, что со стороны Азефа я никогда не был обманут, а о провокации даже говорить не приходится». Это заявление весьма самонадеянно, — и дальше мы увидим, что Азеф от Герасимова все же скрывал очень многое, а, главное, готовил такой удар, который был бы ударом грома для Герасимова. По существу, отношение Азефа к Герасимову ничем не отличалось от его отношения к Ратаеву, полное доверие которого он завоевал для того, чтобы позднее использовать его в своих целях. Разница была только в том, что положение Азефа теперь было значительно более трудным, обстановка — более сложной, — и потому платить за нужное доверие приходилось более дорогой ценой. Но для характеристики отношения Герасимова к Азефу его готовность и теперь еще «ручаться» за последнего в высшей степени интересна. Тот факт, что Азеф, уже скомпрометтированный в глазах полиции, сумел завоевать такое доверие со стороны Герасимова, — человека, вообще говоря, отнюдь не склонного к излишней доверчивости, — едва ли не лучше всего свидетель-

ствуем, каким хорошим знатоком людей был Азеф и как ловко он умел нащупывать слабые стороны их характера.

Свои отношения к Азефу Герасимов строил на базе внимательного отношения к интересам последнего. Азеф рассказывал, — передает Герасимов, — что в прежние годы ему была обещана Департаментом на случай провала пенсия или устройство места в качестве инженера на одном из глухих заводов Урала. Герасимов откровенно заявил, что Азеф не должен особенно полагаться на подобные обещания, так как Департамент не имеет привычки их честно выполнять. Вместо этого Герасимов дал Азефу совет начать теперь же копить деньги про черный день и для этого по собственной инициативе, без прямой просьбы Азефа, увеличил вдвое оклад его жалованья, повысив его до 1000 руб. в месяц. «Я посоветовал ему, — рассказывает Герасимов, — это жалование не тратить, — он ведь получал деньги на жизнь от партии, — а все целиком класть в банк на текущий счет. Азеф последовал этому совету, и составил завещание, хранившееся у меня, согласно которому все эти деньги в случае его смерти должны быть пересланы его жене».

Одновременно были приняты все возможные меры для предупреждения «провала» Азефа. Его задачи, как агента, были точно определены. О разных «мелочах», — о литературно-издательской деятельности, об отдельных лицах, о провинциальных организациях и т. п., — он мог ничего не сообщать, даже если и имел данные: «об этом всем мы могли получать сведения и из других источников», — говорит Герасимов. Его задачей становилась информация исключительно о людях и событиях центрального значения, — обо всем, что делается в Центральном Комитете партии, в ее Совете, на съездах и конференциях, а равным образом в центрах тех фракций Государственных Дум, которые были близки к социалистам-революционерам, — т. е. в трудовой группе, а позднее

и в партийной фракции с.-р. Специальной и особо важной его задачей была, конечно, информация Герасимова обо всем, что происходит в Боевой Организации: так как Герасимов знал, что Азеф является верховным руководителем последней, то Азеф был сделан прямо ответственным перед Охранным Отделением за все ее действия. Ни один ее шаг не должен был быть совершен без того, чтобы Охранное Отделение о нем не было заранее осведомлено. Взамен этого Герасимов гарантировал, что со своей стороны он все свои действия в отношении указанных организаций, обслуживаемых Азефом, будет предпринимать по соглашению с последним, а информация, доставляемая последним, будет держаться в строжайшей тайне даже от Департамента для того, чтобы предупредить возможность выдачи секретов кем-либо из чиновников последнего.

Азеф «работал» очень хорошо. Его информация была исключительно богата фактическими указаниями, исключительно ценна и точна. Именно от него Герасимов получал основную информацию о настроениях оппозиционных и революционных групп в Государственной Думе, которая в течении первых месяцев работы Азефа с Герасимовым, стояла в центре политической жизни всей страны. Его сообщения, поэтому, составляли основной материал и для ежедневных докладов Герасимова министру Столыпину, который скоро обратил внимание на эту ценную информацию и пожелал узнать ее источник. Герасимов рассказал Столыпину все, что сам знал об Азефе, его прошлом и его теперешней роли в партии. Личность Азефа живо заинтересовала Столыпина, который после этого стал специально расспрашивать Герасимова относительно сообщений Азефа и в тех случаях, когда тот или иной для него особенно интересный вопрос Азефом еще не был достаточно выяснен, Столыпин просил Герасимова задать этот вопрос Азефу. Позднее Столыпин несколько раз в беседах с Герасимовым выражал даже желание лично встретиться с

Азефом для того, чтобы в устной беседе подробнее ознакомиться с настроениями и взглядами, распространенными в революционной среде. Такую встречу Столыпина с Азефом Герасимов по разным причинам устроить не мог, но вопросы Столыпина Азефу передавать ему приходилось часто. Касались они, конечно, не чисто полицейских дел, — об этих делах достаточно подробно расспрашивал Азефа и сам Герасимов. Столыпин обычно интересовался знать, какова, по мнению Азефа, будет реакция революционных групп на то или иное подготовляемое правительством мероприятие, какие группировки внутри думских фракций существуют по тому или иному вопросу и т. д. Азеф знал, кто именно ставит перед ним эти вопросы, был несомненно польщен вниманием к нему Столыпина и с особенным старанием давал свои ответы, являвшиеся по существу настоящей политической экспертизой.

Порою Столыпин интересовался и личным мнением Азефа относительно того или иного вопроса. Герасимов, в частности, вспоминает, что в период разгона I Госуд. Думы ему пришлось передавать Столыпину мнение Азефа относительно введения в состав правительства так называемых «общественных деятелей», т. е. представителей умеренно-либеральных кругов; (речь тогда шла персонально о Шипове, Гучкове и др.): Азеф был горячим сторонником этого введения и всячески стремился доказать его полезность и даже необходимость. Равным образом вспоминает Герасимов и ответы Азефа на вопрос Столыпина относительно аграрной реформы последнего: Азеф стоял за уничтожение сельской общины и за создание частнособственнического крестьянства, как лучшего оплота против грозящей стране аграрной революции. Вообще, по рассказам Герасимова, Азеф в вопросах политических высказывался «как умеренный кадет или вернее как левый октябрист». Столыпин всегда с живейшим вниманием выслушивал все подобные сообщения Герасимова, — и только удивлялся, как это человек подобных взглядов может входить в состав полити-

ческого центра партии социалистов-революционеров, которая занимает совсем иную позицию . . .

В свое время, в дни после разоблачения Азефа, всех поразило определение роли последнего, данное в первом правительственном сообщении по этому делу: как известно, тогда он был назван «сотрудником правительства». Все были уверены, что это только злополучная обмолвка составителя сообщения, который «агента полиции» назвал небывалым титулом «сотрудника правительства». В свете приведенных выше рассказов Герасимова выражение правительственного сообщения приобретает иной смысл: если даже оно и было по оплошности включено в документ, предназначенный для опубликования, то по существу оно, несомненно, более точно отвечало действительной роли Азефа за последние годы его работы на полицию, чем стереотипное название «агент полиции».

ГЛАВА XIII

Большой поход Азефа-Герасимова-Столыпина против Боевой Организации

Так проходили недолгие месяцы существования первой Государственной Думы, — период коротких каникул, установленных для деятельности Боевой Организации.

К концу этого периода стало ясно, что никакого соглашения между Государственной Думой и правительством состояться не может и что спор будет решен силой: кто кого победит. В подобной обстановке отказ от террора с точки зрения руководителей партии переставал быть правильным.

Последний толчок для пересмотра вопроса дало обращение в Центральный Комитет со стороны Севастопольской Организации. Руководитель Боевой Дружины последней, специально для этого приехавший в Петербург, настоятельно потребовал разрешения убить адмирала Чухнина. Общее решение о необходимости устранить последнего партией было принято еще давно, — немедленно после кровавого подавления Чухниным Севастопольского восстания в ноябре 1905 г. Был сделан целый ряд попыток привести в жизнь это решение, — все они до сих пор терпели неудачу. Сомнений относительно необходимости этого акта у Центрального Комитета, таким образом, быть не могло. Вопрос, следовательно, стоял в общей форме: продолжают ли оставаться в силе те соображе-

ния, которые заставили Совет Партии за неполных два месяца перед тем принять решение об общей приостановке террористической деятельности. Приехавший севастополец доказывал, что устранение Чухнина не только не окажет вредного влияния на агитационную деятельность партии, но, наоборот, именно с этой точки зрения оно больше всего необходимо: по общей оценке всех севастопольцев, оно поднимет там революционное настроение, — особенно настроение солдат и матросов, которые больше всего ненавидят Чухнина. А это особенно важно для партии в данный момент, когда она напрягает все усилия в первую очередь для подготовки военных восстаний. Центральный Комитет согласился с этими доводами и дал севастопольцам просимое ими разрешение. Чухнин вскоре действительно был убит: этот акт был совершен добровольцем-матросом Акимовым, который после убийства смог благополучно скрыться.

Но положение в Севастополе не было исключением. Подобная же обстановка складывалась и в других местах. Подготовка к восстаниям повсюду шла полным ходом, и по оценке Центрального Комитета отдельные террористические акты в этой обстановке могли только способствовать нарастанию революционной волны. Поэтому было решено воспользоваться тем правом, которое было предоставлено Центральному Комитету Советом Партии и возобновить деятельность Боевой Организации. В качестве первого и единственного задания ей в этот момент было дано поручение убить Столыпина, относительно которого уже не было никаких сомнений, что именно он является главным противником соглашения правительства с Думой на основе создания ответственного перед последней министерства.

Во главе Боевой Организации, — это было вещью само собою разумеющеюся, — встал Азеф. Собрать старых членов Организации не составило труда: большинство их жило в Петербурге или Финляндии, ожидая того момента, когда смогут приступить к своей

старой работе. Не было недостатка и в новых добровольцах. Нужный отряд был сформирован очень быстро и немедленно приступил к подготовительной работе. Настроение было самое бодрое. Общая атмосфера тех дней зажигала и заставляла всех верить в успех предприятия. Только Азеф держался очень сдержанно и в разговорах не скрывал, что он далеко не так уверен в успехе, как все другие. Это входило в его действительные планы: подготавливая неудачу всего предприятия, он заблаговременно готовил и соответствующее объяснение.

В курс разговоров о возобновлении деятельности Боевой Организации Азеф с самого начала ввел и Герасимова. Повидимому, только относительно Севастополя он не сообщил никаких подробностей, — очевидно, используя свое право не говорить о «мелочах». Что же касается до Петербурга, то Охранному Отделению были известны все детали планов Боевой Организации, весь ее состав, все мелочи ее внутренней жизни. Аресты могли быть произведены в любой момент, но они не входили в расчеты Герасимова. Азеф заявил, что при наличии в партии серьезных подозрений против него, арест работающих под его руководством боевиков неизбежно повлечет за собою полный его провал: в лучшем случае он должен будет отойти совершенно от всех партийных дел. Потеря Азефа меньше всего входила в расчеты Герасимова, — и провал одного состава Боевой Организации казался слишком незначительным результатом установившегося тесного союза начальника Охранного Отделения с руководителем Боевой Организации. Возможности, которые открывал такой союз, надлежало использовать более блестящим образом. Нащупать наиболее выгодную линию поведения было нелегко. В начале просто пошли по линии наименьшего сопротивления: никаких арестов боевиков не производили, но все начинания их расстраивали. Делал это Азеф своими собственными силами: как главному руководителю боевиков, ему было нетрудно направлять их работу по ложному пути.

Наблюдение тогда велось за поездками Столыпина к царю и в Государственную Думу. По соглашению с Герасимовым, Азеф так размещал наблюдателей, что в течении сравнительно долгого времени они вообще не смогли ни одного раза встретить министра. Результаты начали сказываться очень быстро: боевики нервничали, видя безрезультатность своей работы.

Видя подобные результаты саботирования работы Боевой Организации, Азеф предложил Герасимову план, которому нельзя отказать ни в смелости, ни в оригинальности: он предложил возвести дело саботажа работы Боевой Организации в систему и таким путем привести и боевиков, и Центральный Комитет к выводу о невозможности успешного ведения центрального террора. Боевую Организацию следовало заставить работать, как машину на холостом ходу: с максимальным напряжением сил и нервов ее человеческого состава, — но без каких бы то ни было практических результатов. У боевиков должно было поддерживаться ощущение, что они делают все, что только в силах человеческих, — но в каждой их новой попытке они должны были наталкиваться на якобы непроницаемую стену принятых полицией мер предосторожности, преодоление которых не под силу Боевой Организации. Все это должно было убедить боевиков и Центральный Комитет в правильности того вывода, к которому Азеф их старался подвести, — к выводу о том, что прежними методами вести дело центрального террора невозможно и что надо по крайней мере на время распустить Боевую Организацию.

Герасимову этот план очень понравился, — и с его участием он был разработан в деталях. Получился настоящий план длительной кампании, на службу которой должны были быть поставлены весь боевой опыт и весь внутри-партийный авторитет Азефа, с одной стороны, и весь аппарат Охранного Отделения, с другой.

Этот план был представлен на утверждение Столыпина, — того самого, фиктивной подготовкой покуше-

ния на которого Азеф должен был заняться. В начале Столыпин несколько колебался, подробно расспрашивал о деталях. Он, видимо, боялся «маленьких неисправностей механизма», платить за которые пришлось бы ему: как ни как, а ведь именно за ним велась охота, именно его голова стояла на карте в том случае, если бы в плане оказалась какая-либо погрешность. Но Герасимов смело ручался, что никакой «несчастной случайности» быть не может: такое ручательство он, в свою очередь, взял с Азефа. Последний дал его, хорошо зная строгость внутренней дисциплины, которая царила в Боевой Организации: ни один член ее не рискнул бы выступить в партизанском порядке, без санкции руководителя Организации; к тому же, в порядке подготовительных работ, о котором пока только и шла речь, боевики-наблюдатели и не имели возможности сделать самостоятельную попытку покушения, так как, по правилам Организации, они выходили для наблюдения, не беря с собой оружия, которое могло только служить лишнею против них уликою при случайном аресте, возможность которого всегда существовала. Со своей стороны Герасимов гарантировал, что будут приняты и все возможные меры дополнительного полицейского контроля и что боевики все время будут находиться под самым бдительным наблюдением. Таким образом никакой реальной опасности от задуманной игры, по уверению Герасимова, Столыпину грозить не могло, — результаты же обещали быть самыми положительными: Боевая Организация была бы поставлена под прочный и длительный контроль. В конце концов план Азефа-Герасимова начал даже нравиться Столыпину, и он дал на него свое согласие.

Поход Боевой Организации против Столыпина, — который был в действительности походом Азефа-Герасимова-Столыпина против Боевой Организации, — был начат.

Если смотреть на вещи так, как их видели члены Боевой Организации, то работа последней шла по обычному. Устраивали конспиративные квартиры,

часть боевиков превратилась в извозчиков, другие изображали посыльных, уличных торговцев, разносчиков. Дело ставилось на широкую ногу, — и перед расходами не останавливались. Касса Центрального Комитета в тот период была полна, через нее проходили сотни тысяч рублей, а у кассиров уже существовало освященное традицией правило: для Боевой Организации давать столько, сколько ее руководители просят, не задавая вопросов, на что именно деньги нужны. Считалось, что экономию можно наводить на чем угодно, — только не на расходах Боевой Организации*).

После этих подготовительных шагов началась работа по наблюдению за Столыпиным. Это наблюдение вели несколькими группами, в разных местах. Наблюдатели прилагали все усилия, чтобы получить нужные результаты, работали с увлечением, самоотверженно, — но почти без всяких результатов. Редко-редко кому удавалось издали увидеть проезжавшего министра, — чаще же всего им приходилось наблюдать стайки агентов охраны, которые старательно прощупывали глазами всех, кто попадался им на дороге. Если же удавалось установить ту или иную деталь, которая, казалось, выводила наблюдение на правильный путь и создавала надежду, что скоро будет возможно приступить к более активным действиям, — на горизонте неожиданно появлялись тревожные симптомы, которые не только убеждали в тщетности только что возникшей надежды преодолеть бдительность полицейской охраны, но и

*) Большие расходы на Боевую Организацию входили составной частью в план Азефа-Герасимова: они должны были ослабить кассу партии. Герасимов, рассказывает, что в целях такого ослабления кассы он рекомендовал Азефу по возможности чаще производить «позаимствования» из этой кассы на свои личные нужды, увеличивая таким путем свои сбережения «на черный день». «Впрочем, — оговаривает тут же Герасимов, — скоро я убедился, что Азеф в этих моих советах не нуждался. Этим он занимался и до знакомства со мною».

заставляли опасаться немедленного провала боевиков-наблюдателей.

Это выступал на сцену Герасимов, — до того момента спокойно выжидавший за кулисами союзник Азефа.

Поскольку имелась возможность, последний справлялся своими собственными силами, идя по пути внутреннего саботажа работы боевиков-наблюдателей: давал им ложные указания, заставлял караулить на путях, по которым Столыпин не ездил и т. д. Но для такого саботажа существовали известные границы: нужно было не дать возможности заметить его существование, нужно было все время поддерживать в боевиках уверенность, что Организация делает все, что в ее силах, для достижения положительных результатов. А боевики, видя неудачу их работы, начинали проявлять инициативу, делали попытки вырваться из того заколдованного круга, который их окружал, предлагали свои планы. Когда такие самостоятельные поиски боевиков становились особенно настойчивыми, Герасимов, по соглашению с Азефом, прибегал к приему «спугивания».

Для этого давали возможность пойти по какому-нибудь найденному самими боевиками новому пути. Азеф высказывал свои сомнения, но давал согласие на то, чтобы была сделана попытка. Первые шаги обнадеживали. Настроение приподнималось. И без того все время напряженные нервы у всех участников работы натягивались, как струны. Не следует забывать: люди знали, что все время ходят по самому краешку своей общей братской могилы. И вот, когда напряжение доходило до высшей точки, тогда Герасимов «пускал брандера»: на арг Охранного Отделения «брандерами» называли особо неумелых филеров, специальной задачей которых было так вести наблюдение, чтобы его не мог не заметить наблюдаемый. «Для этой цели, — рассказывает Герасимов, — у нас имелись особые специалисты, настоящие михрютки: ходит за кемнибудь, — прямо, можно сказать, носом в

зад ему упирается. Разве только совсем слепой не заметит. Уважающий себя филер на такую работу никогда не пойдет, — да и нельзя его послать: и испортится, и себя кому не надо покажет».

Конечно, появление «брандера» боевики замечали. Тотчас же об этом событии сообщали Азефу. Последний порой в начале относился к сообщению даже несколько недоверчиво: нет ли ошибки? не начали ли люди нервничать? Ведь в боевой работе это явление довольно обычное... Начиналась проверка сообщения, — которая показывала, что ошибки нет, что полицейская слежка действительно ведется, — и притом в самой откровенной форме. Тогда Азеф принимал решение: ничего не поделаешь, если полиция напала на след, то надо все бросать и думать только о спасении людей. Такова была одна из максим боевой работы, им же установленных. И он давал подробные инструкции, — относительно того, в каком порядке должны были скрываться попавшие под наблюдение полиции боевики: при беспорядочном бегстве полиция могла начать арестовывать тех, кто еще не успел скрыться. Лошадей, экипажи, квартиры и т. п., — все это, конечно, бросали на произвол судьбы. Но боевики, следовавшие указаниям Азефа, благополучно скрывались от преследовавших их шпионов...

Такие «спугивания» практиковались относительно редко: злоупотреблять этим сильно-действующим средством, естественно, было нельзя. При этом, конечно, каждый раз вносились некоторые варианты в детали. Но все било в одну точку: на каждом шагу боевики убеждались, что полиция так хорошо изучила все приемы работы Боевой Организации, что не было никакой возможности подойти близко к Столыпину. И каждый раз, когда благополучно скрывшиеся боевики собирались где-нибудь в Финляндии и начинали подводить итоги, они все приходили к выводу, что полиция напала на их след совершенно случайно и даже еще не успела разобрать, с кем именно она имеет дело (этим объясняли сравнительную легкость побега от

филеров). Но из того, что такие случайности происходили каждый раз, как только боевики-наблюдатели подходили сравнительно близко к министру, казалось, с несомненностью следовал вывод о непроницаемости для боевиков стены полицейской охраны, которая окружала министра. А так как Азеф «заранее предвидел» слабые места всех задуманных предприятий, и так как он же разрабатывал планы побегов из под наблюдения филеров, — то его авторитет еще больше возрос, легенда об его «хладнокровии» и «предусмотрительности» получала, казалось, новое убедительное подтверждение.

И после каждой такой неудачной попытки Азеф все настойчивее и настойчивее внушал и боевикам, и посвященным в работу Боевой Организации членам Центрального Комитета мысль о том, что «старыми методами» вести дальше центральный террор невозможно:

«Полиция, — говорил он, — слишком хорошо изучила все наши старые приемы. И в этом нет ничего удивительного: ведь у нас все те же извозчики, торговцы и пр., которые фигурировали еще в деле Плеве. Нового ничего у нас нет, — и при старой технике ничего и не придумаешь нового. Тяжело это, но надо признать . . . »

Так проходили недели, месяцы . . . Государственная Дума уже давно была распущена. Вспыхнули и были раздавлены восстания в Кронштадте, Свеаборге, Ревеле. По стране прокатилась волна террора и разрозненных партизанских выступлений: покушений на губернаторов, жандармов, полицейских, нападений на казенные учреждения и пр. Но настоящего массового взрыва, — подобного тому, который потряс страну в 1905 г., — не произошло: рабочие, движение которых в 1905 г. было стеновым хребтом общей борьбы, теперь молчали, — уставшие от поражений прошлых лет, истощенные безработицей и промышленным кризисом. В этих условиях правительство быстро

оправилось от временных колебаний. Были введены военно-полевые суды, — для «скорострельных» расправ со всеми, кто причастен к различного рода вооруженным выступлениям революционеров. С каждым днем усиливалась реакция, и Столыпин, ее главный вдохновитель, уже успел стать наиболее ненавистным для страны представителем власти.

В работу Боевой Организации чужеродным телом вклинилось покушение на Столыпина, организованное «максималистами». Отделившись от партии социалистов-революционеров и создав свою собственную организацию, они решили самостоятельно вести и террористическую борьбу. Ставили ее они совсем иначе, — не так, как Боевая Организация: они не признавали той длительной подготовительной работы наблюдения, которая лежала в основе всей работы Боевой Организации, — а действовали, как партизаны, — короткими ударами, внезапными набегами. Именно так они организовали покушение на Столыпина: три члена их организации, вооруженные бомбами, явились в официальные часы приема на дачу Столыпина. Охрана заподозрела неладное и отказалась впустить их внутрь здания. Тогда они бросили свои бомбы в передней. Взрыв разрушил большую часть министерской дачи. Погибло несколько десятков человек: чины охраны, много посетителей, явившихся на прием к министру; в числе погибших были, конечно, и сами террористы. Тяжелые поранения получили малолетние дети министра, — но сам министр почти не пострадал: расходясь воронкой, волны взрыва только слегка затронули его кабинет.

Известие об этом покушении Азеф получил в Финляндии. Оно привело его в состояние, близкое к панике. «В августе, в день взрыва дачи Столыпина, — пишет в своих воспоминаниях Вал. Попова, член Боевой Организации, тогда работавшая в финляндской лаборатории последней, — неожиданно к вечеру к нам приехал Иван Николаевич (Азеф). Он был очень взволнован, — таким я еще не видала его. Не только

взволнован, но подавлен и растерян. Сидел молча, нервно перелистывая железно-дорожный указатель. Хотел ночевать, но потом раздумал и ушел на станцию».

Причины такого его волнения тогда были непонятны, — теперь они ясны: Азеф опасался, что Столыпин и Герасимов сочтут состоявшееся покушение за дело той Боевой Организации, за которую он только недавно поручился своей головой, и понимал, что в этом случае ему не так легко удалось бы оправдаться, как это было в деле с Дубасовым. С другой стороны, имелась опасность, что, не зная истинных организаторов покушения, Охранное Отделение начнет арестовывать находящихся у нее на учете членов Боевой Организации и тем самым провалит Азефа в глазах революционеров. Именно поэтому Азеф спешил в Петербург, — для объяснения с Герасимовым. К его счастью, в этот момент он уже пользовался полным доверием Герасимова и последний не сделал «опробочившего шага». Но для того, чтобы полностью очистить свою Боевую Организацию в глазах Столыпина, Азефу пришлось добиться от Центрального Комитета опубликования официального заявления о непричастности партии социалистов-революционеров и ее Боевой Организации к этому покушению и даже «морального и политического» осуждения того способа, которым это покушение было совершено. Такие заявления были не совсем обычны в истории революционного движения; в Центральном Комитете были колебания, нужно ли оно: Азеф был настойчив и требовал его, действуя именем Боевой Организации. В конце концов согласие было дано, отношение к способу совершения покушения по существу действительно было отрицательным, — но составить текст заявления пришлось самому Азефу: этот документ был вообще едва ли не единственным из официальных партийных документов, автором которого был непосредственно Азеф. Настолько для него было важно, чтобы такое выступление партией было сделано.

С организаторами же покушения, с руководителями «максималистов» Азеф рассчитался и иными способами: с этого момента он начал с особым старанием собирать все сведения относительно них, — для того, чтобы передавать эти сведения своему полицейскому начальству.

В партии заявление Центрального Комитета относительно покушения «максималистов» было встречено далеко не с единодушным одобрением. Было не мало людей, считавших его неправильным и по существу: бывают случаи, когда террористы, по их мнению, не имеют права останавливаться и перед соображениями о случайных жертвах во время организуемых ими покушений; такие примеры в прошлом известны, — вполне мыслимо повторение их в будущем, а потому партия не должна была себя связывать столь категорическими заявлениями. И уж совсем многие считали заявление бестактным и ненужным: никто не приписывал данное покушение партии; «максималисты» не собирались от него отречься и немедленно же выпустили прокламацию, в которой открыто заявляли, что именно они были его организаторами; в этих условиях заявление Центрального Комитета производило впечатление какого то забегания вперед, — какого то непонятного желания перед кем-то оправдаться.

Эти споры дали толчек и для вынесения наружу общего вопроса о работе Боевой Организации.

«Центральный Комитет осуждает способ, к которому прибегли максималисты... Но почему наша Боевая Организация не применяет лучшего? Почему она вообще молчит?» — эти вопросы начали раздаваться все громче и громче в рядах партии, — как со стороны совсем мало посвященных ее членов, так и со стороны тех, кто был относительно хорошо осведомлен. Многие начинали критиковать работу Боевой Организации, — причем в числе таких критиков оказывались и некоторые из членов Центрального Комитета, и люди, хорошо знакомые с техникой боевой работы из бывших провинциальных боевиков. Несколько человек из

среды последних составили даже специальную группу, которая поставила своей задачей проконтролировать наблюдательную работу Боевой Организации. Действовали они втайне от Азефа, — и им довольно скоро удалось установить, что наблюдение Боевой Организации идет по ложному пути. Это, конечно, дало новый материал для критики деятельности Боевой Организации, а на этой почве стали возникать острые конфликты, — между Боевой Организацией и ее критиками.

Создавал их и руководил ими, конечно, Азеф. Но он предпочитал, по своему обыкновению, по большей части держаться в тени. Руководящую роль во вне играл Савинков.

Он только что вернулся в ряды Боевой Организации после почти четырехмесячного отсутствия, вызванного арестом в Севастополе. Его тамошние приключения, — суд с нависшей над ним угрозой смертной казни, совершенно сказочный по удачливости побег, — о которых много писалось в газетах, создали ему огромную популярность в партийных рядах. Все окружали его любовным вниманием, — как человека, чудом сорвавшегося с виселицы. С особою нежностью к нему относились члены Боевой Организации. В их рядах, — если не считать Азефа, на которого все боевики смотрели скорее, как на вождя-руководителя, стоящего над ними, чем на равного, — Савинков был самым старшим по своему боевому стажу. Он вошел в Боевую Организацию за три года перед тем, в тот ее героический период, когда готовилось покушение на Плеве, и с тех пор без перерыва оставался в ее рядах, на самых опасных постах. Для своих более молодых товарищей по Боевой Организации он был живой историей последней, живым хранителем лучших традиций ее прошлого. Близкий друг Сазонова, Каллева, Швейцера, — всех тех, вокруг имен которых уже создавалась легенда восторженного поклонения, — он любил вспоминать об этом прошлом на тех замкнутых товарищеских пирушках, которые устраивали

боевики в моменты редких перерывов их боевой деятельности. Блестящий рассказчик, он с особенным увлечением говорил о той атмосфере истинно братской любви и доверия, которая существовала в Боевой Организации прежних лет, когда, — употребляя выражения Сазонова, — «наша Запорожская Сечь, наше рыцарство было проникнуто таким духом, что слово «брат» еще недостаточно ярко выражало сущность наших отношений». Подобные же настроения Савинков стремился культивировать внутри Боевой Организации и теперь. С любовным вниманием он подходил к каждому, кто входил в ее ряды, — и только вполне естественно, что с таким же любовным вниманием относились и к нему все его товарищи по Боевой Организации. Он хотел быть и действительно был «сердцем Боевой Организации», — как о нем говорит один мемуарист из числа членов последней (В. М. Зензинов), — и легко понять, с каким восторгом была встречена боевиками весть об его удачном побеге из Севастопольской тюрьмы, с каким энтузиазмом они приняли его теперь вновь в свои ряды.

Все это были хорошие, симпатичные стороны Савинкова, — но уже в тот период, о котором теперь идет речь, не они были наиболее для него характерными.

По своей натуре он принадлежал к числу людей, которые совершенно незаменимы для *вторых* ролей, — если вблизи от них имеется кто-нибудь, кто может быть хорошим *первым*. Он обладал несомненным и большим личным мужеством. В своей жизни он не раз смотрел прямо в глаза смерти, — и нет сомнения, что он не дрогнув взшел бы на эшафот, — по крайней мере в те годы своей работы в Боевой Организации. Но мужество солдата явление совсем иной категории, чем мужество вождя. А тех свойств, которые обязательно нужны для того, чтобы стать последним, у Савинкова как раз и не имелось. У него не было мужества инициативы, мужества самостоятельного решения, мужества самостоятельной мысли, — если говорить о

мыслях больших, определяющих не отдельные поступки людей, а целые линии их длительного поведения. Во всех этих вопросах уверенным он себя чувствовал только тогда, когда мог прислониться к кому-нибудь, кто импонировал ему своей внутренней устойчивостью, — наличием того, чего так не хватало самому Савинкову.

На беду последнего, тем *первым*, к кому он прислонился в годы своей работы в Боевой Организации, был Азеф. Нет никакого сомнения, что, наряду со своим практицизмом, он покорила Савинкова полным отсутствием внутренних колебаний, разъедающих душу сомнений, — всей той внутренней раздвоенности, которая была столь характерной для интеллигентов-террористов той эпохи. Каждый из них ставил перед собою вопрос о «праве на убийство». Они все не сомневались, что представитель власти, против которого они в тот или иной момент готовили покушение, приносит вред народу; все они были уверены в том, что его устранение полезно для блага миллионов. Но перед многими из них с мучительной остротой вставал другой вопрос: пусть так, — но имеет ли вообще один человек право отнять жизнь у другого человека, — хотя бы во имя блага миллионов? Не есть ли жизнь каждого человека сама по себе такое высокое благо, что посягнуть на него не имеет права никто? В поисках ответа на этот вопрос многие уходили в дебри философских построений, — и мирный кенигсбергский профессор второй половины XVIII века, старик Кант, был бы, конечно, безмерно удивлен, если б смог, встав из могилы, узнать, что его нравственный закон нередко играл роль того категорического императива, который заставлял многих русских террористов начала XX века брать в свои руки динамитные бомбы.

Все эти сомнения были, конечно, совершенно чужды Азефу. О своем *праве* делать то, что он делал, он вообще едва ли когда-либо думал. Он шел своим путем потому, что он был для него *выгоден*, — и соображениями этой личной выгоды в широком смысле слова

определялись все те колебания и отклонения, которые ему приходилось на этом пути делать. Этих действительных мотивов своего поведения Азеф, конечно, никому объяснить не мог. А потому вполне естественно, что ему оставалось только пренебрежительно отмахиваться, когда в его присутствии заходили разговоры на подобные темы: к чему все эти сложные построения, — когда ясно, что то или иное действие диктуется интересами дела, интересами террористической борьбы?

Савинков в Боевую Организацию пришел, конечно, с совершенно иными, чем у Азефа, настроениями, это едва ли нужно оговаривать. Он не мало думал над всеми теми большими вопросами, которые мучили совесть его товарищей по Организации, — и едва ли правы те, кто полагает, что все сомнения этого рода, которые так часто он высказывал и в личных беседах, и в литературе, были для него только напетыми с чужого голоса, не отражали его собственных интимных переживаний. Какая то трещинка в его душе, повидимому, действительно была с самого начала, — не случайно М. Р. Гоц, хорошо его знавший и с большою любовью к нему относившийся, называл его «надломленной скрипкой Страдивариуса». Но определяющим для его дальнейшего развития все же был не этот надлом, а то положение, которое ему пришлось волею судеб занять внутри Боевой Организации.

С нравственным законом Канта в душе человек мог пойти на убийство другого, — и за жизнь этого другого отдать свою собственную. Именно потому то лучшие из террористов-интеллигентов, как говорят документы, в своих интимных переживаниях больше думали о том, как они *умрут*, — чем о том, как они *убьют* другого. Последнее с точки зрения их настроений было тяжелою необходимостью; первое — радостным подвигом. Пойти на этот подвиг, — если бы это оказалось нужным, — в свое время смог бы и Савинков: его поведение во время ареста в Севастополе не оставляет никаких сомнений на этот счет. Его не

счастьем было то, что ему пришлось выполнять иные функции . . .

В терроре кроме террориста-исполнителя необходимо должен существовать террорист-организатор, — тот, кто расчищает дорогу для первого, кто подготавливает возможность его выступления. По ряду причин Савинков стал именно таким террористом-организатором. Не следует думать, что он сам ничем при этом не рисковал. Риск террориста-организатора был очень велик, и каждый раз, когда Савинкова провожали на какое-нибудь «дело», его близкие прощались с ним, как с обреченным: шансов погибнуть у него всегда было больше, чем шансов вернуться невредимым. Но он был очень ловким, талантливым конспиратором и умел выкручиваться из самых трудных положений, — умел спастись от ареста тогда, когда на его месте девять из десяти его товарищей по Боевой Организации спастись не могли бы. Во многом именно этим своим талантам конспиратора он и был обязан тем, что ему, а не кому либо другому товарищи поручили функции террориста-организатора . . . Все это — несомненно, но с точки зрения *результата* его значения не имеет. А результатом было то, что ближайшие друзья Савинкова шли на гибель и отдавали свои жизни, а он оставался жить . . . и продолжал провожать на гибель других.

Хотел он этого или не хотел, но в положении Савинкова каждый обязательно должен был начать думать не о том, как он умрет, а о том, как он убьет, — даже вернее о том, как он организует убийство. Независимо от воли человека, в таких условиях должны были создаваться совсем иные настроения, чем те, которые двигали Сазоновым, Каляевым и др., — настроения профессионального «охотника за черепами», настроения «мастера красного цеха», — если употребить меткие выражения, которые введены в литературный обиход самим же Савинковым. Террор для него все больше и больше становился самоцелью.

В. М. Зензинов рассказывает в своих воспоминаниях, как он вместе с А. Р. Гоцем в начале 1906 г. ве-

ли спор с Савинковым относительно движущих мотивов их личного поведения. Зензинов и Гоц, — оба прошли курс учения в немецких университетах, были кантианцами по своему философскому мировоззрению и нравственный закон Канта клали в основу своих террористических выводов. «С удивлением, с недоумением, — пишет Зензинов, — мы услышали от Савинкова, что его категорическим императивом является воля Боевой Организации. Напрасно мы ему доказывали, что воля более или менее случайных лиц не может сделаться для человеческого сознания нравственным законом, — что с философской точки зрения это безграмотно, а с моральной — ужасно. Савинков стоял на своем». Интересы Боевой Организации и той террористической деятельности, которую она ведет, стояли для него выше, чем все остальное.

На этой почве выросли и все конкретные выводы. Вся партия распадалась на две части: на членов Боевой Организации и на всех прочих. Первые, — ближайшие товарищи по борьбе, — должны были составлять одно тесное неразрывное целое, братский союз на жизнь и на смерть. Вторые, — существа низшего порядка, — имели право только восторгаться первыми, помогать им, но ни в коем случае не предъявлять своих требований, не критиковать их действий. Всякая критика Боевой Организации, исходящая от не-боевиков, объявлялась оскорблением для «чести» Боевой Организации, и против этой критики все боевики должны выступать сплоченным строем и со всею решительностью. Понятие о «чести» у революционера Савинкова было чисто офицерское, — и оно входило важным составным элементом в ту психологию «революционных кавалергардов», которую воспитывал Азеф внутри Боевой Организации и которая наиболее яркое свое выражение получила как раз в настроениях Савинкова.

При подобных настроениях Савинкова Азефу не составило труда превратить его в свое послушное ору-

дие и в деле проведения в жизнь «большого плана» Азефа-Герасимова-Столыпина.

В ряды Боевой Организации Савинков вернулся, конечно, не без чувства горечи, вызванного ее бездействием в эти критические дни: эти ощущения тогда были общи для всех. Он тоже искал объяснения ее неудачам, — и естественно прежде всего прислушивался к рассказам Азефа, на которого привык смотреть снизу вверх. Азеф давал свои объяснения. Он говорил и о неудовлетворительности старых методов работы Боевой Организации, и об улучшениях, которые введены в дело полицейской охраны министров и которые не позволяют боевикам подойти близко к последним, — короче, обо всем том, что было намечено по планам Азефа-Герасимова. Но в то же время он играл и на специфических настроениях Савинкова, на его понимании «чести» Боевой Организации, на его раздражении против «штатских» членов Центрального Комитета, которые осмеливаются непочтительно говорить о боевиках. Критические замечания, которые тот или иной из членов Центрального Комитета осмелился сделать в частных разговорах относительно деятельности Боевой Организации, в его рассказах превращались в систематическое дискредитирование этими членами Центрального Комитета руководителей Боевой Организации, во внесение деморализации в среду членов последней. Отдельные указания, которые срывались с уст партийных кассиров в ответ на все более и более возроставшие требования Азефа (действуя согласно разработанному им с Герасимовым плану, Азеф в это время так вздул финансовые требования Боевой Организации, что даже привыкшие к большим расходам последние партийные кассиры начали кряхтеть), — выросли в систематическое притеснение Боевой Организации и в отказы в средствах на ее необходимые расходы.

Савинков прежде всего уцепился за последние части этих рассказов и ринулся в бой против Центрального Комитета.

Собрание последнего, на котором был поставлен вопрос с работе Боевой Организации и о претензиях последней против Центрального Комитета, состоялось в сентябре 1906 г. в Финляндии (на Иматре). На этом собрании присутствовали члены Центрального Комитета, — Крафт, Натансон, Панкратов, Слетов, Чернов и Азеф, — и в качестве представителя Боевой Организации Савинков: как и всегда в подобных острых случаях, Азеф заявил, что не может защищать точку зрения Боевой Организации по своей привычке говорить публично, и потребовал приглашения Савинкова, способного эту точку зрения изложить и защитить. Именно Савинков и начал прения по этому вопросу. В большой, запальчиво-страстной речи он изложил обвинения Боевой Организации против Центрального Комитета. Это был настоящий обвинительный акт. Предупреждая упреки против Боевой Организации за ее недостаточную активность, он предъявил контр-иск к Центральному Комитету и доказывал, что «в неудачах Боевой Организации виновен Центральный Комитет: он не дает средств и достаточно людей для надлежащего развития боевой деятельности, он равнодушно относится к вопросу о терроре и не только не питает внутреннего доверия к руководителям Боевой Организации, но в лице двух своих членов, т. т. Чернова и Слетова, явно дискредитирует Боевую Организацию, отзываясь о ней легко и неуважительно. При таких условиях, — говорил он, — Боевая Организация не может продолжать работать. Савинков, при поддержке Азефа, требовал, чтобы Центральный Комитет изменил свое отношение, высказал им полное доверие и, в качестве санкции, предал суду т. т. Чернова и Слетова»^{*)}). В

^{*)}Так излагает речь Савинкова «Заключение Судебно-Следственной Комиссии по делу Азефа» (стр. 51), опираясь на показания опрошенных ею участников указанного собрания. В своих воспоминаниях Савинков скрадывает эти подробности своего тогдашнего выступления.

противном случае Савинков и Азеф отказывались вести боевое дело.

Обвинения эти поразили своей неожиданностью и необоснованностью. Они не только не отвечали истинным настроениям и всего Центрального Комитета в целом и специально названных его членов в частности, — утверждения, в основе их лежавшие, в ряде случаев просто не соответствовали действительности. Было непонятно, как могли возникнуть подобные лжетолкования, подобные искажения фактов. Прения носили острый характер. Савинков держал себя прямо вызывающе, — особенно в отношении Слетова, с которым у него были старые личные счеты: зимою 1903-04 г., в дни первого побега Савинкова из Петербурга, с порученной ему работы над подготовкой покушения против Плеве, Слетов встретил Савинкова в Киеве, — растерянного, почти испуганного, — и составил очень невыгодное о нем мнение, которое и высказал тогда же вслух, доказывая, что набранная Азефом молодежь непригодна для боевого дела и только компрометирует Боевую Организацию. Этот отзыв дошел до Савинкова, — эту заботу взял на себя Азеф, — и теперь Савинков вымещал свои старые обиды.

Заседание тянулось целую ночь, — до утра, — порою превращаясь в настоящее судилище: по требованию Савинкова была устроена даже очная ставка между Черновым и агентом Боевой Организации, Э. М. Лапиной («тов. Бэла»), в разговоре с которой Чернов якобы допустил оскорбительные для боевиков замечания. Лишь с большим трудом удалось несколько сгладить конфликт. О неудачах Боевой Организации, о необходимости изменить методы ее работы, — на заседании почти совершенно не говорили: в результате маневра Савинкова центр тяжести вопроса был совершенно перемещен. Конечно, руководителям Боевой Организации было вотировано полное доверие, — и кроме того в состав Центрального Комитета был введен Савинков: чтобы ее представительство было более

полным и чтобы Центральный Комитет не забывал о нуждах террора.

Это столкновение дало Азефу лишнее подтверждение прочности его положения в Боевой Организации и в Центральном Комитете, и он приступил к проведению последней части намеченного плана похода против Боевой Организации. Именно после этого собрания он начал с особенным старанием обрабатывать наиболее влиятельных членов Центрального Комитета, — прежде всего М. А. Натансона и В. М. Чернова, — стараясь привлечь их на свою сторону. В длинных, «задушевных» беседах, — которые он так любил, — он развивал перед ними свою точку зрения на причины «кризиса Боевой Организации». От Савинкова и его выступления на последнем собрании Центрального Комитета он во время этих бесед вполне определенно отмежевывался. Это выступление, — говорил он, — свидетельствует о настроениях, которые господствуют среди членов Боевой Организации. Последние видят неудачи, которые преследуют их на каждом шагу, и нервничают, готовы винить в них всех и каждого. Но по существу — дело, конечно, не в поведении Центрального Комитета, не в тех или иных неловких фразах отдельных его членов. Савинков своим выступлением только напрасно обострил вопрос и увел обсуждение от действительного существа дела, — от выяснения действительных причин неудач Боевой Организации. Эти причины лежат в совершенно иной плоскости. Надо иметь смелость взглянуть в глаза правде и признать, что все старые методы работы Боевой Организации устарели: полиция знает их, как свои пять пальцев, и умеет предупреждать покушения. И что самое главное, — на пути этих старых методов ничего нового выдумать вообще невозможно. Нужно искать новые пути. Таковые может дать использование для нужд террора новейших завоеваний техники. Особенности надежды в тот момент Азеф возлагал на подкобы: здесь, — по его мнению, — перед террором открывались большие возможности. Но для этого необ-

ходима большая подготовительная работа. И он предлагал «сделать соответствующие выводы»: распустить Боевую Организацию и приостановить центральный террор. Конечно, эта приостановка должна носить временный характер. Партия использует ее для подготовки новых, более жестоких ударов: Азеф с Савинковым на время уедут за границу, займутся там изучением современной техники подрывной работы и через несколько месяцев представят цензуре доклад о том, что партия может сделать в области центрального террора.

Азеф прилагал все усилия к тому, чтобы быть по возможности более убедительным, — и был крайне удивлен, когда выяснилось, что на его доводы не поддаются даже те члены Центрального Комитета, которые до сих пор проявляли больше всего склонности идти за ним в вопросах боевой работы. Приостановка террора, — даже временная, — едва ли не всем членам Центрального Комитета казалась вещь совершенно недопустимой, — особенно в тот момент. Многие готовы были согласиться, что старые методы Боевой Организации устарели; что нужен целый ряд организационных перемен. Но о приостановке террора никто не хотел и слышать.

Более успешной была пропаганда Азефа в рядах Боевой Организации. Савинков пытался было сопротивляться, выдвигая различные планы. Азеф позволял ему эту игру: все попытки Савинкова, конечно, разбивались о комбинированные действия Азефа и Герасимова, и Савинков с каждым разом все больше и больше убеждался, что его надежды тщетны, что скептицизм Азефа правилен. Подступиться к Столыпину, казалось, действительно не было никакой возможности. По приглашению царя, после покушения, совершенного «максималистами», Столыпин переехал в Зимний Дворец и жил там, — почти никуда не выезжая, — если не считать нерегулярных поездок к царю в Петергоф. Но и эти поездки были обставлены такими мерами предосторожности, которые делали его

недостижимым для боевиков: он ездил водою, на казенном паровом катере, который подавали в нужные дни прямо к Зимнему Дворцу, на Лебяжью Канавку, так что Столыпину нужно было только перейти узенький тротуар, чтобы очутиться на воде. Савинков проектировал забросить этот катер бомбами в тот момент, когда он будет проходить под одним из мостов через Неву, — но выяснилось, что мосты в эти моменты тщательно охраняются, катер мчится под ними полной скоростью, а потому не было никаких шансов на то, что второпях брошенные бомбы, — если их вообще удастся бросить, — попадут в цель. Тогда Савинков выдвинул план открытого нападения группы боевиков на Столыпина в тот момент, когда тот переходит через тротуар к катеру. Но и этот план отпал: охрана министра в этом пункте была многочисленна, боевики прорваться смогли бы только после настоящего сражения, а Столыпин при первом же выстреле, несомненно, имел полную возможность скрыться назад, в подъезд неприступного Зимнего Дворца.

Так один за другим рушились все выдвигаемые Савинковым проекты, а сам Савинков окончательно перешел на сторону Азефа. В октябре должно было состояться собрание Центрального Комитета; вслед за тем открывалась вторая сессия Совета Партии. Азеф и Савинков решили выступить на них с заявлением о своей совместной отставке. Азеф был уверен в успехе и ручался Герасимову, что на Совете будет принято решение о приостановке центрального террора.

Немедленно же все члены Боевой Организации, находившиеся на работе в Петербурге, были сняты со своих постов и вызваны в Финляндию. Здесь, в штаб-квартире Боевой Организации, которая помещалась в «Отеле Туристов» на Иматре, состоялось совещание всех членов Боевой Организации. Присутствовало человек около 20. Азеф почти со всеми вел предварительные разговоры и лично ознакомил с мотивами принятого решения. На общем совещании те же мотивы изложил Савинков. Формально он и Азеф предо-

ставляли на усмотрение Организации решить вопрос, присоединится ли она к ним или будет продолжать вести работу самостоятельно и после их ухода. Но фактически всем своим авторитетом они давили на Организацию в направлении присоединения ее к их решению об общей отставке. Их выступления произвели большое впечатление. Те, у кого были сомнения в правильности предлагаемого решения, колебались выступать против тех, в ком они уже давно привыкли видеть общепризнанных вождей Организации. Большинство согласилось с их доводами, и одна из участников совещания, Вал. Попова, сочла своим долгом публично засвидетельствовать свое глубокое уважение к руководителям Организации, которые «так глубоко взглянули на положение дела и так безоговорочно приняли на себя ответственность за последние неудачи». Формального решения это совещание, повидимому, никакого не приняло, но общий итог его был таков, что на последовавшем собрании Центрального Комитета Азеф и Савинков свой взгляд о необходимости временной приостановки центрального террора излагали не в качестве своего только личного взгляда, а как позицию всей Боевой Организации в целом.

Это собрание Центрального Комитета состоялось в том же «Отеле Туристов». В нем приняли участие члены Центр. Комитета Аргунов, Крафт, Натансон, Ракитников, Слетов, Чернов, — и, конечно, оба представителя Боевой Организации, Азеф и Савинков. Последний сделал обстоятельный доклад о причинах неудач Боевой Организации и заявил, что последняя в своем полном составе не видит возможности продолжать работу дальше.

Разговоры, которые Савинков и Азеф вели в течение предшествовавших недель с рядом членов Центрального Комитета во многом должны были их подготовить к такому заявлению Боевой Организации, но тем не менее оно прозвучало неожиданно категорично и произвело ошеломляющее впечатление. Из членов Центрального Комитета, кажется, ни один не считал

возможным приостановку центрального террора в момент наивысшего расцвета террора правительственного: с их точки зрения это было и политически, и психологически недопустимо, Разгорелись страстные дебаты. Делались всевозможные попытки переубедить руководителей Боевой Организации, но последние были непреклонны. Тогда Центральный Комитет решил пойти на прямые переговоры с общим собранием всех боевиков: мера, которой до того момента история социалистов-революционеров не знала, так как она свидетельствовала о желании Центрального Комитета поднять восстание членов Боевой Организации против ее признанных руководителей, — против Азефа и Савинкова. Представителями Центрального Комитета для этих переговоров были выбраны Натансон, Чернов и, кажется, Слетов. Азеф и Савинков были явно возмущены этой апелляцией Центрального Комитета к общему собранию боевиков, но формально протестовать против нее, конечно, не имели никакой возможности.

На собрании боевиков из делегатов говорил главным образом Чернов, подробно изложивший те мотивы, которые заставили Центральный Комитет считать совершенно недопустимой приостановку центрального террора. По рассказу Чернова, он к большому своему изумлению по отдельным репликам присутствующих уже очень скоро понял, что члены Боевой Организации далеко не так единодушны в своей солидаризации с Азефом и Савинковым, как это можно было вывести из рассказов последних. Начавшиеся прения не только показали, что такой солидарности действительно нет, но и обнаружили наличие у ряда членов Боевой Организации недовольства бюрократическим централизмом, введенным в Организацию Азефом и Савинковым. Первым в этом смысле высказался Влад. Вноровский, — брат погибшего при покушении на Дубасова. Он считал, что причиной последних неудач Боевой Организации является прежде всего полное подавление личной инициативы боевиков, введенное Азе-

фом, и настаивал на перестройке Организации на демократических началах. С большим раздражением на Вноровского обрушился Савинков, но Вноровский нашел некоторых сторонников. Ряд других боевиков, даже не солидарных с Вноровским, согласились с тем, что политическая обстановка не позволяет партии приостановить террор. Единый фронт всех членов Боевой Организации был таким образом неожиданно быстро разбит, и для Центрального Комитета стало ясно, что уход Азефа и Савинкова еще не означает ухода от работы всех боевиков.

Центральный Комитет, заслушав сообщение об этом собрании боевиков и еще раз убедившись, что решение Азефа и Савинкова во всяком случае непоколебимо, постановил, принять их личные отставки. Боевую Организацию объявил распущенной, но из тех ее членов, которые выразили желание продолжать работу в терроре, создал особый «Боевой Отряд при Центральном Комитете», который с точки зрения своего положения в партии пользовался значительно меньшими правами, чем старая Боевая Организация.

Во главе этого Отряда встал Зильберберг. Бывший студент-математик, обладавший большими математическими способностями*), он был незаурядным организатором и очень смелым террористом. Но с самого начала своей террористической работы он подпал под исключительное влияние Савинкова и Азефа, и во время всех переговоров с Центральным Комитетом стоял полностью на их стороне. Он в частности одним из первых заявил об отказе работать под руковод-

*) Арестованный в феврале 1907 г. и приговоренный к смертной казни, он последние дни перед приведением этого приговора в исполнение увлекся математической проблемой деления угла на три равных части, и написал небольшой трактат на эту тему, который он послал в Академию Наук. Департамент Полиции не считал возможным передать рукопись по назначению, хотя ничего не относящегося к теме в ней, конечно, не было. Рукопись была конфискована и хранилась в архивах Департамента. Только после революции 1917 г. она была оттуда извлечена и опубликована.

ством Слетова. Поэтому нет никакого сомнения в том, что позднейшее изменение решения и согласие руководить Боевым Отрядом им было сделано также с согласия Азефа и Савинкова. Поступая так, он сам, конечно, руководствовался соображениями о пользе боевой работы: поскольку не было полной приостановки центрального террора, необходимость которой он вслед за Азефом и Савинковым защищал; поскольку часть членов Организации борьбу все же продолжала, — постольку он считал себя обязанным все свои силы и опыт отдать этой борьбе. Но мотивы Азефа, когда он давал Зильбербергу свое согласие на его работу в Отряде, были, конечно, совершенно иными: не имея возможности теперь же вернуться к боевой работе и взять обратно свой отказ (вопрос был поставлен слишком остро, чтобы существовала возможность такого отступления), Азеф заботился о том, чтобы в его отсутствии во главе действующих террористов стоял во всяком случае человек, ему полностью доверяющий, от которого он имел бы возможность постоянно узнавать все нужные детали относительно боевой работы.

В последних стадиях обсуждения вопроса Азеф личного участия принимать уже не смог: в эти дни он тяжело захворал. У него образовался опасный нарыв в горле и одно время боялись даже за его жизнь: был вызван специалист-профессор, и в течении ряда дней Азеф лежал в постели. Ближайшие его друзья по Центральному Комитету, только что выступавшие против его предложений, чувствовали себя несколько неловко. Они опасались, что Азеф почувствовал в их поведении элементы личного к нему недоверия, и потому наперерыв друг перед другом оказывали ему знаки самого заботливого внимания. Несмотря на болезнь, Азеф живо интересовался всеми подробностями переговоров, равно как и всем ходом работ вскоре затем открывшейся сессии Совета Партии. Приходивших к нему он расспрашивал обо всех подробностях этих заседаний, — но раздражения по поводу своего поражения он скрывать не собирался. Особенно резко он

его проявлял по отношению к тем боевикам, которые помогли сорвать налаженный им и Савинковым единый фронт Боевой Организации. Очень выразительный рассказ об этих настроениях Азефа имеется в уже не раз цитированных выше воспоминаниях Вал. Поповой:

«Опасность для жизни больного скоро миновала, и я увидела «Ивана Николаевича» (Азефа), когда ему было уже лучше. На дверях его комнаты . . . висело объявление: «Здесь больной, просят соблюдать тишину» . . . В один из таких моментов зашла к «Ивану Николаевичу» и я. Он указал мне на ящик маленького столика около кровати и сказал, правда, еще хрипло и с трудом:

— Там два женских паспорта. Один вы можете взять, — выберите себе, какой более подходит.

Я взяла паспорт на имя Анны Казимировны Янкайтис. Конечно, в этот момент я и не подозревала, какую опасность для меня представляла эта «товарищеская» услуга Азефа. Затем я простилась с ним. Я чувствовала на себе его упорный, гнетущий взгляд. Было какое то недовольство и раздражение в этом взгляде, для меня столь непривычном. Он был мне непонятен. «Что же, неужели он так раздражен на то, что мы не признали его аргументов и без него решаемся продолжать работу?» — думалось мне после этого визита».

Эту «товарищескую» услугу снабжения «хорошими и вполне надежными» паспортами Азеф оказал еще нескольким членам вновь организуемого Боевого Отряда. Им она стоила, действительно, очень дорого: список всех этих паспортов им был передан Герасимову, который, в частности, вполне отчетливо помнит, что в этом списке стояло и имя автора цитированных воспоминаний.

Это была его месть непослушным, которые помешали выполнить полностью так тщательно продуманный и с таким старанием выполнявшийся план похода против Боевой Организации. Формально последняя

была упразднена, — но только формально. Центральный террор партией приостановлен не был. Наоборот, борьба по вопросу о Боевой Организации дала толчек к усиленной концентрации сил на боевом деле. В результате авторам плана большого похода против Боевой Организации, — Азефу, Герасимову и Столыпину, — вскоре пришлось убедиться, что достигнутые ими итоги с их точки зрения были скорее отрицательными.

ГЛАВА XIV

Террор без Азефа

Вскоре после окончания работ Совета Партии слегка оправившийся от болезни Азеф уехал за границу, — отдохнуть и подлечиться. «Я со времен Гершуни в терроре, — говорил он, — и имею право на отдых». Вместе с женой он устроился в Аляссио, на итальянской Ривьере. Жена окружила его заботливым вниманием: «ведь он все время с веревкою на шее ходит», — думала и говорила она о своем муже. Со вниманием и уважением относились к нему и члены небольшой русской колонии, которая подобралась в Аляссио и состояла почти исключительно из старых революционеров, в той или иной степени осведомленных о «заслугах» Азефа перед делом революции. Азеф благодушествовал: отдыхал, гулял, набирался сил, вел «разговоры по душам» о том, как тяжела жизнь вечно травмированного полицией революционера-террориста... Только изредка он вырывался из этой среды, — под предлогом поездок для деловых партийных свиданий. По-видимому, обычно это бывали поездки в соседнее Монте-Карло, чтобы «встряхнуться» от пресных радостей семейного уюта.

Партийной жизнью, — и в особенности боевой работой, — он ни на минуту не переставал интересоваться. Перед выездом за границу он виделся со всеми теми членами Боевой Организации, которые соби-

рались продолжать работу в терроре, и получил от них самую подробную информацию обо всех их планах и предположениях, знал состав участников вновь создаваемых боевых групп и т. д. Получать информацию он не переставал и в Алясию: поскольку это позволяли требования осторожности, бывшие соратники Азефа по Боевой Организации сообщали ему обо всех новостях в боевом деле. Но, конечно, сообщать они могли далеко не обо всем. Целый ряд конспиративных подробностей о технических деталях работы доверять бумаге, — при всем желании получить совет «старшего товарища», — было нельзя. Поэтому о многом Азеф узнавал с большим запозданием от случайных приезжих, — часто уже после того, как новые проекты получали свое осуществление на практике.

Со своей стороны Азеф занялся выполнением обещания, данного Центральному Комитету и изучал вопрос о том, какие из технических изобретений последних лет можно с успехом приложить к боевому делу. Случай помог ему придать вполне конкретную форму разговорам на эту тему: ему сообщили, что один инженер, по фамилии Бухало, уже зарекомендовавший себя рядом талантливых изобретений, работает над проектом воздухоплавательного аппарата; по своим взглядам этот инженер-изобретатель принадлежит к анархистам, но наиболее важным он считает убийство царя и потому готов предоставить свое изобретение целиком в распоряжение Боевой Организации, если последняя конкретно поставит вопрос о цареубийстве. Азеф обеими руками ухватился за это сообщение, специально ездил в Мюнхен, где тогда жил изобретатель, подробно обо всем с ним говорил, проверял его чертежи и вычисления, — и затем авторитетным тоном инженера-специалиста дал свое заключение: Бухало теоретически правильно решил проблему постройки воздухоплавательного аппарата; теперь все дело только за деньгами, которые дали бы ему возможность построить мастерскую и приобрести нужные материалы; если партия даст нужные средства, то аппарат будет

сравнительно скоро готов, и тогда царубийство будет легко осуществимо.

Эти заявления производили впечатление. Многим они казались вполне правдоподобными: не следует забывать, что то было зимой 1906-07 г. г., — т. е. в период первых быстрых успехов летательных аппаратов тяжелее воздуха, когда возможность изобретения какого-то нового аппарата, который одним ударом решил бы проблему воздухоплавания, казалась более, чем реальной. Этим объясняется та сравнительная легкость, с которой Азефу удалось провести свой план. Необходимые средства, — около 20 тыс. рублей, — были найдены, и под контролем Азефа инженер-изобретатель приступил к своим работам.

Этот образ жизни и характер осведомленности Азефа определяли содержание и тон его писем к своему полицейскому начальству. Основную информацию о террористических планах и группах он дал Герасимову еще на последнем свидании, перед отъездом за границу. Теперь он сообщал только отдельные дополнительные детали и указания. Подробно писал он обо всем, что относилось к изобретению Бухало, изображая все это предприятие, как средство для опустошения партийной кассы*). Изредка передавал известия, приходившие из партийных центров, — но эти известия почти всегда запаздывали и практического интереса для полицейского розыска не представляли.

*) Опыты инженера Бухало не дали положительных результатов и он куда то исчез: об его позднейшей судьбе не имеется никаких сведений. Но из всего этого было бы совершенно неправильно делать вывод о том, что все его проекты были мыльными пузырями. Во всяком случае несомненно, что сам Азеф к ним относился значительно более серьезно, чем он это изображал в письмах к Герасимову: при аресте Азефа летом 1915 г. берлинская полиция нашла в его бумагах все чертежи воздухоплавательного аппарата Бухало и объяснительные к ним записки последнего. Азеф, уходя из Парижа после своего разоблачения, оказывается, не забыл в числе наиболее важных бумаг взять также и эти документы, — а этого он не стал бы делать, если бы считал весь проект Бухало чистым вздором.

Общий же тон всех писем Азефа был благодушно-успокаивающий:

«Не тревожьтесь, — ничего серьезного не случится!» — этой нотой, по рассказам Герасимова, начиналось и заканчивалось едва ли не каждое письмо Азефа.

Совет «не тревожиться» был не плох, но следовать ему для Герасимова становилось все труднее и труднее: положение, которое начинало складываться в террористических организациях, отнюдь не предрасполагало к спокойствию.

Пока существовала Боевая Организация, имевшая от партии так сказать монопольное право на ведение центрального террора, вся боевая работа в Петербурге была централизована и целиком находилась под контролем Азефа. Ни один шаг в этой области не мог быть сделан без его ведома и согласия. Теперь же, после ухода Азефа и роспуска Боевой Организации, с монополией было покончено и террористическая работа пошла сразу по нескольким руслам. Правда, чтобы иметь право выступать под партийным флагом, каждая боевая группа должна была получить утверждение со стороны Центрального Комитета, но в виду создавшейся обстановки последний начал относительно легко давать свою санкцию отдельным инициативным группам. В результате уже вскоре после роспуска Боевой Организации в Петербурге появилось целых три активно действующих боевых группы.

На первом месте среди них стоял тот Боевой Отряд при Центральном Комитете, который был создан из бывших членов Боевой Организации после их переговоров с представителями Центрального Комитета и во главе которого стоял Зильберберг. Далее, другая группа членов той же старой Боевой Организации создала специальную небольшую группу для подготовки покушения против петербургского градоначальника фон-Лауница. Во главе этой группы стояла Э. М. Лапина (партийный псевдоним «тов. Бэла»).

Третья группа в отличие от этих двух, состояла из людей, никакого отношения к старой Боевой Организации не имевших. Организатором-руководителем ее был А. Д. Трауберг («Карл»), — латыш по национальности и активный участник восстания 1905 г. в Прибалтийском крае. Он только в конце лета 1906 г. появился в Петербурге и быстро выдвинулся, как исключительно талантливый организатор-террорист, умевший подбирать людей и использовать полезные сведения, получавшиеся из самых разнообразных источников. К началу ноября 1906 г. ему удалось создать небольшой самостоятельный боевой отряд, и он предложил последний в распоряжение Центрального Комитета.

Утверждение этого отряда в Центральном Комитете прошло не без борьбы. Савинков, который вообще весьма больно воспринял свое и Азефа поражение по вопросу о приостановке центрального террора, повел теперь ожесточенную кампанию против отряда «Карла». Он еще мирился с тем, что некоторые из старых членов Боевой Организации будут вести самостоятельную боевую работу: в прошлом они уже работали под его и Азефа руководством, а потому с точки зрения Савинкова принадлежали к числу избранных, имеющих право быть допущенными к центральному террору. Но «Карл» и весь его отряд состоял из новичков, не получивших признания со стороны старой Боевой Организации. По всему своему складу все они были совершенно чужды настроений «революционных кавалергардов», которые воспитали Азеф и Савинков, и во всем, даже в мелочах, вели себя совершенно по иному, чем старая «аристократия террора». К тому же методы боевой работы, которые вводил отряд «Карла», были в корне отличны от тех, которые Азеф и Савинков только что объявили единственно целесообразными и допустимыми. Поэтому утверждение группы «Карла» казалось Савинкову настоящим святотатством, и он не только решительно протестовал против подобных предложений, но и требовал от Центрально-

го Комитета прямого запрещения всей этой группе заниматься террористической работой. Он доказывал, что «Карл» «компрометирует террор» и только «легкомысленно подводит людей под виселицу».

Успеха эта кампания Савинкова не имела. Без Азефа он большим влиянием в Центральном Комитете не пользовался. Его считали импрессионистом и плохим знатоком людей. Отзывы же о «Карле» тех представителей Центрального Комитета, которые с ним лично познакомились, — особенно А. А. Аргунова и В. М. Чернова, — были самые благоприятные, почти восторженные. Поэтому Центральный Комитет утвердил группу «Карла» в качестве самостоятельной боевой группы под названием «Летучий Боевой Отряд Северной Области». Но это не заставило Савинкова смириться, и свою борьбу против «Карла» он продолжал до того момента, когда события сделали продолжение ее невозможным.

Нет никакого сомнения в том, что в этой борьбе против «Карла» Савинкова поддерживал и подстрекал Азеф, находившийся в этот момент за границей, но состоявший с Савинковым в постоянной переписке: у него были свои особые мотивы для серьезного недовольства появлением группы «Карла». Эта группа была единственной из всех трех действовавших боевых групп, о составе и планах которой Азеф не имел никаких сведений, так как в сношения с Центральным Комитетом она вступила уже после отъезда Азефа. Все, что Азеф знал о ней в этот период, это — только псевдоним ее организатора-руководителя. Только этот псевдоним он и мог сообщить Герасимову из своего приюта в Аляссио, подчеркивая серьезную роль, которую этот «Карл» начинает играть и рекомендуя приложить все усилия к тому, чтобы установить его личность и проникнуть в его планы.

Оставшись без Азефа, Герасимов в начале свою борьбу против боевых отрядов собирался вести по той же самой системе, которая с таким успехом им только что была применена в тесном союзе с Азефом. Арестов до

поры до времени он производить не хотел, а пытался на основании полученных от Азефа указаний держать эти Отряды под своим «контролем». Но на этом пути его преследовали неудачи. По случайным причинам те члены отрядов, которые получили паспорта от Азефа, должны были в срочном порядке их поменять, — и это им удалось сделать так быстро и ловко, что они при этом ускользнули из под полицейского наблюдения. А эти лица были основной зацепкой, которую Герасимов имел для наблюдения за отрядами Зильберберга и Лапиной. Далее, методы работы всех боевых отрядов, — в том числе и обоих последних, — были резко отличны от тех, которые Герасимов изучил по работе с Азефом: ни извозчиков, ни уличных торговцев теперь не существовало, и с каким старанием филеры Охранного Отделения не прощупывали людей этих категорий, никаких нитей они найти не могли. Все три боевых отряда теперь перешли почти исключительно на работу теми методами, которые Азеф и Савинков решительно отвергали, на работу, в основе которой лежало использование различного рода полезных сведений, которые поступали в партийные организации. Все это делало отряды более подвижными, — более «летучими», — и потому труднее уязвимыми для наружного полицейского наблюдения. Ловить их можно было только через внутреннюю агентуру, — а последняя без Азефа была далеко не достаточна: она еще могла доставлять Герасимову информацию о том, что происходило в Центральном Комитете, — хотя и далеко не столь точную и полную, как информация в этой области Азефа, — но она была совершенно бессильна проникать во внутренние секреты центральных боевых групп. Поэтому в лучшем случае она осведомляла Герасимова про разговоры, которые идут в Центральном Комитете или в кругах близких к нему о том, что тот или иной отряд готовит выступление против такого то лица, — но она никогда не давала и не могла давать ни технических подробностей плана проектируемого выступления, ни тем более конкретных указаний,

которые помогли бы установить полицейское наблюдение за участниками соответствующего боевого отряда.

В результате уже очень скоро после отъезда Азефа за границу Охранное Отделение очутилось почти в полных потемках относительно планов и состава боевых отрядов. Последствия не замедлили сказаться: начиная с декабря 1906 г. боевыми группам удалось совершить целый ряд по большей части удачных выступлений. 15-го декабря было совершено покушение на адм. Дубасова (второе), 3-го января был убит петербургский градоначальник фон-Лауниц, 8-го января был убит главный военный прокурор ген. Павлов, 30-го января был убит Гудима, — начальник временной тюрьмы в Петербурге, отличившийся своею жестокостью в обращении с политическими заключенными.

Из всех этих выступлений только убийство Лауница было проведено отрядом Зильберберга; остальные три были организованы группой «Карла». Принять какие бы то ни было меры Охранное Отделение во всех этих случаях было бессильно. В самом лучшем случае оно бывало осведомленно в том, что в течении ближайших дней должно быть произведено покушение на того то или того то представители власти, — но как и каким путем, для него было полной загадкой, и парализовать деятельность террористов оно не имело никакой возможности.

В этом отношении особенно характерна история убийства Лауница. Организовано это выступление было совсем экспромтом и по плану должно было носить характер двойного удара: через сочувствующих, имена которых до сих пор не известны, было получено сообщение, что через несколько дней состоится торжественное открытие Института Экспериментальной Медицины, построенного на средства принца Ольденбургского, и что на торжестве предположено присутствие Столыпина; сочувствующие информаторы брались достать пригласительные билеты, которые позволили бы

террористам проникнуть на торжество. Руководитель Боевого Отряда при Центральном Комитете, Зильберберг, с радостью ухватился за этот план. Необходимое разрешение на выступление Центральным Комитетом было дано; входные билеты были получены всего за два дня до назначенного торжества. Исполнителями приговора должны были выступить Сулятицкий, — тот самый вольноопределяющийся, который вывел Савинкова из тюрьмы, — и бывший студент Кудрявцев. Первый должен был стрелять в Столыпина, — второй в фон-Лауница: этот последний перед своим назначением в Петербург был губернатором в Тамбове и в декабре 1905 г. отличился беспощадной жестокостью при усмирении крестьянских волнений. Он целыми деревнями порол непокорных крестьян. Кудрявцев тогда работал в Тамбове, — в качестве деревенского агитатора, — и еще тогда принял решение отомстить Лауницу. Переодевшись священником, он пытался проникнуть на прием к последнему, но не был допущен. После этого он пошел в центральную Боевую Организацию, — но все время мечтал о том, чтобы ему выпало на долю убить жестокого усмирителя тамбовских крестьян. Теперь его мечта осуществлялась.

Герасимов о подготовляемом покушении узнал накануне назначенного дня: его агент прибежал к нему на внеочередное свидание и сообщил только что полученное им известие о том, что Центральный Комитет выразил согласие на покушение против Столыпина и Лауница и что эти покушения должны состояться в течении ближайших дней. Никаких подробностей агент не знал, — и узнать не обещался, так как все предприятие держалось в величайшем секрете.

Герасимов, — по его рассказам, — прежде всего помчался к Столыпину, подробно сообщил все, что сам знал, и просил в течении ближайших дней, пока не выяснится обстановка, вообще никуда не выходить из Зимнего Дворца, где он тогда жил. Жена Столыпина поддержала эти просьбы, и Столыпин согласился отменить все вообще свои выезды, которые были намечены

на ближайшие дни, — в том числе и поездку на торжество открытия Института Экспериментальной Медицины. Это спасло его жизнь. Что касается Лауница, то тот отказался последовать аналогичному совету Герасимова. По рассказу последнего у них с Лауницем в этот период уже шли острые трения, причиной которых было покровительство, оказываемое Лауницем «Союзу Русского Народа», который в это время уже начинал вести борьбу против Столыпина. Герасимов, зимой 1905-06 гг. принимавший активное участие в создании этого «Союза», к этому времени уже «разочаровался» в нем и стоял целиком на стороне Столыпина. Лауниц, поэтому, смотрел на него, как на врага и не только отказался отменить свои выезды в течение ближайших дней, но и заявил, что он вообще в охране от Герасимова не нуждается: «меня защитят русские люди», — заявил он, имея в виду «Союз Русского Народа», почетным членом которого он состоял.

В результате на назначенное торжественное открытие Института явились, — с одной стороны, — Сулятицкий и Кудрявцев, облаченные в специально для этой цели сшитые изящные смокинги, — и фон-Лауниц с другой. Отстояли торжественное молебствие, и все приглашенные отправились в парадные залы, где был сервирован завтрак. К этому времени стало ясно, что Столыпин на торжество не прибудет, — и Сулятицкий, согласно уговора, ушел; Кудрявцев же, подпустив к себе на повороте лестницы Лауница, убил его тремя выстрелами из браунинга, а затем, не желая сдаваться живым, покончил и с собою. Его личность долго не была установлена, и полиция, вложив его голову в банку со спиртом, выставила ее в публичном месте для опознания...

После убийства Лауница Столыпин предложил Герасимову принять экстренные меры для ликвидации боевых отрядов. Система выжидания и парализации деятельности последних терпела полное фиаско: вместо «холостого хода» машины террора, без Азефа послед-

няя начинала наносить весьма и весьма чувствительные удары.

От Азефа полиции был известен адрес финляндской базы Боевого Отряда Зильберберга: роль такой базы играл тот самый «Отель Туристов» на Иматре, в котором происходили собрания членов Центрального Комитета и заседания Совета Партии. Именно этот отряд организовал убийство Лауница, именно он осмелел так близко подойти к самому Столыпину, что только случай спас последнего от той же участи, которая постигла Лауница. А так как до него до одного теперь полиция только и могла добраться, то именно он должен был быть разгромлен в первую очередь.

Первым делом Герасимова было отправить целую экспедицию на разведки в этот «Отель Туристов.»

Обитатели его жили обособленной, замкнутой жизнью. Весь отель был предоставлен в их распоряжение: владелица принадлежала к числу сочувствующих; сочувствующими же считались все служащие-финляндцы. Посторонних в отель не пускали: он стоял на отлете несколько в стороне от обычных дорог; если какой-либо путник и заглядывал, то всегда находил ответ: все комнаты заняты. Обычно это действовало, но один раз заведующий отелем отступился от своего правила. Это было поздним вечером, в конце января. В двери отеля постучались два путника. По костюмам было видно, что это спортсмены-лыжники, студент-жених и курсистка-невеста: они бродили в лесу, потеряли дорогу, устали, промерзли и просили разрешения переночевать. Погода была не из веселых: пуржило и казалось, что вот-вот разгуляется вьюга. Одна из тех ночей, когда добрый хозяин даже собаку не выгонит: выбор времени был сделан с хорошим расчетом. Путников впустили, — отказать в приюте было невозможно. А на утро обнаружилось, что неожиданные гости обладают самыми разнообразными талантами: хорошо поют, танцуют, остроумные собеседники, умеющие вызывать улыбку на самых угрюмых лицах, —

и полны неизсякаемой жизнерадостности. Они быстро завязали знакомство со всеми обитателями отеля и скоро стали душой всей собравшейся в нем маленькой компании. Об отъезде им никто не напоминал, и они прожили несколько дней, деля время между прогулками по окрестностям и беседами в столовой, вокруг самовара. Когда же, наконец, они собрались уезжать, постоянные обитатели отеля провожали их самыми теплыми пожеланиями: в их однообразную отшельническую жизнь молодая парочка вошла как напоминание об их собственной беззаботной юности, от радостей которой они так рано отреклись. Конечно, никто из них при этом и не догадывался, что «студент» и «курсистка» были всего только агентами Герасимова, удачно выполнившими намеченный план и теперь увозившими с собой не только фотографические карточки всех обитателей отеля, но и согласие двух служащих последнего, — швейцара и горничной, — перейти на постоянную службу в полицию.

Результаты этого визита сказались очень скоро: «студент» и «курсистка», а позднее и швейцар из отеля, начали нести регулярные дежурства на железнодорожном вокзале в Петербурге, просматривая толпы приезжающих с финляндскими поездами. По их указаниям были взяты под наблюдение, а затем и арестованы двое из обитателей отеля, — сначала Сулятицкий, а затем и сам Зильберберг. Перешедшие на службу в полицию швейцар и горничная «Отеля Туристов» официально опознали в них людей, которые постоянно встречались в отеле с убийцей Лауница, — на основании одних этих данных оба они были осуждены военным судом на смертную казнь, которая и была приведена в исполнение 29-го июля 1907 г. Казнены они были, как «неизвестные, именующие себя» — Гронским (Сулятицкий) и Штифтарем (Зильберберг): Охранному Отделению от Азефа были хорошо известны биографические о них данные, все подробности об их роли в Боевой Организации; но представлять эти данные суду было сочтено неудоб-

ным, — чтобы не наводить на мысль о существовании провокации.

Эти аресты были тяжелым ударом для Боевого Отряда Зильберберга, — но они не внесли сколько нибудь серьезного изменения в общее положение дел с террором. Даже сам этот Отряд отнюдь не был разбит: на места арестованных нашлось больше, чем достаточно, новых кандидатов, готовых отдать свои жизни за то же самое дело. Для Герасимова же стало окончательно ясным, что без Азефа с террором ему не справиться, и что, следовательно, необходимо во что бы то ни стало вернуть Азефа на его прежнее место. Азеф не заставил себя долго упрашивать. Герасимов вспоминает: у него и тогда было ощущение, что Азеф уже устал от своего «отдыха», — от мирной семейной жизни, — и сам стремился в Петербург, с его большими доходами и бурными кутежами.

ГЛАВА XV

Дело о «заговоре против царя»

Перед партийными кругами для своего возвращения к активной работе Азеф нашел, конечно, совсем иное объяснение: в этом ему помог случай, которыми он умел хорошо пользоваться.

Незадолго перед тем из Сибири бежал Г. А. Гершуни. В боченке с квашеной капустой его вывезли со двора далекой Акатуйской каторги и со всеми предосторожностями, через Владивосток и Японию переправили в Америку. Его путешествие по Америке было настоящим триумфальным шествием: на многотысячных митингах и на торжественных банкетах в его лице чествовали русскую революцию и ее борцов, — за их подвиги и страдания. В Европу Гершуни прибыл в самом начале 1907 г., — в приподнятом, радужном настроении и с большими суммами денег, собранных в Америке для нужд русской революции, для помощи политическим ссыльным и заключенным.

Конечно, уже очень скоро после приезда он свиделся с Азефом. В последнем он видел своего ученика в деле террора, — ученика, который во многом превзошел учителя. В тюрьму до него доходили вести о делах Плеве, вел. кн. Сергея и др., — и о роли в них Азефа. И теперь он менее всего был склонен мириться с уходом Азефа от боевой работы. Мотивы, которые приводил Азеф, ему казались мелкими, препят-

ствия — легко устранимыми, — и он, со свойственной ему сосредоточенной страстностью звал Азефа назад, в Боевую Организацию, рисуя ему заманчивые картины совместной работы в терроре.

Азеф сделал вид, что позволяет себя убеждать, — и согласился вернуться, если не прямо в Боевую Организацию, — после заявлений, которые он только что делал, это было психологически невозможно, — то к активной партийной работе вообще.

Вместе с Гершуни приехал он в Финляндию, которая тогда была ближайшей резервной базой для всех русских революционных партий, — и попал прямо на второй съезд партии социалистов-революционеров, который в конце февраля 1907 г. собрался в Таммерфорсе. Гершуни выступал на этом съезде под псевдонимом «Капустина», — в честь той квашеной капусты, которая так удачно помогла его счастливому побегу. Но все присутствовавшие знали, кто скрывается под этим скромным псевдонимом, — и то заседание съезда, на котором Гершуни впервые показался, превратилось в непрерывную восторженную овацию по его адресу.

Азеф все время держался рядом с Гершуни, — как человек, который вместе с ним закладывал первые камни ныне столь могучей партии, — и на него падали отраженные лучи тех симпатий, которыми весь съезд окружил Гершуни. Возвращение Азефа к активной работе в этих условиях казалось залогом того сплочения и укрепления партийных рядов, которые несет приезд Гершуни. С тем большей радостью все приветствовали Азефа. Он был вновь избран в Центральный Комитет.

Но настоящее право приветствовать появление Азефа в тот момент имел только Герасимов: с приездом Азефа не только возобновилось регулярное поступление той подробной информации о деятельности центральных учреждений партии, которой так интересовался Столыпин. В самые первые дни после своего приезда Азеф дал Герасимову и то, чего не могли дать все другие источники полицейской информации вместе

взятые, — а именно сведения о составе и планах центральных боевых групп: это были те сведения об уцелевшей части Боевого Отряда Зильберберга, которые позволили Герасимову и Столыпину создать знаменитый в свое время процесс о «заговоре против царя».

Аресты Зильберберга и Сулятицкого были тяжелым ударом для этого Отряда, но они отнюдь не разбили его, — они даже ни на минуту не ослабили его деятельности. Этот Отряд еще до ареста названных лиц вобрал в свой состав целый ряд новых добровольцев и завязал обширные связи с людьми, которые доставляли сведения, могущие быть полезными для боевой деятельности Отряда. Это дало возможность еще при Зильберберге построить планы нескольких грандиозных предприятий: открытого вооруженного нападения на Зимний Дворец с целью убийства Столыпина, — во время прогулок последнего в дворцовом садике; взрыва поезда вел. кн. Николая Николаевича, — тогда командующего войсками петербургского военного округа, а позднее, в 1914—15 г. г., главнокомандующего русскими армиями, — и ряда других. Связи, которые завязал Отряд, были настолько значительны, что появились основания рассчитывать на возможность в случае нужды добраться и до самого царя.

Из новых членов, вошедших в эти месяцы в состав Боевого Отряда, наиболее яркою фигурой был Бор. Ник. Никитенко. Лейтенант Черноморского флота, до 1905 г. он стоял в стороне от революционного движения, — хотя и был близок к революционерам по своим настроениям. Поворотным пунктом в его жизни было севастопольское восстание в ноябре 1905 г. Непосредственного участия в нем Никитенко не принимал. Минный транспорт «Дунай», на котором он тогда служил, к восстанию не примкнул, и Никитенко пришлось даже, правда, пассивно, выступить на стороне защитников власти: он был назначен начальником того отряда, которому было поручено занять один из восставших кораблей, крейсер «Очаков», после того, как последний, разгромленный огнем береговых батта-

рей, сдался на волю победителя. Никитенко первым взошел на палубу мятежного корабля, и картина, которую он увидел, никогда не была им забыта: вся палуба была залита кровью и «покрыта ранеными и убитыми, с вывороченными внутренностями, с оторванными руками и ногами». Человеческие нервы в те годы острее реагировали на подобные впечатления, — чем теперь, после кровавых кошмаров лет мировой и гражданской войны. У Никитенко дело доходило даже до галлюцинаций, — и именно эти впечатления заставили его бросить военную службу и принять решение о присоединении к активно действующим революционерам.

Вскоре случай свел Никитенко с членами Боевой Организации: устроители побега Савинкова из севастопольской тюрьмы отправляли последнего за границу на парусном боте. Это был единственный сравнительно безопасный способ вывезти его из оцепленного войсками города, властям которого из столицы было предписано во что бы то ни стало поймать беглеца и его пособников. Для руководства этой экспедицией был нужен опытный моряк, так как предстоял большой переход открытым морем. Никитенко с готовностью взялся за это предприятие и блестяще довел его до успешного конца: несмотря на бурю, которая их захватила в открытом море, он довел небольшой парусный бот до одного из румынских портов, — и даже сумел благополучно вернуться назад, так что вся эта его поездка осталась совершенно неизвестной для властей. Во время этих скитаний Савинков и Зильберберг имели возможность близко узнать и правильно оценить Никитенко, а потому естественно, что когда в конце 1906 г. Никитенко предложил себя в распоряжение Боевого Отряда для работы в терроре, Зильберберг принял его с распростертыми объятиями.

Проживавший в Петербурге вполне легально в качестве лейтенанта флота в отставке, совершенно не скомпрометтированный в глазах полиции, Никитенко был настоящей находкой для террористической орга-

низации. Его положение позволяло ему проникать в такие круги, о доступе в которые обычные члены террористических групп не могли и мечтать. Достаточно сказать, что он имел возможность бывать в Английском клубе, членом которого состоял и в котором нередко запросто бывал вел. кн. Николай Николаевич, — тот самый, имя которого стояло на одном из первых мест в списке намеченных жертв Боевого Отряда. Никитенко легко мог совершить убийство этого великого князя и сделал соответствующее предложение партии. Но руководители боевой работы наложили свое вето на это предприятие: смелый и предприимчивый, с большой выдержкой и инициативой, Никитенко быстро выдвигался в качестве идеального кандидата на роль террориста-руководителя, — и его берегли для такой именно работы.

Высокая оценка личности Никитенко как его товарищами по Отряду, так и сталкивавшимся с ним представителями центральных учреждений партии была причиной того, что после ареста Зильберберга функции организатора-руководителя Отряда перешли к нему, — хотя он и был одним из самых молодых членов Отряда, как по возрасту (ему в это время было всего 22-23 года), так и по революционному стажу.

Самым трудным и сложным из всех дел, которые теперь легли на его плечи, было «дело царя».

Начато это дело было еще при Зильберберге. Среди сочувствующих партии и желавших оказывать помощь ее террористическим группам, с которыми Зильберберг завел связи, имелся некто Вл. А. Наумов, — сын начальника дворцовой телеграфной конторы в Новом Петергофе. Знакомства с ним Зильберберг искал для получения сведений о времени поездок Столыпина и вел. кн. Николая Николаевича к царю. Но во время разговоров выяснилось, что Наумов может сообщить целый ряд сведений и о самом царе, — об его образе жизни и привычках, о внутренних распорядках во дворцах, о времени царских прогулок. Он рассказал, что знает одного казака из царского конвоя, ко-

торый сочувствует деятельности революционеров. Из этих рассказов как будто бы следовало, что есть возможность организовать покушение против царя. Наумов намечал даже несколько пробных планов, которые по его мнению обещали успех. Конечно, все это были только отрывочные мысли, которые должны были подвергнуться проверке и разработке. Но они, — казалось, — давали ряд зацепок для поисков в соответствующих направлениях.

Вопрос, перед которым эти сообщения поставили Зильберберга, был весьма сложен. Разговоры об устранении царя среди деятелей боевых групп велись уже давно, но никаких конкретных шагов в этом направлении партия до сих пор не предпринимала. Старое решение, принятое руководящими учреждениями партии еще в 1902 г., при создании Боевой Организации, формально оставалось в силе: партия считала такое покушение несвоевременным и запрещала Боевой Организации поднимать руку на царя. Но за те пять лет, которые прошли после принятия этого решения, общая обстановка радикально изменилась. В 1902 г. царь почти не был вовлечен в политическую борьбу. Только немногие были осведомлены о том, что такое он представляет из себя в действительности. В широких слоях крестьянства еще твердо жила вера в «царя-батюшку», который желает добра своему народу, — и начинавшее пробуждаться недовольство было направлено исключительно против представителей власти во главе с министрами, которые не позволяют довести до сведения царя действительную правду о страданиях народных. В своей агитации революционерам приходилось считаться с подобными настроениями и избегать резких нападок непосредственно на царя. Даже в 1905 г. нередко бывали случаи, когда собрание, сочувственно слушавшее революционные речи об общих порядках в стране, прерывало оратора криками, когда он переходил к роли самого царя: «ты царя не замай!» Тем более была реальной опасностью, что нападение террористов на царя будет непонято народом и может

оттолкнуть от революции колеблющиеся элементы. Но после 1902 г. много воды утекло. События 1905-06 г.г. перед лицом всего народа втянули царя в непосредственную борьбу и сделали его в глазах масс лично ответственным за все то, что творили его именем министры. Сделала огромные успехи и антимонархическая агитация, — и специально агитация, направленная лично против Николая II. В частности, партия социалистов-революционеров еще осенью 1904 г., вскоре после убийства Плеве, приняла решение так строить свою агитацию, чтобы политически подготавливать возможность террористического удара и против царя лично. На рубеже 1906-1907 г.г. в партии многие считали, что почва для такого удара уже подготовлена, — что вопрос о цареубийстве уже не вопрос политический, а только чисто технический, и что если возможность для деятельности в этом направлении открывается, партия ни в коем случае не должна упускать представляющегося ей случая.

Во всяком случае решить этот вопрос своею властью Зильберберг, конечно, не мог и обратился за руководящими указаниями к тому члену Центрального Комитета, который был официальным представителем последнего по сношениям с Отрядом, — к П. П. Крафту. Последний совещался с некоторыми из членов Центрального Комитета, — с В. М. Черновым и, повидимому, Натансоном. Все они сошлись на том, что вопрос о царе действительно назрел, но немедленное выступление против него все они признали по тактическим соображениям невозможным: в это время шли выборы во вторую Госуд. Думу, дававшие победу левым партиям. Партия социалистов-революционеров на этот раз официально принимала участие в выборах и уже было ясно, что в будущей Думе она будет представлена довольно значительной фракцией. Заседать в Думе и одновременно организовать убийство царя партия, конечно, не могла: это поставило бы партию в совершенно невозможное положение. Но за то все считали, что в случае нового разгона Думы, — а он

казался почти неизбежным, — удар против царя был бы и политически целесообразен и больше чем своевременен, а потому заранее подготовить возможность такого удара казалось весьма и весьма полезным. В виду всех этих соображений в Центральном Комитете возбужденный Зильбербергом вопрос, насколько удастся установить, официально не был даже и поставлен, но Зильбербергу были даны указания о желательности и необходимости возможно шире развернуть работу по собиранию сведений, могущих быть полезными для организации в будущем выступления против царя. Работа эта должна была состоять только в одном собирании сведений: было совершенно определенно оговорено, что никаких активных действий в этом направлении Отряд предпринимать не имел права без особого и прямого о том указания со стороны Центрального Комитета.

В таком положении находилось это дело, когда Отряд перешел под руководство Никитенко. Сложность задач, которые стояли перед ним, повидимому, смущали последнего: ведь кроме собирания сведений о царе он вел дела против Столыпина и вел. кн. Николая Николаевича, каждое из которых, взятое в отдельности, представляло бóльшие трудности, чем в свое время дела Плеве и вел. кн. Сергея. Поэтому понятно, что он с особенной радостью ухватился за возможность посоветываться со «старым» и умудренным опытом» вождем Боевой Организации, — с только что прибывшим из-за границы Азефом. Свидание их состоялось в Финляндии в самом конце февраля или даже в начале марта 1907 г. Никитенко посвятил Азефа во все подробности работы Отряда, ознакомил с его силами и планами. Он хотел, чтобы Азеф вообще взял Отряд под свое руководство. Последнее предложение Азеф решительно отклонил. Помимо общих соображений, по которым он вообще отказывался от участия в террористической работе, для данного случая он выдвинул и специальный довод: члены Отряда, — заявил он, — набранны не им; некоторые из них лич-

но ему совсем неизвестны, а при таких условиях он не может нести ответственности за то, что в состав отряда не пробрался агент-provokator. Такую ответственность, — говорил он, — он может брать на себя только тогда, когда сам пропускает через свой контроль весь состав Отряда. В этом была доля истины: разбираться в людях он действительно умел не плохо. Но в данном случае за оговорку о провокации он предусмотрительно прятался потому, что уже в это время предназначал весь Отряд на гибель. Отказавшись взять Отряд под свое ведение, Азеф, как передают биографы Никитенко, не отказался однако от дачи некоторых советов начинающему работнику боевого дела, — и одним из особенно подчеркнутых им советов был совет усилить разведочную работу против царя. В частности он советовал как можно теснее связаться с тем конвойным казаком, связь с которым была установлена через В. А. Наумова.

Никитенко последовал этому совету, хотя ему, — как свидетельствуют некоторые из его тогдашних товарищей по работе, — казак не казался особенно внушающим доверие: в качестве офицера он лучше знал военную среду и, повидимому, чувствовал какую то фальшь в его поведении, о котором он знал только по рассказам.

И действительно — этот казак, — его фамилия была Ратимов, — сыграл роковую роль в судьбе и всего Отряда в целом, и Никитенко лично: он действовал по поручению своего начальства в качестве агента-подстрекателя. Силач и красавец, большой любитель выпить, он принадлежал к тому типу разбитных гвардейских солдат, которых совсем разлагала сытая жизнь среди столичных соблазнов. Этот тип хорошо известен всем, кто вел революционную работу в войсках: представители его могли вести разговоры на любые темы, умели прикидываться понимающими и сочувствующими различным прогрессивным идеям, так как нахватывались обрывков различных мыслей, — но они никогда ничего не имели за душой, — ни веры, ни убеждений,

— и готовы были продать всех и каждого, если только эта продажа обещала принести им материальные выгоды.

Именно так поступил и Ратимов. Увидев из первого же разговора с Наумовым, что он имеет дело с революционером, и зная, что начальство обещало награды за выдачу таких революционеров, Ратимов прикинулся сочувствующим и втерся в доверие к Наумову, брал от него революционные прокламации, утверждал, что передает их своим товарищам, — а затем, спустя некоторое время, доложил о своем новом знакомом по начальству. Сообщение это пошло по инстанциям и добралось до начальника царской охраны, жанд. полк. Спиридовича. Последний был учеником Зубатова и большим специалистом полицейского сыска, — и к тому же горел желанием выслужиться на своем новом посту, столь близком к источнику всех материальных благ, — к царскому трону. По закону он должен был немедленно же арестовать Наумова и предать его суду за попытку ведения революционной пропаганды. Но в этом случае Наумов отделался бы годом-двумя крепости, — и Спиридовичу это дело не принесло бы никаких выгод. Больше выгод обещал другой путь: Ратимов получил инструкции поддерживать знакомство с Наумовым, стараясь выведать подробности его планов и, конечно, обо всем сообщая Спиридовичу. Одновременно за Ратимовым было организовано наблюдение агентами дворцовой охраны.

Около полугода шло такое наблюдение, не давая никаких особенных результатов, — а затем сведения от казака столкнулись с более важными сведениями от Азефа.

Почти немедленно после своего свидания с Никитенко Азеф информировал Герасимова о составе и планах Отряда, сообщив при этом в общей форме, что Отряд «завязал какие то связи с царским конвоем». На это последнее обстоятельство Азеф рекомендовал обратить особое внимание, так как по его заявлению вопрос о цареубийстве в Центральном Комитете уже

был решен в положительном смысле и Отряду уже были даны инструкции немедленно же перейти к активным действиям.

Его сведения дали возможность Охранному Отделению установить наблюдение за Никитенко и другими членами Отряда. Довольно быстро удалось проследить их сношения друг с другом, но нить, тянувшуюся от Отряда к царскому двору, поймать не удавалось. Герасимов рассказывает, что он уже предполагал ликвидировать отряд в порядке арестов и административных высылков, так как не видел возможности быстро собрать материал, достаточный для предания суду, и в то же время опасался, как бы Отряд не перешел к активным действиям, удачно ускользнув от внешнего наблюдения. Но именно в этот момент дворцовая охрана посвятила Герасимова в тайну своих сношений с казаком-предателем: этот последний, наконец, добился своего и вошел в непосредственные сношения с членами Отряда, которые вели с ним разговоры о том, как возможно добраться до царя. Теперь аресты, производимые на основании его рассказов, давали возможность создать процесс не только о простом распространении революционных прокламаций, а потому Спиридович выкладывал свои карты на стол. Сличение этих карт с теми, которые имел у себя на руках Герасимов, создавало в достаточной мере цельную картину.

Герасимов непосредственно повидался с казаком-предателем. Этот последний не произвел на него впечатления надежного и добросовестного свидетеля: он явно преувеличивал, рассказывая о клятвах на евангелии, которые с него брали революционеры, и драпируясь в тогу спасителя царя. Такое же впечатление ненадежности этот казак производил и на Спиридовича, который после первого же свидания с ним решил, что имеет дело с «плохим солдатом, который хитрит и не говорит правды». Тем не менее при надлежащей обработке этот казак был вполне пригоден для роли свидетеля на суде.

Собранные таким образом результаты были представлены на усмотрение Столыпина: вопрос имел слишком большое политическое значение, чтобы полиция могла решать его по своему усмотрению. Столыпин быстро понял, какой благодарный для его политических планов материал давала ему судьба, и обеими руками ухватился за мысль создать громкий процесс о «заговоре против царя». Вторая Государственная Дума к этому времени уже собралась. По своему составу она была даже более левой, чем разогнанная первая. Столыпин с самого начала взял курс на новый разгон и изменение основных законов. Нужно было вести соответствующую политическую подготовку, а процесс о «заговоре против царя» был как нельзя более пригоден для компрометации Думы в глазах царя и монархически настроенных слоев населения: ведь этот «заговор» был организован той самой партией социалистов-революционеров, которая имела свыше 30 своих официальных представителей в Думе.

Решение о создании процесса было принято и Герасимову поручено было как можно скорее закончить подготовительную работу. Это не составило большого труда. Казак имел одно или два дополнительных свидания с представителями Отряда и вел с ними разговоры на нужные темы, а после свиданий являлся к Герасимову с обстоятельными докладами. Агенты наружного наблюдения, предупрежденные о таковых свиданиях, дежурили в назначенных местах и регистрировали встречи казака с террористами: этим путем создавались свидетели второго разряда, которые должны были на суде подтверждать факт таковых встреч. Сознательно готовили и «документальные» улики: террористы просили казака посылать им условные телеграммы относительно сроков приездов к царю Столыпина и вел. кн. Николая Николаевича, — только эти два дела и стояли перед Отрядом, как вполне конкретные боевые задачи. Казак все время уклонялся от выполнения этих просьб, — но в последний момент, накануне намеченного дня ареста террористов, две та-

кие телеграммы он отправил, и эти телеграммы фигурировали позднее на суде в качестве наиболее тяжелых улик. Так как сведения, в этих телеграммах сообщенные, — это было установлено на том же суде, — не соответствовали действительности, то единственный смысл их посылки мог состоять и действительно состоял в том, чтобы играть роль таких улик во время подготовляемого процесса.

Когда собранный материал показался достаточным, казаку было предложено написать соответствующее официальное заявление. Герасимов проредактировал это заявление, — и дал ему ход. В ночь на 14 апреля были произведены аресты. Всего было захвачено 28 человек, — членов Боевого Отряда и лиц, с ними связанных. Только очень немногим удалось ускользнуть из расставленных сетей. Основное ядро Отряда на этот раз было взято почти все в полном составе.

Предварительное следствие принесло неожиданно радостный подарок инициаторам процесса: один из арестованных, — тот самый Наумов, который первым завел знакомство с казаком, — увидев, что он предан, и узнав, что ему грозит смертная казнь, упал духом и сделал «откровенные признания», оговорив остальных арестованных. Он был случайным человеком в боевой работе и психологически не был готов к тому концу, к которому должен был подготовить себя каждый, кто вставал на путь террора. А следователи, которые вели допросы, обещали ему спасение жизни, — в качестве награды за улики против других. Эти показания, конечно, во много раз усилили позицию обвинения.

Верный своему плану, Столыпин немедленно же использовал эти аресты для политической демонстрации. По соглашению с ним, реакционеры-депутаты Госуд. Думы внесли в последнюю запрос, прося правительство сообщить им подробности относительно «заговора против царя», слухи о котором тревожат их верноподданические чувства. Столыпин немедленно же дал ответ, весьма демагогически использовав все выгодные для него моменты. В его изложении дело состояло не

только в том, что велось предварительное собрание информационного материала. Он утверждал, что Боевой Отряд, по прямому поручению Центрального Комитета, вполне конкретно вел подготовку покушения на царя. В исключительно тяжелое положение были поставлены социалисты-революционеры депутаты Думы: если партия, к которой они принадлежали, действительно занималась организацией покушения на царя, то во всяком случае *политическая* ответственность за это ложилась и на них, официальных представителей партии в Думе. Сами они непосредственного отношения к Боевому Отряду, конечно, не имели и в его планы посвящены не были. Запрошенный ими представитель Центрального Комитета партии, В. М. Чернов, который в этот момент случайно находился в помещении фракции, категорически опроверг утверждение Столыпина относительно подготовки покушения на царя. Основываясь на этом заявлении, представитель фракции социалистов-революционеров, депутат Ширский, с думской трибуны опроверг утверждения Столыпина, но его слова звучали недостаточно четко и убедительно. Столыпину удалось внести смущение в ряды умеренно-прогрессивных фракций Думы и добиться принятия монархической резолюции.

Это было несомненной победой Столыпина. Но поскольку он думал не только о резолюции Госуд. Думы, а и о создании монархических настроений в стране, постольку ему пришлось пережить жестокое разочарование: попытки монархических организаций инсценировать «бурю патриотического негодования» в стране потерпели полный крах. Манифестации, организуемые ими при активной поддержке властей, носили чисто казенный характер и не находили никакого отклика в широких слоях населения. Известие о том, что на жизнь «обожаемого монарха» готовилось покушение, в лучшем для монархистов случае встречалось с пренебрежительным равнодушием. Совсем нередки были случаи, когда можно было уловить ноты прямого сожаления по поводу того, что планы террористов

не получили осуществления. И именно этот итог политически был самым главным: если до монархической шумихи вокруг «заговора против царя» еще можно было опасаться, что удар против царя вызовет взрыв монархических настроений в стране, то теперь становилось несомненным, что для подобных опасений нет оснований. В психологии масс почва для царубийства уже была подготовлена.

Из арестованных 18 человек были преданы военному суду. Дело разбиралось в конце августа. Обвинение главное внимание сосредотачивало на вопросе о царе. В виду позиции, занятой Центральным Комитетом, положение подсудимых политически было крайне трудным: они должны были согласовать свои выступления с позицией Центр. Комитета и потому не могли с нужной силой защищать свои политические позиции против нападков обвинения.

Приговор, конечно, был предрешен. Правда, на суде Наумов взял обратно значительную часть своих оговоров. Но это мало помогло другим, — за то себя самого Наумов этим своим поведением погубил: оно дало предлог для неисполнения обещания сохранить ему жизнь*), — и он, вместе с Никитенко и еще одним подсудимым, быв. студентом Синявским, был приговорен к смертной казни. Этот приговор был приведен в исполнение 3 сентября 1907 г. Ряд других подсудимых пошел на каторгу и в ссылку.

«Героем» во время процесса был Герасимов. Под предлогом опасности, которая якобы ему грозит со стороны революционеров, он отказался явиться на суд для дачи показаний. Тогда суд в полном составе выехал к нему, в Охранное Отделение. Его приветство-

*) Если раньше могли существовать сомнения относительно действительных мотивов казни Наумова, то после появления воспоминаний Спиридовича все такие сомнения должны отпасть. Из текста этих воспоминаний с несомненностью следует, что Наумова помиловали бы, если бы он согласился и на суде помогать обвинению топить остальных подсудимых (см. General A. Spiridovitch: „Les dernières années de la Cour de Tzarskoïe-Selo», Paris, 1928, p. 172)

вали, как человека, который спас жизнь царю, — и через несколько дней после казни Никитенко и его товарищей царь по собственной инициативе и вне всякой служебной очереди пожаловал ему генеральские эполеты. О закулисной работе, которая подготовила процесс, царь, конечно, ничего не знал, — но усердие деятелей политической полиции он всегда считал нужным поощрять: такова была старая традиция дома Романовых.

ГЛАВА XVI

Восстановление Боевой Организации

Герасимов и Азеф приняли все меры для того, чтобы скрыть роль Азефа в деле ареста Отряда Никитенко. После своего первого свидания с этим последним, Азеф стал уклоняться от каких-либо сношений с представителями этой группы, а незадолго до намеченного Герасимовым дня ареста последний вообще уехал из Петербурга, — в Крым, под предлогом необходимости дополнительно там подлечиться*). Во время следствия и суда не было использовано ни одного указания, полученного от Азефа: сообщения последнего не были известны даже следователям и прокуратуре. Все обвинение было построено исключительно на показаниях казака-предателя и на данных наружного наблюдения, которое якобы было начато в результате поступившего от этого казака заявления.

Благодаря этим мерам в революционных кругах никаких подозрений на Азефа в связи с делом Ники-

*) Эту свою поездку в Крым Азеф, впрочем, тоже использовал и для полицейских целей: во время нее он «осветил» для Герасимова боевую деятельность социалистов-революционеров в Крыму и дал материал для больших арестов там весной 1907 г. Крымские социалисты-революционеры в то время планировали покушение против вел. кн. Николая Николаевича во время предполагавшегося приезда последнего туда на весенний отдых, и в этой связи поддерживали сношения с отрядом Никитенко. Этим и объяснялся специальный интерес Герасимова к Крыму.

тенко не пало. И тем не менее тучи над головою Азефа сгущались: угроза разоблачения подошла вплотную.

События 1905-06 г. г., до самых устоев поколебавшие здание старого режима, внесли расстройство и в аппарат политической полиции. Появился ряд крыс, которые желали бежать с осужденного на гибель корабля, — и все чаще и чаще начали находиться разоблачители, снимавшие покровы с разных секретов полицейского подполья. А так как об Азефе и его роли в партии социалистов-революционеров в полицейском мире разговоры шли сравнительно широко, то только естественно, что от целого ряда таких добровольцев-разоблачителей стали поступать и более или менее определенные указания относительно таинственного агента-provokatora, который пробрался в самый центр партии социалистов-революционеров. Л. П. Меньшиков, — автор того письма с разоблачением роли Азефа и Татарова, которое было получено социалистами-революционерами в сентябре 1905 г., — правда на время прекратил свои попытки разоблачительной деятельности: он знал, как отнеслись к его указанию относительно Азефа в партии и считал бесполезными дальнейшие предупреждения. Но не он один готов был выступать в роли разоблачителя. Добровольцы находились также и в ряде других городов, и количество сообщений о роли Азефа, — более или менее точных, более или менее определенных, — постепенно увеличивалось. Но подавляющее большинство из них поступало к представителям партии, которые передавали их в Центральный Комитет, а все члены последнего питали к Азефу, полное, ничем не поколебимое доверие: мысль о том, что организатор убийств Плеве и вел. кн. Сергея может быть полицейским агентом, казалась настолько нелепой, что на все предостережения против Азефа в Центральном Комитете не обращали никакого внимания. О своем доверии к Азефу Савинков позднее говорил: «мое доверие к нему было так велико, что я не поверил бы даже доносу, написан-

ному его собственной рукой: я счел бы такой донос подделкой.» И таково было настроение не одного только Савинкова, — а всех членов Центрального Комитета вообще.

Но не все добровольцы-разоблачители обращались к представителям партии. Некоторые искали иных путей. Один из них, — некто М. Е. Бакай, — со своими рассказами адресовался в редакцию исторического журнала «Былое», который тогда выходил в Петербурге, и завязал сношения с одним из редакторов последнего, с В. Л. Бурцевым. Прошлое этого гостя было далеко не безупречным. За несколько лет перед тем он входил в состав революционной организации в Екатеринославе; будучи арестован, выдал всех, кого знал, и сделался секретным сотрудником полиции; вскоре его разоблачили, — и тогда он открыто поступил на службу в политическую полицию; начальство было довольно его работой, он несколько раз получал награды и повышения и к моменту своего первого визита в редакцию «Былого» занимал место чиновника особых поручений при Охранном Отделении в Варшаве. Бурцеву он с самого начала заявил, что никаких материальных выгод для себя он не ищет: он на хорошем счету у начальства и в материальном отношении вполне обеспечен. Но то, что он видел за время своей полицейской службы, внушило ему такую ненависть к правительству, что теперь он стремится только к одному: иметь возможность помогать революционерам.

Бурцев не сразу поверил в искренность обращения этого Савла. Все рассказы последнего он подвергал тщательной проверке. Но во всех случаях, когда такая проверка была возможна, результаты ее были самыми благоприятными для Бакай: все сообщаемые последним факты находили полное подтверждение. Ряд его сообщений имел большое политическое значение. Он достал секретный доклад, который официально устанавливал факт организации полицией анти-еврейского погрома в Седлеце. Он разоблачил историю пыток и бессудных расстрелов, которые при-

менялись в Варшавском Охранном Отделении. Он сообщил обширный список полицейских агентов, которые входили в состав польских революционных организаций. Все эти сообщения были вполне точны. Все свидетельствовало, что Бакай вполне искренне рвал со своим прошлым — и дальнейшее показало, что так оно и было в действительности: по совету Бурцева, он вышел в отставку и приступил к составлению воспоминаний-разоблачений; выданный Азефом, он вскоре был арестован и выслан в Сибирь, бежал оттуда за границу, где вновь давал Бурцеву материалы для разоблачения полицейских тайн; позднее он окончил высшее учебное заведение и в настоящее время работает инженером во французском Конго.

В таких условиях с доверием приходилось отнестись и к тому основному, что имелось в рассказах Бакая: к его сообщению о таинственном полицейском агенте, который стоит в самом центре партии социалистов-революционеров. Сам Бакай этого агента никогда не видел и настоящей фамилии его не знал (он знал только его полицейский псевдоним: «Раскин»), но ему был известен целый ряд деталей об его деятельности, и он теперь все их сообщил Бурцеву.

Бурцев был старым революционером, близко стоял к партии социалистов-революционеров и лично знал всех главных руководителей этой партии. Если сообщение Бакая было верно, — а все говорило за то, что оно верно, — то агентом-provокатором должен был быть кто-нибудь из их среды. Но сколько не перебирал их всех Бурцев, он ни на ком не мог остановить свои подозрения: все они так давно были в рядах революционеров, имели такие большие заслуги перед движением, что самая мысль о возможности заподозрить кого-либо из них казалась почти оскорбительной. В течении нескольких месяцев Бурцев бился, как в порочном кругу: с одной стороны, казалось несомненным, что среди данной небольшой группы людей предателя быть не может, — а с другой, он знал, что такой предатель среди них все же имеется.

Как это часто бывает, подозрения Бурцева по правильному адресу направил случай: во время одной из своих прогулок по людным улицам Петербурга он увидел Азефа, который не скрываясь ехал по улице на открытом извозчике. Это было поздней осенью 1906 года. Аресты в это время шли полным ходом, и всем мало-мальски крупным представителям революционных партий приходилось тщательно скрываться от полиции. И вот в это то время Азеф, — роль которого в Боевой Организации Бурцеву была известна, — считает возможным не считаться с самыми элементарными требованиями конспирации.

Это сразу же навлекло на себя подозрения Бурцева, который в это время уже искал таинственного предателя. Но в начале он не заподозрил самого Азефа: как и другие, он в начале не мог допустить мысли о том, что всей террористической работой партии руководит агент полиции, — и думал, что предателем является кто-то из людей, близких Азефу, который пользуется последним, как ширмой, — и для этой цели отводит от Азефа удары полиции. Под влиянием этой догадки Бурцев стал перебирать в уме все, что ему было известно об Азефе и его ближайших друзьях: кто из них может быть тем таинственным «Раскиным», про которого ему рассказывал Бакай? «И как то неожиданно для самого себя, — рассказывает Бурцев в своих воспоминаниях, — я задал себе вопрос: да не он ли сам этот Раскин?» Мысль эта казалась чудовищной, но отделаться от нее Бурцев уже не смог: «она, как навязчивая идея, всюду преследовала меня.» Почти невольно он начал под соответствующим углом пересматривать все, что ему было известно об Азефе и о Боевой Организации, — и «нередко я должен был признаваться самому себе, что чем больше я отмахивался от обвинения Азефа, тем оно делалось для меня все более и более вероятным».

Так появился человек, который первым в революционном лагере поверил в предательство Азефа — и

начал борьбу в целях разоблачения последнего. Для Азефа это было началом конца.

О подозрениях Бурцева Азеф узнал довольно скоро и при помощи Герасимова старался лишить его источников информации о секретах полицейского мира. Но в то же время он использовал эти подозрения и для другой цели: можно считать бесспорным, что именно с этого времени, — вскоре после провала Отряда Никитенко, — Азеф перестает быть полностью откровенным с Герасимовым и начинает многое скрывать от него, — даже из того, что непосредственно относится к боевой деятельности партии. На вопросы Герасимова он все чаще и чаще отговаривается незнанием, — и решительно отказывается наводить справки, ссылаясь на то, что под влиянием кампании Бурцева многие стали относиться к нему с подозрением и его распросы неизбежно поведут к полному провалу.

Для Герасимова этот последний довод был вполне убедителен. История с кампанией против Столыпина и дело с «заговором на царя» с такой убедительностью показали, какие особо важные услуги полицейскому розыску может приносить Азеф, что значение последнего в глазах Герасимова поднялось на огромную высоту. Задача «бережения Азефа» стала в его глазах одной из главнейших задач охранной политики, и он ни в коем случае не был склонен толкать Азефа на рискованные шаги, а скорее был даже готов давать ему советы не размениваться на мелочи и беречь себя для особо важных дел, — для предупреждения террористических актов центрального значения.

Тем более, что возможность возникновения таких «особо важных дел» с каждым днем становилась все более и более вероятной.

Основное свое внимание в области партийной работы после возвращения в Россию в феврале 1907 г. Азеф сосредоточил на обще-организационных делах: руководил издательской деятельностью, налаживал склады литературы, ставил транспорт ее в провинцию.

В конце концов ни на какую другую работу он и не был способен: не литератор, не оратор, без интереса к теоретическим вопросам, он не годился и для роли организатора, имеющего дело с живыми людьми, так как за последние годы в нем развились диктаторские замашки, которые отталкивали от него всех мало-мальски самостоятельных людей и с которыми мирись, как с неизбежными недостатками, только те, кто давно и хорошо его знал и высоко ценил за прошлое. Не малую роль в выборе работы играли для Азефа и соображения совершенно иного порядка: расходы на издательскую деятельность, которую Азеф брал под свой контроль, были наиболее крупной статьей партийного бюджета, — после расходов на боевую деятельность, — а Азеф всегда любил иметь дела с крупными суммами партийных денег.

Любовь к таким крупным суммам заставила его в этот период заинтересоваться и различными источниками пополнения партийной кассы; именно в это время им был выдвинут план печатания для этой цели фальшивых денег, — план, который не получил движения не из-за отсутствия у Азефа доброй на то воли*).

Работе этого рода Азеф отдавался с большим усердием, — хотя и без большой пользы для партии. Но для всех было ясно, что она — только временное для него занятие и что на очереди стоит вопрос о возвращении его к его «главной специальности», — к боевой деятельности.

Общее политическое положение с каждым днем становилось все более и более безотрадным. Реакция праздновала свою полную победу. Все надежды на то, что правительство пойдет на уступки хотя бы умеренно-либеральным слоям общества были окончательно

*) Переговоры по этому вопросу Азеф вел с А. С. Турба (расстрелян в сентябре 1918 г. большевиками в Вологде вместе с рядом других социалистов-революционеров), который был хорошим специалистом типографского дела и в тот период руководил легальными типографиями партии.

но изжиты. Вслед за делом о «заговоре на царя», — с тою же целью подготовки разгона Госуд. Думы, — было создано дело о «заговоре социал-демократической фракции» этой Думы, которую обвиняли в том, что она якобы готовила вооруженное восстание. На этот раз основание для разгона Думы было признано достаточным и 16-го июня 1907 года она была распущена. Одновременно был изменен избирательный закон, — в направлении отстранения демократических слоев населения от участия в выборах членов Государственных Дум. Параллельно росли репрессии.

Гершуни, который немедленно же после своего возвращения в ряды партии начал вести кампанию за необходимость основное внимание сосредоточить на террористической борьбе, встречал все больше и больше сочувствия. Он доказывал, что пришло время для нападения на «центр всех центров», т. е. на самого царя, личная роль которого теперь уже ни для кого не представляла тайны.

Принципиальный вопрос о необходимости отмены старого решения и о признании допустимости выступления против царя в Центральном Комитете партии социалистов-революционеров формально поставлен был немедленно же после разгона второй Государственной Думы. Обсуждался он на собрании, которое состоялось в Финляндии, — кажется, в Выборге. Это собрание не было многолюдным. Наверняка на нем присутствовали Натансон, Гершуни, Чернов, Азеф, — возможно, также и Ракитников с Авксентьевым. Заседание, как обычно тогда бывало, вел Натансон. Он тоже считал, что вопрос о цареубийстве назрел и во время предварительных разговоров на эту тему высказывался в положительном смысле, — за то, что партия должна взяться за это дело. Но теперь, считая необходимой крайнюю осторожность при решении ответственного вопроса, он взял на себя функции противника цареубийства и пытался подыскивать аргументы, которые могли бы говорить против такого выступления. Заседание превратилось главным об-

разом в диалог между ним и Гершуни. Со щепетильной осторожностью Натансон перебирал все те доводы, которые заставляли партию в прошлом быть против цареубийства: вера крестьян в «царя-батюшку», настроение колеблющихся элементов, настроения в армии, опасения дать выигрышный козырь в руки реакции... Но в ответ на каждое его замечание Гершуни приводил целый ряд фактов, которые свидетельствовали, что все эти доводы, столь веские еще в недавнем прошлом, теперь потеряли всякое значение. и с запальчивой страстностью доказывал, что после опыта восстаний 1905 г. и двух Дум есть аргументы только за цареубийство, но нет ни одного *против*.

Чернов все время секундировал Гершуни, полностью поддерживая его. С ними были и все остальные участники собрания, — если таковые имелись. Натансона во всяком случае никто не поддерживал.

Азеф активного участия в прениях не принимал и только изредка бросал реплики в поддержку Гершуни. Общее мнение его было известно: в это время он не скрывал своего «глубокого убеждения, что только цареубийство может изменить создавшееся политическое положение, неудержимо развивавшееся в сторону реакции» (Н. И. Ракитников).

Его положение вообще было очень сложным. Он знал, что когда говорят о «походе на царя», то все имеют в виду его, как бесспорного кандидата на ведение этого предприятия. Об этом ему все время твердил Гершуни, который даже усилившиеся подозрения против Азефа приводил в качестве довода в пользу своего предложения: «дело против царя, успешно проведенное Боевой Организацией под руководством Азефа, заставит замолкнуть всех обвинителей и с полной наглядностью покажет, как глубоко ошибочны, даже преступны были их подозрения. И в то же время Азеф, — в этом нет никакого сомнения, — ясно понимал всю специальную опасность этого дела для него лично. Проектируемый поход против царя в создавшейся обстановке не мог не быть последним в

его многолетней двойной игре: если он допустит убийство царя, то его погубит полиция; если покушение не удастся, тогда подозрения революционеров превратятся в уверенность. Он стоял как на распутьи: направо поедешь — коня потеряешь, налево свернешь — самому не быть живу... И тем не менее двигаться вперед было необходимо: с одной стороны, его тянул Гершуни; а с другой, — в ту же сторону, хотя, конечно, и по совершенно иным мотивам, — подталкивал Герасимов.

Последний, по его рассказам, был подробно информирован Азефом о положении вопроса с царем. Специально совещался с ним Азеф и перед только что описанным решающим заседанием Центрального Комитета. Общие инструкции, которые Герасимов дал Азефу, сводились к следующему: Азеф должен был, — если это не вредило его положению в партии, — пытаться мешать положительному решению вопроса о цареубийстве (никаких попыток в этом направлении, — как видно из уже сказанного, — Азеф делать и не пытался); в случае же, если вопрос о цареубийстве будет решен в положительном смысле, Азеф должен был взять это дело в свои руки, чтобы изнутри парализовать работу восстанавливаемой Боевой Организации.

Заседание Центрального Комитета закончилось так, как оно и должно было при создавшемся положении закончиться: единогласно было признано, что вопрос о цареубийстве назрел и что партия должна взять на себя его организацию; для этого, конечно, должна была быть восстановлена Боевая Организация. Так как для этого последнего требовалось проведение предварительной работы, то окончательное вынесение решения по этому вопросу было отложено на осень.

Вскоре после этого заседания, — уже в начале июля 1907 г., — Азеф и Гершуни выехали за границу.

Своим пребыванием там они воспользовались для

ряда переговоров по вопросу о восстановлении Боевой Организации. Важнейшим этапом среди них были переговоры с Савинковым, имевшие место в конце августа в Швейцарии. Инициатива их принадлежала Азефу. Гершуни вообще очень невысоко ценил Савинкова, которого он впервые увидел за границей в самом начале 1907 г. «Я не знаю, чем он был, — говорил он тогда же Чернову, — я видел лишь, чем он стал. Мы можем считать, что его нет». Так оценивая Савинкова, Гершуни, — естественно, — не мог быть горячим сторонником привлечения его к руководящей работе в Боевой Организации. Мнение самого Азефа о Савинкове по существу было немногим лучше, чем мнение Гершуни. Его непригодность для руководящей работы в терроре Азеф превосходно видел. «Павел Иванович (псевдоним Савинкова), — говорил он в доверительных беседах, — черезчур импрессионист, черезчур невыдержан для такого тонкого дела, как руководство террором.» И тем не менее именно Азеф настаивал на том, чтобы были сделаны все усилия для привлечения Савинкова. У него были специальные причины для этого: выступая в трудный поход, где опасности грозили ему со всех сторон, он хотел иметь около себя человека, проницательности которого он мог не опасаться и на преданность которого он мог полностью положиться.

Переговоры с Савинковым не были успешными и вообще носили очень своеобразный характер: Савинков обеими ногами стоял на почве тех взглядов, которые ему за год перед тем внушил Азеф. Он искренне принял за чистую монету все те соображения о невозможности для террористов при старых методах работы преодолеть полицейскую охрану, которые ему были внушены согласованными усилиями Азефа и Герасимова, — и теперь только поражался непоследовательности Азефа, так быстро изменившего свою точку зрения. Положение Азефа в этом споре было не особенно завидным: Савинков все время бил его его же собственными аргументами, — и не удивительно,

что от деловых доводов по существу Азефу весьма быстро пришлось отступить на заранее у него заготовленные позиции соображений «морального порядка». Не имея возможности спорить против своих же собственных аргументов о том, что террор при старом уровне боевой техники не может быть успешным, он с особой силой настаивал на том, что «долг террориста при всяких обстоятельствах и при всяких условиях работать в терроре»; что особенно повелительным этот долг становится в периоды, подобные тому, который переживала Россия в тот момент разгула реакции, когда даже неудавшееся покушение имело бы моральное значение, показывая, что в стране еще не умер дух протеста. Именно поэтому Азеф звал делать новые террористические попытки, — как бы ничтожны не были шансы на практический успех.

Доводы эти, конечно, не могли убеждать. Савинков совершенно правильно отвечал Азефу, что он, — наоборот, — считает себя морально не в праве звать людей на борьбу, когда не имеет веры в возможность успеха, — когда есть все основания ждать, что их гибель будет бесполезной. С соображениями о необходимости дать какой-нибудь ответ реакции Савинков был согласен, — но для этого он предлагал пойти совсем иным путем и перейти к системе открытых нападений целых групп вооруженных террористов, совершающих свои набеги без предварительной подготовки старого типа, а исключительно на основании сведения, собираемых через посредство партийных организаций. Конечно, и для такой работы необходимо восстановление Боевой Организации, — но эта Организация должна быть совсем иного типа, чем старая: в нее должно входить несколько десятков человек, для чего должны быть мобилизованы все боевые силы партии.

Азеф и Гершуни с этими предложениями не согласились. Они стояли за старый тип построения Боевой Организации и за старый тип ее работы. В такой Боевой Организации Савинков участвовать отказался:

он неправильно понимал причины неудач своей боевой работы последних лет, — но он верно чувствовал, что все это время бился головой о стену, — и не был склонен продолжать эту безнадежную игру.

Обратно в Россию Азеф вернулся уже осенью, — в самом конце сентября или даже в начале октября. Штаб-квартира Центрального Комитета помещалась в Финляндии, — в Выборге. Вопросу о Боевой Организации было посвящено специальное заседание. На него приехал и Савинков, — для того, чтобы защитить свой план организации боевой работы партии. После столкновений зимы 1906—07 гг. его сильно не любили в Центральном Комитете и встретили больше, чем холодно. Азеф и Гершуни молчали, не снисходя до спора. Подавляющим большинством все предложения Савинкова были отвергнуты. Было решено восстановить Боевую Организацию в ее старом виде. Для руководства ею свои силы предложили Азеф и Гершуни. Так как многие не хотели отпускать Гершуни от участия в обще-партийной организационной работе, то было решено, что на первое время во главе Организации будет стоять один Азеф. Но всем было ясно, — как пишет один из участников этого заседания, Н. И. Ракитников, — что «как только ход подготовительных работ начатых Азефом, того потребует, Гершуни отдастся вполне террористической работе.» Не официально же Гершуни и теперь стал ближайшим обязательным советником Азефа относительно всего, что касалось боевой работы партии. Он не принимал участия в технике этой работы, не входил в непосредственные сношения с вербуемыми людьми. Но каждый свой шаг Азеф предпринимал только после совещания с Гершуни и только с его одобрения. Они вдвоем с этого момента и до отъезда Гершуни за границу (вызванного его болезнью) становятся главными руководителями всей центральной боевой работы партии.

В качестве основной, — едва ли даже не единственной, — задачи перед восстановленной Боевой

Организацией Центральный Комитет поставил дело царя. Строго законспирированная, она должна была вести только одно это дело, — не отвлекаясь в стороны других, относительно более мелких предприятий. Это не означало отказа от таковых. Наоборот, общая оценка положения, даваемая Центральным Комитетом, была такова, что заставляла его считать настоятельно необходимым всемерное развитие террористической борьбы, — и в соответствующем духе он дал свои инструкции. Но ведение всех этих остальных террористических предприятий центрального значения решено было сосредоточить в ведении Летучего Боевого Отряда «Карла», который с этого момента и формально перешел в ведение Центрального Комитета. Руководство этим отрядом со стороны Центрального Комитета было поручено Азефу и Гершуни.

ГЛАВА XVII

Летучий Боевой Отряд «Карла» и его гибель

Именно в этот период Азеф впервые вошел в непосредственные и тесные сношения с тем Летучим Боевым Отрядом «Карла», которому суждено было вписать последние трагические страницы в славную книгу о героической борьбе русских террористов-одиночек, — страницы, вся полнота трагизма которых особенно понятной становится только теперь, когда пред нами вскрываются закулисные стороны истории...

Осень 1907 г. несла начало тяжелой, мрачной полосы русской истории. Реакция торжествовала по всему фронту, с каждым днем захватывая все новые и новые позиции, — не только в мире политической борьбы, но и в общественной жизни, в литературе, в области личных настроений. Массовое движение было раздавлено. Под тяжестью репрессий согнулась деревня. Обессиленные прошлыми потерями и острым промышленным кризисом, молчали рабочие в городах. Совершенно прекратились политические демонстрации. Почти на нет сошла волна стачек. Стало ясно, что старый режим, — пусть только на время, — вышел победителем из схватки, — и это накладывало свою печать на настроения представителей тех групп, которые еще так недавно поставляли основные кадры активных деятелей различных революционных организаций. Еще недавно здесь безраздельно господство-

вали боевые настроения. Личные интересы отступали на задний план, — растворялись в интересах коллективного «я» ведущей борьбу революционной массы. Любая личная жертва во имя блага этого коллектива казалась и возможной, и легкой... Теперь этот коллектив распадался, — и личные заботы и интересы выступали на первый план. Еще вчера проблема личного устройства в жизни целиком сливалась с проблемой коллективной переустройства всей русской жизни вообще, — казалась небольшим частным случаем последней. Сегодня, забыв о задачах коллектива, каждый начинал сам по себе решать проблему своего личного устройства.

Это настроение было общим для всех социальных слоев, которые активно участвовали в революционной схватке. Многие и многие из наиболее деятельных рабочих, еще недавно целиком отдавшие себя на служение коллективу и думавшие только об интересах класса, теперь прилагали все усилия к тому, чтобы выбиться в мастера, завести собственную маленькую мастерскую, сдать экзамен на учителя и т. д. Многие и многие из революционеров-крестьян, которые еще вчера шли впереди остальных в борьбе за коллективное решение земельной проблемы, теперь спешили использовать новые законы, специально созданные для того, чтобы разбить единство крестьянского движения, и уходили из общины на хутора, все внимание сосредотачивая на заботах об укреплении своего индивидуального хозяйства.

С наибольшей силой этот уход в личную жизнь отразился в рядах революционной интеллигенции. Это было только вполне естественно. Моменты личного самоотречения всегда играли большую роль в настроениях представителей этого слоя. Перед многими из них всегда стояли широко раскрытыми двери для личного устройства, и не шли этим путем они исключительно потому, что не желали на него становиться. Теперь такое желание явилось, — и большинство из них стремительно ринулось в эти открытые двери.

Только очень немногие оставались на посту, стараясь в изменившейся обстановке и в изменившихся формах служить тому же делу, которому они служили раньше. Большинство уходило, — кто в науку, кто в работу по своей специальности, кто просто в личную жизнь. В лучшем случае люди оставались субъективно верны своим прежним идеалам, и на свой отход от революционной борьбы смотрели, как на временный, вынужденный обстоятельствами. Но обычно отход фактический был связан с отходом и идейным: встав на путь индивидуального решения проблемы личного устройства в жизни, люди искали оправдания своему поведению в идеологическом обособлении себя от коллектива, в теоретическом противопоставлении «прав личности» правам общества. Как сорная трава, бурно разрастались всевозможные сорта «индивидуализмов». И как неизбежное следствие, — в обстановке этого развала на смену старым ригористическим нравам революционной среды приходили настроения погони за удовольствиями и наслаждениями. Люди как будто бы стремились в этом отношении наверстать то, что ими было упущено за годы их участия в революционной борьбе. И в литературу, — печальной памяти литературу эпохи реакции, — мутной струей хлынула порнография... Создавалась обстановка, о которой поэт-сатирик тех лет так метко писал:

Разорваны по листику
Программки и брошюры,
То в ханжество, то в мистику
Нагие прячем шкуры.
Славься чистое искусство
С грязным салом половым!
В нем лишь черпать мысль и чувство
Нам, — ни мертвым, ни живым.

Таковы были типичные настроения тех дней. Но они не были всеобщими. Было не мало одиночек, которые не могли или не хотели идти вровень с уходящей волною. Одни были выбиты революцией из

нормальной колеи своей жизни и теперь не могли вернуться в нее, — если бы даже и хотели. Другие, более цельные и стойкие по натуре, не хотели сворачивать с раз избранного пути, — хотя порою и могли это сделать, — и в повальном дезертирстве других видели только лишний мотив для повышения своей собственной активности. А так как преодолеть растущую апатию они, естественно, не могли, так как разбудить активность масс им было не под силу, — то логика вещей с неизбежностью толкала их на путь партизанской борьбы одиночек. В них нарастали настроения отчаяния и обреченности, — и они шли в террор, движимые скорее чувством мести, чем верой в возможность победы.

В этом была своя логика: террористы-одиночки в свое время первыми начинали борьбу на аванпостных стычках с врагом, — в дни, когда массы еще не были достаточно активны. А теперь, когда массы уже перестали быть активными, такие же одиночки последними покидали поле борьбы, в арьергардных боях прикрывая отступление революционной армии...

Отряд «Карла» составиля из таких одиночек.

Они составляли дружную, тесно спаянную семью, все члены которой вели почти аскетический образ жизни. В этом отношении они были антиподами многих из руководящих деятелей Боевой Организации Азефа. Этот последний не без успеха прививал своим ближайшим сторонникам мысль о необходимости для террориста по соображениям конспирации вести широкий образ жизни, не жалея средств партийной кассы: «когда речь идет о человеческих жизнях, — часто говорил он, — считать копейки не приходится.» В Отряде «Карла», наоборот, всегда с большой щепетильностью относились к каждой партийной «копейке». Целый ряд членов Отряда не только ничего не брал из его кассы, живя на свои личные заработки, но и делал вклады в эту кассу. А. А. Аргунов вспоминает, как поразил его подобный подход к партийным средствам, когда ему, в качестве кассира Центрального

Комитета, пришлось первый раз вести переговоры с «Карлом» о бюджете отряда: ни к чему подобному в сношениях с Азефом он не был приучен. Временами эта экономия партийных средств была даже чрезмерной и шла в ущерб интересам конспирации, но для настроений, господствовавших в Отряде, она была в высшей степени характерна.

Свою работу отряд строил по системе коротких ударов. Его основные базы находились в Финляндии, конституция которой делала проживавших на ее территории революционеров недостижимыми для русской полиции. Там были конспиративные квартиры Отряда, их лаборатории, склады, архив. Там же жили все члены Отряда. Вся подготовительная работа велась при помощи сочувствующих, через которых собирали нужные сведения. Основное руководство этой работой было в руках «Карла», — но внутренние отношения в Отряде были построены на строго демократических началах и каждому из членов предоставлялась полная возможность для проявления личной инициативы. Исполнители выступали на сцену только тогда, когда вся подготовительная работа была сделана. Тогда они появлялись из Финляндии в Петербург, наносили намеченный удар и затем те из них, кто не был арестован, вновь скрывались в Финляндию. Типичным примером работы Отряда было убийство главного военного прокурора ген. Павлова, — главного руководителя военно-полевых судов. Павлов знал, что его деятельность сделала его ненавистным для революционеров: когда он появился на трибуне Госуд. Думы, вся зала его встретила несмолкаемыми криками: «убийца», — и ему не дали говорить. Поэтому он принимал чрезвычайные меры предосторожности и никуда не выходил из здания военно-судного управления, в котором находились и его частная квартира, и служебный кабинет. Даже для прогулок он пользовался только внутренним садиком здания, считая себя там в полной безопасности за спиною военного караула, который нес тщательную охрану всего здания. организо-

вать нападение оказалось возможным потому, что среди военных писарей управления нашлись сочувствующие, которые не только сообщили все необходимые подробности о внутренних распорядках в здании и об образе жизни самого Павлова, но и непосредственно помогли организаторам дела, дав условленный сигнал о времени выхода Павлова на прогулку. По этому сигналу террорист, бывший матрос Егоров, — один из руководителей незадолго перед тем жестоко подавленного военного восстания в Кронштадте, — вошел во двор здания переодетый вестовым, якобы присланным со срочными бумагами, и несколькими выстрелами из револьвера наповал убил Павлова.

Конечно, не все свои планы Отряду удавалось осуществлять с таким успехом, как этот. До перехода отряда в ведение Азефа удачи в его деятельности перемежались с неудачами. Но в общем и целом деятельность Отряда развертывалась вполне успешно, — а сам Отряд укреплялся и рос.

Много места в деятельности Отряда занимала борьба против тех представителей тюремного ведомства, которые выделялись своей жестокостью в отношении к политическим заключенным. Этот вид террора, — террор тюремный, — вообще весьма характерен для периода 1907 и последующих годов, когда победившая реакция повела систематический поход против своих пленников, вымещая на них свою злобу за только что пережитые страхи. По приказу из Петербурга повсюду в тюрьмах вводился строжайший режим. За малейшее нарушение полагались суровые кары. Для политических, осужденных на каторгу, было введено даже телесное наказание. Заключенные делали отчаянные попытки оказывать сопротивление: устраивали голодовки, обструкции, прибегали к самоубийствам... Это не давало результатов. Все протесты бывали беспощадно подавляемы. Власти не останавливались перед применением вооруженной силы, и в синодиках борьбы числилось уже не мало имен уби-

тых и раненных при такого рода столкновениях. Но между революционерами, находившимися в тюрьмах, и революционерами, оставшимися на свободе, тянулось много нитей, — и политической солидарности, и личной близости. А потому на насилия против арестованных оставшиеся на свободе часто отвечали актами террора: их исчисляют десятками.

Несколько актов тюремного террора было совершено и Отрядом «Карла». Между прочим, им было организовано убийство начальника Алгачинской каторжной тюрьмы Бородулина, который первым применил телесные наказания к политическим каторжанам. К этой же группе тюремного террора относилось и то предприятие, подготовка которого была основным делом Отряда в момент перехода его в ведение Азефа и Гершуни: жертвами его должны были пасть, с одной стороны, главные вдохновители всей политики тюремных репрессий, министр юстиции Щегловитов и начальник главного тюремного управления Максимовский, а, с другой — петербургский градоначальник Драчевский. Кроме того Отряд планировал взрыв Совета Министров во время заседания Государственного Совета. Параллельно с этим одна специальная группа вела подготовку покушения против командующего войсками московского военного округа, ген. Гершельмана. Все эти планы после перехода Отряда под руководство Азефа и Гершуни были предоставлены на утверждение последних и ими в основном одобрены. На первой очереди стояли выступления против Щегловитова и др., с одной стороны, и против Гершельмана, с другой. Оба они состоялись, — хотя по случайным причинам первое из них и не смогло развернуться по намеченному плану, оборвавшись на первом звене: начальник главного тюремного управления Максимовский был убит членом Отряда Рагозинниковой, но она не смогла дать условленного сигнала, от которого зависело выступление против остальных намеченных лиц, а потому эти выступления не состоялись.

Предупредить оба эти выступления Азеф имел полную возможность, но сделать этого он не захотел. По рассказам Герасимова поведение Азефа в этот период рисуется в следующих чертах: он очень подробно рассказал про все прения в Центральном Комитете по вопросу о восстановлении Боевой Организации для целей цареубийства и о том, что он становится во главе последней; равным образом он сообщил, что все остальные террористические предприятия передаются в ведение «Карла», но умалчал о том, что деятельность «Карла» теперь поставлена под его, Азефа, и Гершуни контроль. Наоборот, он подчеркивал, что никакого отношения к Отряду «Карла» он не имеет, — и в интересах предохранения себя от разоблачения иметь не должен. На себя он брал одну задачу, — парализовать подготовку цареубийства. Только очень глухо он передавал, что в Центральном Комитете говорят о подготовке Отрядом «Карла» каких-то крупных покушений и советовал принять меры. Но не называл даже лиц, против которых эти покушения будут произведены.

Судя по всему, Герасимов и сам считал задачу предупреждения покушения против царя настолько важной, что был согласен с принимаемым Азефом мерами предосторожности, — и только позднее, уже после убийства Максимовского, стал настаивать на том, чтобы Азеф отступился от своего правила и дал какие-либо нити для поисков Отряда «Карла».

В этот период внимание последнего было сосредоточено на осуществлении плана взрыва в Госуд. Совете Действительным автором этого плана был Вс. В. Лебединцев, — один из наиболее талантливых среди блестящей плеяды ушедших в террор талантливых представителей русской интеллигенции. Выходец из весьма состоятельной семьи, превосходно владевший основными европейскими языками, астроном-математик по образованию, уже зарекомендовавший себя работами по своей специальности, блестяще одаренный от природы музыкант и художник, он совершенно са-

мостоятельно натолкнулся на мысль о возможности такого покушения и в основных чертах разработал его план. В течении ряда лет живя в Италии и тесно войдя в местную жизнь он достал настоящий итальянский паспорт, — на имя Марио Кальвино, под каковым именем он позднее получил всеевропейскую известность, — и получил корреспондентские полномочия от одной крупной итальянской газеты. В качестве такового он приехал в Петербург и имел доступ в корреспондентские ложи Госуд. Совета и Думы. По техническим условиям совершить покушение одними собственными силами он не мог, — в этом деле ему должен был помочь Отряд «Карла», к которому он обратился.

Азеф, который из соображений своей собственной безопасности позволял доводить до успешного конца относительно мелкие предприятия «Карла», стал оказывать систематическое противодействие грандиозному плану Лебединцева. Он явно боялся, что осуществление последнего повредит его служебному положению, а так как прямая выдача для него в этот период была бы действительно очень опасна, то он встал на путь внутри-организационного саботажа: в начале он дал свое согласие на это выступление, но оттягивал его под разными предлогами; когда же все подготовительные работы были закончены, выдвинул против плана Лебединцева «принципиальные» возражения, указывая, что во время покушения могут пострадать и выборные члены Госуд. Совета, среди которых имеется ряд профессоров и либеральных общественных деятелей.

На этой почве между Азефом и руководителями Отряда возникли довольно острые трения, — на которые, возможно, известное влияние оказывали полученные как раз в это время «Карлом» от Бурцева сведения о подозрительных моментах в деятельности Азефа. В Отряде велись даже разговоры о неподчинении решениям представителя Центрального Комитета и о выступлении на собственный страх и риск.

По крайней мере в одном из писем Лебединцева от этого времени встречаются такие фразы «встретились менее всего ожидаемые трения со стороны «теоретической». Глупо и бессмысленно это. Но в конце концов, если трения эти окажутся непреодолимыми... то мы просто на них наплюем. Выход простой, логический и по существу для меня с товарищами самый симпатичный.»

Повидимому, только на этой стадии, — опасаясь самостоятельного выступления Отряда, Азеф прибегает к оружию выдачи. По крайней мере по их общему смыслу, повидимому, именно сюда должны быть отнесены следующие части рассказов Герасимова. По словам последнего, после его настояний Азеф, наконец, сообщил ему, что имел свидание с «Карлом». На фактические указания Азеф и теперь был в высшей степени скуп, и относительно, напр., конспиративной квартиры «Карла» органичился одним лишь сообщением, что она, повидимому, находится где-то в Финляндии, — недалеко от русской границы и вблизи от железной дороги. Но за то он дал подробное описание примет «Карла» и общую его характеристику. Говорил он о нем, как об исключительно предприимчивом и талантливом организаторе, и советовал приложить все усилия для его ареста: «пока он на свободе, — говорил Азеф обращаясь к Герасимову, — вы никогда не сможете быть спокойным: у него всегда полно разных планов, один смелее другого.»*)

*) Этот отзыв Азефа о «Карле», сделанный в разговоре с Герасимовым, интересно сопоставить с отзывом, который Азеф дал о «Карле» в разговорах с одним из видных деятелей партии социалистов-революционеров: этому последнему Азеф заявил, что он не находит в «Карле» ничего особенного. В. Н. Фигнер, которая приводит в своих воспоминаниях этот последний отзыв Азефа («Сочинения» В. И. Фигнер, т. III, стр. 261), полагает, что он свидетельствует об отсутствии у Азефа проницательности. Сопоставление его с отзывом, данным в разговорах с Герасимовым, показывает, что речь идет о совсем ином: Азеф понимал, с кем он имеет дело в лице «Карла», но сознательно давал о нем неодобрительные отзывы, желая по возможности воспрепятствовать

В это же время Азеф сообщил Герасимову и о плане взрыва в Государственном Совете, — опять таки не давая никаких конкретных указаний. По его словам, вопрос был поставлен перед Центральным Комитетом только в принципиальной плоскости: о допустимости покушения во время заседания Госуд. Совета и при наличии возможности, что в числе пострадавших будут и члены Совета из числа либералов. Азеф говорил, что против этого плана имеются сильные возражения со стороны ряда членов Центрального Комитета, — и его, Азефа, в том числе, — и что он надеется на отклонение этого плана Центральным Комитетом, но опасается, что «Карл» и его Отряд не подчинятся решению и выступят самостоятельно. Поэтому он рекомендовал Герасимову на всякий случай теперь же принять необходимые меры предосторожности, — конечно, действуя при этом с предельной осмотрительностью. О подробностях плана и об участниках-исполнителях Азеф никаких сведений, по утверждению Герасимова, не дал, заявляя, что он только на основании отдельных замечаний полагает, что члены Отряда пробрались в Совет, «повидимому, по чужим корреспондентским билетам» и что бомбы предполагается пронести и портфелях.

Эти сообщения, конечно, возымели свое значение, и в Госуд. Совете были введены строгости: начались осмотры корреспондентских портфелей, тщательно проверяли корреспондентские карточки. Но главное внимание было обращено на поимку «Карла». Была мобилизована вся агентура для поисков нитей к Отряду «Карла», — и все получаемые указания сопоставлялись с теми указаниями, которые дал Азеф относительно местонахождения коспиративной квартиры Отряда. На всех станциях финляндской железной дороги было усилено наблюдение. Комбинированной рабо-

росту популярности «Карла» в партийных кругах. Это была та же линия дискредитации «Карла», которую по наущению Азефа вел Савинков в конце 1906 г., — только теперь Азеф проводил ее с большей осторожностью и ловкостью.

той в этом направлении полиции вскоре удалось установить существование двух подозрительных квартир около станции Келомяки: к ним вели нити, полученные от одного из агентов Охранного Отделения, указавшего на человека, который собирал сведения, необходимые для Отряда «Карла». В ночь на 5 декабря 1907 г., с нарушением правил, установленных для производства обысков на финляндской территории, — на это нарушение было получено согласие самого Столыпина, — на указанные квартиры был произведен набег, и в одной из них была найдена богатая добыча: архив Отряда «Карла» и целый ряд других компрометирующих документов. Были арестованы две женщины и один мужчина, имена которых не были известны. Только недели через две-три, во время очередного свидания с Герасимовым, Азеф не без насмешки заметил:

«Вы все ищете «Карла», а ведь он уже давно у Вас в руках. Это его Вы захватили в Келомяках...»

В числе документов, захваченных на квартире «Карла», имелся план Госуд. Совета с пометками на нем, — и это дало возможность полиции теперь уже открыто говорить о предупрежденном ею покушении на взрыв в Государственном Совете. Лебединцев еще тешил себя надеждой, что через некоторое время он сможет вернуться к своему плану, но было ясно, что этот план окончательно провален, — и это делало еще более чувствительным удар, нанесенный Отряду арестом его создателя и руководителя. «Был момент, — читаем мы в письме Лебединцева от 20 декабря 1907 г., — когда все было близко от полного распада. Избегнуть этого удалось, и теперь, поскрипывая, едем дальше». Руководителем на место «Карла» встал сам Лебединцев, — который начал лихорадочно быстро готовить покушение против вел. кн. Николая Николаевича и министра юстиции Щегловитова.

Произвести это покушение предполагалось в день русского Нового Года, когда оба указанные лица дол-

жны были поехать на торжественный прием к царю. Террористы с бомбами поджидали их на пути. Но и это покушение было расстроено предательством, — на этот раз не Азефа: сведения о готовящемся покушении были получены Герасимовым на этот раз от одного из его других агентов, который накануне Нового Года сообщил, когда и против кого должно состояться покушение, — но не дал никаких указаний относительно участников.

Для предупреждения покушения Герасимов прибег к тому же приему, который помог ему спасти Столыпина, когда готовилось покушение на последнего при открытии Института Экспериментальной Медицины: рано утром в день Нового Года он заявился к вел. кн. Николаю Николаевичу и Щегловитову и, предупредив их о готовящемся покушении, просил в течении ближайших дней никуда не выходить. Уговорить их подчиниться этому совету и отказаться от посещения торжественного приема у царя было нелегко. Особенно протестовал, — по рассказам Герасимова, — вел. кн. Николай Николаевич, который заявлял, что «ничто не помешает ему быть там, где быть его обязывает долг верноподданного», — и только заявление Герасимова, что он в таком случае снимает с себя всякую ответственность, заставило Николая Николаевича несколько задуматься.

На всякий случай меры предосторожности все же были приняты. Почти весь наличный состав филеров был брошен на улицы предполагавшихся путей следования указанных лиц. Всем были даны особые инструкции: искать подозрительных лиц, которые могли быть террористами. На театр военных действий выехал сам Герасимов, — и дежурил в кондитерской на Михайловской площади, вблизи от дворца Николая Николаевича... Все было бесполезно: никаких подозрительных признаков поймать не удалось. И только позднее выяснилось, что в той же кондитерской на Михайловской площади, за соседним столиком сидела Лидия Стуре, — один из членов Отряда, — и перед

ней, в изящной упаковке, лежала заряженная бомба. Об этом она рассказала уже после своего ареста, во время опроса, который вел Герасимов. Она прервала этот опрос, казалось, не имеющим отношения к делу замечанием:

«А ведь мы с вами, генерал, уже встречались».

Герасимов, — по его словам, — был удивлен и не мог вспомнить. Тогда Стуре пояснила:

«А вспоминаете — на Новый Год? Мы сидели за соседними столиками в Михайловской кондитерской? Жаль, что я не знала, кто мой сосед... Не уйти бы вам тогда...»

В течении почти полутора месяцев террористы возобновляли свои попытки. Нервы у всех напряглись до предела: люди почти ежедневно выходили на улицу с бомбами в руках и с уверенностью, что этот день будет их последним днем, — и возвращались домой, проклиная судьбу, которая дарила им лишний день жизни... Все силы были мобилизованы — и из Финляндии переброшены в Петербург. Люди хотели идти на-пролом и погибнуть. В один из таких дней член Отряда А. М. Распутина приехала в Выборг к В. М. Чернову, — члену Центрального Комитета и редактору центрального органа партии, — с не вполне обычной, но тем более характерной для настроения членов Отряда просьбой: от имени всех она просила дать им обещание не печатать в случае их гибели отдельных о них некрологов. «Мы хотим, — говорила она, — пойти на смерть рядовыми безымянными солдатами партии».

Все это время Охранное Отделение держало на осадном положении квартиры Щегловитова и Николая Николаевича. Оба они протестовали и заявляли, что перестанут подчиняться режиму, который был предписан им Герасимовым. А последний, несмотря на все свои усилия, не мог найти никаких нитей для обнаружения участников Отряда: тот его информатор, который первым сообщил о предстоящем покушении,

не мог доставить никаких дополнительных указаний, — а Азеф, с которым Герасимов поделился имевшимися у него сведениями, подтвердил их, но отзывался полнейшим незнанием относительно всего остального. «Я все время приставал к нему, — рассказывает Герасимов, — прося дать хоть какую-нибудь нить, за которую я мог уцепиться и начать слежку. Но он отказывался, заверяя меня, что ничего не знает и не может спрашивать, так как при недоверчивом к нему отношении вопросы могут его погубить».

На самом деле Азеф был в курсе всех деталей этого предприятия и постоянно сносился с его непосредственными руководителями, так что «дать нить» ему не представило бы никакого труда. Но он был прав в том отношении, что провал Отряда неизбежно должен был ухудшить его и без того тяжелое положение.

В конце концов Азеф не выдержал и «смильстился» над Герасимовым: на свидании дней за 4-5 до ареста членов Отряда, он рассказал, что во время очередного заседания Центрального Комитета зашла речь о подготовляемом покушении и из мимоходом брошенной кем то из членов Центрального Комитета фразы он, Азеф, понял, что к Отряду имеет отношение «бывшая ссыльная Анна Распутина». Никаких других указаний, — по уверению Герасимова, — Азеф и теперь не дал. Больше того, называя фамилию, он тут же отметил, что это — ее настоящая фамилия; живет же она, наверное, по чужому паспорту. И тем не менее это указание послужило причиной гибели Отряда.

Вернувшись с этого свидания, Герасимов, — по его рассказам, — поднял на ноги все Охранное Отделение. Немедленно были добыты справки о прошлом Распутиной. Специальный чиновник был отправлен в адресный стол, чтобы сделать там выписку обо всех Распутиных. «Делал я это, — передает Герасимов, — в полной уверенности, что никаких результатов эта мера не даст, так как у меня тоже не было никакого сомнения в том, что Распутина живет не под своей фа-

милией. Тем большим было мое изумление, когда я убедился, что именно эта самая Распутина, под своим настоящим именем, проживает в Петербурге, — да еще на Невском проспекте»...

С раннего утра заработала машина. Предварительная разведка установила, что Распутина живет в меблированной комнате, — и что соседняя комната, стена в стену, как раз теперь слается. Герасимов лично отправился для осмотра на месте. Выдав себя за бухгалтера городской упавы, который ищет комнату, он осмотрел всю квартиру. Сначала предполагал было сам поселиться в ней, для того, чтобы лучше наблюдать за приходящими и слышать разговоры: стены оказались совсем тонкими. Но комната была слишком непрезентабельна для солидного «бухгалтера», — а потому в ней были поселены два молоденьких филера, которые выдавали себя за студентов. Распутина была взята под самое тщательное наблюдение. Члены Отряда принимали меры предосторожности по своим сношениям друг с другом. Так, напо.. встречи они обычно устраивали в церквях, во время богослужения: становились рядом на колени перед иконами в каком-либо из притворов храма и вели разговоры, склонившись к земле, якобы для молитвы. Но от долгого напряжения конспирация ослабела, — а внимание филеров, получивших строжайшие инструкции, наоборот, было обострено. В результате, в течении трех дней основные сношения Распутиной были выяснены, — и 20 февраля 1908 г., когда все прослеженные наблюдением лица вышли на свое очередное дежурство у квартир Шегловитова и Николая Николаевича, они были арестованы чинами полиции. Всего было взято 9 человек, причем у трех из них были взяты бомбы; трое других были вооружены револьверами и оказали вооруженное сопротивление; еще у одного на квартире были найдены взрывчатые вещества.

Суд был скор и немилостив: семь человек, — в том числе три женщины, — были приговорены к

смертной казни. Приговор был немедленно приведен в исполнение. Вскоре после этой группы судили «Карла» и некоторых других членов Отряда, арестованных в разное время. Этот суд тоже закончился рядом смертных приговоров... Летучий Боевой Отряд был уничтожен.

ГЛАВА XVIII

Последняя игра Азефа

В разговорах, которые велись в партийных кругах, о «Карле» и об его Отряде Азеф говорил с оттенком слегка пренебрежительного снисхождения, — как о группе местного, почти провинциального значения, которая отдает силы «второстепенным» делам. Чем дальше, тем настойчивее он защищал ту точку зрения, что убийства представителей исполнительной власти, — вплоть даже до министров, — не могут иметь теперь политического значения. «Если одним-двумя полицейскими или тюремщиками станет меньше, — разве от этого что-либо изменится?» — подобные мнения он высказывал постоянно. Единственное террористическое предприятие, которое может иметь политическое значение, это — цареубийство, и именно на нем он предлагал сосредоточить все силы партии. Он не скрывал, что это дело в высшей степени трудно и сложно, что оно потребует от партии колоссальных жертв, — как людьми, так и деньгами, — и, что самое главное, подготовка его потребует много времени. Но он высказывал свою глубокую уверенность, что «идя методом постоянной систематической осады и проникновения можно надеяться в год, в два довести дело до конца» (Ракитников). Успех же этого предприятия, — когда бы он ни пришел, — сразу окупил бы все жертвы, так как цареубийство, в отличие

от других террористических предприятий, политически «никогда не устареет». И с налетом некоторого сентиментализма, который так любил напускать на себя Азеф во время «интимных» разговоров, он говорил, что считает это дело своим последним революционным делом, что им он думает закончить свою революционную карьеру, а потому именно ему, — а не «второстепенным» предприятиям Отряда «Карла», — отдает свою душу.

Нужно здесь же сказать: конечно, из этих речей Азефа многое сознательно предназначалось для того, чтобы отвлечь внимание от совершенной им как раз в это время выдачи Отряда «Карла»; но было бы ошибкой считать, что в них все было одним лицемерием. Судя по всему, что мы о нем знаем, Азеф как раз в это время готовился перейти к новой фазе своей долголетней двойной игры, — собирался разыграть свою последнюю карту.... А так как он принадлежал к совсем особой породе игроков, — той, представители которой за зеленый стол садятся только заранее обеспечив для себя возможность знакомиться с картами всех партнеров, — и так как ставка на этот раз была особенно велика, то он теперь с особенным старанием подготавливал обстановку для этой своей последней игры.

В Центральном Комитете с соображениями Азефа о значении царубийства и других террористических актов очень многие были в основе согласны. В них действительно было много такого, что не могло не казаться правильным каждому принципиальному стороннику террористической борьбы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Боевая Организация Азефа получала от Центрального Комитета все, что только последний имел возможность дать. В то время, как Отряд «Карла» урывали даже в мелочах, и члены этого Отряда бывали вынуждаемы братья за мелкую работу для заработка (что, конечно, противоречило элементарнейшим требованиям конспирации), — для Азефа партийная касса была открыта в самых

широких, почти неограниченных размерах. Достаточно сказать, что несколько позднее, когда в кассу Центрального Комитета поступили 300 тыс. рублей, взятых партией при экспроприации казначейства в Чарджуе, то по настоянию Азефа за Боевой Организацией, — т. е. фактически за ним самим, — из них было «забронировано» 100 тыс. рублей.

Неограниченные права были даны Азефу и в деле подбора людей для Боевой Организации: он мог брать в нее всех тех, кого он взять хотел. Этой вербовкой Азеф занялся с большим старанием, обращая особенное внимание на привлечение в свою Организацию людей с большим и славным революционным прошлым. Своим ближайшим помощником он сделал Карповича, — того самого, который первым начал серию террористических актов, предшествовавших революции 1905 г., убив в феврале 1901 г. министра народного просвещения Боголепова. Все последующие годы он провел в тюрьмах, — в Шлиссельбурге и в Сибири, — и только недавно бежал с Акатуйской каторги, полный желания встать в ряды активно действующей террористической организации. Видную роль в Боевой Организации этого времени играл также М. М. Чернавский, — старый революционер, впервые осужденный на каторжные работы еще за 30 лет перед тем, по делу о первой революционной демонстрации, состоявшейся 6—18 декабря 1876 г. в Петербурге. Настойчивые попытки делал Азеф и для привлечения в Боевую Организацию ряда других старых революционеров... В литературе были высказаны догадки, что подобное поведение Азефа определялось своего рода садизмом: ему якобы нравилось толкать на тернистый путь тюремных мытарств и лишений людей, которые уже были в достаточной мере измучены десятилетиями таких лишений в прошлом. Эта догадка в корне не верна. Принадлежность к Боевой Организации Азефа в этот период отнюдь не была связана с опасностью ареста. С большим правом можно говорить даже об обратном, — о том, что эта принадлеж-

ность была своеобразной гарантией от ареста: примеры этого будут приведены дальше. Поведение Азефа объяснялось иначе, — много проще: люди со славными революционными репутациями, если они становились сотрудниками и преданными сторонниками Азефа, — а делать их таковыми Азеф умел, — играли роль надежнейших защитников Азефа против все нараставших и нараставших подозрений. Их прошлое гарантировало их самих от возможности быть заподозренными кем бы то ни было, а они горой стояли за Азефа, ручались за него...

Сама работа Азефа в этот период носила характер предварительного зондирования почвы. Так характеризовал ее он сам, заявляя, что ведет поиски во всех направлениях, прощупывая все возможности подойти близко к царю, какие только подвертываются. Обычно всегда крайне сдержанный относительно подробностей работы Боевой Организации и нелюбивший, чтобы ему задавали какие-либо вопросы, теперь он порою сам заводил разговоры на эту тему во время заседаний Центрального Комитета. Нередко после того, как наиболее срочные дела бывали регулированы, Азеф брал слово для того, чтобы поделиться своими соображениями и планами, — чтобы выслушать о них мнение ближайших товарищей. Такое изменение своего поведения он объяснял сложностью работы и своим одиночеством в руководстве боевой работой, — одиночеством, которое его, по его словам, очень давит: Гершуни в конце 1907 г. выехал за границу для лечения и вскоре там умер от последствий воспаления, образовавшегося от старой раны, натертой на ноге тюремными кандалами.

У всех, кто слушал эти рассказы Азефа, создавалась полная уверенность в том, что он делает все, находящееся в силах человека, для того, чтобы подготвить акт против царя. Планов у него действительно было много. По его указаниям велись попытки наблюдения за приездами царя в Петербург, проектировалось открытое нападение на него на улице во

время одного из таких приездов (Басов). Были планы проникнуть на прием во дворец в составе одной из тех многочисленных делегаций, посылка которых к царю как раз в те месяцы в большом числе инсценировалась реакционерами, желавшими показать царю, что за ними стоят «народные массы» (Аргунов). С большой горячностью ухватился Азеф за предложение одного молодого социалиста-революционера, который только что окончил курс в духовной семинарии: этот юноша, — убежденный террорист, — имел возможность, приняв священство, при помощи своих влиятельных родственников получить место священника где-либо недалеко от Царского Села. Он надеялся, что в рясе священника ему удастся как-нибудь найти возможность приблизиться к царю и выступить в роли исполнителя приговора партии. Священник, убивающий царя, — эта комбинация явно нравилась Азефу, и он настойчиво уговаривал юношу немедленно же отстраниться от всякого касательства к другим революционным делам и целиком отдаться выполнению данного плана.*) Был целый ряд и других планов и проектов.

Наиболее серьезными планами, для подготовки которых Азефом делались конкретные шаги организационного характера, были два плана: покушения во время царской охоты и покушения во время поездки в Ревель. Для выполнения первого велась работа по устройству чайной в одной из деревень вблизи от Царского Села, в районе царских охот. Владельцем чайной должен был выступить М. М. Чернавский, который должен был играть роль старика-монархиста, члена «Союза русского народа». Второй из указанных планов предусматривал взрыв царского поезда или нападение с бомбами на улицах Ревеля.

Во всех этих планах элементы игры с револю-

*) Об этом последнем плане в литературе до сих пор не было никаких указаний. Автору данной книги о нем известно со слов самого инициатора этого плана. — Надо оговорить, что осуществлен этот план не был не по вине Азефа.

ционерами переплетались с элементами игры против полиции.

Нет никакого сомнения в том, что в тот момент Азеф покушения против царя ни в коем случае не допустил бы: этого полиция ему не простила бы, — а рисковать конфликтом с нею, находясь в пределах досягаемости, Азеф меньше всего собирался. Поэтому обо всех конкретных шагах, которые ему приходилось делать в целях удовлетворения желания членов Организации перейти к активным действиям, Азеф полностью и со всеми подробностями рассказывал своему полицейскому начальству. Но, как удается теперь установить с совершенною точностью, в свою работу по собиранию информационного материала и по заведению необходимых для этого связей Азеф посвящал это начальство только в очень и очень небольшой степени; равным образом не сообщал он ему и о тех проектах, выполнение которых должно было быть построено на базе частной инициативы добровольцев, — вроде плана покушения священника: этого рода информационный материал и этого рода связи Азеф, несомненно, накапливал для будущего, — для того времени, когда он будет вне пределов досягаемости для своих полицейских руководителей.

Отношения с Герасимовым у Азефа в этот период были самые лучшие. Степень доверия, которым Азеф пользовался в глазах Герасимова, можно поставить вровень только со степенью доверия, которым он же пользовался в глазах своих коллег по Центральному Комитету: в обоих этих случаях доверие было почти безграничным. Задачею их совместной работы ставилось недопущение покушения на царя, а первым и необходимейшим условием считалось предупреждение возможности разоблачить Азефа. Каждый шаг расценивался под углом его значения с точки зрения «бережения Азефа». Об арестах членов Центрального Комитета и в особенности членов Боевой Организации, не возникало и речи. Наоборот, если Охранное Отделение иногда по случайным сведениям и без ведома Ге-

расимова производило аресты кого-либо из членов последней, то Герасимов прилагал все усилия для устройства побега этим арестованным, — и при том так, чтобы бегущие не догадались об игре, невольными участниками которой они становились. Никаких выдач от Азефа Герасимов не требовал: случай с Отоядом Лебединцева — единичное исключение.

Это, конечно, не значит, что Азеф не давал никаких сведений. О внутренней жизни Центрального Комитета, а также о работе Боевой Организации, он попрежнему рассказывал со всеми подробностями, — и Столыпин по-прежнему был в курсе всех нужных ему деталей. Иногда на основании его сведений производились и аресты, — но только на периферии и при том после того, как заранее было взвешено, не вызовет ли данный арест новых подозрений против Азефа. Если Азеф был против того или иного ареста, то всякие разговоры о нем прекращались. Центра во всяком случае не трогали.

Азеф был настолько уверен в этом отношении, что мог позволить себе роскошь рассказа Герасимову о предстоящем поступлении в кассу партии денег от экспроприации в Чарджуе и при этом похвалиться, что из этих денег большая часть идет в его, Азефа, распоряжение: Герасимов не ставил даже вопроса о том, что Азеф должен дать указания для ареста этих сумм, — несмотря на то, что эта экспроприация вызвала особый гнев Столыпина, который отдал приказ *во что бы то ни стало поймать организаторов* и найти деньги.* «Ведь я же знал, — не без своеобразного юмора прибавляет Герасимов, рассказывая об этом эпизоде, — что значительная часть этих денег все равно останется у нас так сказать в хозяйстве, — поступит в распоряжение нашего человека.» Едва ли можно сомневаться, что только убедившись из подобных разговоров в возможности «лояльного» отно-

*) По сведениям Чернавского в деле ареста организаторов этой экспроприации Азеф некоторое содействие полиции оказал. Но денег ей он во всяком случае не отдал.

шения со стороны Герасимова и в этом деле, Азеф рискнул взять на себя организацию вывоза похищенных сумм из Туркестана: операция эта была проведена членами азефовской Боевой Организации с полным успехом . . .

При этих условиях неудивительно, что Азеф, столь сребролюбивый вообще, в отношении к Герасимову всегда выступал в роли почти что бессеребреника: по утверждению Герасимова, за все время их совместной работы он ни одного раза не слышал от Азефа просьб ни о прибавках, ни о наградных, ни о суммах на покрытие чрезвычайных расходов. Азеф безропотно довольствовался теми 1000 руб. месячного жалования, которые были ему положены Герасимовым еще в 1906 г.: основным источником его доходов в это годы был не Департамент Полиции.

Едва ли нужно прибавлять, что доверие Герасимова к Азефу распространялось и на область их личных отношений: Азеф знал личный адрес Герасимова, который в этот период проживал конспиративно, под чужой фамилией и скрывал свою квартиру даже от ответственных служащих Охранного Отделения, — за исключением двух-трех наиболее доверенных лиц. Азеф был единственным из «секретных сотрудников» которому этот адрес был доверен, — и он имел право в экстренных случаях являться на эту квартиру в любое время дня и ночи, — только предварительно оповестив по телефону.

Нет никакого сомнения, что такого рода отношениями с Герасимовым Азеф пользовался для того, чтобы выяснить степень осведомленности полиции о внутренних делах партии социалистов-революционеров помимо информации, приходящей от него, Азефа. Характер разговоров, которые велись между ним и Герасимовым, делает несомненным, что он имел возможность таким путем, установить, если не личности других полицейских агентов, то во всяком случае те круги, в которые эти агенты могли получать доступ и которых, следовательно, приходилось опасаться, на-

чиная игру против полиции. Равным образом из этих же разговоров неизбежно должен был для Азефа выясниться круг тех лиц, относительно которых в случае такой игры он мог быть совершенно спокоен. Здесь он действовал теми же приемами, какими в свое время он действовал в общении с Ратаевым, — конечно, только с большей осторожностью и осмотрительностью.

Посторонним телом в эту обстановку вклинивались личные дела Азефа, которые в этот момент начинают играть особенно большую роль в его жизни.

Многолетней двойной игре Азефа между революцией и полицией в области политики соответствовала его многолетняя же двойная игра и в области личной жизни. Он умел и ее вести столь же осторожно и тонко, как и игру политическую. В партийных кругах он сумел создать для себя репутацию примерного мужа и семьянина, безмерно привязанного к своим «законным» жене и детям. Элементы такой привязанности в его характере действительно имелись. Он был чадолюбивым отцем, — и Г. А. Лопатин не напрасно называл его «чадолюбивым Иудой». Но эти элементы искренней привязанности к семье у Азефа всегда мирно уживались с большой любовью ко всякого рода приключениям «на стороне». Еще в студенческие годы, повидимому, именно такого рода привычки Азефа дали основание студентам-коллегам, имевшим возможность поближе заглянуть в его интимную жихнь, прозвать его «грязным животным». Таким он и был в действительности, и сухие записи филерского наблюдения в течеии позднейших лет пестрели заметками о ночах, проведенных Азефом в публичных домах и других значных местах особого назначения. Сдержанный дома, когда его жизнь была доступна наблюдениям товарищей по партии, он давал волю своим действительным наклонностям, когда пускался в поездки «по партийным делам», — по России и по загранице. И именно эти стороны его личной жизни составляли особенно значительные

статьи его расходного бюджета, именно для них ему нужны были такие большие деньги...

Зима 1907—08 г. г. была переломной для Азефа и в этом отношении. Ему доходил четвертый десяток, — т. е. приближался тот срок, когда степенеют и обычные завсегдаи мест легкого увеселения. А у Азефа имелись и свои особенные причины, толкавшие его в этом направлении: угроза разоблачения, становившаяся все более и более вероятной, грозила для него, помимо всего прочего, потерю и семьи. Его жена оставалась все тою же идеалистически настроенной революционеркой, какой она была в начале их знакомства. В свои сношения с полицией Азеф ее не посвятил, — об этом не могло быть и речи. Она искренне считала, что ее муж—герой революционного долга, который живет под вечной угрозой ареста и казни. Для Азефа не было сомнений, что в случае его разоблачения, жена, — когда она убедится в правильности этого разоблачения, — как это не будет ей трудно, пойдет на полный разрыв с ним. А перспектива остаться совершенно одиноким ему не улыбалась. Он хорошо знал старый завет старого и многоопытного еврейского бога: не вместно человеку быть единому... А потому теперь, готовясь к розыгрышу своей последней игры и учитывая все возможные комбинации ее исхода, он был не прочь завести «постоянную связь», которая могла бы в случае нужды дать ему суррогат семейного счастья.

Такую связь судьба ему послала в лице кафешантанной певицы г-жи N. Впервые они встретились 26 декабря ст. ст. 1907 г., точную дату дает сам Азеф в одном из своих позднейших писем к г-же N, — в известном тогда петербургском кафе-шантане «Аквариум», подмостки которого г-жа N украшала своим присутствием. Их «роман» начался с первой же встречи: он был начат во время богатого ужина и закреплен на квартире г-жи N, куда они после ужина поехали. «С тех пор мы никогда не разлучались», — писал Азеф г-же N через девять лет из камеры бер-

линской тюрьмы, не без сентиментальности вспоминая об этом приятном эпизоде своего прошлого.

Г-жа N настолько прочно вошла в жизнь Азефа и внесла так много характерных и красочных черточек в его биографию, что она имеет все права на внимание и к ней самой.

В период своего первого знакомства с Азефом она была уже довольно заметной звездой на кафешантанном небосклоне Петербурга. По происхождению она была немкой из мелко-буржуазной семьи одного провинциального городка Средней Германии. У нее сохранилась семейная карточка от времен ее юности: вся семья снята за чайным столиком в саду, под яблонями. Нет сомнения, что это была помещански добродетельная и помещански благочестивая семья, которая сызмала внушила дочери твердую веру в неизбывность «четырех К» в жизни немецкой женщины: Kaiser, Kirche, Kinder und Küche. Г-жа N осталась в душе верна этим внушениям и позднее, и еще в 1924—25 г. г., в беседах с автором этих строк, больше всего скорбела о том, что соображения формального характера не позволили Азефу осуществить ее заветное желание и хотя бы перед смертью оформить их отношения путем «законного брака». Но эти взгляды не помешали ей, прямо со школьной скамьи, пуститься в далекую Россию отнюдь не для проповеди семейных добродетелей.

Судя по ее рассказам, в то время этот путь был довольно обычным для ее среды. Если раньше, за 100 или за 50 лет перед тем, на далекий северо-восток, — туда, где, правда, по улицам городов бродят белые медведи, но где за то люди не умеют и не хотят считать денег, — пускались «для ловли счастья и чинов» младшие сыновья из весьма родовитых, но крайне оскудевших немецких семей, — то теперь, на рубеже XX века, по этому пути для ловли того же счастья, тянулись юные представительницы менее anständige семейств, не имевших возможности дать им приличное приданное, столь необходимое в наш мер-

кантильный век для устройства семейного очага. Через несколько лет они возвращались домой, — обычно с результатами не менее удовлетворительными, чем у их более благородных предшественников: с деньгами, которых было достаточно для покупки жениха и какого-нибудь небольшого магазина или модной мастерской, что создавало возможность по-мещански добродетельного и по-мещански благочестивого существования в течении всей дальнейшей жизни. Каждая вернувшаяся из подобных странствований была настоящим событием в ее родном городке. О том, как деньги добыты, никто не спрашивал, — женихи еще меньше, чем все остальные. Все завидовали, что деньги вообще добыты, и тянулись по проторенному пути, цепляясь за знакомства и родственные связи, — туда, на далекий северо-восток, где можно так быстро и легко скопить такие большие суммы.

Г-жа N. принадлежала к числу удачливых. В Петербург она попала незадолго перед началом русско-японской войны, — в самый разгар дальневосточных авантюр, когда казенное золото полным потоком лилось в карманы Безобразовых, Вонлярлярских и иных рыцарей легкой наживы и когда, — это было только простым следствием предыдущего, — во всех значных местах Петербурга дым стоял коромыслом от безумных кутежей золотой и позолоченной молодежи... Голос у г-жи N. был неважный, но не в пении была «сила» избранной ею профессии, и она без труда получила ангажемент в одном из лучших кафе-шантанов Петербурга. Вскоре ее заметили верхи кутящей столицы, — вплоть до великих князей, которые, как и полагалось для глубоко монархической страны, тогда задавали тон в этой области национальной жизни.

На особенную высоту ее вознесла начавшаяся война. В ее рассказах об этом периоде много туманного и прямых пробелов: похоже, что и для нее самой не все ясно вспоминается сквозь похмелье пьяного угара, которым особенно густо окутан этот период ее жития. Отдельными кусками встают жизнь

в Харбине, где она пела в шантане «Колхида», поездка в какие то другие города, названия которых не удержались в ее памяти, пышные эполеты и громкие титулы ее высокопоставленных «покровителей». Она, несомненно, жила на самом Олимпе кутящего тыла армии, — но видела все под весьма и весьма своеобразным углом зрения. С большими подробностями, — и с большей любовью (если можно употребить в данном случае это слово), — она вспоминает о своем путешествии в поезде великого князя Кирилла Владимировича, который вместе со своим братом Борисом «украшал» тогда своим присутствием русскую армию. О манджурских подвигах обитателей этого поезда достаточно хорошо известно в литературе. Их пьяные дебоши и бесчинства в дни, когда рядом лилась человеческая кровь, приводили в негодование даже военное командование, — несмотря на все его желание ухаживать за двоюродными братьями царя. Дело кончилось тем, что главнокомандующий ген. Куропаткин, как особой милости для себя, просил об удалении этих князей из армии, так как они вносят деморализацию в среду последней. А г-жа Н. о времени своего пребывания в этом поезде, — даже теперь, после всех перенесенных житейских бурь, — вспоминает больше, чем с простым удовольствием:

«Это была веселая, привольная жизнь!»

И не безприбыльная, — добавим мы от себя: из сохранившихся у г-жи Н. документов видно, что она уже в 1906 г. имела возможность дать под вексель какому то Х., — офицеру-золотискателю, выдававшему себя за владельца больших поместий на Волыни, — целых 50 тыс. рублей на разведывательные работы где-то в Енисейской тайге. Едва ли нужно прибавлять, что эти деньги ею не были привезены с собою из Германии...

Маленький штрих, — далеко не лишний для понимания этой среды: у матери г-жи Н. сохранилась пачка писем ее дочери, — с пути на Дальний Восток и из Харбина. Содержание — самое обычное. На-

верное, так пишут заботливым матерям все послушные юные дочери, впервые покинувшие родительский кров для того, чтобы провести несколько месяцев в гостях у старой тетки в соседнем городке: сообщения о своем здоровье, поклоны родным, семейные вопросы; изредка фразы о погоде и стереотипные, слегка сентиментальные замечания о русской зиме, о сибирской тайге, о красоте скал над Байкалом. Войны и отзвуков окружающего ужаса в них совершенно не слышно. При чтении их трудно заставить себя поверить, что эти строки писаны из того самого поезда, вся жизнь в котором была одной сплошной пьяной оргией и прибытие которого на станции Сибирской железной дороги нагоняло настоящую панику на все железнодорожное начальство...

Дальнейшие этапы карьеры г-жи N. представляют меньший интерес: они обычны. В течении ближайших лет она объездила все крупнейшие города России, — Москву, Харьков, Киев, всюду выступая в перво-разрядных местных кафешантанах. Своими тогдашними успехами она гордится. «О, мое имя тогда было хорошо известно в России», не без горделивой скромности прибавляет она. Зимой 1907—08 г. г. она пела в Петербурге, в «Аквариуме», — и, повидимому, пользовалась известным успехом. В бумагах Азефа сохранилась ее карточка тех лет. С этой карточки на нас глядит пышная, нарядно разодетая и в значительной доле раздетая брюнетка, — представительница того типа, который в романах доброго старого времени именовался типом «роскошной женщины». Карточка была напечатана в качестве открытки и под ней стоит печатная же подпись: «La bella Heddy de Negro»: несомненно, что карточка поступала в продажу.

В период встречи с Азефом г-жа N. уже искала «солидных знакомых»: шел четвертый год ее пребывания в России, а накопленных денег было мало для триумфального возвращения на родину. Кредитование золотых разведок в Енисейской тайге не принадлежало к числу блестящих финансовых операций. По-

видимому, и г-жу N. на этот путь толкнули соображения далеко не коммерческого порядка... Офицер-золотоискатель, судя по бережно сохраненной г-жею N. его фотографической карточке, принадлежал к числу типичных «ташкенцев», ищущих места для приложения своих талантов: туго обтянутые скулы, «целеустремленный» волчий взгляд, кавказская бурка на плечах и кавказский же кинжал за поясом... С такими людьми не рекомендуется садиться за карточный стол, — тем менее разумно давать им деньги в долг. Срок его векселя давно истек, — но о возврате занятых сумм не было и речи. Волинские поместья оказались совсем маленьким кусочком земли, — к тому же заложеным и перезаложеным. Сам офицер куда то исчез, и предъявленный ко взысканию вексель так и застрял в окружном суде, только вызывая лишние расходы на адвоката. Легко нажитые деньги еще легче уплыли из рук, — причем мистически настроенные люди при желании могут обнаружить во всей этой истории руку всесправедливого провидения: на страданиях и позоре русской армии скопленные, представителем этой же армии деньги были и отобраны... Почти как в писании: из праха ты вышел и в прах возвратишься...

После столь горького опыта с «романтикой» было покончено... Г-жа N. думала только о «солидных знакомых», которые могли бы возместить понесенные протори и убытки. Азеф как нельзя более подходил для этой роли. Он назвал себя крупным коммерсантом, который имеет семью, но хочет завести связь на стороне. И его внешность, и его поведение внушали доверие к его кредитоспособности. Он не швырял деньгами, но в случае нужды умел не кряхтя покрывать крупные счета. О финансовой солидности говорили и делаемые им подарки. Некоторую роль играло и то обстоятельство, что он не был так груб, как обычные завсегдатаи «Аквариума».

Закрепление отношений Азефа с г-жею N. шло быстрым темпом. Все время, остававшееся после вы-

полнения обязательной партийной работы и необходимых визитов к Герасимову, Азеф проводил вместе с нею. Они открыто появлялись в театрах, в увеселительных местах, на улице. Азеф был, повидимому, искренне увлечен и совершенно отбросил в сторону свою обычную осторожность. Его поведение не прошло незамеченным в партийных кругах: вчера его видели в дорогой ложе на легкомысленной оперетке, сегодня — он ужинал в первоклассном ресторане, — и повсюду с г-жею N., которая имела вполне определенную репутацию. Кто-то его встретил у ювелира, когда он отбирал ценные серьги. Петербург не был деревней, — но столь многие знали Азефа, как партийного деятеля, что ему даже в Петербурге невозможно было скрыть подобное свое поведение. О нем начали говорить. До поры до времени Азеф парализовал эти разговоры, сообщив товарищам по Центральному Комитету о том, что ему удалось завести знакомства в мире кафешантанских певичек в интересах разведывательной работы против царя. Доля истины в этих словах была: если Азеф из своего знакомства с г-жею N. и не извлек полезных данных для подготовки покушения против царя, то во всяком случае, в некотором роде породнившись через нее с благополучно тогда царствовавшей династией, Азеф, как передает г-жа N., любил ее расспрашивать о быте и нравах великокняжеского окружения.

Но подобные отговорки мало-мальски убедительными могли быть лишь очень не долго и к тому же только для тех, кто был посвящен в тайну работы Боевой Организации. В более же широких партийных кругах разговоры о необычном поведении Азефа множились и ползли в ширь. Герасимов рассказывает, что около этого времени об Азефе начали поступать сведения от целого ряда других его осведомителей по партии социалистов-революционеров. Особенно настойчиво говорил один, убедительно доказывавший, что надо пользоваться обстановкой и арестовать Азефа, — члена Центрального Комитета и руко-

водителя Боевой Организации. Уклончивое отношение, которое только и мог занять Герасимов, в ответ на эти рассказы, явно приводило старательно агента в недоумение, — и он позднее, почти с оттенком облегчения, которое должно явиться у человека, нашедшего решение трудной задачи, принес известие о подозрениях, которые циркулируют в партии против Азефа.

Герасимов вспоминает, что он не раз предупреждал Азефа об опасностях, с которыми связан для него этот образ жизни. Но Азеф не склонен был менять последний. Всю опасность обстановки, которая для него складывалась, он понимал, — но выход искал в прямо противоположном направлении, и все настойчивее и настойчивее доказывал Герасимову, что он должен покончить игру и уйти на покой. Герасимов, по его словам, не особенно спорил. Доводы Азефа и ему казались убедительными: после 15 лет своей работы и в виду опасностей, которые вокруг него все сгущались, Азеф и с точки зрения Герасимова имел право на отдых. Герасимов просил только об одном: довести до конца предположенную на весну операцию по парализованию покушения на царя. На это Азеф дал согласие.

Приблизительно около этого времени имел место небольшой эпизод, оказавший влияние на Азефа и толкнувший его на ускорение развязки: по случайному доносу был арестован помощник Азефа по руководству Боевой Организацией, — П. В. Карпович. Аргунов, видевший Азефа в момент получения известия об этом аресте передает, что Азеф был им «необычайно взволнован». По рассказу Герасимова, Азеф немедленно же заявился к нему на внеочередное свидание и устроил настоящую истерику. По его словам, этот арест неизбежно должен был окончательно погубить его в глазах революционеров, а потому он грозил немедленно же все бросить и уехать за границу. Герасимов был целиком на стороне Азефа. Арест был произведен без его ведома: «если бы

я знал, — говорит он, — я никогда такой глупости не допустил бы». Поэтому Герасимов был готов сделать все, чтобы умиротворить Азефа, — тем более, что он совсем не хотел остаться без его помощи во время весенних операций. Азеф требовал немедленного освобождения Карповича, — и притом так, чтобы у Карповича не возникло никаких подозрений. Карпович бежал с каторги и его тщательно разыскивали по всей России. Освобождение его было прямым служебным преступлением. Тем не менее Герасимов не колеблясь обещал удовлетворить и это требование Азефа. Все действительно было устроено самым лучшим образом.

К счастью, у Карповича при аресте ничего найдено не было и ему не было дано понять, что полиция знает, с кем имеет дело. Это создало возможность изобразить дело так, будто задержан он в виду сомнений в правильности его паспорта. Ему объявили, что его отправят на место выдачи паспорта для проверки его личности: такой порядок действительно применялся в случаях, когда личность арестованного не представляла для полиции никакого интереса. После этого Карповича отправили из Охранного Отделения, где он до этого содержался, в Пересыльную Тюрьму. Сопровождать его Герасимов поручил одному из наиболее доверенных своих чиновников, дав последнему строжайшие инструкции «устроить так, чтобы он бежал». Дело это оказалось не совсем легким: Карпович, который, очевидно, поверил версии о том, что его полиция не опознала, явно не хотел рисковать попыткой побега в Петербурге, в надежде, что такой побег будет более легок в той глуши, куда его посылают. Эти его надежды были основаны на вполне правильной оценке положения, — если бы положение это было нормальным, — а потому он не торопился пользоваться возможностями для побега, которые ему услужливо предоставлял сопровождавший его чиновник. Ехали они на извозчике. В пути чиновник остановил извозчика и зашел в табачную

лавочку, — якобы за папиросами. «Я был уверен, — рассказывал он позднее Герасимову, — что вернувшись найду только пустые дрожки, но к моему изумлению Карпович мирно сидел и ждал». Тогда конвоир предложил Карповичу зайти в ресторан, — «перекусить». Карпович согласился. Заказали обед. Во время него конвоир отлучился «по своим надобностям», — и через дверь смотрел, как себя поведет Карпович. Последний долго колебался, — повидимому, подозревал какую-то ловушку. «Устал я с ним, — рассказывал позднее конвоир Герасимову, — еле-еле удалось выпроводить. Не хотел человек бежать, — что с ним поделаешь?»

Похоже, что именно этот эпизод с Карповичем, заставил Азефа ускорить проведение мер подготовки для переселения за границу: по рассказу г-жи N. в марте 1908 г., вскоре после масляной, Азеф неожиданно и без всяких объяснений заявил ей о необходимости немедленно же ехать за границу и предложил в срочном порядке ликвидировать ее квартиру. Так как для продажи обстановки не было времени, то всю ее сдали на хранение в одно из мебельных депо. Полученную квитанцию практичный Азеф заложил в ломбарде за 700 руб.: по размеру этой суммы можно составить представление о материальном уровне жизни г-жи N. в тот период. С собой для заграницы Азеф советовал оставлять как можно меньше вещей. Он лично настаивал на одном только самоваре: чтобы и заграницей можно было пить чай по-русски.

За границей в этот раз Азеф и г-жа N. провели около месяца, — живя частью вместе, в Германии, частью порознь. Возможно, что в это время Азеф ездил в Париж, где тогда умирал Гершуни. Около Пасхи Азеф, захватив с собой г-жу N., вернулся в Петербург. Теперь они поселились вместе в одном из лучших отелей Петербурга и прописались под именем мужа и жены. На этот раз Азеф уделял г-же N. очень мало времени: он был занят и пропа-

дал по целым дням. Один раз он даже уезжал на несколько дней. Г-же N. он свое поведение объяснял хлопотами по ликвидации своих коммерческих дел.

В действительности его дела, конечно, не имели ничего общего с коммерцией, — хотя и были все построены на основах своеобразного коммерческого расчета: помимо участия в текущей работе Центрального Комитета, именно в этот период он провел две больших операции, — получение из Туркестана денег, экспроприированных в Чарджуе, о чем уже говорилось выше, и «покушение» на царя в Ревеле.

Это последнее предприятие Азеф выдавал Герасимову за в высшей степени серьезное и говорил, что для проведения его создана специальная группа человек в 12-15, опорная база которой находится в Финляндии. Судя по всему, в этих его рассказах было много преувеличений: Азеф так сказать набивал цену той услуге, которую он на прощание оказывал полиции. По крайней мере рассказ об этом эпизоде М. М. Чернавского, — единственного из членов Боевой Организации этого периода, который напечатал воспоминания, — не производит впечатления, что дело было поставлено с большой солидностью.

По договору, который был заключен для этой операции между Герасимовым и Азефом, закончена она должна была быть без арестов: покушение должно было быть предупреждено одними мерами внутри-организационного саботажа. На аресты Азеф ни в коем случае не давал своего согласия, — и Герасимов принял его условия: так как поездка царя в Ревель была связана с вопросами высокой политики (в Ревеле должно было состояться свидание с королем английским), то аресты и громкий процесс были даже не в видах правительства. Важно было только, чтобы поездка прошла без каких-либо инцидентов... Именно поэтому «конвенция» Азефа-Герасимова без возражений была контрассигнована и Столыпиным.

По рассказам Азефа, у членов Боевой Организации имелось несколько проектов нападения на царя:

они должны были быть использованы в зависимости от того, каким путем поедет царь к Ревелю, — по железной дороге или морем, — где он остановится в Ревеле и т. д. Задача Азефа и Герасимова сводилась к тому, чтобы передвижения царя не допустили применения ни одного из этих проектов, — и чтобы при этом у членов Боевой Организации все время сохранялась твердая уверенность, что все неудачи объясняются случайными совпадениями обстоятельств, что полиция не осведомлена об их планах.

Справиться с этой задачей удалось без больших затруднений: в одном случае условная телеграмма пришла с совсем небольшим запозданием; в другом — кто то не успел попасть на нужный поезд. Кроме того царь отменил поездку в замок какого-то своего приближенного из эстляндских баронов, — а именно на эту поездку Боевая Организация возлагала особенные надежды. Все сошло как нельзя лучше: без сучка — без задоринки...

Герасимов вспоминает, что во время проведения им с Азефом этой операции ему бросилась в глаза совершенно исключительная осведомленность Азефа относительно всех предположенных передвижений царя. Все изменения, которые вносили в план царской поездки, в каком бы секрете они не держались, немедленно становились известными Азефу, который обо всех о них получал известия путем условных телеграмм. Азеф даже бравировал этой своей осведомленностью и почти посмеивался над Герасимовым, который этого рода новости узнавал позднее Азефа, — хотя по своему положению и должен был быть в курсе всех этих вопросов, так как именно на нем лежала основная забота о безопасности царя. Однажды на этой почве между Герасимовым и Азефом вышло нечто вроде маленькой размолвки: в процессе обсуждения плана операций Азеф указал на необходимость принять во внимание какую-то деталь намеченного маршрута царя. Герасимов возразил, что такой детали в маршруте не имеется, — и ссылаясь на имеющие-

ся у него официальные документы. Азефа это не смутило:

«Это — новое изменение, которое до вас, очевидно, еще не дошло, — авторитетно заявил он. — Значит, вам сообщат завтра или после-завтра».

И сколько Герасимов ни старался убедить его в невероятности подобного допущения, Азеф уверенно стоял на своем:

«Наши сведения совершенно точны!»

Велико было изумление Герасимова, когда на следующий день он получил «строго конфиденциальный» пакет с дополнительной надписью: «лично в руки...», — в котором содержалось извещение о внесении в маршрут царя той самой поправки, про которую ему накануне рассказывал Азеф.

Во время ближайшей встречи Герасимов, естественно, сделал попытку выяснить источник столь исключительной осведомленности Азефа, — но последний самым решительным образом отказался удовлетворить любопытство своего полицейского патрона:

«Вы знаете, что я принимаю все меры, чтобы расстроить покушение, — и ручаюсь вам, что не допущу его. Но сообщить, кто дает мне эти сведения, я не могу: человек этот занимает весьма высокое положение, об его сношениях со мной известно всего только 2-3 людям. Если он как-нибудь заметит, что об его роли известно, — подозрения падут, конечно, на меня и тогда я погиб... Лучше не спрашивайте: я должен заботиться и о собственной голове!»

Но подчеркнуть свою победу и в данном споре Азеф не забыл:

«Видите: а ведь прав то был я... Что стали бы вы делать, если бы во главе Боевой Организации стоял кто-нибудь другой?»

Настаивать на своем вопросе Герасимов не считал возможным: право Азефа «беречь свою голову» было давно уже признано, — и при том в самом широком толковании. Да и ясно было, что такое настаивание ни к чему не приведет: сломить Азефа было трудно.

Но позднее, когда горячее время ревельской поездки прошло, Герасимов произвел строго секретное расследование о том, кто именно мог быть информатором Азефа. Так как посвященных в детали разработки маршрута царской поездки было очень немного, то отрывочные указания, имевшиеся в рассказах Азефа, нить для расследования давали. Результаты этого расследования заставили Герасимова схватиться за голову: все говорило за то, что информатором Азефа был не какой-либо второстепенный чиновник (именно на это надеялся Герасимов, начиная свое расследование), а лицо весьма и весьма высоко поставленное. Принимать какие бы то ни было меры против него на свою собственную ответственность Герасимов, конечно, не мог, — и решил сделать конфиденциальный доклад обо всем этом деле Столыпину. Последний долго отказывался верить. По его настоянию была произведена дополнительная проверка полученного результата, которая только подтвердила первоначальный вывод: означенное высокопоставленное лицо, судя по всему, действительно вполне сознательно оказывало содействие террористам в подготовке царубийства... Казалось, правительство не имело ни права, ни возможности мириться с подобным положением. И тем не менее после долгих размышлений Столыпин дал указание не давать делу никакого движения:

«Выйдет слишком большой скандал, — теперь мы не можем допустить себе подобную роскошь... Может быть после... Да и роль Азефа в этом случае нам придется вскрыть, — а он нам нужен... Лучше не будем трогать... Имейте только его в виду...»

Заботой о «бережении Азефа» Столыпин был тоже проникнут, — а потому высокопоставленного помощника в деле организации царубийства не тронули... Позднее же, когда роль Азефа вскрылась, «трогать» стало совершенно невозможным: разве можно было рассказать публично, что почти член совета министров в деле подготовки царубийства со-

знательно помогал Боевой Организации, руководителем которой был агент полиции, действовавший под контролем самого председателя этого совета министров? Можно было примириться со всем, что угодно, — только не с оглашением подобных в полном смысле слова убийственных данных!

Фамилия этого лица остается невскрытой и до сих пор: Герасимов и теперь не считает возможным назвать ее для печати. Но и не называя этой фамилии можно составить достаточно ясное представление о богатстве связей, которыми в это время располагала Боевая Организация и которые могли бы при случае быть пущены в ход, — не для игры, подобной той, которая велась Азефом вокруг ревельских планов, а для серьезного предприятия...

Ревельские торжества сошли благополучно. Все были довольны: царь и Столыпин — политическими результатами свидания с английским королем; Герасимов — полученными наградами; Азеф — больше всего тою сотнею тысяч рублей, которые поступили в «забронированный» фонд Боевой Организации из сумм чарджуйского казначейства: переправу этих сумм из Туркестана в Петербург Азеф закончил как раз около этого времени.

Но Ревель был далеко не последнею картою в игре Азефа. Немедленно же после окончания «ревельской кампании» Азеф стал торопиться с отъездом за границу, на что согласие Герасимов ему дал еще заранее. Теперь у Азефа были свои особые причины спешить с этим отъездом: в самый разгар подготовки к «ревельской кампании» из-за границы пришло сообщение о том, что там намечается возможность организовать покушение на царя совсем иным путем и с очень большими шансами на успех. Сообщение это, конечно, было прежде всего передано Азефу, который немедленно отправил своего помощника, П. В. Карповича для выяснения обстановки. Известия, которые приходили от Карповича, внушали радужные надеж-

ды, и Азеф спешил сам на место подготовки больших событий.

С Герасимовым Азеф прощался, как прощаются перед разлукою навсегда. Он говорил, что устал и хочет уйти на покой, а потому в ближайшее же время отстранится от активного участия во всех партийных делах: вот бы только ему удалось реабилитироваться от выдвинутых против него Бурцевым обвинений, — чтобы иметь возможность жить спокойно, не опасаясь нападения со стороны революционеров. Свою активную работу в качестве агента полиции он теперь ликвидировал совершенно: вполне определенно он говорил, что к ней больше не вернется, — и только почти в форме личного одолжения обещал время от времени писать о наиболее важных событиях из жизни Центрального Комитета: материал для информационных докладов Столыпину, к которому Азеф положительно питал нечто вроде личной симпатии. Жалование Герасимов обещал ему высылать пока будет на то формальная возможность, — но смотрели на это жалование больше как на пенсию за услуги, оказанные в прошлом. — Едва ли нужно прибавлять, что во время всех этих подпольных разговоров Азеф ни одним намеком не дал Герасимову понять о существовании какого-то нового плана цареубийства, к которому он теперь будет иметь самое близкое отношение.

В июне 1908 г. Азеф покинул Россию, — для того, чтобы больше уже не возвращаться в нее (если не считать короткого визита в ноябре 1908 г. для свидания с Лопухиным). Г-жу Н., которая, конечно, вместе с ним уехала из России, он оставил в Германии, — а сам поспешил в Париж и затем в Глазго (Шотландия), где шла подготовка к новому покушению против царя.

Новый план состоял в следующем.

В Глазго, на верфях Веккерса, строился крейсер «Рюрик», — один из тех, которые должны были заменить старый русский флот, нашедший столь печальный конец в волнах Желтого моря. Для надзора за

ходом работ и для ознакомления с самим кораблем, в Глазго были присланы основные кадры будущего экипажа крейсера. С представителями этого экипажа революционерами были завязаны связи, и как социал-демократы, так и социалисты-революционеры вели среди них свою пропагандистскую работу. Работой социалистов-революционеров руководил К. П. Костенко, — военно-морской инженер, входивший в центральную группу офицерской организации партии и имевший связи непосредственно с Центральным Комитетом. Именно ему принадлежала мысль использовать для покушения против царя тот торжественный царский смотр, который должен был быть устроен при приеме крейсера, когда он придет в русский порт.

Совершить покушение на этом смотре было возможно двумя способами: если за выполнение этого предприятия взялся бы кто-либо из распропагандированных чинов экипажа, то он мог бы убить царя из револьвера во время самого смотра или во время обхода царем помещений принимаемого крейсера; если же такого добровольца из состава экипажа не нашлось бы, то предполагалось тайно провести на крейсер члена Боевой Организации, не принадлежащего к составу команды суда, и дать ему возможность тайно же прожить на крейсере до момента царского смотра.

Так как в начале подготовительных работ добровольца из состава команды не имелось, то все внимание было сосредоточено на втором плане. Возможность пробраться на крейсер, пока он находился в Глазго, имелась полная. С помощью Костенко был найден и укромный уголок, в котором можно было бы прожить некоторое время, не будучи обнаруженным начальством: это были отверстия в румпельном отделении, за головой руля. Помещение это было мало и неудобно. Человек, который взялся бы за выполнение этого акта, должен был бы все время полусидеть-полулежать, не имея возможности расправить члены тела. Но предполагалось, что при большой выносливости это испытание может быть выдержано. Зато в

других отношениях помещение представляло огромные преимущества: из него легко было попасть в центральную трубу вентилятора, по внутренней лестнице которого можно было подняться непосредственно к адмиральскому помещению и взорвать его во время царского завтрака.

Этот план имел свои отрицательные стороны: время царского смотра не было заранее известно и могло случиться, что террористу пришлось бы жить в своем закуте не несколько дней, а целые недели (на практике такой смотр действительно состоялся почти через два месяца после выхода крейсера из Глазго), — а для такого испытания человеческих сил не могло хватить. Но считалось, что рискнуть все же имело смысл.

Азеф приехал в Глазго в середине июля. С помощью Костенко он получил, — конечно, под чужой фамилией, — разрешение осмотреть крейсер и облазил все помещения, — в том числе и те уголки, в которых предполагалось спрятать террориста, вентиляционную трубу, по которой пришлось бы подниматься к адмиральскому помещению, и пр. Вывод его был неблагоприятен для плана: он считал его невыполнимым. Его отзыв был решающим, и план был оставлен. После этого вся надежда была на нахождение добровольцев из состава экипажа. После некоторых поисков такие добровольцы были найдены. Это были матрос Герасим Авдеев и вестовой Каптелович. Особенные надежды возлагались на первого, — очень смелого, энергичного и весьма революционно настроенного человека. С ним были знакомы как Савинков, так и Карпович; позднее с ним встретился и Азеф. Оба они получили от Боевой Организации револьверы и со своей стороны написали прощальные письма, в которых объясняли мотивы своего поведения: эти письма, вместе с приложенными к ним фотографическими карточками, взял с собою Азеф, — они должны были быть опубликованы после совершения ими намеченного акта.

В середине августа 1908 г. крейсер вышел в Россию. Уже с пути, в личном письме к Савинкову, Авдеев писал о своих настроениях:

«Я только теперь начинаю понимать, что я такое. Я никогда не был и не буду работником-пропагандистом... Я теперь глубоко, серьезно подумавши, представляю себе выполнение порученной мне задачи... Одна минута разрешит больше целых месяцев. Тогда лучше видно».

Только 7 октября состоялся царский смотр. «И Авдеев, и Каптелович встретили царя лицом к лицу», — сообщает Савинков. По рассказу Костенко, переданному В. Н. Фигнер, Авдееву пришлось даже по просьбе царя принести ему бокал шампанского и в течение нескольких минут стоять в непосредственной от него близости. Покушение легко могло быть совершено, — но совершено не было. Савинков объяснял это тем, что ни у Авдеева, ни у Каптеловича в решительную минуту не нашлось нужной смелости. По рассказу Костенко, который лучше осведомлен о том, что происходило на крейсере, дело обстояло совершенно иначе: военная организация, существовавшая на крейсере, готовила вооруженное восстание. Количество распропагандированных было велико, и руководители организации надеялись, что успех будет на их стороне. Авдеев и Каптелович входили в состав этой организации, но не посвятили ее в свои планы. Тем не менее по их поведению руководители организации догадались, что ими что-то готовится и потребовали объяснений. Пришлось рассказать, — результатом явились бурные объяснения. Было ясно, что план цареубийства скрещивается с планом восстания: одно помешает другому, так как в результате выступления против царя на крейсере, конечно, начнутся допросы и аресты, полиция неминуемо нападет на след организации и большой план захвата Кронштадта погибнет. В результате организация потребовала от Авдеева и Каптеловича отказа от их планов, — и они должны были подчиниться ее решению.

Некоторые косвенные указания говорят за то, что эта версия Костенко более правильно объясняет поведение Авдеева и Каптеловича, чем догадка Савинкова: наличие среди распропагандированных матросов крейсера трений между сторонниками терроризма и сторонниками массового восстания видна и из воспоминаний Савинкова. Если так, то последняя карта Азефа, от которой зависело его спасение, была бита сторонниками того самого массового восстания, в которое он никогда не верил и против которого он всегда боролся.

Какое бы из этих двух объяснений мотивов поведения Авдеева и Каптеловича ни было верно, во всяком случае ясно одно: не состоялось это покушение совсем не потому, чтобы его не хотел Азеф. Последний сделал все, что было в его силах, для доведения этого предприятия до успешного конца. Герасимов ничего не знал о том, что должно было произойти на «Рюрик». Прощальное письмо Авдеева, подписанное его настоящим именем, вместе с приложенной к нему фотографической карточкой, — письмо, которое головой выдавало Авдеева, — осталось на хранении у Азефа вплоть до момента его разоблачения: уходя в ночь на 6-ое января 1909 г. со своей парижской квартиры, Азеф сознательно положил его на видном месте на своем письменном столе, — как документ, который должен был доказать его обвинителям, что он не был предателем, если мог предать и не предал этого дела... На самом деле, конечно, значение этого документа было иное: он свидетельствовал, что в данной партии его игры для Азефа было более выгодным предать не революционеров...

Позднее, в 1912 г., встретившись с Бурцевым во Франкфурте на Майне, Азеф не без упрека в голосе говорил:

«Если бы вы, Владимир Львович, меня тогда не разоблачили, — я убил бы царя».

Вся биография Азефа, — как мы ее теперь знаем, — заставляет считать, что на этот раз он говорил Бурцеву правду: он действительно организовал бы царевубийство. Верить в это приходится не потому, что он был особенно инициативным и изобретательным организатором. Наоборот: творческой инициативы у него не было, и за все годы *своего* в боевую работу он ничего не внес. Но волею судеб он сделался центром, к которому тянулись нити коллективной инициативы всех, чья мысль работала над вопросами террора. Огромное большинство этих мыслей Азеф губил, — продавал их полиции. Но в те моменты, когда это становилось ему выгодным, он умел из общей массы талантливых и оригинальных планов выбирать *практически* целесообразные, — как хороший коммерсант из массы часто гениальных изобретений и открытий выбирает только те, которые в данный момент могут быть рентабельными. И этот практически целесообразный план он сумел бы провести в исполнение, — потому что это ему было выгодно.

Конечно, поскольку речь идет об Азефе, организованное им таким образом убийство царя не было бы актом террористической борьбы, — в том смысле, который вкладывается в это слово нашей русской литературой. С точки зрения субъективных мотивов его поведения это было бы обычным убийством с заранее обдуманном намерением и притом в целях извлечения корыстной выгоды. Но для историка эти мотивы не представляли бы большого интереса. Историку пришлось бы считаться с фактом: династия Романовых закончилась бы во всяком случае не на Николае II . . .

ГЛАВА XIX

Разоблачение

Кампания против Азефа, начатая Бурцевым, тем временем разворачивалась своим чередом. Шаг за шагом Бурцев накапливал улики и уже перестал делать секрет из своих обвинений. Теперь он не был одинок. Систематические неудачи Боевой Организации во всем главном, что только она ни задумывала, начали наводить на печальные размышления многих и из числа партийных деятелей. Становилось бесспорным, что предатель в самом центре партии имеется, и методом исключения все, вставшие на путь этих рассуждений, приходили к подозрениям против Азефа. На партийное положение Азефа все эти подозрения до поры до времени никакого влияния не оказывали. Руководители партии упорно отказывались верить всем выдвигаемым против него обвинениям, квалифицируя их как «легкомысленную обывательскую болтовню». Азеф продолжал руководить боевой работой партии и входить в состав Центрального Комитета. В качестве члена последнего в августе 1908 г. он присутствовал на партийной конференции в Лондоне...

Такое положение заставило Бурцева перейти к более решительным действиям. Узнав об участии Азефа на Лондонской конференции, он отправил одному из членов этой конференции, своему старому другу А. Л. Теплову, письмо с прямым обвинением Азефа в измене. Это письмо стало известным Центральному

Комитету, который решил, наконец, выйти из своего пассивного состояния и привлечь Бурцева к третьейскому суду. Речь шла не о расследовании по существу тех обвинений, которые выдвигал Бурцев против Азефа, а именно о суде над Бурцевым за то, что он «клеветал» на Азефа. И тем не менее решение Центрального Комитета натолкнулось на сильное сопротивление среди видных партийных деятелей, — особенно из числа имевших более или менее близкое отношение к Боевой Организации. Последние во главе с Савинковым были самым решительным образом против суда, считая уже самую возможность такого суда оскорблением для чести Боевой Организации.

Считая Бурцева искренним человеком, впадшим в глубокое заблуждение только потому, что он не знал действительной биографии Азефа, Савинков в доверительных беседах рассказал Бурцеву во всех подробностях о роли Азефа в жизни Боевой Организации. В этих рассказах для Бурцева было много нового. Из них он, в частности, впервые узнал о плане покушения на крейсере «Рюрик»: разговоры его с Савинковым происходили в сентябре, — как раз в те дни, когда «Рюрик» подходил к Кронштадту и готовился к царскому параду, и когда посвященные в это дело руководители Боевой Организации со дня на день ожидали получения телеграммы о «роковом» для жизни царя инциденте во время этого парада. Легко себе представить, какие настроения должны были вызвать в Бурцеве эти рассказы. У него была твердая уверенность в правильности выдвинутого им обвинения, — но точного знания, документально установленных фактов он не имел. Прав или не прав он был, — но общая обстановка в свете узнанного им от Савинкова, становилась еще более жуткой, еще более кошмарной.

Именно в эти дни он сделал свою попытку вызвать Лопухина на откровенный разговор. Попытка эта, как рассказано выше, удалась:

«Никакого Раскина я не знаю, но инженера Евно Азефа я видел несколько раз», — взволнованно бро-

сил бывший директор Департамента Полиции, сам разрешивший Азефу вступить в Боевую Организацию, но не имевший до этого разговора и отдаленного представления о том, как далеко ушел его бывший подчиненный по тому пути, для вступления на который Лопухин его благословил.

Этот разговор дал Бурцеву то, чего ему раньше не хватало, — дал знание правильности выдвигаемого им обвинения. Пусть Азеф убил Плеве, вел. кн. Сергея и многих других; пусть он не сегодня-завтра убьет и самого царя. Дело от этого не меняется. Какими мотивами он руководствуется при этом — неизвестно, — но точно известно, что он состоял и состоит на службе у полиции, и если по тем или иным соображениям он сегодня не выдает одних из террористов, то совершенно несомненно, что он вчера и позавчера выдавал многих других, — и что он будет так же поступать завтра. Мириться с этим положением нельзя. Если ближайшие друзья Азефа не хотят открыть глаза, если они остаются глухи ко всем указаниям, — тогда остается только одно: высказать свои обвинения публично, в печати.

Под влиянием этих настроений немедленно же после свидания с Лопухиным Бурцев составил открытое обращение ко всем членам партии социалистов-революционеров и сдал его в типографию для набора. В этом обращении он повторял свои обвинения против Азефа и объяснял, почему он должен прибегнуть к помощи печатного слова.

В корректурных гранках это обращение было послано в Центральный Комитет социалистов-революционеров. Только после этого принятое больше чем за месяц перед тем решение о созыве третейского суда было приведено в исполнение. В состав суда решено было пригласить трех наиболее старых и популярных в революционной среде революционеров: В. Н. Фигнер, Г. А. Лопатина и П. А. Крапоткина.

«Надо принять меры и усмирить Бурцева, который направо и налево распространяет слух, что Азеф про-

вокатор», — говорил член Центрального Комитета Натансон, приглашая в состав суда В. Н. Фигнер.

Они все еще были уверены, что речь идет именно о том, чтобы «усмирить» Бурцева!

Суд заседал в Париже, — главным образом на квартире Савинкова, в маленькой скромной комнате, почти лишенной обстановки. Внешняя обстановка была самая обыденная, без намека на торжественность. Члены суда сидели в перемежку с «обвиняемым» и представителями «обвинения», официальным председателем был Г. А. Лопатин, но фактически допросы вел главным образом В. М. Чернов, — который вместе с М. А. Натансоном и Б. В. Савинковым представлял обвинение в качестве официальных уполномоченных Центрального Комитета. Настроение всех участников, — достаточно приподнятое и в самом начале, — по мере хода следствия, становилось все более и более напряженным.

Бурцев, связанный обещанием, которое он дал Лопухину (не называть никому его имени), в начале держался в области тех данных, которые он собрал через Бакая. Это были все косвенные улики, — и притом основанные на слухах, циркулировавших в полицейских кругах. Убедительными они становились только в том случае, если слушатель с доверием относился к личности информатора, — к самому Бакаю. А именно этого, конечно, и в намеке не было у представителей партии, которые третировали Бакая, как только могли. В тяжелом положении находился и сам Бурцев. Он был один против трех, — причем из этих трех каждый в отдельности был более опытным, чем Бурцев, оратором, более ловким, чем он, диалектиком. Особенно сильно на него нападал Чернов, который по выражению В. Н. Фигнера, «как ловкий следователь, наступал на Бурцева и можно сказать преследовал его по пятам». Бурцев же поражал «отсутствием изворотливости, неумением отражать противника».

Некоторые из судей колебались. Крапоткин, который имел большой опыт с провокаторами среди фран-

цузских анархистов 1880-90 г. г., вспоминал, что история не знает случая, когда долголетние и из разных кругов возникавшие подозрения против какого-либо определенного лица не оказывались в конечном итоге правильными. Тем не менее чаша весов перевешивала явно не в сторону Бурцева. Особенно сильным козырем в руках «обвинителей» был перечень «революционных заслуг» Азефа. Развернув список этих последних в большой и красивой речи, Б. В. Савинков патетически спрашивал Бурцева:

«Я обращаюсь в Вам, Владимир Львович, как к историку русского революционного движения, и прошу Вас после всего, что мы рассказывали здесь о деятельности Азефа, сказать нам совершенно откровенно: есть ли в истории русского революционного движения, где были Желябовы, Гершуни, Сазоновы, и в революционном движении других стран более блестящее имя, чем имя Азефа?»

«Вы знаете, — говорила Бурцеву В. Н. Фигнер, — что вы должны будете сделать, когда будет доказана неправильность ваших обвинений? Ведь вам останется только пустить пулю в лоб, — за то зло, которое вы причинили делу революции...»

В этой обстановке, в самый последний момент Бурцев решил нарушить обещание, данное им Лопухину.

«Я имсью еще одно доказательство», — начал он, и потребовав от всех присутствующих особого торжественного обещания не выносить подробностей за стены данной комнаты, подробно рассказал им о своем свидании с Лопухиным.

Рассказ произвел огромное впечатление. «Я никогда в моей жизни, — вспоминает Бурцев, — не говорил перед такими внимательными слушателями, как на этот раз... Когда я повторил слова Лопухина:

— Никакого Раскина я не знаю, но инженера Евно Азефа я видел несколько раз, —

то все враз заговорили и встали со своих мест. Взволнованный Лопатин, со слезами на глазах, подошел ко мне, положил мне руки на плечи и сказал:

— Львович, дайте честное слово революционера, что вы слышали эти слова от Лопухина...

«Я хотел ему ответить, но он отвернулся от меня, как то безнадежно махнул рукою и сказал:

— Да чего тут говорить... Дело ясное!»

Положение сразу переменилось. «Присутствующие все были ошеломлены», — признается В. Н. Фигнер, до того целиком бывшая на стороне защитников Азефа. Представители Центрального Комитета пытались было бороться против общего настроения. Натансон говорил, что Лопухин — опальный директор Департа. Полиции, и сознательно клеветает на «опасного для полиции революционера» Азефа, желая этим путем выслужиться перед правительством.

Но натяжка этого объяснения чувствовалась всеми. После короткого обмена мнениями, Крапоткин от имени всех судей заявил, что партия должна произвести проверку рассказа Лопухина.

Суд над Бурцевым кончился, — впервые за все время начиналось расследование деятельности Азефа.

Сам Азеф в течении всего этого времени, — суд тянулся около месяца, — был вне Парижа. Большую часть лета, после поездки в Глазго, он провел вместе с г-жею N: сначала в Остенде, затем в Париже. Вместе с нею он поехал и в Лондон, — когда ему пришлось туда ехать для участия в конференции. Заседаниями последней, по свидетельству Аргунова, Азеф нередко манкировал: это происходило потому, что, по рассказу г-жи N, все эти дни их лондонского пребывания были сплошным пикником. Увеселительные поездки сменяли одна другую. Только к одному вопросу Азеф отнесся с большим вниманием: уже после того, как Центральным Комитетом была разработана смета расходов, в самый последний момент, Азеф предъявил новые, повышенные требования денег на нужды Боевой Организации. Центральный Комитет, — как это обычно бывало, — усту-

пил, и уже принятый бюджет «был пересмотрен на-ново» . . .

Таким же сплошным пикником была и жизнь в Париже, куда Азеф вместе с г-жею N. переехал после Лондона. Он даже внешне настолько переменялся, что это начало бросаться в глаза его товарищам по партии, — обычно мало внимательным к мелочам этого рода. Всегда чисто выбритый, в щегольском прекрасно шитом костюме, он выглядел настоящим имянинником.

. . . Как раз в дни этого «сплошного пикника» г-жа N. получила от Азефа наибольшее число ценных подарков, — из которых только за один, — за бриллиантовые серьги, купленные в Париже, — Азеф заплатил 25 тыс. франков . . .

В заседаниях Центрального Комитета, которые предшествовали созыву суда, Азеф участвовал в качестве полноправного члена и вместе с другими разрабатывал программу поведения на суде. Но на самый суд явиться он не захотел: ему было «противно купаться во всей той грязи, которую поднимает Бурцев»; сама мысль о возможности объясняться с ним перед судом казалась оскроблением, и дело «защиты своей чести» он полностью переловерил своим ближайшим товарищам по партии. Последние все это принимали за чистую монету. Если бы против кого-либо из них по роковому стечению обстоятельств было возведено аналогичное обвинение, то они на самом деле испытывали бы приблизительно такие же ощущения, — вполне естественным казалось им наличие их и у Азефа. Поэтому они не только с готовностью взяли на себя дело «защиты его чести», но еще и сами уговаривали его уехать из Парижа, отдохнуть, успокоиться, собраться с мыслями . . .

Азеф действительно уехал, — в маленькое дачное местечко в Пиринях, недалеко от Биаррицы, где в то время жила его жена с детьми. С г-жей N. пришлось на время расстаться: нужно было выдерживать

роль глубоко оскорбленного, — а жизнь «сплошного пикника» могла броситься в глаза. Но несмотря на нависшую угрозу, мысли Азефа все время возвращались к г-же N.: жизнь в семье после увеселительных поездок казалась до невозможности скучной. Его письма к г-же N. от этих дней полны упреками за отсутствие писем и пожеланиями скорее свидеться: «Süsse, liebe, — восклицает он в письме от 27 сентября, — как хотел бы я иметь тебя здесь чтобы купаться вместе!»

Сравнительно скоро явилась приличная возможность положить конец этой разлуке: летние каникулы окончились, детям Азефа нужно было вернуться в школу, — и Азеф уговорил жену ехать вместе с ними в Париж, не беспокоясь о том, что он останется один. Так будет даже лучше: ему тяжело видеть людей, да он и вообще предпочитает наедине с собой переживать тяжелые минуты. — Едва ли нужно прибавлять, что немедленно после того, как выяснилась дата отъезда жены, к г-же N. полетела телеграмма, — с призывом как можно скорее приехать. Г-жа N. не заставила повторять просьбу, — и в то время, когда друзья Азефа на суде «защищали его честь», в Биаррице вновь началась жизнь «сплошного пикника». «Здесь чудно хорошо, — писала г-жа N. своей матери в первой открытке из Биаррицы, от 14 октября. — Я купаюсь каждый день, — так тепло. Вчера удила рыбу, поймала 5 штук. Я сидела в лодке. Солнце печет невероятно». К концу месяца погода в Биаррице начала портиться, — тогда Азеф с г-жею N. совершили небольшое турне по Испании: видели бой быков в Сан-Себастьяно, бродили по Мадриду...

Суд в начале беспокоил довольно мало. Письма из Парижа звучали очень оптимистически, и Азеф надеялся, что эта «грязная процедура судебного разбирательства» закончится быстро и вполне благополучно. Возможно, что держалась и надежда на Авдева: со дня на день в это время ждали телеграммы о «прискорбном происшествии» на крейсере «Рюрик»,

— и тогда Азефу перестали бы быть страшными все Бурцевы мира: ни один суд не решился бы высказаться против организатора убийства царя. Но телеграммы этой не было, процесс затягивался, — и Азеф в письмах к друзьям в Париж становится все более и более раздражителен, ворчит на суд, который без нужды затягивает дело, на друзей, которые не умеют быть достаточно убедительными... «Хотелось бы уже развязаться с этой мерзостью», — срывается у него в письме к Савинкову из Сан-Себастьяно, — того самого, на залитой солнцем арене которого так театрально красиво резали быков...

Но «развязаться» не удалось. Наоборот, «эта мерзость» заставила прервать прогулку по стране торреадоров. Г-жа Н. помнит, что после получения каких то писем, Азеф заявил ей, что должен расстаться с ней и срочно, по важным «коммерческим делам» вернуться в Париж.

Нет сомнения, это были письма, написанные после рассказа Бурцева о свидании с Лопухиным. Имя последнего и подробности разговора с ним держались в секрете. Но факт резкого поворота в ходе всего дела не был тайной для сравнительно широких кругов партийных деятелей. От одного к другому шло известие о «таинственной сенсации», которую преподнес суду Бурцев и которая заставила Центральный Комитет приступить к особому расследованию в Петербурге. Во всяком случае в этих пределах о происшествии было сообщено и Азефу, — теми его друзьями, которые продолжали оставаться уверенными в его невинности. Таковым его считал даже сам Аргунов, которого Центральный Комитет отправлял в Петербург для собирания сведений о Лопухине. Перед своим отъездом из Парижа он не только счел нужным зайти попрощаться с женой Азефа, но и написать самому Азефу. «Одна подробность, характеризующая настроение у меня — следователя, — пишет он в своих воспоминаниях, — при прощании с женой и детьми Азефа мне

вдруг захотелось сказать слово утешения и поддержки «бедному Ивану Николаевичу», который там, один, переживает эти отвратительные толки о себе, всю эту грязную процедуру судебного разбирательства, и пр. и пр. Я написал ему открытку, где в нескольких словах, прощаясь перед отъездом, просил его не тревожиться, не расстраиваться и быть бодрым».

Может быть, именно эта открытка и переполнила чашу тревог Азефа и заставила его поспешить в Париж, — чтобы попытаться спасти то, что еще можно было спасти из всей этой становившейся все более и более «грязной» процедуры.

В Париже выяснилось, что положение было хуже, чем он ожидал. Возможностей спасения не было, — и в дальнейшем Азеф все время катится по наклонной плоскости, делая ошибку за ошибкой. «Когда бог хочет кого-либо наказать, — писал он позднее о своем поведении в эти дни, — то отнимает у него разум».

Неизвестно кто именно это сделал, но из документов несомненно, что кто то из небольшого числа людей, хорошо посвященных в подробности рассказа Бурцева, не сдержал своего слова и не только назвал Азефу имя Лопухина, как того нового свидетеля, который выступает против него, но и сообщил ему целый ряд подробностей относительно свидания Лопухина с Бурцевым. Азеф сделал отчаянную попытку: тайно от товарищей он помчался в Петербург и совместно с Герасимовым предпринял ряд шагов, чтобы уговорить Лопухина отказаться от своего показания. Сначала Азеф, потом Герасимов с этой целью нанесли визиты Лопухину. Результаты были прямо противоположные. Лопухин решил жечь корабли и согласился на свидание с Аргуновым, который в эти дни был в Петербурге и собирал сведения о Лопухине через либерально настроенных знакомых последнего. В этом разговоре Лопухин шел даже дальше, чем в разговоре с Бурцевым, и подробно рассказал об Азефе

все, что знал. «Я слушал молча, — вспоминает Аргунов, который шел на свидание все еще полный веры в Азефа, — не прерывая Лопухина. Развертывающаяся картина азефовщины давила на мозг всею своею тяжестью. Хотелось поймать рассказчика на одном каком-нибудь фальшивом пункте, чтобы ухватившись за него, отбросить всю эту мистификацию, всю хитроумную сеть его доказательств. Но я не находил ни одной фальшивой ноты в его изложении, ни одной несообразности, нелепости. Все дышало правдой».

Лопухин пошел даже на большее: согласился приехать в Лондон и там повторил свой рассказ, — на этот раз перед тремя представителями партии: Аргуновым, Савинковым и Черновым. И на всех на них его рассказ тоже произвел впечатление полной правды. В это же время были получены и объективные улики против Азефа: Лопухин указал точную дату посещения его Азефом. У последнего запросили, где он был в эти дни. Азеф представил счета берлинских гостиниц, пытаясь ими доказать свое алиби. Проверка не только обнаружила ложность этих документов, — но и убедила, что они изготовлены с помощью полиции.

Звенья цепи обвинения замыкались одно за другим.

5 января 1909 г. Центральный Комитет созвал совещание ряда наиболее ответственных партийных работников, — и, подробно изложив положение дела, поставил вопрос: что делать? Ослепление «блестящим прошлым» Азефа было настолько велико, что и теперь из 15-18 присутствовавших лишь 4 подали свои голоса за немедленную казнь предателя: Зензинов, Прокофьева, Савинков и Слетов. Остальные колебались. Правда, из состава присутствовавших, кажется, только один Натансон продолжал лелеять надежду, что Азеф еще сможет оправдаться. Для других решающим было опасение, что немедленная казнь Азефа вызовет междуусобную войну внутри партии: Карпович, живший в это время в Петербурге, писал, что

он «перестреляет весь Центральный Комитет», если осмелятся поднять руку на Азефа. Было известно, что таково настроение и некоторых других членов Боевой Организации. Кроме того боялись, что убийство Азефа вызовет репрессии против всех эмигрантов.

Сошлись на самом плохом, на чем только можно было сойтись: на компромиссе. Решено было сделать попытку под предлогом суда завлечь Азефа в специально для этого снятую укромную виллу и там его умертвить. Это, по крайней мере, сводило к минимуму опасность репрессий со стороны французской полиции. Пока же были отправлены к Азефу три представителя собрания, — для допроса, причем им было поставлено условие: не брать с собою оружия. Опасались, что кто-либо из них не выдержит...

Эти представители, — ими были В. М. Чернов, Б. В. Савинков и член Боевой Организации Панов («Николай»), — поздно вечером в тот же день явились на квартиру Азефа. С первых же слов Азеф понял, что теперь он сидит на скамье подсудимых. В этой обстановке его так часто и казалось бы хорошо испытанное умение владеть собою ему изменило. Он путался в ответах, сбивался в рассказах, впадал в противоречия с точно установленными фактами и даже с самим собою. Но вскоре, увидев, что в него не стреляют, он немного пришел в себя и сделал попытку даже свою растерянность обратить в свою пользу: да, он сейчас не может дать удовлетворительных ответов; обстоятельства его преследуют, — к тому же он чувствует себя как во враждебном лагере, — «вы все против меня», — и это отношение ближайших друзей его угнетает и не дает собраться с мыслями. Он пытался играть на воспоминаниях о прошлом. Остановившись против Чернова и смотря ему прямо в глаза, он дрожащим голосом говорил:

— Виктор! Мы жили столько лет душа в душу. Мы работали вместе. Ты меня знаешь... Как мог ты притти ко мне с таким... с таким гадким подозрением?

Но и это не помогло. В ответ ему предложили рассказать откровенно о своих сношениях с полицией, повидимому, была минута, когда Азеф колебался: не принять ли это условие. Зная его, можно говорить с полной уверенностью: если бы он видел наведенное на него дуло револьвера, он действительно принял бы это условие, — и какой угодно ценой купил бы жизнь. Но дула на него наведено не было, — и после колебаний он продолжал упорствовать в полном отрицании.

Допрос кончился тем, что пришедшие ушли, взяв с Азефа обязательство явиться на следующий день к полудню на квартиру Чернова. Азеф обещание это дал, но, конечно, и не собирался держать его.

Едва только закрылась дверь за делегатами, Азеф торопливо стал готовиться к бегству. Жене, которая попрежнему верила ему во всем, Азеф объяснил, что должен уехать на время, — для того, чтобы спокойно собрать материалы для своего оправдания. Сейчас, — говорил он, — защищаться нет возможности, ибо «они» уже решили его убить. Но он скоро вернется с доказательствами и тогда восстановит свою честь. Больше всего его беспокоил вопрос, не оставили ли революционеры патрули на улице, — для надзора. Несколько раз подбегал к окну, — в неосвещенной комнате, — и приподняв уголок занавески осматривал окрестности. Улицы были пусты. Никаких патрулей не было.

Вещей Азеф с собой почти не взял. Заботливо пересмотрел он только свой архив, кое-что уничтожил, на видном месте на письменном столе положил прощальное письмо матроса Авдеева. Все остальное, — все письма от партийных друзей, все документы, такие реликвии, как письма Сазонова из Шлиссельбурга, и пр. — взял с собою. Трудно верится, но делегаты, приходившие для допроса, даже не сделали попытки осмотреть его бумаги...

Было 3¹/₂ часа ночи на 6-ое января 1909 г., когда

Азеф покинул свою квартиру. Жена проводила его до вокзала и посадила на ближайший поезд, уходящий в Германию. Адрес для писем ей Азеф дал на Вену, до востребования, — но ехал он не непосредственно в Вену, а сначала в тот провинциальный городок Средней Германии, откуда родом была г-жа N. и где она теперь жила у матери, после такой приятной поездки по Испании.

На следующий день жена послала Азефу письмо, — полное тоски, тревоги и сомнений, полное просьб, как можно скорее собрать «документы», — так как положение становится совершенно невыносимым, так как даже самые, казалось бы, преданные друзья начинают сомневаться и смотреть на нее с недоверием, даже с подозрениями. И как раз в этот же самый день, в гостях у г-жи N., Азеф строчил свой последний доклад Герасимову, — с теми сведениями о роли Лопухина, которые он почерпнул из слов допрашивавших его делегатов...

Полицейская карьера Азефа была кончена. Теперь он уже не мог оказывать услуг, — ни Герасимову, ни Столыпину. Этого Лопухину не простили. Столыпин решил поставить примерный процесс против последнего, — чтобы показать, как мстит правительство своим сановникам, какие посты они ни занимали бы, если эти сановники смеют выдавать тайны полицейского розыска. Так как процесс должен был быть очень громким, то Столыпин предварительно доложил о своих планах царю, познакомив последнего с перечнем заслуг Азефа. Тут впервые Николай II узнал, кем был выдан Никитенко, кто предотвратил покушение в Ревеле. Благословение на предание Лопухина суду было дано, — с тем большей охотой, что Николай уже давно не любил Лопухина за разоблачение тайны печатания погромных прокламаций; сам Николай к этим прокламациям относился с большой благосклонностью...

Процесс был проведен с рекордной быстротой, — причем по специальным инструкциям Столыпина и во

время предварительного следствия, и на суде Лопухину не дали возможности рассказать о том главном, о чем он хотел рассказать: о тех своих противниках из Департамента Полиции, которых он считал главными вдохновителями двойной игры Азефа, — и специально о самом Столыпине. Обо всем этом Лопухин смог рассказать только в 1917 г., на допросах в Чрезвычайной Следственной Комиссии, созданной временным правительством. Этот рассказ в ряде отношений наводит на сомнения. Перед этой комиссией Лопухин, несомненно, говорил не всю правду, о многом умалчивал, — стремясь обелить свое собственное полицейское прошлое. Но он все же представляет большой интерес, — и заслуживает быть приведенным здесь:

«... Однажды весной 1906 г. мой бывший сослуживец по департаменту полиции, — показывал Лопухин, — Макаров, на мой вопрос об участии Азефа сообщил мне, что он все еще состоит агентом у Рачковского и Герасимова и играет большую, чем когда либо, осведомительную роль. Вскоре министром вн. дел был назначен Столыпин, мой товарищ по гимназии, с которым я был дружен в юности и встретился за 2 года перед тем по старому после многих лет, что мы не видались. Немедленно по назначении его я подробно посвятил его в историю Азефа и в детали деятельности обнаруженной мною в январе 1906 г. по поручению гр. Витте типографии департамента полиции, устроенной для печатания погромных листков. Столыпин к моим сообщениям отнесся, мне показалось, с искренним негодованием, — к провокаторской роли Азефа, а так же к погромной политике департамента полиции, — высказав полную решимость покончить как с тем, так и с другим. Через несколько дней я уехал за границу, где прочел отчет о заседании Госуд. Думы, в котором Столыпин давал объяснения по запросу о деятельности вышеупомянутой типографии. Объяснения эти так извращали факты, были так далеки от известных Столыпину с моих слов данных, что давали основание предположить о том, что Столыпин

или сознательно лгал перед Думой, или был введен в заблуждение своими подчиненными. У меня не было прямых данных подозревать его в первом, и потому я написал ему официальное письмо, в котором, предупреждая его об обмане, привел все сообщенные ему мною ранее на словах сведения о погромной деятельности Департамента Полиции в 1906 г. Объяснения, которые произошли между Столыпиным и мною по моему возвращению из-за границы, по поводу моего письма, уже не оставили места сомнениям в том, что Столыпин сознательно искажал истину в своих заявлениях перед Думой. Наши отношения после этого объяснения почти порвались. Вскоре мы разошлись окончательно. В разговоре по поводу происшедшего в сентябре 1906 г. еврейского погрома в Седлеце Столыпин с величайшим раздражением сказал мне, что считает меня явным революционером и в качестве министра внутренних дел предупреждает, чтобы я сообразовал свое поведение с этим его мнением обо мне. Я же ответил ему, что после той лжи, которую он расточал перед Госуд. Думой по поводу погромной типографии Департамента Полиции, я не верю ему ни в чем, считаю его способным даже пользоваться услугами Азефа и предупреждаю его, что если бы я узнал, что Азеф продолжает состоять агентом русской полиции, я приму меры к его разоблачению, дабы покончить с этим делом. Узнав в сентябре 1908 г. от Бурцева о том, что провокаторская роль Азефа не кончена, я и сообщил Бурцеву все мне об Азефе известное, а затем подтвердил это и членам партии социалистов-революционеров. При производстве следствия по моему делу, мне был задан следователем вопрос: почему о деятельности Азефа я сообщил Бурцеву, а не кому либо из знакомых мне должностных лиц, обладавших для обезврежения Азефа властью. Я ответил, что начал с того, что обратился к такому лицу. Но прежде, чем я успел назвать Столыпина, присутствовавший при допросе товарищ прокурора Корсак перебил меня вопросом, могу ли я доказать

мое заявление, присутствовал ли кто-нибудь при моем разговоре с этим должностным лицом. И на мой отрицательный ответ товарищ прокурора предупредил меня, что если я назову должностное лицо, которому я говорил об Азефе и не подтвержу моего заявления свидетелями, то могу только отягчить мое положение в деле. Свидетелей моего разговора со Столыпиным не было, и я на предварительном следствии его не назвал. Я хотел назвать его перед судом, но там председатель лишил меня слова. Я уверен, что едва ли не главной целью моего ареста и предания суду было лишить меня возможности назвать Столыпина, как покровителя Азефа. Для достижения этого стоило перенести тот скандал, который Столыпин устроил себе и правительству моим арестом и судебным против меня процессом . . . »

Как ни относиться к деятельности самого Лопухина на посту директора Департамента Полиции, и как ни расценивать действительные мотивы его перехода в оппозицию, в одном историк должен во всяком случае отдать ему справедливость: он вполне прав, когда называет Столыпина прямым покровителем Азефа. После приведенных выше рассказов Герасимова, в этом уже не может быть никакого сомнения. Лопухин еще не знал всей правды!

Суд приговорил Лопухина к ссылке на каторжные работы, — вопреки всем фактам и законам логики признав его виновным в принадлежности к партии социалистов-революционеров только на том основании, что он говорил с членами этой партии об Азефе. Только во второй инстанции приговор был несколько смягчен; но ссылка в Сибирь на поселение осталась . . .

Столыпин мог торжествовать свою победу, — но радости она принесла мало: процесс против Лопухина сосредоточил на себе внимание не только всей русской, но и мировой прессы. Дело Азефа и «тайны русской полиции» вообще на целые годы стали одной из наиболее излюбленных тем мировой журналистики, —

и трактовалась эта тема всегда далеко не в благожелательных для русского правительства тонах. Ум плохо мирился с мыслью о том, что Азеф мог вести свою сложную игру только за свой собственный риск и страх, — что этой игры не замечал никто из его полицейских руководителей. Родились и приобрели большое распространение теории о том, что Азеф-террорист был только игрушкой в руках виднейших представителей полицейского мира, — что удачными бывали только те из организуемых им покушений, которые он устраивал по прямым указаниям сначала Рачковского, а потом Герасимова. Неверные по существу, эти теории нашли настолько благодарную аудиторию, что им начали придавать веру даже в русских правительственных кругах. Они отравили последние годы жизни Рачковского: этому заслуженному провокатору, у которого на совести было больше, чем достаточно своих собственных преступлений, пришлось расплачиваться за Азефа, с которым он почти никаких сношений не имел и к которому он относился с большим, чем кто-либо другой из полицейского мира, подозрением. В связи с делом Азефа он был взят под надзор, у него был произведен обыск...

Еще хуже пришлось Герасимову: он, — гордившийся тем, что только благодаря ему правительство раздавило революцию 1905 г., — едва-едва ушел от прямого предания военному суду.

Вскоре после разоблачения Азефа Герасимов уехал в длительный отпуск: в течении 4 лет своего пребывания на посту начальника Охранного Отделения в Петербурге он ни разу не брал отпуска и теперь собирался получше отдохнуть. В этот момент он был на вершине своей славы. Столыпин целиком воспринял его точку зрения на дело Азефа и публично взял последнего под свою защиту с кафедры Государственной Думы. Уезжающему Герасимову было обещано по возвращении место товарища министра внутренних дел с поручением руководить всей полицией в Империи. Но ко времени его возвращения

все переменялось самым радикальным образом. К подозрениям, возникшим в связи с делом Азефа, прибавились подозрения, возбужденные делом Петрова. Этот последний был молодым социалистом-революционером. Он сидел в тюрьме, когда была раскрыта роль Азефа. Ему грозила каторга. Для того, чтобы спасти себя и своих ближайших друзей, под свежим впечатлением от дела Азефа, он решил прикинуться готовым поступить на службу в полицию. Он имел успех, и полиция помогла ему в организации побега. Одновременно было освобождено несколько его ближайших друзей, которые должны были помогать укреплению его положения в партии. Но за границей, куда Петров выбрался немедленно по выходе на свободу, он рассказал о своих сношениях с полицией, — правда, в сильно романтизированном виде, — и предложил себя целиком в распоряжение партии для того, чтобы искупить свою ошибку. Предложение его было принято, и он получил поручение организовать убийство того самого Герасимова, который вел с ним переговоры о вступлении на полицейскую службу. С этим поручением Петров и его личные друзья отправились в Петербург. Но увидеться с Герасимовым Петров уже не мог: последний уже не имел касательства к активной полицейской работе и стоял под подозрением в связи с делом Азефа. Сношения с Петровым вел преемник Герасимова на посту начальника петербургского Охранного Отделения полк. Карпов. Тогда Петров организовал убийство этого последнего, а на допросах после ареста заявил, что совершил это убийство по прямому совету Герасимова. Это было ложное показание, специально для того сделанное, чтобы скомпрометтировать Герасимова в глазах правительства: к такому выводу заставляет прийти самая придирчивая проверка обстоятельств дела, как они были видны с обеих сторон, — со стороны полиции и со стороны революции. В показаниях Петрова не было никаких доказательств, — это был голый оговор. И тем не менее обстановка, создавшаяся в правитель-

ственных кругах после разоблачения дела Азефа была такова, что очень многие этому голому оговору были склонны верить. Сам Петров был в срочном порядке повешен, но специальная особо секретная комиссия еще долго билась над вопросом о том, что делать с Герасимовым. Большинство стояло за предание его военному суду, и только личное вмешательство Столыпина предотвратило создание нового скандального процесса.

Но уже самая возможность разговоров на эту тему достаточно ясно говорит о том, какая обстановка создалась после дела Азефа на верхах политической полиции. Полное разложение, полное недоверие ко всем на этих верхах, — с одной стороны; глубочайшая дискредитация во всем мире, — с другой, — такова была месть Азефа-провокатора той системе, которая создала возможность его появления на свет божий.

Но отомстил он не одной только полиции.

Когда сомневаться в факте его измены стало невозможным, среди эмигрантов террористов поднялась агитация за необходимость «восстановить честь террора». Особенно горячо вел ее Савинков. Путь он признавал только один: надо восстановить Боевую Организацию и на деле показать, что еще есть террористы, что еще возможен террор. Только таким путем, — говорил он, — будет смыто пятно, наложенное Азефом. На его призывы откликнулись многие, из рядов которых Савинков заботливо отобрал 12 человек для своего Отряда. Среди них был целый ряд людей, с большим революционным прошлым: М. А. Прокофьева, Климова, Слетов, Чернавский... Не было ни одного, у кого за плечами не стояло бы тюрьмы, ссылки, каторги; многие уже раньше принимали участие в боевой работе. В их походе было что-то, что заставляло вспоминать известную картину: «Последняя атака наполеоновской старой гвардии». Как и там, здесь шла в борьбу не зеленая, необстре-

лянная молодежь. Все были людьми, — если не поседевшими в боях, то во всяком случае уже выдавшими смерть, уже смотревшими ей в глаза. Казалось, им и теперь смерть не может быть страшна, — что они, как старая наполеоновская гвардия, могут или умереть, или победить, — но никогда не свернут с намеченного пути, никогда не остановят коней, пушенных в последний бег...

На деле вышло совсем иное: последняя атака кончилась хуже, чем ничем.

Здесь важно не только то, что среди отборных двенадцати целых трое оказались предателями, — которые или состояли уже на службе в полиции, или поступили на нее во время своей работы в Отряде. И это в то время, когда в старой Боевой Организации не было ни одного предателя, — конечно, кроме самого Азефа. Быть может, более симптоматичным было то, что и у самого Савинкова, — автора идеи этого последнего похода, — не нашлось силы пойти на риск своей головой: он бесцельно метался по загранице, тратил большие суммы из партийных денег, но в Россию так и не поехал.

Для того, чтобы сознательно, не в минуту увлечения, а на основе глубоко продуманного представления о своих моральных обязанностях, идти на смерть, нужен огромный подъем душевной энергии, огромное напряжение нервов, выдерживать которые человек мог только при наличии большой и чистой веры. Измена Азефа внесла отраву в эту веру, убила ее чистоту. До предела натянутые струны не выдержали...

«Террор не Азефом начат, — не на Азефе он будет и покончен», — писал Чернов в одной из своих статей о деле Азефа, написанных в дни, когда Савинков создавал свою организацию для последнего похода. Историк, — увы, — принужден признать, что в этой горделивой фразе верна только первая половина: террор не Азефом был начат, — но именно на Азефе он был закончен. Годом или двумя позднее

этого похода Слетов, совершивший нелегальную поездку по России, рассказывал, что повсюду в партийных кругах он встретил по отношению к террору частью полное равнодушие, частью нехорошее предубеждение. «Получалось впечатление, — говорил он, — если бы партии удалось свалить самого царя, партийные люди прежде всего заподозрили бы тут провокацию»... В подобной обстановке террор, как система борьбы, — и политически, и психологически стал, конечно, невозможен.

ГЛАВА XX

Заслуженный предатель на покое

После побега из Парижа для Азефа началась совсем новая жизнь, — того типа, о котором он, повидимому, уже давно мечтал и к которому он во всяком случае давно уже систематически готовился.

В гостях у г-жи N, в ее провинциальном захолустье, он пробыл недолго: получил от Герасимова жалование за последний месяц своей полицейской службы, (в его «послужном списке» таковым значится декабрь 1908 г.: всего он состоял на службе 15 лет и 7 месяцев); получил какую-то, совсем небольшую, — сумму «ликвидационных», а также, — для него теперь это было самым важным, — несколько хороших заграничных паспортов... И затем отправился с г-жею N. в путешествие. Это было настоящее «свадебное путешествие», затянувшееся на много месяцев. Первую половину 1909 г. они всю провели на юге, — в Италии, Греции, Египте, бродили по развалинам Колизея, пожили на островах Эгейского моря, поднимались на Хеопсову пирамиду. Позднее, когда пришло жаркое лето, перекинулись на север и объехали Швецию, Норвегию, Данию... Средств при разъездах не жалели: ездили всегда первым классом, останавливались в лучших комнатах лучших отелей. Но по-долго нигде не засиживались: более продолжительными были остановки только в Люксо-ре, на виду

у пирамид, да в Вестерфельде, на Северном море. Неприятным было одно: Азеф очень боялся преследований. В это время все газеты были полны статьями о нем, всюду печатали его портреты, — и Азеф все время подозрительно смотрел по сторонам, опасаясь встреч с людьми, которые его знали. По приезде в каждое новое место он внимательно просматривал списки обитателей намеченного отеля и отказывался селиться в нем, если там были русские. Бывали случаи, когда после какой-нибудь встречи он возвращался домой встревоженным и отдавал распоряжение немедленно готовиться к отъезду. Часто меняли паспорта, и г-жа Н. вспоминает, что она тогда нередко забывала, как именно ее в данное время зовут.

Только к осени Азеф стал несколько более спокойным. Разъезды пора было кончать, — время было думать о прочном устройстве на длительное время. Местом своего пребывания он выбрал Берлин. Прописались по паспорту Александра Неймайера, купца, и его законной супруги. Паспорт этот принадлежал к числу присланных Герасимовым. Была снята большая квартира, в шесть комнат, в одном из лучших районов тогдашнего Берлина, в Вильмерсдорфе (в доме № 21 по Луитпольдштрассе). На обстановку не жалели денег. Купили хороший рояль, завели хрусталь, столовое серебро. Позднее все вещи Азефа были застрахованы в 20 тыс. марок, — себестоимость их была значительно большей. Обосновывались «в серьез и надолго».

В качестве профессии для себя Азеф избрал благородное ремесло игры на бирже. Оказывается, интерес к этому делу у него существовал и раньше, а в последние годы перед его разоблачением он уже покупал ценные бумаги. С 1911 года он внес свое имя в официальный регистр торговых фирм Берлина и выправил годовую карту для входа на биржу (в 1915 г. это была карта № 765). Дела вел довольно большие и позднее, уже из берлинской тюрьмы, не без гордости писал, что его имя было известно не

только в Берлине, но и на нью-иоркской, и лондонской биржах. Как велики были деньги, вложенные им в дела, точно установить не удастся, но во всяком случае они были не маленькие: весной 1913 г. он потерял около 14 тыс., — и это не нанесло ему заметного ущерба. Надо полагать, что общая сумма во всяком случае была не меньше 100 тыс. марок. А так как он около этого времени сделал и вклад на имя г-жи N. в размере 30 тыс. марок; на квартирную обстановку истратил не менее 25 тыс. марок; драгоценностей г-же N. одновременно купил по ее собственной оценке не меньше, чем на 50 тыс. марок; так как, затем, много съела жизнь «сплошного пикника» в 1908—09 г. г., — то общую сумму «сбережений», сделанных Азефом за годы его высокопочтенной работы, следует определить во всяком случае не меньше как в 200—250 тыс. марок.

Жизнь потекла размеренно, мирно, — настоящее «мирное житие», особенно подходящее для «великого провокатора», за тенью которого гонялись по всему миру.

Постоянный посетитель берлинской биржи, ведущий там солидную, — крупную, но осмотрительную, — игру Азеф сумел завязать довольно большие знакомства в соответствующих немецких кругах. Гостеприимный и хлебосольный хозяин, — эти чисто русские черты характера у Азефа, оказалось, имелись, — он любил принимать и угощать гостей, и это скоро сделало его популярным в той среде. Раз-два в неделю у него собирались гости, пили чай из русского самовара, а затем организовывали пульку, далеко не всегда «по-маленькой».

Он постарался несколько изменить свою внешность и отпустил небольшую мягкую бородку, которая действительно заметно смягчала выражение его лица. Всегда внимательно следил за своей внешностью и очень хорошо одевался. Шил много костюмов и все у лучших портных. Денег на себя вообще не жалел и постоянно говорил г-же N., что на их век денег у них

хватит и что поэтому они должны не думать о будущем, а заботиться только о том, чтобы жизнь шла более приятно. Каждое лето проводили в поездках, которые совершали то вместе, то порознь. Азеф любил лечиться. Ничего серьезного в это время у него не было: пошаливало сердце, не вполне правильно функционировали почки, имелась на лицо старая невратения, — но все эти болезни были в стадиях, ни в какой мере не опасных. Тем не менее Азеф бывал у лучших врачей и по их указаниям регулярно каждое лето проходил курс лечения на водах. Сверх того регулярно каждое лето бывали за границей, — на лучших курортах Франции и Бельгии: в Остенде, в Трувилле и т. д.

Эта жизнь вполне удовлетворяла Азефа. Новая обстановка пришлась ему как нельзя более по вкусу, — и он сам, в свою очередь, как нельзя лучше подходил для нее. С фотографий того времени он глядит спокойным и добродушным обывателем, и его тогдашние письма дышат мещанским благодушием. Читая их, с трудом можно представить, что автор их когда то писал доклады о «проблеме нравственности у Михайловского», участвовал в ответственных политических совещаниях, был членом международных социалистических конгрессов. Они выдержаны в духе того слащавого сентиментализма немецкого мещанина, который так режет ухо русского интеллигента.

К русскому языку в своих письмах Азеф не прибегает, — хотя г-жа N. в известных пределах им владела. Но порою с его пера срываются отдельные русские слова: это тогда, когда он хочет изругаться особенно грубо. В этих случаях в письме, среди сплошного немецкого текста, мелькают начертанные латинскими буквами те грязные выражения, хорошее знание которых г-жа N. вынесла из ее прежней жизни в России, — из общения с миром «Владимировичей» и их блестящего окружения. Порою необходимость употребления этих выражений ни в коем случае не вытекает из предыдущего текста писем. В

этих случаях нельзя отделаться от ощущения, что Азеф бросает их просто для того, чтобы «отвести душу», — просто потому, что употребление их ему вообще приятно: это бывает у людей, которым долго приходилось сдерживать свободное выявление той или иной стороны своего «я» и которые затем получили возможность освободиться от этих ограничений...

О круге духовных интересов Азефа по письмам судить трудно: слишком мало таких интересов было у г-жи N, чтобы Азеф полностью разворачивал перед нею эту сторону своего «я». Только время от времени делится он с нею своими соображениями о положении дел на бирже, обнаруживая наличие у него не плохого нюха биржевика. Да еще очень любопытны даваемые им описания различных шантанов и варьете, которые он постоянно посещает во время своих поездок. Г-жу N по ее прежней профессии эти учреждения, конечно, не могли не интересовать, — и Азеф пишет ей настоящие доклады на эти темы, обнаруживая при этом незаурядную эрудицию специалиста. Варьете венские он сравнивает с парижскими, берлинскими, петербургскими и др., входит в детали, в мелочи... Настоящие лекции по курсу сравнительного шантановедения, — наука, в знакомстве с которой Азеф, очевидно, свободно мог состязаться с г-жею N!

Как сильная страсть у Азефа выявляется любовь к азартным играм. Возможно, что этим путем он удовлетворял свою потребность в острых ощущениях и сглаживал разительность перехода от нервно-напряженного состояния всегда рискованной игры на два фронта к почти безмятежному житию полурантье, полу-биржевика. Во всяком случае в отставном провокаторе обнаружился азартный картежник. Не довольствуясь регулярными «пульками» в Берлине, он ведет большую и азартную игру во время своих летних поездок на курорты юга Франции. Играет он так, что порой остается без гроша в кармане и бывает вынужден по телеграфу просить о присылке

денег для того, чтобы покрыть счета и иметь возможность купить билет на обратную дорогу. Проигрыши воспринимает тяжело, но не столько из жалости к потерянным деньгами, сколько от огорчения, что у него нет «счастья». «У других, — писал он г-же N в одну из таких горьких минут, — бывает счастье, только у папочки никогда. Удивительно! Когда я сегодня держал банк, то его сорвали на втором круге».

Надо добавить, что итоговые результаты игры Азефа не оправдывают этого его самоуничижительного тона: правда, в 1911 г. он потерял целых 15 тыс. франков, но за то в 1912 г. выиграл 7, в 1913 г. — целых 13 тыс. франков. Таким образом в конечном итоге от игры в карты он не терял...

Сношений с политической полицией он не поддерживает, — да и не может поддерживать, так как с 1910 г. Департамент Полиции уже начинает понимать, что Азеф вел двойную игру, издает секретные циркуляры об его розыске и берет под бдительный надзор всех тех деятелей полицейского сыска, которые имели раньше сношения с Азефом. Все возможности для «реабилитации» в этом направлении перед Азефом были закрыты, но за то с этой стороны он ничего и не боялся: он понимал, что русское правительство тревожить его за границей не станет, террористического покушения против него не организует, требования о выдаче его для суда над ним не предъявит. Все это было бы связано с таким большим скандалом, что у правительства не могло быть никакой охоты становиться на подобный путь.

Прошлое беспокоило его своей другой стороной. В газетах время от времени вновь начинаются разговоры о нем, — и из них ясно, что революционеры не перестают его искать. Азеф превосходно понимал, что риск быть случайно обнаруженным для него существует постоянно.

Как мы теперь знаем, опасения Азефа были больше, чем основательны. Сведения о том, что Азеф жи-

вет в Берлине, дошли до революционных кругов. Под руководством К. Либкнехта здесь была даже создана небольшая группка из русских и немецких социал-демократов, которая вела систематические поиски и теперь ясно, что они были совсем близко от Азефа. Что ему грозило в случае обнаружения, тайны не составляло. Озлобление против него среди его бывших товарищей по партии было огромным, и «купцу» Александру Неймайеру несомненно не пришлось бы дальше пользоваться радостями мещанского благополучия.

В этой обстановке у Азефа неизбежно должны были возникать планы тем или иным путем получить для себя амнистию от революционеров. Он хорошо помнил предложение, сделанное ему Черновым во время последнего допроса: рассказать всю правду о своих сношениях с полицией и этой ценой спасти свою жизнь. Если бы удалось достичь соглашения на этом условии теперь, то для Азефа это было бы самым лучшим исходом. Полицейских секретов беречь он не собирался: *идейной* симпатии к полиции у него никогда не было, — а в данный момент говорить заставляли и соображения выгоды.

Руководствуясь этими соображениями, Азеф еще с 1910—11 г. г. начинает делать попытки войти в сношения с своими бывшими товарищами по партии. Своей первой жене он пишет о своей готовности явиться на партийный суд, рассказать ему всю правду и подчиниться любому решению его, — вплоть до смертного приговора. На эти свои письма он не получил ответа: с ним не хотели разговаривать. Но войти в сношения с революционерами и сообщить всему миру, что он порвал сношения с полицией, возможность для него все же представилась.

Это случилось в 1912 г. Июль этого года Азеф проводил в Нейенаре, под Наугеймом, где проходил курс лечения от острой неврастении и легких неполадков с сердцем.

Курорт и отели ему нравились, но с самого же начала он заметил большой недостаток: там было много русских. Из его писем видно, что он каждое утро с большой тревогой просматривал списки вновь приезжих, опасаясь неожиданно натолкнуться на какого-нибудь старого знакомого.

Опасение было небезосновательно: его узнали и его адрес был сообщен Бурцеву. Последний давно уже искал случая встретиться с разоблаченным Азефом, будучи уверен, что теперь Азеф расскажет ему не мало интересного для него, как для историка, а потому немедленно написал Азефу письмо с предложением встретиться. В этом письме Бурцев гарантировал, что ни о какой «засаде» с его стороны не может быть и речи, — что свидания он ищет исключительно, как историк, но довольно недвусмысленно предупреждал, что в случае неполучения быстрого согласия от Азефа на свидание, он, Бурцев, сможет сделать и другое употребление из ставшего ему известным настоящего адреса Азефа.

Это письмо не могло не испугать последнего. Он понимал правильность заявлений Бурцева, а потому поспешил ответить Бурцеву своим согласием: предложение встретиться, — писал он, — «совпадает с моим давнишним желанием установить правду в моем деле.» Он только откладывал свидание на одну неделю, которая ему необходима для устройства личных дел.

Этими «личными делами» была квартира берлинского купца А. Неймайера, по которой теперь легко было найти Азефа. Ее Азеф немедленно ликвидировал. Г-жа Н. была отправлена к матери, в провинцию, все вещи были упакованы и сданы на хранение в мебельное депо. На всякий случай Азеф написал и завещание, в силу которого все свое имущество он передавал г-же Н., якобы в возмещение своих долгов последней: как известно, в этом случае причитались меньшие наследственные пошлины, — Азеф и об этом не забыл.

Встреча с Бурцевым состоялась 15 августа 1912 г. во Франкфурте, в кафе Бристоль. В течении двух дней Азеф рассказывал о своем прошлом, пытаясь изобразить себя революционером, который сделал в молодости ошибку, вступив в сношения с полицией, а позднее не имел смелости покаяться в этом перед товарищами и составил план так использовать свои полицейские связи, чтобы извлекать из них выгоду для революционного движения. По его рассказу выходило, что он все время надеялся сделать свою деятельность настолько очевидно полезной для революции, чтобы иметь право признаться в своих сношениях с полицией. Именно с этой целью он и организовывал террористические акты. Но каждый раз его все останавливало сомнение: достаточно ли он искупил свою ошибку? Он надеялся, что ему удастся убить царя, тогда он рассказал бы всю правду. Но в этом ему помешал он, Бурцев:

«Если бы не Вы, — с упреком в голосе говорил Азеф, — я его убил бы...»

И сейчас Азеф пытался доказать, что объективно его деятельность все же приносила значительно больше выгод революции, чем полиции. Он с большой настойчивостью возвращался к этой теме, весьма картинно иллюстрируя свои рассуждения: держа маленькие ладони своих рук как чаши весов, он перечислял то, что дает перевес делу революции, и этому противопоставлял то из содеянного им, что выгодно было полиции.

«Ну, Вы сравните сами, — убеждающим голосом говорил он. — Что я сделал? Организовал убийство Плеве, убийство вел. кн. Сергея...», — и с каждым новым именем его правая рука опускалась все ниже и ниже, как чаша весов, на которую падают грузные гири... — «А что я дал им? Выдал Слетова, Ломова, ну еще Веденяпина....» — и называя эти имена, он не спускал, а наоборот, вздергивал кверху свою левую руку, наглядно иллюстрируя все ничтожество

полученного полицией по сравнению с тем, что имела от его деятельности революция.

У Бурцева не было желания спорить с Азефом. Он приехал не для ведения с ним дискуссий на тему о революционной этике. Но в ответ на эти рассуждения у него как то невольно вырвалось замечание:

«Но ведь дело не только в этом... Ведь вопрос имеет и принципиальное значение....»

И запнулся: Азеф смотрел на него такими большими удивленными глазами и в этих глазах так ясно светилось, казалось, искренне недоуменное непонимание, что пропадало всякое желание спорить...

Очень много Азеф говорил и о своих сношениях с полицией, давал характеристики всех тех представителей последней, с которыми ему приходилось встречаться. Только об одном из них он отзывался с оттенком некоторого уважения, — это о Герасимове. Но и тут он ставил себе в заслугу, что ему удалось так обойти Герасимова, что последний, — в этом Азеф был убежден, — и до сих пор ему полностью доверяет: как мы теперь знаем, Герасимов действительно продолжал доверять Азефу даже много позднее... О всех остальных представителях полицейского мира Азеф говорил с нескрываемым презрением и пренебрежением, как о полных бездарностях, которых ему ничего не стоило обводить вокруг своего пальца. Он даже делал вид обиженного самой возможностью допустить, что он хоть на один момент мог быть внутренне с ними, — и наоборот, много говорил о своей искренней симпатии к целому ряду из своих коллег по Боевой Организации...

Особенно настойчиво Азеф старался доказать, что уже давно не поддерживает никаких связей с полицией, что все сообщения об этих сношениях, которые со ссылками на Бурцева время от времени мелькали в русской и иностранной прессе, совершенно не соответствуют действительности, и что предположения о том, что он может продолжать вредить революционерам не имеют никакой под собой почвы: у него нет

ни возможности это делать, ни желания.... Наоборот, он был бы рад, если бы своим рассказом о связях с представителями полицейского мира мог оказать последнюю услугу революционному движению, а потому просил Бурцева взять на себя инициативу по организации суда над ним, особенно настаивая на том, чтобы об этом суде немедленно же было опубликовано в газетах, — не только русских, но и французских и немецких.

Бурцев уезжал с не вполне определенным впечатлением. Он поверил, что Азеф «действительно хочет суда над собой своих старых товарищей», но для него было неясно, какие мотивы толкают Азефа на этот шаг. Чувствовал Бурцев и некоторую недоговоренность в рассказах Азефа. Тем с большей настойчивостью он подчеркивал необходимость организовать суд и подробно обо всем допросить Азефа, — а не убивать его без каких бы то ни было разговоров с ним, как бешенную собаку, которую убивают везде, где только встретят: именно такое настроение в отношении к Азефу было в это время среди эмигрантов-социалистов-революционеров. В этом духе Бурцев написал свой рассказ о встрече с Азефом, — рассказ, который был перепечатан в газетах всего мира.

Проект суда потерпел крушение: «старые товарищи» Азефа психологически не могли встретиться с ним, — хотя бы как с подсудимым, — и отказались от каких-бы то ни было разговоров на эту тему. Поэтому мы никогда не узнаем, как поступил бы Азеф, если бы предложенный суд был учрежден и если бы он вынес ему смертный приговор. Зная Азефа, приходится больше чем сомневаться, что он подчинился бы ему и покончил бы свою жизнь самоубийством, как он это обещал в своих заявлениях. Но в одном он от беседы с Бурцевым был в выигрыше: Бурцев поверил, что Азеф больше не имеет никаких сношений с полицией, — а вслед за Бурцевым этому поверил и весь мир. В результате, настойчивость, с которой

революционеры вели поиски Азефа, не могла не ослабеть. А для последнего это было самым главным.

Бурцев дал Азефу обещание, что не использует свидания в целях наведения социалистов-революционеров на его следы. Последний верил этому обещанию. Но... береженого бог бережет. А потому свои меры для охранения безопасности он принял. Из Франкфурта он метнулся в Довиль, чтобы «освежиться» за зеленым столом последнего. Игра на этот раз была особенно азартна: Азеф спустил все свои деньги и уже послал г-же N. телеграмму о высылке тысячи франков на расходы. Но в последнюю минуту счастье повернулось к нему лицом, — и он уехал с выигрышем. Из Довиля Азеф вернулся в Германию, — но не в Берлин: ездил по Рейну и Мозелю, жил в санатории в Вильдунген, был в гостях у матери г-жи N. Кризис на Балканах заставил Азефа в интересах биржевых дел вернуться в Берлин, но жил он здесь в отелях, на холостую ногу и по другим паспортам... Только к осени 1913 г. он рискнул вновь обосноваться более прочно.

Более жестокие испытания несла Азефу война. Он имел неосторожность если не все, то большую часть своих денег держать в русских бумагах, а потому объявление войны и последовавшее запрещение котировать русские бумаги на берлинской бирже было для него настоящей финансовой катастрофой. Он потерял почти все. Не на что было существовать, и на смену жизни «сплошного пикника» шли думы о хлебе насущном.

Азеф сделал попытку бороться. Собрав, что было можно из остатков, а также продав часть драгоценностей г-жи N., он открыл на имя последней модную и корсетную мастерскую. Азеф мобилизовал все свои практические способности и фактически вел всю коммерческую сторону дела. Даже позднее, уже из тюрьмы, он старался руководить в этом отношении г-жею N., давая указания, что и сколько покупать и пр. Курьезно читать в его тюремных письмах почти фило-

софские рассуждения о том, что следует увеличивать число корсетов малых размеров, ибо война грозит затянуться, и дамы, сидя на тощей диете, будут все больше и больше худеть. Во всяком случае мастерская пошла и давала возможность существовать.

Но удар августа 1914 г. был только прелюдией к удару июня 1915 г.

Г-жа N вспоминает, что вернувшись как то летом, «на второй год войны», Азеф пенял на себя за то, что нелегкая его дернула зайти в какое-то кафе на Фридрихштрассе, где он столкнулся с кем-то, кто знал его как Азефа. Азеф был прямо подавлен:

— Он узнал меня и теперь будет плохо....

Весь вечер сидел и разбирал свои бумаги. Многое жег.

Опасения оправдались. На следующий день, вспоминает г-жа N, — из документов мы знаем, что это было 12 июня 1915 г., — они возвращались вместе из города: жили они в это время в районе Гогенцоллерндамм. Едва они поднялись из вокзала подземной дороги, как и ним подошел какой то прилично одетый господин и предупредительно отогнул борт своего пиджака: там висел маленький бронзовый жетон уголовной полиции... Лишних слов сказано не было. Азеф покорно пошел за ним следом. Для него начались тюремные мытарства, — первые в его жизни.

Условия заключения были нележки. Он сидел при полицей-президиуме, в строгом одиночном заключении, в сырой холодной камере. До конца октября 1915 г. не было света. Потом дали газовую лампу, — но разрешали пользоваться только до 8 час. вечера. Свиданий не давали. С воли приходили тяжелые известия: рушились остатки материального существования, наседали кредиторы, должники отказывались платить.

Угнетающе действовала и полная неизвестность. В начале еще жила надежда на быстрое освобождение, но время шло, лето сменилось осенью, началась зима, а никакого движения дело не получало. Азеф бом-

бардировал полицию своими заявлениями. Полагая, что его арестовали в связи с его прежней полицейской службой, он настойчиво доказывал, что уже давно порвал всякие сношения с русской полицией. 22 ноября 1915 г. «в полном отчаянии» он подал заявление на имя самого полицей-президента с просьбой «рассмотреть его дело и за полной невиновностью освободить.» Из ответа на это прошение, переданного ему устно полицейским советником Рербергом, Азеф к большому своему недоумению узнал, что в тюрьме его держат не как агента русского правительства, а как опасного революционера, анархиста и террориста, который на основании международных полицейских конвенций подлежит по окончании войны выдаче России.

Против этого обвинения Азеф восстал со всей энергией оскорбленной невинности. Сначала в устных объяснениях, затем в обстоятельной записке он доказывал, что всегда был только верным агентом правительства, действовавшим под контролем своего полицейского начальства, и что сам Столыпин выдал ему аттестацию о безупречной полицейской службе. Эти оправдания не убедили полицей-президиума, который еще в конце 1916 г., в справке об Азефе, выданной испанскому консульству, назвал его «без сомнения анархистом и при этом приверженцем террористического направления». Но облегчения условий тюремного содержания Азефу все же добиться удалось. Одно время стоял вопрос о переводе его в лагеря гражданских пленных, но от этого перевода Азеф в конце концов сам отказался: он просил, чтобы его поместили в лагерь таких пленных не русской национальности; полиция объявила это абсолютно исключенным, заявила, что он может быть переведен только в русский лагерь, где будет содержаться обязательно под его настоящей фамилией, и что в этом случае администрация лагеря не берет на себя ограждать его от возможных оскорблений со стороны других заключенных. Эта перспектива была настолько мало утешительна, что Азеф предпочел остаться в тюрьме,

выдав при этом расписку, что делает это по своей доброй воле. За то в тюрьме он получил ряд льгот. Ему были разрешены свидания, чтение газет, его ежедневно отпускали в город на два часа, — для прогулок, покупок и пр.

Это было лучшее время его тюремного заключения, но тянулось оно очень недолго. Вскоре Азеф захворал и был переведен в больницу при моабитской тюрьме. Здесь Азефа содержали в строгом одиночном заключении, все время на запоре. О двух-часовых прогулках по городу не могло быть и речи. «Почти по неделям ни с кем не могу перемолвиться словом», — жаловался Азеф и готов был перевестись в лагерь гражданских пленных, — даже на тех условиях, которые ставил полицией-президиум. Но теперь ему в этом было отказано, — со ссылкой на его собственную подписку, выданную за несколько месяцев перед тем, и Азефу до конца 1917 г., когда он был освобожден, пришлось жить в тюремной больнице.

Все это влияло на настроение Азефа, изменения которого можно проследить по его многочисленным письмам к г-же N. Он, конечно, все время взволнован и угнетен, но в начале еще имеет силы играть определенную роль: рисовать себя в определенном свете, ставить себе определенные цели в области воздействия на своих читателей. Таковых было два: г-жа N. и тот чиновник полицей-президиума, который вел дело Азефа и который по долгу службы перечитывал все его письма. Оба эти читателя представляли для Азефа большой интерес и их обоих он имеет в виду при писании своих писем.

В начале его больше всего беспокоила г-жа N. Ее письма к нему были полны горьких жалоб на судьбу. Она совсем не привыкла к подобным испытаниям, и очень похоже, что первое время Азеф сильно опасался, как бы она не бросила его: ведь давать ей он теперь уже ничего не мог, — наоборот, жили они на средства, вырученные от продажи ее драгоценностей. Для Азефа же удержать ее было делом в высшей

степени важным: помимо того, что он был к ней по своему искренне привязан, она была ведь действительно единственным человеком, который у него оставался в мире. Поэтому первая забота, которая сквозит из его ранних тюремных писем, — это забота об удержании г-жи N. В каждом письме он долбит ей о своей к ней любви и о том, как тревожит его ее положение. С заботливым вниманием он относится ко всем мелочам, которые имеют отношение к ней, дает советы, указания, учит ее житейской мудрости.

Так как ничего конкретного для помощи ей он предложить не может, то он учит ее христианскому терпению. Его письма в это время пестрят «богом». «Бог даст», «с божьей помощью» и т. п. выражения встречаются почти на каждом шагу. И это не простое употребление привычного слова, в каком-то смысле «бог» встречается изредка и в его более ранних письмах. Нет, теперь «бог» в письмах Азефа неотъемлемая часть его обширных рассуждений в духе христианского смиренномудрия. Себя он рисует верующим человеком, который со смирением принимает обрушившееся на его голову несчастье, — почти современным Иовом на гноище, — и готов благодарить бога, который несчастьями просветил и очистил его душу.

Но эту роль Азеф выдерживает только первое время: до тех пор, пока у него были опасения относительно г-жи N. и пока не был вырешен вопрос об его судьбе в полицей-президиуме. Позднее шелуха показного благочестия и показной преувеличенной заботливости о г-же N. спадает. Все чаще он думает только о себе, о своих болезнях и бедах, порою совершенно забывая о том, как тяжело приходится ей. Он принимает как должное, когда позднее она уступает ему те немногие золотники масла и сыра, которые в те годы выдавались в Берлине по карточкам, — а сама ходит обедать в народные столовые. Из его писем исчезают почти совершенно все рассуждения на душеспасительные темы. О «блаженстве приближения к богу» путем страданий он теперь уже не говорит.

Одинокое заключение он расценивает проще и эти более простые оценки звучат много более убедительными, много более искренними, чем рассуждения прежнего типа. «Вот уже два года, — с большим порывом срывается у него в одной записке без даты, переданной им г-же N нелегально, минуя контроль начальства, — как я без тебя... Это настоящее свинство!» Так пишет он, когда его не сдерживает мысль о читателе-цензоре, — мысль, которая обычно сильно влияет на его высказывания.

Но за то тем сильнее он преувеличивает значение испытаний, выпавших на его долю. Он глубоко убежден, что «среди всех пострадавших от войны» его постигла «самая тяжелая участь»: другие хотя бы знают, за что они борются и гибнут; он-же страдает неизвестно за что, без вины, без основания. «Меня постигло несчастье, — не без скромности пишет он, — величайшее несчастье, которое может постигнуть невинного человека и которое можно сравнить только с несчастьем Дрейфуса».

Эгоист, грубый эгоист все полнее проступает в его письмах, и только редко в них звучат прежние ноты показного смирения и долготерпения.

Освобождение из тюрьмы Азефу принесло только перемирие, заключенное немедленно же после октябрьской революции. На основании заключенного в декабре 1917 г. соглашения относительно обмена гражданскими пленными, незадолго до Рождества 1917 г., он был освобожден из тюрьмы. Г-жа N рассказывает, что выйдя на свободу, Азеф рвал и метал против немецких властей, которые «без вины» продержали его в тюрьме 2^{1/2} года, и мечтал только об одном: о том, чтобы как можно скорее уехать в Швейцарию. Но выехать было нелегко. Мир, — или вернее перемирие, — был заключен только на востоке. На западе все строгости оставались в полной силе. К тому же и материальное положение было в высшей степени тяжелым. Приходилось думать о заработке, и Азеф, как сообщает г-жа N., устроился на службу

по вольному найму в один из отделов германского министерства иностранных дел. Какие пути его туда привели и какую именно работу он там выполнял, установить до сих пор не удалось...

Свободно по улицам Берлина Азефу ходить пришлось не долго. Тюрьма серьезно подорвала его здоровье, и он с самого начала постоянно прихварывал. В середине апреля у него обострилась болезнь почек и он слег в больницу. Уже 17-го апреля он писал г-же N., что плохо себя чувствует, а потому с трудом может писать даже небольшие записки. Ухудшение шло быстро, и 24-го апреля 1918 г. в 4 часа пополудни он умер.

Похороны состоялись 26-го апреля на кладбище в Вильмерсдорфе. Место на кладбище было куплено второго класса, — за 51 марку 50 пф. Похороны были совершены тоже по второму классу: по счету похоронного бюро было уплачено 767 мар. 50 пф. (дубовый гроб со старыми медными скобами — 500 мар., похоронные дроги II-го класса — 45 мар. и т. д.). За гробом шла одна г-жа N. . .

Автор этих строк заглянул на кладбище. Могила Азефа приютилась там у одной из боковых дорожек, почти на границе второго и третьего класса. Длинные ряды могил. На каждой памятник, — обычно, правда очень скромный. На каждой же и табличка: здесь лежит такой-то, родившийся тогда то и умерший тогда-то. «Упокой господи его душу!» Иногда даже указано, какое положение занимал умерший в жизни... Только на могиле Азефа ни таблички, ни памятника. Она не заброшена: обнесена железной оградой, обсажена зеленью, — цветы, куст шиповника в цвету, две маленьких туи... Видна заботливая рука. Г-жа N. не забыла Азефа. О нем она вспоминает с большой любовью и, по ее словам, часто ходит на его могилу. Но на последней нет никакой надписи, — только кладбищенский паспорт: дощечка с номером

места: 446. Г-жа N., с которой вместе автор этих строк был весной 1925 г. на этом кладбище, пояснила, почему она сознательно решила не делать никакой надписи:

— Знаете, здесь сейчас так много русских, часто ходят и сюда... Вот видите, рядом тоже русские лежат. Кто-нибудь прочтет, вспомнит старое, — могут выйти неприятности... Лучше не надо...

Трудно спорить: так действительно лучше...

СОДЕРЖАНИЕ:

От автора .	5
1. Разговор в поезде	11
2. На заре «туманной юности»	30
3. На пути к большому плаванию	39
4. Основание партии социалистов-революционеров	49
5. Азеф и Боевая Организация при Гершуни	58
6. Охота за Плеве	73
7. Большой поход Боевой Организации	98
8. Два предателя	124
9. В дни революционных битв	148
10. Измена Гапона	160
11. Примирение Азефа с Департаментом Полиции	174
12. Герасимов и Столыпин — новые полицейские руководители Азефа .	194
13. Большой поход Азефа-Герасимова-Столыпина против Боевой Организации	213
14. Террор без Азефа	243
15. Дело о «заговоре против царя»	256
16. Восстановление Боевой Организации	272
17. Летучий Боевой Отряд «Карла» и его гибель	286
18. Последняя игра Азефа	303
19. Разоблачение	333
20. Заслуженный предатель на покое .	355

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «РУССИКА»

- ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ.** Рука. (*Повествование палача*). 400 стр. \$16.50.
- АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО.** Три книги: «Нечистая сила». «Дети». «Пантеон советов молодым людям». 1921—24./*Переиздание*. 303 стр. \$7.95.
- МИХАИЛ БУЛГАКОВ.** Дьяволиада. М., 1925./*Переиздание*. Новая красочная обложка и рисунок А. Крынского. 160 стр. \$5.95.
- МИХАИЛ КУЗМИН.** Сети. Первая книга стихов. Берлин, 1923. *Переиздание*. Обложка по оригинальному рисунку Н. Альтмана. 208 стр. \$5.95.
- МИХАИЛ КУЗМИН.** Нездешние вечера. Стихи 1914—1920. Петербург, 1921./*Переиздание*. Обложка — по оригинальному рисунку М. Добужинского. 136 стр. \$5.95.
- НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ РУССКАЯ ЧАСТУШКА.** Подготовка текста В. Кабронского. Предисловие проф. В. Раскина. 220 стр. \$6.95.
- БОРИС НИКОЛАЕВСКИЙ.** История одного предателя. Террористы и политическая полиция. Берлин, 1932 г./*Переиздание*. 374 стр. \$12.00.
- РУССКАЯ ЛИРИКА.** Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Сост. Кн. Д. Святополк-Мирский. Париж, 1924./*Переиздание*. С новым предисловием проф. Глеба Струве. XIII, 211 стр. \$6.95.
- ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ.** Собрание стихов. Париж, 1927. /*Переиздание*. 184 стр. \$5.95.
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Избранная проза в двух томах. Предисловие И. Бродского. 2 тома, 835 стр. \$30.00.
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА.** Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 1. Иосиф Бродский. Об одном стихотворении. (Вместо предисловия). Виктория Швейцер. «Своими путями». (Биографический очерк). «Вечерний альбом». «Волшебный фонарь». «Юношеские стихи». «Версты 1». (1916). Стихи, не вошедшие в сборники. 380 стр. \$20.00.

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ:

- НИНА БЕРБЕРОВА.** Курсив мой. Издание второе, исправленное и дополненное. С предисловием автора.
- ЗИНОВИЙ ЗИНИК.** Перемещенное лицо. Роман.
- АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ.** Россия в письменах./*Переиздание*. С предисловием д-ра Ольги Раевской-Хьюз.
- ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ.** Крыса. Подготовка текста и комментарий д-ра Рональда Врууна.

МАГАЗИН «РУССИКА» ПРЕДЛАГАЕТ:

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО. Перед восходом солнца. Под ред. и со вступ. статьей Веры фон Вирен. Нью Йорк, 1973. 315 стр. \$6.95.

ИНДИЙСКИЕ ТРАКТАТЫ О ЛЮБВИ. Нью Йорк, 1977, 133 стр. \$4.00.

НИКОЛАЙ КАТЕНЕВ. Костя Попандопуло и я. Нью Йорк, 1977, 325 стр. \$6.95.

ЭДУАРД ЛИМОНОВ. Это я — Эдичка. 1979, 281 стр. \$9.50.

АНАТОЛИЙ ЯКОБСОН. Конец трагедии. Нью Йорк, 1973. \$6.50.

Заказы направлять по адресу:

**RUSSICA BOOK & ART SHOP, INC.
799 Broadway
New York, N. Y. 10003
U.S.A.**

Просьба добавлять \$1.00 за первый и 50¢ за каждый следующий том на почтовые расходы и упаковку.

0-89830-026-6